

Александр Булахов

Молчание

INFECTED
ZONE

Четыре врача — Магамединов, Николаев, Весюткина и Круглова — в своей больнице сталкиваются со странными необъяснимыми явлениями, и попадают в поток быстроразвивающихся событий. Они пытаются разгадать природу всего происходящего, его сущность, для того, чтобы остановить негативное влияние этих странных явлений и выжить. Всё начинается с того, что в нескольких палатах больницы становится очень холодно, на стенах в этих палатах появляются странные ледяные образования (размером с ладошку). Эти образования медленно разрастаются с неприятным скрежетом и треском и тем самым пугают больных.

ГЛАВА 1. Странный старик

Весеннее солнышко приветливо пробежалось лучиками по оконному стеклу и осветило рабочий ежедневник заведующего терапевтическим отделением Максима Викторовича Магамединова.

Максим Викторович допил кофе и поставил пустой стакан на стол. Он потянулся огромной лапшей к рабочему телефону, собираясь позвонить жене и спросить, как она добралась на работу. Несмотря на то, что его брак с Катериной длился уже почти двадцать лет, чувства к любимой и единственной жене у него не остыли. Он звонил ей каждое утро, сразу после того, как выпивал кружку кофе, и приступал к работе только тогда, когда был точно уверен, что она добралась на работу и что с ней все в порядке. За пару минут утреннего телефонного разговора он раз пять, а то и больше, ухитрялся повторить ей, что очень любит.

В дверь его кабинета кто-то трижды постучал. Максим Викторович отпрянул от телефона, словно его могли застукать с поличным на месте преступления. — Войдите! — гаркнул он.

В кабинет несмело вошла пожилая женщина. Беспорядочные седые пряди волос свисали на ее лоб. Она поправила их слабой дряблой рукой и заговорила:

— Здравствуйте, Максим Викторович. Просьба у меня к вам... Вы уж выпишите меня сегодня, а? Очень вас прошу.

— И куда вы торопитесь? Куда спешите, Мария Ивановна? — улыбаясь, спросил Магамединов. — Давление у вас высоковато, моя хорошая. Сто девяносто на сто десять — это не шутки. Еще надо недельку полежать под присмотром врачей.

— По дому соскучилась — страсть. Да и холодно у вас тут чисто в погребе. Зябко...

— Шутите что ли? — удивился заведующий терапевтическим отделением — У нас топят так, что я готов до рубашки раздеться.

— Это у вас. А у нас в палате холод нестерпимый. Я вон и кофту одела, и одеялом накрылась, и все одно...

Максим Викторович протянул женщине градусник и ласково, но твердо сказал:

— Идите, моя хорошая, в свою палату. Измерьте пока температуру. А я минут через десять к вам загляну, и мы обо всем с вами поговорим.

Мария Ивановна послушно взяла градусник и тихо удалилась. Магамединов снял трубку телефонного аппарата и после первого длинного гудка нажал кнопку с цифрой «четыре».

— Аллочка, — обратился он к старшей медсестре. — Измерь давление у Сарнацкой и вколи ей успокаивающее. Потом передай всем, что собрание сегодня переносится на десять часов утра.

Максим Викторович переключился на городской и дождался, пока его жена поднимет трубку.

— Катя, как доехала?.. Все нормально?

— Ну, раз с тобой разговариваю, значит все тип-топ.

— Слава Богу, а то я что-то разволновался.

Катя не выдержала и звонко засмеялась:

— А ты каждый день в одно и то же время волнуешься, дорогой. Слушай, это у нас семейная традиция уже. Семнадцать лет живем — и каждое утро ты волнуешься. Вот, что я

тебе скажу: это любовь, Максимушка. Между прочим, я тоже волнуюсь регулярно, когда ты по вечерам в своей больнице задерживаешься.

— Ну, пожужжи, пожужжи, еще немножко, — заулыбался в трубку Магамединов. — Так приятно слышать твой голос. На что Катя ему сразу же ответила:

— Приходи сегодня пораньше, пожужжим вместе.

Где-то в середине разговора дверь в его кабинет без стука открыла Елена Степановна Круглова. Маленькое помещение заполонил приятный запах духов и дорогой косметики. Она прошла мимо заведующего терапевтическим отделением, села на диван и включила электрочайник.

«Вот же, террористка, — пронеслась мысль в голове Магамединова. — Ну, как на это все реагировать? Ущипнуть за задницу или сделать строгий выговор?» Только утро началось, а у него мысли теперь будут только об одном.

— Ну, все, любимая, до встречи! Мне пора руководить. Целую! — попрощался с женой Максим Викторович и положил трубку.

— Привет! — произнесла симпатичная женщина лет тридцати с хвостиком, положив ногу на ногу. — Я чаю попою и пойду работать.

— Попей, — медленно протянул заведующий и уставился на открытые колени Кругловой.

— Максим, у тебя с женой давно секс был?

— А? — резко покосившись в сторону, опомнился Магамединов. — Сегодня утром.

— Не вериться что-то.

— Прости. Сколько работаю в больнице, столько и ловлю себя на мысли, что женщины в белых халатах — это лучшее средство от импотенции.

— И это говорит муж моей сестры. А ты не боишься, что я тебя Катюшке сдам?

— Не боюсь я тебя, Ленка. Если б хотела сдать, то давно бы сдала. Вот скажи, родственница, с кем мне тут еще поговорить, как не с тобой, а?

Закипела вода. Круглова насыпала в кружку заварку и залила кипятком.

— Да, тяжелый случай! Может даже неизлечимый. Ну, да ладно, проехали. Слышала, Шарецкий на твое место метит.

— Знаю. После того, как главврач его на последнем банкете похвалил, он из кожи вон лезет, показывает свой ум да хватку.

— Тебя это не пугает?

— Не пугает. Ума у него маловато, а амбиций много. Я таких не боялся и не боюсь. Пустышки они.

Круглова взяла кружку чая и сделала несколько маленьких глотков.

— А если главврач так не думает?

Магамединов встал, обошел стол, присел на его краешек и наклонился к Кругловой.

— Лена, сама подумай. Хлебников, может, от чудес медицины и далек, но мужик он толковый. Людей насквозь видит, знает, кто на что способен. Меня больше Беленький беспокоит. Чувствую, наломает он дров со своими экспериментами. Евгеника настоящая. Уволить бы его пока не поздно.

— Глупо верить слухам. Инга наплела эту чушь, а ты все никак успокоиться не можешь.

— Дай мне время, выведу его на чистую воду. Я Инге доверяю как себе. Мы с ней вместе учились и вместе подвиги трудовые начинали. Не станет она мелко шкодить и тень на плетень наводить, даже с досады.

— Бабник ты не исправимый. Все бабы у тебя: молодцы и красавицы, — шутливо поддела мужа своей сестры Елена Степановна и допила последние капли чая.

— А ты первая, Леноч, что скажешь, вру?

— Нет, это как раз чистая правда, родственничек, — польщенно засмеялась Круглова, помыла свою кружку и заодно стакан из-под кофе. — Говорят, собрание в десять.

— Да, в десять. Не опаздывай.

Максим Викторович, как и обещал, заглянул в шестнадцатую палату к Марии Ивановне Сарнацкой. В палате, кроме нее, лежало еще пять страдальцев, которые так же просились домой, но заведующий отделением не спешил никого из них выписывать, имея на это свои веские причины.

Визуально палату можно было разделить на две стороны. В каждой стороне у стенки стояло по три кровати. В правой стороне — на одной из кроватей сидела красивая девушка Вика и ела сочное яблоко. На второй лежала Сарнацкая и читала газету. На третьей кровати — у самого окна — расположилась Василиса, женщина лет сорока пяти, она не отрывала взгляда от своего зеркальца, стоящего на тумбочке и старательно расчёсывала свои непослушные волосы.

В левой стороне на одной из кроватей спала Макаровна, от которой исходила ужасная вонь, перемешанная со свежим перегаром. Кровать посередине была заправлена и ждала нового больного. А на третьей кровати, что находилась у окна, сидела Чеславовна — старушка «божий одуванчик», которая практически всегда говорила ласковым голосом, но иногда забывалась и внезапно превращалась в свирепого монстра, хорошо знающего матерный язык.

Магамединов остановился в центре палаты и обвел женщин своим суровым взглядом. Ему не понравилось то, что в палате ощущался перегар. Посмотрев серьезным и злым взглядом на Макаровну, он мысленно приказал себе не заводиться. Дура, полгода назад перенесла такую сложную операцию на сердце, практически с того света ее достали, а она этого совершенно не ценит. Ведь судьба дала второй шанс, почему бы не задуматься об этом?

— Доброе утро, дорогие мои, — громко произнес он и почувствовал, как его лицо наливается злой краской.

Женщины смущенно заулыбались.

— Доброе утро, Максим Викторович, — ответили они хором.

— Ох, не любите вы нас, Максим Викторович, — сладким голосом пропела Василиса.

— Это почему же? — удивился заведующий отделением.

Василиса, прежде чем ответить, демонстративно закуталась в одеяло.

— Да сами глядите, в каком холоде мы живем.

В палате действительно царил жуткий холод. Заведующий терапевтическим отделением подошел к батарее и дотронулся до нее рукой: она грела исправно и даже чуточку обожгла его ладонь. В чем же дело? Зиму пережили, и никто не жаловался на холод. Он посмотрел на окна: они еще были утеплены.

— Странно. Ничего не понимаю. Батареи горячие, а в палате холодно. Так разве бывает? — с надеждой, что ему кто-нибудь объяснит причину, спросил Максим Викторович.

— Это вы у нас спрашиваете? — удивилась Василиса.

— Я сегодня же во всем разберусь, — заверил ее Магамединов. — Действительно, непорядок.

Магамединов подвинул стул к кровати Марии Ивановны. Сарнацкая сразу же отложила в сторонку газету и попыталась приподняться.

— Мария Ивановна, лежите, не вставайте, — успокоил ее Максим Викторович. — Посмотрел вашу карту, и вот, что вам скажу, моя хорошая. Надо бы вам еще полежать.

— Нет-нет! — запротестовала женщина.

— Да-да, не спорьте. Никак ваше давление не хочет сбиваться. Проведем-ка мы еще одно обследование, полечимся, вы, главное сохраняйте спокойствие. Никаких стрессов. Они вам противопоказаны. Договорились?

— Да, что тут выяснять, доктор, что тут обследовать? — не сдавалась Мария Ивановна. — Уж не девочка... Возраст берет свое... А может, я все же дома долечусь, а? Дома, говорят, и родные стены помогают.

— Не спешите, Мария Ивановна, с такими умозаклечениями. В ваши семнадцать с половиной лет рано еще записываться в старушки, — стал убеждать Магамединов больную.

Сарнацкая польщенно засмеялась.

— Нет, тут, думаю, не в возрасте дело, — стоял на своем Максим Викторович. — Я предполагаю, что у вас камушек двинулся. Давайте-ка мы с вами УЗИ почек сделаем, а там видно будет.

Магамединов убедил Сарнацкую полежать в больнице еще недельку, и вышел из палаты. Вернувшись к себе в кабинет, он позвонил в мастерскую:

— Николаич, это Магамединов говорит. Пришли мне человечка своего. Дело у меня к нему есть.

— Рыжов к тебе через полчаса поднимется. Устроит? — спросил начальник мастерской.

— Давай тогда уж лучше через час. А то у меня собрание.

— Как скажешь, шеф. Через час, так через час.

— Ну, все тогда, Николаич, не хворай! Созвонимся еще, — произнес Максим Викторович и положил трубку.

Дверь кабинета задрожала от трёх сильных ударов. Так всегда, прежде чем войти, стучал Погодин Петр Алексеевич.

— Входи, Погодин! И чего тебе, дурню, с утра от меня надо?

Петр Алексеевич — завхоз терапевтического отделения, главный над подушками, одеялами, простынями и прочими материальными ценностями, без которых в больнице никак нельзя — закрыл за собой двери, плюхнулся на диван и включил чайник.

— Скажи мне, о великий завхоз, чем ты стучишь в двери: головой или ногами? — поинтересовался Магамединов.

Погодин улыбнулся ослепительной улыбкой, показав два золотых зуба:

— Что с вами, Максим Викторович? Мучают слуховые галлюцинации? Я, вообще-то, вошел без стука.

Погодин взял в руки банку с растворимым кофе и насыпал, не жалея, две чайных ложки с горочкой в кружку Елены Степановны.

— А покрепче ничего нету? — шутливо спросил он.

Покрепче ему, ага. Магамединов знал, что даже «шутка эта» в форме шутки — и та может плохо закончиться. Пройденный вариант. Нет уж, батюшка, тебе только молоко можно, и то не закисшее.

— Петр Алексеевич, ты по делу или как? — сразу поменял тему заведующий

терапевтическим отделением.

Петр Алексеевич Погодин был такой же высокий, как и Магамединов, если не выше. Но в отличие от сильного и упитанного Максима Викторовича, он представлял собой скелет, обтянутый кожей: щёки впалые, длинный острый подбородок, темные круги под глазами, сильно выделяющиеся вперед кости ключицы, пальцы не толще обычной шариковой ручки — типичный Кощей Бессмертный.

Погодин залил кипятком в кружку.

— Или как. Послушай, я придумал новую историю. Думаю, Стивен Кинг обзавидуется, — произнес Погодин свою банальную фразу, которой всех в больнице уже достал. Стоит объяснить, что Петр Алексеевич считал себя великим мастером жанра ужасов и, не стесняясь, говорил всем, что пишет книги-страшилки, после прочтения которых заснуть невозможно.

— О, великий и ужасный, — притворно взвыл Магамединов. — Снова ты выбрал е слушатели именно меня? И за что на этот раз мне такое счастье привалило?!

— Ты единственный, кто от меня еще не убегает, — улыбнулся завхоз.

— Погоди, я включу диктофон, потом детям своим буду давать слушать на ночь... А то мои сказки в последнее время не пользуются у них популярностью, — произнес Магамединов и открыл верхний ящик стола.

— А ты им меньше про аппендэктомию и прободение желудка рассказывай, — усмехнулся Погодин. — Тоже мне Шарль Перро со скальпелем.

Магамединов достал из ящика стола небольшой диктофон и нажал на нём кнопку.

— Валяй, рассказывай!!! — поторопил завхоза Максим Викторович. — Между прочим, я уже штук пять твоих страшилок на диктофон записал. Развлекаю всю больницу, когда на ночное дежурство остаюсь.

— Ах, развлекаешь! — горячо вскрикнул безумный писатель. — Небось, бесплатно еще? Надо бы с тебя гонорар содрать. А то ты, Викторович, потом на этих записях озолотишься. Шутка ли — сюжеты гениальных романов знаменитого Погодина в исполнении автора...

— Ближе к телу, как говорил Мопассан, — постучал пальцем по наручным часам Магамединов.

— Короче. Сюжет такой. Вечер. Почти что ночь. За окном воеет ветер. Кидает горсти дождя в окно... — глаза Погодина стали какими-то мутными, он весь погрузился в свою историю. — И вот в квартиру главного героя, назовем его Тимуром, кто-то зловеще стучится.

— Головой или ногами? — подло встрял в рассказ Магамединов.

Погодин взял в руки кружку с кофе и сделал несколько глотков.

— Какая разница! В общем, зловеще стучится... Его дети бегут открывать, а он им кричит: «Стойте, надо сначала посмотреть, кто там». Тимур отталкивает детей и смотрит в глазок. Вдруг что-то острое, вроде спицы с крючком на конце, через глазок проникает внутрь, пронзает глаз, цепляется за мозг и... всего его притягивает к двери.

— Ух ты! А до этого он стоял за километр и смотрел в глазок через бинокль? — удивился Максим Викторович.

— Читай побольше книг! — искренне возмутился Петр Алексеевич. — У тебя с воображением хреново! Что за манера: спорить с автором?! Слушай дальше: дергается он в конвульсиях, прилипнув к глазку глазом, барахтается ногами, руками. Потом затихает и под действием гипноза открывает двери. Жуткая паранормальная сила толкает его прямо в грудь, он отлетает к стене, ударяется головой и кричит от боли и страха...

Погодин замолчал, сделал еще несколько глотков кофе и продолжил:

— Что ты, думаешь, происходит дальше?.. Просыпается этот Тимур ночью и понимает, что все это ему приснилось. Встает с кровати, идет в туалет. Приспичило ему, никуда от этого не денешься. По дороге в туалет он слышит, что в двери его квартиры кто-то стучит. Он подходит, смотрит в глазок, и его опять кто-то с той стороны притягивает и гипнотизирует. Он, подчиняясь гипнозу, открывает двери, и нечеловеческая сила отбрасывает его к стенке.

— О! Жуть-то какая, — округлил глаза Магамединов.

— А дальше так. Просыпается он весь в холодном поту, сердце бешено стучится. И про себя думает: ну и сон же прикольный — сон во сне! Встает, чуть ли не бежит в туалет. Ему так приспичило — жди катастрофы! По дороге слышит: кто-то стучится в двери его квартиры...

— Хорош мучить меня! — улыбнулся Магамединов, выключил диктофон и встал со стула. — Я так понимаю, твою историю можно до бесконечности рассказывать.

— Ошибаешься, — возразил ему Погодин. — Резервы мочевого пузыря ограничены.

— Это верно, — согласился с последним утверждением Максим Викторович. — Мне надо еще успеть перед собранием в туалет заскочить. Ты допивай кофе, будешь уходить — закроешь двери на ключ. Я к тебе после собрания зайду, ключи заберу.

— Трудно работать творческому человеку среди вас, циников и невежд, — пожаловался Погодин и вылил остатки кофе в раковину. — Подожди, сам закроешь. А я пойду прогуляюсь в морг, поищу вдохновения.

Девушка в черном платье с коротким рукавом, словно фантом, возникла ниоткуда. Круглова точно знала, что в замкнутом ответвлении коридора никого не было. Когда она вышла из кабинета ультразвуковой диагностики и, посмотрела налево, кроме голубых стен и пустой зеленой скамеечки ничего не увидела. Но, сделав ровно два шага в нужном ей направлении, она почувствовала взгляд и обернулась. Худенькая, сгорбленная, одетая не по сезону девушка с иссиня-черными волосами, приближалась к Елене Степановне, ее нежные руки перебирали четки, на плече у нее сидел ворон.

Круглова испугалась очень сильно — не каждый день такое увидишь! Ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Открыв рот, бедная женщина толком ничего не смогла произнести и мысленно прощалась с жизнью, будто на нее надвигалась сама смерть. Тем временем «черное нечто» остановилось в шаге от нее и заговорило:

— Уходи из больницы немедленно. В составленном списке смертей ты под вопросом.

— Девушка, вы в себе? — дрожащим голосом спросила лечащий врач терапевтического отделения.

— Елена Степановна, а вы в себе? — пробил сознание Кругловой женский голос, и она увидела перед собой медсестру из кабинета УЗИ. — Вы карточку больного на столе оставили. Заберите.

Круглова, вытерла платком холодный пот, выступивший на лбу, забрала карточку и извинилась:

— Прости, Света, что-то я себя неважно чувствую. Башка моя раскалывается на части. Пойду «спазмалгон» выпью.

«Что же это со мной творится, — задумалась Круглова, — может, от того, что я села на диету, у меня крыша немного поехала? Дурость какая-то. Стопроцентные галлюцинации. И кому теперь в этом признаваться?»

Поднимаясь по ступенькам на второй этаж, Круглова столкнулась с Погодиным. Он с улыбкой спросил:

— А это что за дрянь с вороном на плече за вами ходит, Елена Степановна?

— Что?! Какая дрянь? — взвизгнула женщина и оглянулась.

Петр Алексеевич вмиг перестал улыбаться:

— Ну, вы даете, Круглова, пора уже к моим шуткам привыкнуть и не реагировать так остро.

— Погодин, пошел вон! Задолбал ты меня со своими ужасами. Услышу от тебя еще раз что-нибудь подобное — убью, не задумываясь!

Погодин отскочил от Кругловой как от чумной и, ничего не говоря, помчался вниз по ступенькам.

В кармане Елены Степановны зазвонил мобильный телефон:

— Лена, — услышала она голос Максима Викторовича. — В приемное поступил не скорой больной с острыми болями в области желудка. После осмотра оформляй его к нам в пятую палату.

— Хорошо, Максим, — ответила она ему. — Но, если честно, я уже забегалась по больнице. Ты наших мальчиков тоже запрягай работой, а то они сидят в ординаторской и ничего не делают, только языками чешут.

В боксе номер один приемного отделения сидел толстый, лет пятидесяти — шестидесяти, мужчина, раздетый по пояс. На шее у него на цепочке висела маленькая коробочка размером со спичечный коробок. Круглова несколько секунд не сводила с нее взгляда.

Мужчина сам указал рукой на странную маленькую коробочку:

— Интересуетесь? Даа... Верите, нет — двадцать лет с себя не снимаю.

— Там, наверное, лежит что-то важное для вас? — рассеянно спросила Круглова и подумала о том, что «глюки», наверное, у нее еще не прекратились. Вот же денек выдался — одно сплошное расстройство психики. У нее и у всех окружающих разом.

— Честно вам сказать доктор, я ведь и сам не знаю, что в ней лежит. Но! Открывать ее не имею права.

— О, даже так! — улыбнулась Круглова. — Вы меня заинтриговали... Ладно, расскажите, что вас беспокоит?

Мужчина положил обе руки на низ живота.

— Болит, доктор. Терпеть уже не могу. Верите, нет — не сплю, не ем.

Максим Викторович выглянул в окно и увидел три черных джипа «Lincoln Luxus», они остановились возле главной проходной. Магамединов хорошо знал эти машины. К ним пожаловал сам мэр города. А значит, сейчас начнется такая беготня — мама не горюй!

Обычно о приезде мэра в больницу главврач знал заранее, и к такой «радостной встрече» все готовились больше месяца. А тут (на тебе!) явился черт без предупреждения. Что бы это значило?

Через три минуты челюсть у Максима Викторовича отвисла чуть ли не до пола. Минуз проходную, к машинам бежал его подчиненный Беленький Борис Анатольевич.

— Вот тебе раз! У нас теперь простые смертные мэров встречают. А что ж тогда главврачу делать? — не веря своим глазам, произнес Магамединов.

Из джипа навстречу Беленькому вышел лысый качок в черном костюме, левой рукой он поправил свои крупные яйца (довольно таки солидный жест для человека, приближенного к

мэру), почесал задницу — и все это проделал непринужденно, никого не стесняясь.

Борис Анатольевич, подбежав к качку, что только ни вытворял: и кланялся, и танцевал, и руку левую собеседника горячо пожимал обеими руками, и крутил башкой в разные стороны. Качок протянул ему серебристый металлический кейс, который все это время держал в правой руке и заговорил явно о чем-то серьезном. Потом указательным пальцем постучал по дорогим наручным часам. Этот жест Магамединов понял так: «времени у тебя, дружок, в обрез». Лысый похлопал Беленького по плечу, развернулся и пошел к джипу.

Когда крутые машины исчезли из поля зрения заведующего терапевтическим отделением, тот не выдержал, набрал номер мобильного Бориса Анатольевича, и через секунду услышал его голос:

— Алло! Слушаю вас, Максим Викторович!

— Ну что, Борис Анатольевич, получили от мэра задание особой важности? — подколол своего подчиненного Магамединов. — Я рад за вас. Поднимитесь ко мне, я вам тоже работки подкину.

— Максим Викторович, ну зачем вы так говорите? Вот не знаете, а говорите. Этс братик мой родной приезжал, в аппарате управления он у меня работает. На таких вот машинках разъезжает, а ведь я его сто раз просил, будь же ты скромнее, что люди подумают, только в краску меня вгоняешь, а он — ни в какую! Служебный, говорит, транспорт. Ничего не могу поделывать.

— Ясно, Борис Анатольевич, я и подумать не мог, что у вас такие серьезные связи.

— Да, какие там связи, Максим Викторович?! Братик это мой родной. Скажете мне тоже.

— Ладно, не прибедняйтесь, жду вас у себя, — сказал напоследок Магамединов, отключился, и подумал: «Врешь ты мне, Борис Анатольевич, но не знаешь, что вранье я за версту чувствую. Интересно, может, ты мне еще скажешь, что в кейсе тебе лысый братик обед привез и пальцем по часам постучал — мол, поспеши, а то все остынет».

После того, как ушел Борис Анатольевич, нагруженный работой, которую ему, не жалеючи, надавал заведующий терапевтическим отделением, в кабинет без стука заглянул Сергей Рыжов. Он внимательно выслушал Магамединова, сходил в шестнадцатую палату, в которой лежала Сарнацкая, вернулся и развел руками:

— Максим Викторович, сходил я в вашу шестнадцатую — так ничего и не понял. Батареи работают исправно, греют, как слоны. Там Африка должна быть, а на самом деле Арктика. Черт его знает, в чем там дело.

— Должна же быть какая-то причина? — задумался вслух Магамединов.

— Нету причины, одно расстройство нервов. Между прочим, в хирургическом отделении, в двенадцатой палате, аналогичная картина маслом. Во всех палатах на третьем этаже тепло, а вот именно в двенадцатой — холодильник. Даже на одной стенке ледяная корочка имеется. Николаев распорядился, чтобы в эту палату два электрообогревателя поставили под его ответственность, и все равно лучше не стало.

— Какая, к черту, ледяная корочка?! Что за бред?! — разозлился Максим Викторович. — На улице плюс десять, а ты мне про ледяные корочки вкручиваешь.

— Не верите, сами сходите, посмотрите! — обиделся Рыжов. — Какой смысл мне вам врать?

— Ладно, Рыжов, топай к своим, пускай похмелят. Я сам разберусь, в чем тут дело.

— Как скажете! — рывкнул Рыжов и хлопнул дверью.

Магамединов просидел минут десять, глядя на дверь пустым, отрешенным от реальности, взглядом, а затем позвонил заведующему хирургическим отделением Николаеву:

— Паша, дорогой ты мой человек, мне тут Рыжов наплел, что у вас стена в двенадцатой палате покрылась ледяной корочкой. Пьяный он, что ли?

— Насчет Рыжова я не знаю, я его трезвым и не видел, по-моему. А про двенадцатую — так и есть, Максим. Холод там арктический. Главное, что смешно — в остальных палатах люди у меня чуть ли не до трусов раздеты, такая жара, а в двенадцатой этой проклятой пациенты, как французы под Смоленском, в перчатках и шапках лежат под тремя одеялами. И все до одного просятя домой. Нонсенс!

— Бред какой-то. Я, Паша, после обеда к вам поднимусь. Хочу увидеть все своими глазами.

— А я разве против, Максим? Я только «за»! Бери коньяк и поднимайся, — прокашлял в ответ Николаев и отключился.

6. В тот же день в двенадцатую палату ожогового отделения поступил больной с ожогами первой-второй степени — старикашка лет семидесяти. Ожоги у него были серьезные, бинты прилипли к коже, пострадало около семнадцати процентов тела.

В семьдесят лет не каждый старик способен стойко переносить такие невзгоды. Этот же выглядел бодрячком, улыбка не сходила с его лица.

— Ну что, ребятушки, будем знакомиться. Федором Ивановичем меня зовут. Сосед я хороший, веселый. Ночью не храплю и воздуха не порчу. Стариковская бессонница. Э-хе-хе... А вас как кличут?

— Трое больных двенадцатой палаты оживились, увидев нового соседа. Всем троим было не больше пятнадцати лет.

— Меня Даня Пузырёв, — вскочил с кровати самый младший и самый толстый паренек и показал пальцем на свою ступню. — Это я ракету на даче запускал.

— Вечно ты, Пузырь, вперед лезешь, — зарычал на Даню мальчишка постарше. — Захлопнись, а то в табло получишь.

Услышав ругань, Федор Иванович, который в это время шуршал пакетами и перекидывал мелкий скарб в тумбочку, резко повернулся лицом к ребятам. В руках у него красовались три больших яблока.

— Ну-ну! Не ссориться! Ловите, ребятушки!

Федор Иванович кинул яблоко Пузырю. Тот его охотно словил и положил на свою тумбочку. Следом старик кинул яблоки Груше и Васе — мальчишкам постарше Даньки. Яблоко для Груши упало прямо ему на кровать, он схватил его здоровой рукой и спрятал под подушкой.

Яблоко Васи упало на пол и закатилось под кровать. Вася не сдвинулся с места. Он только ухмыльнулся и продолжил лузгать семечки. Федор Иванович строго посмотрел на Васю поверх очков:

— Эй, парень, семки-то отложи, а яблочко подними. С моего сада яблочки, своими руками сажал-выращивал. Не обижай дедушку.

Вася недовольно фыркнул, после чего все же наклонился и достал из-под кровати свое яблоко.

— Вот и молодец, — похвалил парня Федор Иванович. — Как звать-то?

— Ну, Василий. А чё?

— Да, так. Тоже ракету запускал что ли, Василий?

Вася аж передернулся, вспоминая, как все было на самом деле:

— Да не. Мать попросила кастрюлю с супом с плиты на стол переставить... Дура такая.

И суп этот дурацкий...

— Не стоит мать обзывать душой, — сделал замечание Васе Федор Иванович и продолжил перекидывать свои вещи в тумбочку. — Ничего, ты парень молодой, здоровый, до свадьбы заживет.

— Это сколько ж мне еще терпеть? — спросил в шутку Василий. — Лет так двадцать?

Старик на этот вопрос ничего не ответил — пропустил мимо ушей и посмотрел на Грушу, которого распирало от того, что у него никто ничего не спрашивает.

— Ну, а тебя как звать? — спросил Федор Иванович.

— Грушин Виталик, — выкрикнул Груша. — Я в будку электрическую полез с пацанами. Чуть не сгорел, вспыхнул, прямо — пых! Как факел!.. Мы там сигареты прятали. И вот... А вы, дедушка, как здесь очутились?

— О-хо-хо... Да, кастрюлю на себя с кипятком возьми, да опрокинь. Нес ее по коридору, а навстречу — внучок Егорка из зала прямо под ноги порскнул, постреленок. Хорошо, хоть на него не попало. Ох, и орали мы с ним! Он — от страха, я — от боли...

Федор Иванович достал из тумбочки газету кроссвордов, ручку и лег на свою кровать.

— Холодища! — постукивая зубами и ёжась, пожаловался Груша.

— Это у тебя температура поднимается, — предположил Вася.

— Василий, тут и вправду холодно — жуть как холодно! — влез в разговор Пузырь.

Вася кинул на него злой взгляд и рявкнул:

— Отзынь, щегол! Меньше двери нараспашку оставляй.

— Может, батареи отключили? — заметил Груша.

Вася встал с кровати, подошел к батарее, дотронулся до нее рукой... и резко отдернул ее.

— Блин! Аж обжегся, — завопил он. — Не, батареи работают. Это от окна, видать, сквозит.

— Эх, не поверишь, дедуля, как здесь скучно, — простонал Пузырь. — Просто словами не передать.

— Я тебе не дедуля, а Федор Иваныч, — произнес строгим голосом старик, положил газету на тумбочку и переспросил. — Скучно, говоришь?

— Не то слово, — кивнул Данька.

— Ну, чтоб вам не скучно было, может, рассказать вам всяких интересных историй про эту самую больницу? — предложил Федор Иванович. — Я здесь раз пять лежал, много чего наслушался. Хотите?

— Ух, ты! Конечно, хотим! — воскликнул Пузырь. — Расскажите, Федор Иванович! Пожалуйста!

Вася закинул огрызок под кровать и внимательно посмотрел на старика.

— Страшилки? Или всякая ерунда про диагнозы? — поинтересовался он.

Федор Иванович в ответ многозначительно улыбнулся.

— Ну, ребятюшки, слушайте, — начал рассказывать свою историю старик, и его глаза засветились каким-то фанатичным блеском. — Давным-давно, лет, может, тридцать тому назад, привезли в эту больницу одного тяжелого больного с язвой кишки. Врач его посмотрела, туда-сюда, анализы взяла, и, конечно же, укол поставила. От боли. Лежите, говорит, отдыхайте, а завтра мы вам эту язву заштопаем.... А у этого больного на шее висела

малюсенькая коробочка, навреде спичечного коробка, только меньше, конечно. На цепке. А что внутри лежало — он никому не говорил. Только щупал все время свою коробочку, проверял — на месте ли. А ночью проснулся он от жуткой боли. Не помог укол-то. Вздулся у него живот, как воздушный шарик, из-за чего бедняга и скончался.

Груша резко сел на постели, достал из тумбочки яблоко и приложил его к правому глазу.

— И это все, что вы хотели рассказать? Скукотища! Обычное дело для наших больниц. Помер и помер, чего тут страшного?

— Груша, ну чё ты, дай дослушать! — зашипел на Виталика Пузырь.

— Самое интересное впереди, — продолжил свой рассказ Федор Иванович. — Вот лежит он в морге, на цинковом столе, голый, только коробочка на шее.... Патологоанатом эту коробочку увидал, любопытно ему стало — что за вещица? Цепочку с мертвеца снял, и так коробочку крутил, и эдак — не открывается. Ключик что ли нужен — непонятно. С досады взял он и разломал коробку к черту. А она пустая. Плюнул тот врач, повернулся было к трупу, но тут краем глаза увидал... Старик сделал длинную паузу. Видимо, опытный был рассказчик.

— Чего он увидал? — наконец, вскрикнул любопытный Василий.

— А вот чего. Посыпался вдруг из коробочки порошок, сыплется и светится, мелкий, как пыль — в воздухе облачком клубится и... Как живое вдруг подплыло это светящееся облачко к врачу — патологоанатому, да на руки ему и осыпья. Он, было, вздрогнул, но боли никакой нет — порошок и порошок. Хотел смахнуть... И вдруг видит: рука его на глазах начала трескаться и крошиться! Кусочками на пол падает и рассыпается в пыль.

— Вот это да! И что он так весь в пыль и превратился, да? — спросил Пузырь. — Я видел похожее в одном ужастике, там вампир был, его на солнце вытолкнули, и он, прям, сгорел весь и тоже в пыль превратился, только в черную, и просыпался весь на пол! А еще...

— Захлопнись, малявка, — фыркнул на Даньку Вася. — А одежда? Часы? Тоже в пыль? Или как у человека-невидимки?

— Сначала исчезли пальцы, потом вся ладонь, за ней рука по локоть, следом плечо, — все сильней и сильней интересовывал мальчишек своей историей старик. — И, главное все это медленно так, не сразу, происходило. Накрыл бедолагу темный ужас. Выскочил он в коридор и закричал: «Помогите!» Но его никто не услышал...

Степановна, расположившаяся на кровати у самого окна в двенадцатой палате хирургического отделения, с большим аппетитом уплетала из железной банки сгущенное молоко. Это веселая полная женщина не могла отказаться от такого удовольствия. И остановиться она тоже уже не могла. Сколько раз она говорила себе, что у нее есть сила воли, когда-нибудь она обязательно возьмётся за себя и жесточайшим образом расправится со своими лишними килограммами. Просто это «когда-нибудь» должно еще чуть-чуть подождать. Вот запасы сгущенного молока в прикроватной тумбочке закончатся, тогда и будет время задуматься об этом.

— Девоньки, глядите, эта штука на стене растёт, да? Или мне кажется? — встревоженным голосом спросила Степановна, чей взгляд вдруг сфокусировался на стене.

Света, симпатичная девушка с длинными русыми волосами, закрыла книгу и положила ее на тумбочку. Она внимательно посмотрела на «ледяную корочку» толщиной с полмиллиметра, которая занимала четверть самой дальней от входа стены. Рядом с «корочкой» стояли два включенных в розетку электрообогревателя.

Не нравилось Свете это странное ледяное образование на стене. Ой, как не нравилось. Мало того, что от него исходил осязаемый физический холод, еще чувствовалось что-то неприятное, мерзкое — правда, это уже происходило на подсознательном уровне. Свете казалось, что «ледяная корочка» дышит, чуть-чуть увеличиваясь и сразу же уменьшаясь при этом.

— Степановна, мне такой сон про эту гадость снился. И, про вас, между прочим. Если я расскажу, то вы меня убьете, — сказала Света.

— Ты рассказывай, а я подумаю: убивать тебя или не убивать, — предложила невозмутимая Степановна.

— Степановна, вы лучше ее сразу убейте, дуру такую. Вечно метет, что ни попадя, — засмеялась Ира (ровесница Светки и та еще модница). — Давайте, ее вместе убьем, а? Спасем и себя, и свою психику.

Степановна медленно облизала ложку со сгущенкой и улыбнулась:

— А пускай рассказывает. Меня в этой жизни ничем не запугаешь. Я столько всякого насмотрелась.... После третьих родов, девоньки, уже ничего не страшно.

— Короче, вы сами напросились! — зловеще произнесла Света. — А приснилось мне, что ночью из этой бяки вылезло что-то... Вернее, кто-то.... Такая типа горилла, только большая и дохлая уже, вонючая, гнилая, да как схватила вас за шею, придушила, как следует, и поволокла за ноги куда-то вглубь стены через эту же ледяную бяку.

— Вот же дурочка! В твоём возрасте не ужастики надо читать, а пособие по камасутре изучать, а то тебе еще и не такое приснится.

Внезапно открылась дверь и в палату заглянула Алёна — дежурная медсестра хирургического отделения:

— Девчонки, бегом в столовую, — крикнула она. — Обед привезли.

Груша остановился напротив умывальника с зеркалом и стал рассматривать покрасневший правый глаз. Вася нетерпеливо крутился на одном месте, затем, не выдержав, подошел к Груше.

— Пошли жрать! Сколько можно себя разглядывать? Прямо как девчонка.

— Слушай, такая фигня странная. Бред, в общем. Прикинь, только Иваныч начал рассказывать свою историю, у меня глаз задергался, — зашептал Груша. — Я даже яблоко приложил, так сильно дергался. А закончил рассказывать — и глаз сразу успокоился. Вот, думаю, чё это было?

— Такое у всех бывает, но не у всех проходит. Мужайся, твой случай неизлечим, — усмехнулся Вася и хлопнул Грушу по плечу. — Так ты идешь жрать или нет?

В двенадцатой палате хирургического отделения Магамединов присел на корточки напротив стены, которая частично обледенела. Он осмотрел всю стену сверху донизу. Два обогревателя, стоящие возле этой стены и исправно работающие, никак не влияли на это обледенение. Ледяная корочка покрыла пятнадцать процентов площади стены. Максим Викторович потянулся к ней и почти дотронулся до нее, но его остановил Павел Петрович:

— Осторожно, эта гадость на коже оставляет ожоги. Вот, посмотри, какой у меня волдырь на пальце, — Николаев показал указательный палец левой руки.

— Впечатляет, — кивнул головой Магамединов и стал водить рукой на небольшом расстоянии от ледяной корки, — от этой корочки реально исходит холод, я его чувствую на расстоянии, — сделал свое первое заключение Максим Викторович, достал шариковую ручку и попробовал разломать ледяную пластинку, но у него ничего из этого не вышло.

— Смеешься, что ли? Мы совковой лопатой скребли, и у нас ничего не вышло, а ты ручкой хочешь.

Магамединов наклонил обогреватель и прислонил его к ледяной корке. Что-то резко шикнуло в ответ, и ледяная корка увеличилась в два раза. Максим Викторович убрал обогреватель от стены и обернулся, чтобы высказать Николаеву кое-какие соображения. Но вместо Павла Петровича увидел невысокую сторбленную девушку в черном платье с вороном на плече. Он рефлекторно отскочил от нее вбок на полметра, а она, смущенно улыбнувшись, заговорила неприятным прокуренным голосом:

— Кто-то стер тебя из списка смертей. Видимо, у тебя появился сильный покровитель, определи его и наладь с ним связь.

Магамединов протянул руку, схватил девушку за платье и потянул ее на себя. Ворон вспорхнул с ее плеча и полетел к выходу из палаты.

— Кто ты такая? — спросил Максим Викторович.

— Я не такая, я такой. Что за шутки у тебя, Максим?

Заведующий терапевтическим отделением увидел, что держит не девушку за платье, а своего друга за лацкан пиджака.

— Бредятина какая-то! — изумленно пробормотал Магамединов.

— И я о том же, — согласился с ним Николаев.

Лифт остановился на втором этаже больницы. Из него в вестибюль терапии вышла Аллочка, старшая медсестра этого отделения, с разрисованной папкой «Дело» в руках, повернула в левое крыло и медленно зашагала по длинному коридору. Одна ее походка чего стоила! Стройные, загорелые ноги, плотненькие полумесяцы ее ягодич сводили мужчин с ума. Они сразу же оборачивались, когда она проходила мимо них.

Аллочка прошла мимо своего кабинета и постучалась в каморку Погодина.

— Минуточку! Подождите, сейчас открою! — раздался из-за двери взволнованный голос Петра Алексеевича.

— Петя, это я, — громко, никого не стесняясь, произнесла старшая медсестра.

— Иду-иду, Аллочка! — крикнул Погодин.

Раздался скрежет ключа, и в проём дверей выглянул Погодин.

— Ты одна? — спросил он.

Аллочка легонько толкнула Погодина в каморку, и он отступил на шаг назад. Она вошла вслед за ним в небольшую комнату без окон с письменным столом и большой длинной кроватью.

— Нет. Я взяла пару подружек, чтобы нам с тобой было веселей.

Аллочка закрыла за собой двери и кинула разрисованную папку на табуретку, стоящую в углу. Погодин грустно посмотрел на то, как обращаются с его творениями и спросил:

— Ну как, прочитала? Интересно хоть было?

— Петенька, не все сразу, — расстегнула она верхние пуговицы белого халата.

— Ох! Опять наше общение начинается с секса, — мучительно вздохнул Погодин. — А поговорить?

— Нет, дорогой, со мной этот номер не пройдет! — прошептала возбуждающим голосом Аллочка.

Груша и Василий зашли в столовую — просторную комнату, в которой в два ряда стояли столы. Один ряд располагался у окна, другой — у стены. Несколько столов было занято обедающими больными.

Ребята стали с подносами в очередь возле раздаточного окошка. Груша косо посмотрел на Федора Ивановича, который весело, с хохотом, рассказывал что-то женщине, сидящей напротив него.

— Слушай, Васька, а наш старикан, ну, Федор Иванович, странный все же, да? — тихе заговорил Груша. — Что-то мне в нем не нравится, но что — понять не могу. — Да ему сто лет в обед, сам подумай. Склероз, маразм, все дела, — ответил в своей манере Вася.

— Ага. Ишь, как ржет, — стоял на своем Груша. — В его возрасте люди стараются лишний раз не волноваться. А он... Нет, ты погляди, он к ней подкатывает, что ли? Во дает!

Василий посмотрел на Федора Ивановича. Старик вырисовывал рукой какие-то зигзаги в воздухе, а женщина смеялась и с восторгом смотрела на него.

— Ай! Не говори глупости, — не согласился с доводами Груши Вася. — Люди разные бывают, а этот Федор Иванович просто великолепный рассказчик. Фантазия бьет из него ключом, и он выплескивает ее наружу.

— Согласен, рассказчик он неплохой, — вздохнул Виталик.

Перед Василием стоял толстый мужик, трико на нем висело так, что была видна половина задницы. Василий уставился на эту страшную волосатую часть тела и несколько мгновений смотрел на нее, затем отвернулся и шепнул на ухо Груше:

— Груша, глянь, у мужика между булок газета торчит!

— Фу, козлиная!!! — округлил глаза Груша. — Сам смотри!!!

Василий не удержался и громко захохотал. Груша улыбнулся, посмотрел по сторонам, затем на волосатую задницу и начал тоже хохотать, из его глаз потекли слезы.

— Что случилось? Что с тобой? — не переставая смеяться, спросил Грушу Василий.

— Ничего-ничего, — хохотал Груша и никак не мог успокоиться. — Я попрошу, чтоб он тебе эту газетку дал почитать...

— Спасибо, не надо! — замотал головой Вася. — Я газеты не читаю.

Толстый мужчина с полным подносом отошел от раздаточного окошка. Василий просунул лицо в окошко и улыбнулся поварихе-раздатчице:

— Мне два вторых... Супа не надо. И мяса положите побольше.

— И черпаком по голове, если хочешь, я добавлю, — шутливо замахнулась на него черпаком повариха. — Чтоб не совал ее куда не надо.

Тем временем Груша кинул взгляд на удаляющегося с полным подносом толстого мужика, а затем на Федора Ивановича. Тот эмоционально жестикулировал руками и вдруг задел пустую тарелку — та полетела со стола. Федор Иванович, продолжая жестикулировать левой рукой, правой ногой легонько подбил вверх тарелку, та изменила направление полёта и полетела вверх. Федор Иванович правой рукой схватил ее и поставил обратно на край стола. И, как ни в чем, ни бывало, продолжил рассказ. Женщина добродушно улыбалась и кивала головой, слушая его. Она ничего не заметила.

Василий с полным подносом двинулся к свободному столу. Из раздаточного окошка выглянула повариха-раздатчица:

— Эй, молодой человек, ты чего там зазевался. А ну-ка кончай мух считать, бери суп и второе, и не задерживай других.

— Извините, — повернулся к ней с открытым ртом Груша.

Погодин добросовестно отработал то, чего от него так хотела Аллочка. И теперь они вдвоём лежали на его любимой кровати, прикрывшись одеялом.

— Блин, я так спать хочу, — зевнула его прелесть.

— Так спи себе спокойно. Кто тебя здесь искать будет? — прошептал Петр Алексеевич и поцеловал Аллочку в щёчку.

— Нет, я так не могу, — не согласилась медсестра, приподнялась и села в постели, оголив большую красивую грудь. — Мало ли что там делается, а потом я крайняя буду? Пойду. Хорошего понемножку, котик.

Погодин, почувствовав, что на этом сейчас все их общение и закончится, жалобно проскулил:

— Аллочка, солнышко, хоть скажи, как тебе мои рассказыки?

— Нормально, — пожалала плечами она.

— А конкретнее? Понравились они тебе? — не сдавался Погодин.

— Да, кое-что. Но большинство, прости, примитив, — ответила его любимая и стала быстро одеваться.

— Да? Это, какие, например? — нахмурился Погодин.

— Котик, давай в другой раз, а? Мне, правда, бежать нужно уже, — попыталась избежать ненужного разговора старшая медсестра. — Ну, не примитив, извини, дурацкое слово. Хорошие, хорошие рассказыки. Я даже увлеклась, сама не заметила, как всю папку прочла. Петенька, ты жуть какой талантливый, честное слово! Ты же знаешь. Я никогда не вру.

— Спасибо тебе, милая, за честную критику, — успокоился Погодин и погладил Аллочку по спине.

Федор Иванович встал из-за стола и галантно поклонился своей собеседнице.

— Благодарю за компанию, сударыня! — громко произнес он.

— Да ну что вы! Это вам спасибо, вы так интересно все рассказываете, — улыбнулась яркой и добродушной улыбкой женщина.

Довольный комплиментом Федор Иванович поставил свои тарелки на тележку для грязной посуды и вышел из столовой. И только после этого женщина посмотрела на свои тарелки и поняла, что ни к чему так и не притронулась. Она взяла ложку и стала есть суп. Внезапно из ее носа в тарелку закапала кровь. Женщина, не совсем понимая, что с ней происходит, приподнялась из-за стола, ее повело немножко в сторону, и она, задев стол, упала на пол.

Из-за соседнего стола вскочил толстый мужчина.

— Эй! Что с вами?! — закричал он. — Врача сюда! Женщине плохо!

Груша, приподнявшись на носочки, посмотрел через плечо Васи на женщину, которая лежала на полу и дергалась в судорогах.

— Видал?! — зашептал на ухо Виталик Грушин Васе. — Иваныча послушала — и брык с копыт!

— Ага. Хорош заливать! — ответил Василий. — У тетки эпилепсия, к гадалке не ходи.

В шестнадцатой палате терапевтического отделения стало еще холодней. Сарнацкая отложила в сторонку газету и накрылась одеялом. Неприятное чувство тревоги накрыло ее тело мурашками. Она чувствовала, что что-то не так, что за всем этим холодом стоит жуткий могильный мрак. И пожилая женщина вдруг подумала, а что, если она чем-то серьезно больна и ей уже не суждено быть выписанной из этой больницы?

— В таком жутком холоде мы точно схватим воспаление, — нехорошо закашляла Мария Ивановна. — У меня уже кашель, гляди! А никто даже не чешется.

— Да, кому мы нужны, Мария? — ответила на ее реплику Чеславовна. — Кто об нас

думать-то будет?

— Значит, пойдем жаловаться к главврачу, — решила Сарнацкая, и от этого решения на душе у нее стало немного спокойней.

— Ой, не знаю. Его, поди, и нету уже, — закричала Чеславовна. — Да здесь он. Видела его сейчас в коридоре. Надо пойти, — покосилась на Чеславовну Мария Ивановна. — Ох, что-то сердце прихватило... Чеславовна, сама сходишь, а? Тем более, я уже Максиму Викторовичу, жаловалась.

Чеславовне эта идея не понравилась, и она отмахнулась от нее рукой:

— От меня одной большого толку не будет. Тебе, скажет, старушонка, на тот свет уже пора, а ты все жалуешься. О-хо-хо. Сейчас наши молодухи вернутся с покурилок, мы их и отправим воевать.

В палате раздался какой-то неприятный шелест. Сарнацкая посмотрела по сторонам, но не смогла понять, где это шелестит.

— Чеславовна, ты это слышишь? — встревоженным голосом поинтересовалась пожилая женщина.

Чеславовна кинула взгляд на Сарнацкую, а потом на стенку за ее спиной и увидела, как с маленькой ледяной точки разрастается небольшая ледяная корка.

— Мария, что это у тебя за спиной? А? — спросила шепотом испуганная Чеславовна.

Сарнацкая медленно обернулась и, расширив глаза от ужаса, стала смотреть на то, как разрастается ледяная корочка.

— Никогда такого не видала! — произнесла она.

— Ахти, Господи! Что за напасть?! — запричитала Чеславовна.

— Нет, я на этой кровати больше спать не буду! — Сарнацкая спрыгнула на пол, свернула свои матрас и одеяло и перенесла их вместе с подушкой на свободную кровать.

Чеславовна тоже встала с кровати и сразу же направилась к выходу из палаты.

— Пойду Максима Викторовича звать, — пролепетала старушка. — Что ж такое делается? Сарнацкая мгновенно перестала возиться с перемещением постелей и кинулась вслед за Чеславовной:

— Подожди, я с тобой!

— А сердечко твое как же? Сама-то идти сможешь, я-то тебя не дотащу, — подколола Сарнацкую старушка.

— Уже все в порядке, Чеславовна. Я здесь одна ни за что не останусь.

Магамединов положил трубку на телефонный аппарат. И сразу же в его кабинет без стука ворвались Чеславовна и Сарнацкая.

— Знаете, что, Максим Викторович, мы требуем, чтоб нас перевели в другую палату! — сходу пошла в наступление Сарнацкая. — Мы такие условия терпеть больше не собираемся! Я вам еще утром говорила, и потом, на обходе.

— Да, да! Максим Викторович! — вкнула следом Чеславовна.

Магамединов слез со стола и сделал шаг в сторону женщин.

— Мария Ивановна! Софья Чеславовна! Не волнуйтесь, мои дорогие, вам вредно! Куда ж я вас, миленькие, всех переведу? У нас все до одной палаты заняты больными. Почти каждая койка.

Глаза Сарнацкой стали наливаться кровью, и она завопила:

— Вы бы видели, что у нас на стене появилось!

Магамединов с серьезным выражением лица посмотрел на Сарнацкую и несмело

спросил:

— Что-то похожее на ледяную корочку?

— На шипящую корочку, — прошептала Чеславовна.

На лице Марии Ивановны появилось удивление, и она захлопала ресницами, как девушка-кокетка:

— А вы откуда это знаете, Максим Викторович?

— Долгая история, — нетерпеливо махнул рукой Магамединов.

— А нам торопиться некуда, доктор, — заверила его Сарнацкая.

В двенадцатую палату ожогового отделения проник свет луны. В палате все спали, кроме Груши. Виталик ворочался с боку на бок — никак не мог заснуть. Перед его глазами до сих пор стояло лицо женщины, которая умерла на полу в столовой. Ему показалось, что она так и не поняла, что с ней произошло.

Во всем виноват он — этот мерзкий старик. Груша был уверен в этом. Так же, как он был уверен в том, что Федор Иванович вызывает неприятные боли в головах людей, которым он травит свои байки.

А может, это все глупости? Напридумывал он сам себе чего-то непонятного. Груша повернулся на левый бок и посмотрел на Федора Ивановича. Старик сразу же открыл глаза, и юноша вздрогнул. Федор Иванович уставился в потолок.

— Ты чего не спишь, Виталик? — спросил он тихо.

— Не спится что-то, — ответил Груша, и в эту же секунду в палате раздался какой-то неприятный шелест.

— Что это? А? — приподнялся в постели Груша и натянул на себя одеяло.

Шелест не прекращался. Груша стал крутить в темноте головой по сторонам.

— Мышка, наверное, где-то завелась, — спокойным голосом сказал старик.

Шелест раздавался все громче и громче. Виталик весь сжался в ожидании чего-то страшного.

— Эй, а она где-то рядом с вами ползает, — зашептал Груша.

— Ну и пускай, ползает. Я мышей не боюсь.

— А если это крыса? — нагонял сам на себя страху Виталик.

— И крыс я не боюсь. Пускай они меня боятся, — гаркнул Федор Иванович, высунул руку из-под одеяла, приподнял стул и с грохотом опустил его на пол. — А ну, пошла, тварь, отсюда!

Шелест мгновенно затих.

— Вот так вот, Виталик, никогда ничего не надо бояться, — гордо произнес старик.

— А кто вам сказал, что я боялся? — уже более спокойным голосом заговорил Груша. — У меня просто, что мыши, что тараканы вызывают дикое отвращение.

— А пауки? — спросил, улыбаясь в темноте, Федор Иванович.

— Не, пауки мне по барабану, — еще более смелым голосом заявил Виталик.

— Тогда, давай, я тебе про пауков что-нибудь интересное расскажу, — предложил неугомный дедуля.

— Нет! — вскрикнул юноша. — Не надо мне ничего рассказывать!

Следующим утром, после разговора по телефону с женой, Магамединов пил чай в компании Кругловой и Погодина.

— Елена Степановна, послушайте интересную историю, которую я придумал вчера вечером, — начал, было, Петр Алексеевич.

— Убью, Погодин, и глазом не моргну, — быстро предупредила Круглова.

— Она не страшная. Вот послушайте и посмейтесь.

Магамединов незаметно для всех включил диктофон на запись и подбодрил завхоза:

— У тебя есть десять минут. Если успеешь, то рассказывай.

— Я за три успею, — обрадовался Погодин.

— Погодин, время пошло, — крикнула Круглова и посмотрела на настенные часы. —

Регламент!

— Слушайте! Приспичило как-то одному мужику ночью на работе по большому в туалет, — начал рассказывать свою историю Петр Алексеевич. — Сел он на унитаз, взял газетку в руки и поднатужился. Вдруг в туалете погас свет. И как только он погас, мужик услышал неприятный шелест и скрип, словно что-то тёрлось об керамику внутри унитаза. Он уже решил встать и пойти включить свет, но тут из самых глубин унитаза выскочила черная блестящая рука и схватила его за яйца.

— За что? За яйца? — покотился со смеху Магамединов. — Ты не торопись, ты с чувством, с расстановкой рассказывай. Подробно. Если что, я тебе пяток минуточек накинута.

— Не перебивай! — отмахнулся Погодин. — Короче, затянула эта рука почти всего мужика внутрь унитаза. Утром в туалет заходит другой чувак, расстегивает ширинку и уже готов поливать.

Погодин покосился на Круглову. Та нисколечко не улыбалась. Он продолжил:

— Но внезапно раздаётся громкий голос: «Молодой человек, вы, пожалуйста, перейдите в другую кабинку». Чувак вмиг все перехотел, вниз глянул, а там, прямо из унитаза, голова человеческая выглядывает! Глаза печальные такие. И эта голова ему говорит: «Ну, пожалуйста, я вас очень прошу, перейдите, а».

Магамединов не просто смеялся — он плакал от смеха, держась за живот. Круглова, не разделяя его веселья, укоризненно произнесла:

— Как вам не стыдно, Петр Алексеевич, такие пошлости рассказывать?

Резко открылись двери в кабинет Магамединова, и с порога закричала Аллочка:

— Максим Викторович, у нас умер больной, который поступил вчера днем! Ну, тот, с коробочкой на шее.

— Этого мне еще не хватало! Как умер?! Из-за чего? — подскочил Магамединов, и, не дожидаясь ответа, выскочил из своего кабинета.

Круглова выбежала вслед за Магамединовым. Это же ее больной. Какой ужас! Неужели она допустила врачебную ошибку? Да нет, не может быть, она была абсолютно уверена, что он не нуждался в срочной операции.

За Кругловой увязался Погодин.

— Ужас! Ужас! Неужели я ошиблась?! — испуганным голосом заговорила Елена Степановна. — Не может быть! Диагноз... В диагнозе я уверена. Стандартная ситуация, и до начала обследования никто никогда не умирал!

— Классная фраза, надо запомнить: «до начала обследования не умирал». В этом слове «обследование» есть что-то такое злое и мрачное...

— Погодин, заткнись, я тебя умоляю! — взвыла Круглова.

Круглова и Погодин влетели в палату, в которой умер больной, и увидели пренеприятное зрелище: покойника распёрло так, что он увеличился, чуть ли не в два раза.

— Вот это жуть! — обалдел Погодин.

— Историю его болезни — срочно в мой кабинет! — крикнул заведующий отделением

Кругловой и сразу же для себя отметил, что у больного в подмышках — большие красные пятна.

— Аллочка, разберись кто, какие и сколько ему уколов вчера делал, — обратился он к старшей медсестре. — Значит так, распорядись, чтобы его доставили в лабораторию морга. Я подготовлю для вскрытия историю болезни и скоро буду сам.

Магамединов вышел из палаты и по мобильнику позвонил дежурному врачу-патологоанатому.

— Что стряслось, Магамединов? — раздался в мобильном телефоне голос Воронина. — Давненько ты мне не звонил.

— Игорь, твоя сегодня смена? — закричал в мобильник Магамединов. — Короче, больной у меня сегодня умер. Пока не пойму из-за чего. Есть подозрения на передозировку или непереносимость лекарства. Я поднимусь за визой к главврачу и часам к десяти буду у тебя.

— Хорошо, буду ждать тебя. Кто лечащий? — спросил Воронин.

— Круглова, — тяжело вздохнул Максим Викторович.

— Да... Потреплют Ленке сегодня нервы.

— Что поделать, никуда от этого не денешься, — напоследок произнес Магамединов и отключился.

— Вы когда-нибудь такое видали? — спросил Груша у заведующего ожоговым отделением Дмитрия Антоновича Кожало и показал пальцем на небольшую ледяную корочку, образовавшуюся на стене прямо над кроватью Федора Ивановича.

Дмитрий Антонович, недолго думая, дотронулся до ледяной корочки, та шикнула и обожгла его палец.

— О, черт, больно! — вскрикнул Кожало.

— Это появилось сегодня ночью, — сообщил Груша.

Заведующий ожоговым отделением поправил очки на носу и внимательно стал рассматривать неизвестное науке ледяное образование:

— Не поверишь, парень, но эта гадость может стать отличным материалом для целой научной диссертации. Ты пока больше никому про нее не рассказывай.

Борис Анатольевич с металлическим кейсом в руках остановился возле дверей процедурного кабинета, посмотрел по сторонам и зашел в кабинет. Положил кейс на стол и открыл его. В кейсе лежали несколько металлических и стеклянных ампул с каким-то веществом, бутылочка с яркой розовой жидкостью, респиратор и пачка долларов.

Беленький положил пачку долларов в карман белого халата, надел на лицо респиратор, на руки — перчатки и взял из шкафчика со стеклянными дверками одноразовый шприц. Он открутил маленькую крышечку на металлической ампуле и заполнил шприц, затем внимательно осмотрел содержимое шприца и выдавил лишний воздух.

Внезапно в его кармане зазвонил мобильный телефон. Беленький вздрогнул и поднес телефон к уху. Оттуда раздался слабый голос:

— Борис Анатольевич, как продвигаются наши дела?

Беленький опустил респиратор на шею и ответил:

— Очень медленно, господин мэр.

— Вы ведь понимаете, что я не могу ждать, — еле выговаривая слова, произнес мэр. — Любая задержка может привести к непоправимым последствиям.

— Я здесь ни причем, — заявил Борис Анатольевич. — Мне не дает спокойно работать

мой прямой начальник — Магамединов Максим Викторович, заведующий нашим отделением.

— Хорошо, я решу эту проблему в течение нескольких ближайших часов, — сказал мэр.

— Уж постарайтесь! — рыкнул Беленький, отключился и положил мобильный телефон в карман. Затем бросил заполненный шприц в металлический кейс, закрыл его и тихо вышел из процедурного кабинета.

ГЛАВА 2. Абсолютная тишина

Когда все нормальные люди позавтракали и уже забыли про это, в столовую ворвался Вася и закричал в раздаточное окошко:

— Ой, тетя Наташ, дайте чего-нибудь поесть, а? А то останусь голодным до самого обеда! У меня причина уважительная, чесслово! Я кровь сдавал!

— Что ж с вами, голодными монстрами, делать? Все лезете и лезете один за другим, — выглянув в окошко, раздраженно буркнула повариха-раздатчица.

— Я последний такой, правда! Ем много, но тихо. Почти не чавкаю, — жалобно заскулил Василий. — И не вампир, как некоторые тут... в белых халатах. Столько крови выкачали из меня — не поверите, думал, все, приплыл, по стеночке ходить буду.

— Веселый ты парень, Васька, — грустно улыбнулась тетя Наташа, которая все утро ждала чего-то очень плохого, а чего и сама не могла понять. — Ладно, покормлю тебя, так уж и быть.

Она положила на тарелку рисовую кашу и парную котлету, налила чай в стакан.

— Ничего, что чай холодный? — спросила она и мысленно поблагодарила Василия за его всегда веселое настроение, передавшееся и ей.

— Какой есть, — махнул рукой Вася. — Лишь бы с сахаром. Спасибо, тетя Наташ!

Повариха-раздатчица поставила тарелку с едой и стакан чая в проем окошка. Вася взял все это и сел за ближайший стол, лицом к раздаточному окошку.

И в этот же момент в столовую вошел Федор Иванович. Бедный парень чуть не подавился. Он сразу же почему-то вспомнил все те бредни, что ему рассказывал Груша. И женщину, которая крутилась здесь на полу и умерла на его глазах, так и не дождавшись помощи врачей.

— Эй, красавица, покушать у тебя есть что-нибудь? — заглянул в окошко Федор Иванович.

— О, еще один, — хохотнула повариха. — А ты, Васька, говорил — последний такой.

Тетя Наташа кинула взгляд на перебинтованную шею и грудь Федора Ивановича и вскрикнула:

— Ой, дедушка! Как же это вы так? Я мигом... вам сейчас все положу.

— Да я уж рассказывал, — очередной раз принялся объяснять старик. — Внук под ногами выскочил, когда я кастрюлю с кипятком по коридору нес.

Повариха-раздатчица поставила тарелку с кашей и парной котлетой в проем окошка и подмигнула Федору Ивановичу:

— Понятно. А вы дедушка, небось, любите по коридору гулять с кипятком в кастрюльке, да?

— Ну, дак, а чего не прогуляться? — радостно загудел старик. — Наше дело стариковское. Ноги размять. А чем же еще заняться в мои-то годы? Может, ты, красавица, подскажешь?

Повариха налила в стакан чай и поставила его рядом с тарелкой.

— Да какая из меня советчица? — произнесла она, мысленно ругая себя за мрачное настроение. — Если вам это занятие так нравится, прогуливайтесь себе на здоровье. Слова никто не скажет. Только под ноги себе смотрите.

— А я тебе свой адресок перед выпиской подкину, — улыбнулся Федор Иванович. —

Приходи в гости, вместе прогуляемся, у меня кастрюлек мно-ого!

— Ох, бабушка, да вы ходок, что ли?! — улыбнулась в ответ тетя Наташа.

Федор Иванович с хохотком забрал тарелку с чаем и подсел за стол к Васе.

— Доброе утро, Иванович! — поздоровался Василий.

— Привет, Василий, — ответил старик.

Вася быстро допил остатки чая из стакана и встал.

— Приятного вам аппетита, — произнес он.

— Да, не спеши ты, Василий, — сказал Федор Иванович и взглянул прямо в глаза парню. — Посиди со мной... Кашу свою доешь.

Вася нехотя сел обратно. В висках его застучало.

— Хм. Да какая-то она сегодня невкусная, — хмыкнул Вася.

— Ты мне вот что скажи, друг ситный, — наклонился к нему мерзкий старик. — Чего это Груша на меня постоянно пялится?

Вася подумал несколько секунд и хитро улыбнулся:

— Как это вам объяснить? Он дедофил. Короче, это... неровно дышит ко всяким там бабушкам.

— Эх, Василий, — наигранно вздохнул Федор Иванович. — Обормот! Кто так шутит?

— Ха-ха! Купились, да? — засмеялся Вася. — Пардоньте, как говорится.

— Так и быть, извиняю. А на вопрос мой ты так и не ответил.

— Ладно, я вам по секрету скажу, — наконец-то без своих шуточек ответил Василий, и мерный стук в его голове прекратился. — У Груши чердак реально поехал. Он думает, что вы не человек, а этот...

— Кто? — резко переспросил старик.

— Нуу... Типа демон, что ли, — выпалил на одном дыхании Вася.

Федор Иванович отломил ложкой полкотлеты, быстро ее прожевал и запил чаем.

— С чего это ему такие глупости в голову лезут? — спросил он.

— Сначала у него глаз вдруг задергался, когда вы начали рассказывать свою историю, — начал объяснять Василий. — Потом тут в столовой тетка задергалась в приступе эпилепсии и умерла на полу, после того, как вы ей что-то интересное рассказали и ушли. Вот он и сделал свои выводы.

— Вот идиот! — воскликнул старик. — Это же случайные совпадения.

Заведующий хирургическим отделением Павел Петрович Николаев подошел к посту дежурной медсестры и протянул Алёне журнал учета лекарственных препаратов.

— Спасибо, Алёна! Передайте ночной медсестре Марьяновой, я ей делаю строгий выговор, — раздраженным голосом произнес он.

Алёна испуганно посмотрела на Николаева и спросила:

— А что случилось?

— Больному из шестой палаты ни одного обезболивающего укола не сделала. Бедняга на стенку лез, — разгневанно зарычал Павел Петрович.

— Как же она могла? — осуждающе вскрикнула Алёна.

— Да очень просто. Закрылась где-нибудь в процедурном кабинете и прохрапела всю ночь, — высказал свое предположение Николаев. — Плевать ей на человеческую боль, свой сон дороже!

— Гнида, одним словом! — искренне возмутилась Алёна. — Уж я ей передам, не волнуйтесь! И от себя добавлю.

Открылись двери и в хирургическое отделение с лестничной площадки вошли две женщины: медсестра из приемного покоя и новенькая больная.

Николаев аж весь расцвел, когда увидел новенькую, которую оформляли в палату номер двенадцать его отделения. Красивых женщин в своей жизни он видел много, но в этой было что-то особенное, она каждой клеточкой своего тела звала, манила к себе. Его одинокое сердце защемило в груди, а сам он чуть не заскулил у всех на виду. Павел Петрович пожирал жадным взглядом ее длинные шикарные темно-русые волосы, коричневые брови, большие гипнотизирующие голубые глаза, маленький острый носик и тоненькие малиновые губы. Он восхищался ее прекрасным стройным телом, изящными руками, походкой и манерой разговора, сильным властным голосом и сексуальностью, выражавшейся в каждом движении, возгласе, в дыхании, в шелесте длинного халата — во всем, что было связано с ней.

Только вот одна беда: ножку волоокой красавицы портила небольшая опухоль. И Павел Петрович мысленно начал молиться, что бы это был не рак. Нельзя отдавать на съедение этому гнусному членистоногому такую сказочно-красивую женщину.

— Принимайте новенькую, — обратилась медсестра из приемного покоя к зачарованному Николаеву.

— М-м, — не совсем понимая, что от него хотят, произнес Павел Петрович.

— Знакомьтесь, это наш заведующий, — выручила его Алёна.

— Мы...гу, — радостно затряс головой Николаев.

Новенькая смущенно улыбнулась Николаеву.

— Пойдемте, я вам покажу, где ваша палата, — тяжело вздохнула Алёна. Из-за спины Николаева она развела руками, а затем покрутила пальцем у виска, мол, простите, наш заведующий немного не в себе.

Все три женщины дружно засмеялись. Алёна взяла новенькую больную за руку и повела по длинному коридору к ее палате.

В это время в двенадцатой палате хирургического отделения было совсем невесело:

— Умереть можно со скуки, — умирающим голосом произнесла Ира. Она стояла у окна и смотрела на пустынную улицу.

— Больно долго ты умираешь. Кровать задерживаешь, — заметила Света с кровати, на которой она сидела, подтянув колени к подбородку.

— Ей еще минимум две недели умирать, — констатировала Степановна, ковыряясь зубочисткой в зубах.

— Он вчера даже не позвонил, даже не спросил, как у меня дела, — срываясь на слезы, сказала Ира.

— Не переживай, сегодня обязательно позвонит, — успокоила ее Света.

— А если нет? — заныла Ира.

— Ира, так нельзя! — влезла в разговор Степановна. — Из-за ерунды себя накручиваешь. Съешь чего-нибудь сладкого и подумай о хорошем.

— Может, нам с ним ребенка завести? — сказала Ира.

— Дура, тебе же сказали: сначала слопай конфету, — рявкнула на нее Света.

— Ира, если он тебя не любит, ребенком ты его не удержишь. Уж поверь, — доходчиво объяснила Степановна.

Заскрипели двери, и в палату вошла новенькая больная, она обвела всех взглядом и дружелюбно улыбнулась.

— Здравствуйте, меня зовут Анна, — произнесла она своим чудесным голосом.

На пятом этаже в одиннадцатой палате урологического отделения собралась интересная компания. Там стояли четыре кровати. На той, что находилась ближе к окну с левой стороны палаты, лежал Андрей — мужчина лет тридцати, на второй, что ближе ко входу, располагался Олег Олегович — бородатый мужик, возраст которого определить было сложно. На третьей, ближе к окну с правой стороны, лежал Александр Евгеньевич — лысый очкарик интеллигентного вида. На четвертой кровати никто не лежал — она ждала нового больного.

Все трое мужчин смотрели маленький цветной телевизор, который стоял на тумбочке бородача. По телевизору шли новости спорта. Александр Евгеньевич крутился на одном месте. И все ему было неудобно. В конце концов, он не выдержал, резко сел в кровати, опустил ноги на пол и сунул их в тапки. Андрей и Олег Олегович молча уставились на него.

— Не люблю лежать в больницах, — пожаловался лысый очкарик. — Меня от бездействия начинает душить депрессия.

Олег Олегович посмотрел на Александра Евгеньевича долгим изучающим взглядом, поднялся с кровати и сделал громкость телевизора чуть тише.

— А давайте в карты поиграем, — предложил он. — В «дурня», например.

— На интерес? — вяло спросил Андрей.

Олег Олегович еще раз внимательно посмотрел на очкарика и неуверенно произнес:

— Давайте на деньги, только ставки сделаем минимальными.

— А что — это идея! — глаза Александра Евгеньевича моментально загорелись живым огоньком. — Будет, о чем вспомнить. Давайте сходим к банкомату, снимем тысяч по десять и устроим рубилровку в покер. Ну, как вам такое предложение? Слабо?

— Кому слабо? — искренне удивился Олег Олегович. — Для меня десять тысяч — это пыль. Можно сразу и по тридцать снять.

Андрей проглотил ком, подступивший к горлу, и заявил:

— Стойте-стойте, господа миллиардеры! По двадцать тысяч и хватит. Давайте удерживать свой азарт в рамках разумного.

Из-за скуки Ира и Света устроили Анне допрос. Они уставились ей в глаза, как прокуроры, и по очереди мучили бедную женщину вопросами.

— А кем вы работаете? — задала Ира двадцатый по счету вопрос.

— Я работаю учительницей музыки и пения в школе, — спокойно ответила Анна.

— И, как, дети вас морально не достают? — следом напала Света.

— А меня достать трудно. Со своим терпением и опытом я любого ученика к ногтю прижму, — без эмоций ответила женщина.

— Короче, вы крутая училка. — подвела итог Ира.

— Совершенно верно, — кивнула ей Анна.

В палате наступила тишина. Ира достала из тумбочки бутылку минеральной воды, сделала несколько глотков и подала бутылку Свете.

Анна вновь обвела всех взглядом и улыбнулась своей обаятельной улыбкой:

— Вы меня извините... У вас такие лица тоскливые. Скучно здесь, да?

— Так оно и есть. Еще пару дней и я застрелюсь от скукотищи, — ответила ей Света.

— Год назад я уже лежала в этой самой больнице, — заговорила Анна. — Как-то раз одна очень пожилая женщина рассказала мне странную историю. Сама я в такие дела не верю, но... вспоминала об этом часто. И вот опять сюда угодила. А рассказала она мне вот

что. Якобы, однажды, давным-давно...

Анна на секунду замолчала, а затем продолжила:

— В кабинет главврача этой больницы — я даже запомнила, как его звали, Хлебников Иван Сергеевич, — постучался и зашел молодой парень, который увлекался практической магией. Он рассказал главврачу, что в больнице появилась некая нехорошая субстанция, и возникла она не просто так, а из-за его глупых магических опытов.

Анна обеспокоенно посмотрела на своих слушателей.

— Извините. Вам хоть интересно то, о чем я рассказываю? — спросила она.

— Конечно, интересно, — ответила Света.

— Коли начали рассказывать, теперь уж дуйте до конца, — вякнула Ира.

— Так вот, и попросил этот студент разрешение у главврача на то, чтобы провести в больнице несколько обрядов, с целью обезвредить эту субстанцию, пока она не переросла в нечто неконтролируемое, — продолжила свой рассказ Анна. — Хлебников, конечно же, его прогнал и распорядился на проходной, чтоб этого дурачка не пускали на территорию больницы ни под каким предлогом.

Анна опять замолчала, наклонилась и почесала ногу вокруг опухоли.

— Измучила меня эта болячка, — простонала она.

— Сильно болит? — сочувствуя Анне, спросила Ира.

— Не очень, но болит, — тяжело вздохнула женщина.

— На самом интересном месте замолчали, — сказала Света. — Так не честно!

Анна, морщась от боли, улыбнулась:

— Ладно, слушай, Света, дальше эту историю. Когда главврач вернулся на свой этаж, то он не обнаружил дверей, ведущих в свой кабинет. На их месте оказалась сплошная голубая стена.

— Прикольно, — произнесла Ира и краем глаза заметила, как Степановна терла платком краснеющий глаз, он у нее слезился, как будто в него что-то попало.

— Врачи и медсестры, к которым он обратился за помощью, вдруг перестали его узнавать и шарахались от него, как от сумасшедшего, — заговорила громче Анна. — Но нашлась одна добрая санитарка, которая объяснила ему, что настоящий главврач больницы — уважаемый всеми Иван Сергеевич Хмельницкий, кабинет которого располагается этажом выше.

— Ха-ха! — воскликнула Света. — Представляю себе физиономию этого Хлебникова!

— Да, бедный мужик. Попал, — хохотнула Ира и вновь посмотрела на Степановну. Та лежала на кровати и вытирала платком слезящийся глаз. Весь платок у нее был мокрый.

— Хлебников сразу же побежал по лестнице наверх и нашел кабинет главврача, — не затихала Анна. — Зашел в него и удивленно спросил у Хмельницкого: «Если ты главврач, то кто же я?».

— Ну и что тот ответил? — спросила Ира.

— А Хмельницкий ему ответил: «Я, Ваня, — твой глубокий наркотический сон. У тебя началась сильная мигрень, и ты вколол себе обезболивающее, а на самом деле — спугал его с наркотиком. Поэтому, дружище, присядь-ка здесь и терпи дальше свои галлюцинации. Они еще не скоро закончатся».

— Ах, как болит голова! — вдруг заорала Степановна. — Девчонки! Анна! Позовите медсестру с поста. Что-то мне сплехело.

Подавленная нехорошими предчувствиями, Круглова вышла из ординаторской и

направилась в морг. Ее присутствие при патологоанатомическом исследовании было обязательным. И она обреченно шла туда, куда идти совершенно не хотелось.

Ситуация сложилась скверная: до тех пор, пока не станет известно, есть ли ее вина в смерти Кадышева, нервам не будет покоя. Она понимала, что волнуется раньше времени, но ничего не могла с собой поделать.

Скорее всего, думала Елена Степановна, больной съел вчера вечером что-то, что его организм не смог переварить, чем и добил себя. Но это было только ее предположение. Магамединов, к примеру, считал, что в данном случае роковую роль могла сыграть передозировка лекарств или же их непереносимость.

В лабораторию морга можно было попасть двумя путями: либо с улицы, с отдельного хода, минуя два помещения с холодильными камерами; либо, спустившись в подвал и свернув в левое крыло, пройти к ней по узкому, петляющему то в одну, то в другую сторону коридору. Все работники больницы, которым нужно было посетить морг, предпочитали ходить через подвал, так как этот путь был более коротким.

Елена Степановна спустилась по крутым ступенькам и двинулась в нужном направлении, цокая каблуками по звонкой керамической плитке. «Цок, цок, цок...», — каждый шаг коридорное эхо возвращало повторяющим звуком. В какой-то момент она сбавила темп, услышав, что кто-то вслед за ней спускается по ступенькам в подвал. «Интересно, кто это может быть?», — задумалась женщина. Быстрые, догоняющие ее шаги она слышала отчетливо.

Круглова обернулась — и чуть не умерла от страха: приближающиеся к ней шаги Елена Степановна все еще слышала, но никого, кто мог бы издавать эти шаги, в коридоре подвала не наблюдалось. Внезапно, ни с того, ни с сего, тишина в подвале стала абсолютной. Даже эхо — и то замолчало. Круглова почувствовала холодное жгучее дыхание, словно какая-то нехорошая тварь задышала ей в затылок. Елена Степановна резко развернулась и увидела на небольшом расстоянии от себя девушку в черном платье, с вороном на плече. В этот раз она выглядела старше. На щеках у нее виднелись небольшие кровоточащие язвочки. Глаза ее были красные, губы — плотно сжатые. Ничего не говоря, девушка резко выкинула вперед руку и, хоть она не дотронулась до Кругловой, энергии, исходящей от этой руки хватило на то, чтобы отбросить несчастную женщину метра на три назад. Круглова сильно ударилась головой об стену и почувствовала, как по коже поползла теплая струйка крови.

«Черное нечто» заговорило мерзким прокуренным голосом:

— Я в ярости! Я не привыкла повторять. Моей злости не будет предела, если ты немедленно не покинешь эту больницу! Третий раз я тебя предупреждать не буду.

Круглову от ужаса парализовало. Она даже не смогла вымолвить слово. То, с чем она столкнулась уже второй раз, не лезло ни в какие рамки ее сознания. Или, она сошла с ума, или все вокруг перестало быть таким, каким было... Девушка, медленно удаляясь, исчезла за поворотом. А Елена Степановна почувствовала сильное головокружение, более того, ее стало трясти, и не столько от боли и потери крови, сколько от нервного потрясения. Дрожащими руками она достала мобильник из кармана белого халата и набрала Магамединова:

— Лена, ты где? Сколько тебя можно ждать? — услышала она злой голос своего начальника.

— Максим, я разбила в подвале голову и, кажется, теряю сознание. Здесь так много кровищи, никогда бы не поверила, что во мне столько может быть....

Отжимая половую тряпку, баба Маня — уборщица, закрепленная за третьим этажом больницы, — посмотрела на голубую обшарпанную стену, потом перевела взгляд на окно, вновь посмотрела на стену и тихонечко выругалась матом. После чего кинула тряпку обратно в ведро, схватила двумя руками весь свой рабочий инвентарь и, тяжело вздыхая, засемила в направлении лестничной площадки.

По дороге встретила медсестру с поста и пожаловалась ей:

— Я, Алёна, совсем голову потеряла. Правильно говорят, старость — не радость.

— В чем дело, баба Маня? — участливо спросила медсестра.

Горецкая, поставив ведро с тряпкой на пол, начала объяснять:

— Да вот: вымыла окно, убралась в туалете, мою пол в коридоре и вдруг замечаю, что нигде не вижу дверей в кабинет главврача. Видишь, какая я дура!

— Зачем вам двери в кабинет главврача, баба Маня? Что-то я ничего не пойму.

— Все тут просто и понятно. Я, дура, не на свой этаж пришла убираться. Не на третий, а на второй, наверное.

— Ну как же не на третий, милая моя баба Маня, — заулыбалась Алёна. — Вон, смотрите, что написано на стене: «Третий этаж». Все чётко и понятно.

— Не пойму ничего, — разволновалась уборщица. — А где же тогда кабинет главврача?

— Да, на четвертом, там, где он и был.

Старенькую женщину, с отеками из-за сахарного диабета ногами, пошатнуло, и она одной рукой схватилась за стену. Давление у нее вмиг подскочило вверх.

— Ну, что ты, родненькая, мне такое говоришь? Я всю жизнь в кабинете главврача убиралась, потому что он закреплен за мной. Я все в нем наизусть знаю, — повысив голос, произнесла она.

— Баба Маня, никогда ты, сколько я здесь работаю, не убирала в кабинете главврача.

Мария Ильинична вдруг улыбнулась, будто о чем-то догадалась, и схватила Алёну за белый халат:

— Ты меня, балбеска, разыгрываешь, — проскрежетала глухим голосом бабка. — А ну, признавайся, в чем подвох!

— Да ну вас! — Алёна вырвалась из слабых рук уборщицы. — Вот, скажите мне, баба Маня, чего вы сегодня в обед на работу приперлись? Вы же на больничном. Отлежались бы дома, сколько вам положено. Идите, выпейте валерьянки, что ли, и не пугайте мне больных. А то не успеете оглянуться, как вас в психушку с маразмом упекут. Это я вам на полном серьезе говорю. Такими темпами скоро в смирительной рубашке будете полы мыть.

Магамединов очень сильно волновался за Круглову. Бегал вокруг нее, словно та вот-вот умрет, если он не будет о ней заботиться. Елену Степановну это немного забавляло и даже смешило. Максим Викторович достал из шкафа подушку, положил ее на диван и предложил:

— Ложись, раненая. Инга скоро тебя домой отвезет, только обход больных закончит... Восемь швов — это ж надо так умудриться стукнуться. Ты, как я понял, поскользнулась и ударилась головой об стенку?

«Если б все было так просто, — подумала Круглова и села на диван. — Стоит ли ему рассказывать про девушку в черном платье с вороном на плече, или сразу попросить таблеток от шизофрении, вдруг у него они где-нибудь завалялись?».

В кабинет, предварительно постучав, вошла, лечащий врач терапевтического отделения Инга Вацлавовна Весюткина — невысокая, хрупкая на вид женщина в белом халате, которую Магамединов уважал и очень ценил за ее умение анализировать и находить ответы на самые

сложные вопросы.

— Ну, что, боец спецназа, отвоевала? — произнесла она, увидев перебинтованную голову Кругловой. — Собирайся, отвезу тебя домой.

— Не поеду я никуда. Мне тут с вами веселей и спокойней. Вот как дождусь результатов вскрытия, тогда поеду. А сейчас не дергайте меня своими заботами. Идите, лодыри, работайте! — пользуясь положением, закапризничала Елена Степановна и тут же мысленно назвала себя дурой, вспомнив предупреждение девушки в черном платье. Ей следовало соглашаться с предложением Инги и сваливать отсюда как можно быстрее, а она корчила из себя неизвестно кого (действительно, боец спецназа!) и ничего не могла с собой поделать.

— Работа не волк, в лес не убежит, — ответила на ее реплику Инга Вацлавовна. — Ехала бы ты домой, Лена. Когда ты еще так удачно разобьешь голову. Будь я на твоём месте, уже давно бы сидела дома и читала какую-нибудь бабскую книжку про любовь.

— Кто тебе мешает? Стена в подвале крепкая, — пошутила Круглова, — сама проверяла.

— Лена, если ты каждую смерть в больнице будешь принимать так близко к сердцу, твоя психика не выдержит, — заметила вслух Весюткина. — Мы врачи, не забыла? Возьми себя в руки.

Круглова легла на подушку, и на ее лице появилось серьезное выражение:

— Инга, а, если моя психика уже дала сбой? Что тогда?

— Я просто хотела сказать, что мы каждый день играем со смертью в перетягивание каната, — попыталась объяснить свои слова Весюткина. — И нет нашей вины в том, что на этот раз канат перетянула смерть. Увы, в нашей профессии такое бывает. Ты ведь не первый год работаешь, Лена. Всякое повидала.

— Это понятно. Я не о том... В последнее время, знаешь, я что-то сама не своя. Мне трудно это объяснить.

Замученный возникшими проблемами, Магамединов только теперь сообразил, почему не спешит домой Круглова, и решил ее успокоить:

— Лена, я убежден, что твоей вины в смерти Кадышева нет. Ты все сделала правильно. Я смотрел историю болезни — все назначения грамотные. Здесь в другом дело: или ему наши медсестрички вкололи что-то не то, или вкололи лекарство дважды. В общем, человеческий фактор. Разумеется, я, как заводделением, во всем разберусь, так что не волнуйся.

Магамединов смахнул рукой прядку волос со лба Кругловой:

— Хочешь, я тебе позвоню, когда будут результаты?

— Обязательно позвони, а то я тут умру у тебя на диване, так и не узнав истинную причину смерти этого несчастного Кадышева.

Ворвавшись к Аллочке в кабинет, Погодин сразу же обнял ее за плечи. Он посмотрел через окно во двор больницы, и краем глаза заметил, как от проходной к входу больницы медленно шел высокий мужчина в черном костюме и темных очках. А навстречу ему по ступенькам спускался Беленький. Мужчины остановились напротив друг друга и о чем-то заговорили.

— Я очень люблю тебя, Аллочка, и ты это прекрасно знаешь, — зашептал Пётр Алексеевич на ухо своей возлюбленной.

— Не представляешь, Петя, как мне это приятно слышать, — улыбнулась счастливая Аллочка. — Прошу тебя, повторяй эти слова почаще.

— Ангелочек ты мой ненаглядный, — не выдержал Погодин и поцеловал Аллочку сначала в шею, затем чмокнул в щечку. — Я так рад, что ты у меня есть на этом свете.

— А я-то как рада, что ты есть у меня, — прослезилась старшая медсестра.

Все вскрытия проводились в лаборатории морга. Она представляла собой большую комнату без окон с высокими потолками. Стены этой комнаты были облицованы бордовой прямоугольной керамической плиткой, а холодный пол — квадратной мраморной. Вдоль одной из стен стояли две глубокие раковины с устройствами для стока и длинный стол, на котором можно было увидеть хирургические инструменты, электрическую роторную пилу и коробку с медицинскими перчатками. Вдоль другой стены стояли подъемно-транспортные тележки и, на небольшом расстоянии от них, — стол гистолога, оборудованный нижней вытяжной системой. С потолка на металлических цепях свешивались три пары массивных ламп. Под каждой парой располагалось по одному металлическому секционному столу. Два из них были пусты и сияли чистотой, а на третьем лежал голый мужчина, живот которого вздулся до невероятных размеров.

Врач-патологоанатом Игорь Михайлович Воронин держал в руках маленькую коробочку. Ему очень хотелось узнать, что внутри нее, но он никак не мог сообразить, как она открывается. Хлопнула входная дверь, и он молниеносным движением спрятал коробочку в карман халата.

— Привет, Максим. Ну что, приступим? Кстати, как там Круглова?

— Восемь швов наложили, — поделился бедой Магамединов. — Вот угораздило.

— О, это серьезно. Не повезло бабе. Сотрясения нету?

— Я осмотрел ее. Думаю, что без него не обошлось. Упрямая она, на рентген не хочет.

Ладно, к делу!

Игорь Михайлович, чья профессия вряд ли могла бы вызвать зависть у других людей, надел медицинские перчатки и острым скальпелем разрезал кожу покойника от шеи до таза, затем раздвинул ее, обнажив внутренние органы. Из разреза сразу выперли наружу вздутые желудок и кишки. Комнату заполнил удушливый неприятный газ.

Желудок Магамединова, не всегда устойчивый к картинам вскрытия, начал неприятно сжиматься, он еле-еле поборол тошноту. Лицо Максима Викторовича побелело, но он изо всех сил старался делать вид, что с ним все в порядке и он привычен ко всему.

— Да, газы так и прут, — заметил Воронин.

— Блин, Игорь, давай без комментариев! Я пять минут назад кофейку попил, и этот прекрасный напиток уже просится обратно — на волю.

Воронин — пожилой мужчина, повидавший в своей жизни очень многое — искоса посмотрел на заведующего терапевтическим отделением и улыбнулся.

— Искренне сочувствую... Ну, что ж, посмотрим, что такое вкусное скушал наш покойник, — сказал он и начал медленно разрезать желудок.

Через разрез потоком хлынули мелкие беловато-красноватые червячки, чем-то похожие на опарышей, но длиннее их, и какие-то серые жучки размером с божью коровку. Вслед за ними неожиданно для врача выскочила голова большой твари (большой по сравнению с «опарышами»), она зашипела на патологоанатома и, посмотрев на божий свет серыми глазками, спряталась куда-то внутрь кишок.

— Боже мой, я никогда в жизни не встречался с подобной прелестью, — пробормотал Игорь Михайлович.

— И это все жило в нем? — удивился Магамединов, с ужасом глядя на мелких тварей,

которые вылезали из разреза и расползались, кто куда.

— А в ком же, — Воронин взял пластиковый контейнер и стал выдавливать в него содержимое желудка и кишечника. Вместе с большой тварью в контейнер вывалилась голова ворона, глаза у головы мёртвой птицы открылись, и с них потекли кровавые слезы. Магамединов, будучи верующим человеком, перекрестился и закричал:

— Господи! Да это бред! Я сплю что ли?! Игорь, так не бывает! Ну, червяки — ладно, но какой нормальный человек смог проглотить воронью голову?!

— Макс, ты не болтай попусту. Хватай видеокамеру мою, она, вон там, на полке лежит, — спокойно сказал Воронин Магамединову и указал рукой в сторону навесных полок. — Снимай все, что здесь творится. Пойми, потом, без видеоматериалов, нам мало кто поверит. И позвони еще кому-нибудь, нам нужно больше свидетелей.

Тело у большой твари было, как у змеи, из него высывались по мере надобности на разную длину шесть пар коротких мускулистых лап, а по бокам торчали тонкие прозрачные веерообразные крылья. Очутившись в контейнере, тварь стала агрессивно себя вести — она бросалась на стены контейнера.

— Вот же мерзость! Игорь, тут что-то попрочнее нужно, — взвыл Магамединов. Тварь тем временем пробила стенку пластикового контейнера и попыталась выползти из него.

Воронин, схватив ее одной рукой, скальпелем разрезал пополам, и был удивлён: уже не одна, а две совершенно независимые друг от друга твари крутились в его руках. Обе были агрессивные и пытались вырваться.

— Давай живо сюда ванночку с формалином, — закричал Игорь Михайлович.

Магамединов быстро принес патологоанатому то, что он попросил. Воронин бросил двух тварей в ядовитую жидкость и был удивлён тому, что твари поплыли в ней, не выражая никакого беспокойства:

— Ты видал?! Этим тварюгам и формалин не яд! Я балдею от них!

Аллочка села за свой стол, развернула газету с кроссвордами и анекдотами, а Погодин так и остался стоять у окна. В голову к нему полезли какие-то странные беспокойные мысли.

— Петя, колись, что ты хочешь, чтоб я подарила на твой день рожденья, — вытянула она его из мрачного состояния. — Я нынче девушка богатая. Могу себе много чего позволить.

— Аллочка, — улыбнулся Погодин. — Мне не надо абсолютно никаких подарков.

— Петенька, но так не бывает, — нахмурилась медсестра. — Тебе же чего-нибудь хочется, ведь так? Просто скажи и все, не стесняйся.

— Да я не стесняюсь, — произнес грустный Погодин. — Просто я такой. Мне безразлично материальное. У меня есть все самое необходимое, и ничего сверх этого мне не надо.

— Что за шутки, Петя? Я же серьезно спрашиваю!

— Эх, Аллочка. Тебе будет со мной трудно. Я ведь равнодушен ко всяким там материальным приобретениям, — произнес непризнанный мастер жанра ужасов, искренне верующий в то, что он творец чего-то нового и интересного. — Меня без толку спрашивать, какие я хочу обои в зале, или какую плитку в туалете. Мне совершенно безразличны такие вещи.

Старшая медсестра откинула газету в сторону и посмотрела на Погодина. «Как мне тебя жаль, — подумала она. — Ты живешь в мире своих иллюзий. Когда-нибудь они разобьются о жестокую реальность, и ты этого не переживешь».

— Ничего страшного, милый, мы с тобой эту болезнь вылечим, — произнесла вслух она. — А какие вещи тебе безразличны?

— Любимая, я написал два серьезных романа, но никому их не показывал, — оживился Погодин, и Аллочка сразу же пожалела, что задала этот вопрос. — Я хочу, чтобы ты первая их прочитала, и, если они тебе понравятся, то я собираюсь посвятить их тебе.

— Что ж, я не против, — вздохнула старшая медсестра. — Тащи свои романы.

— Не спеши, — прошептал Погодин и его глаза сверкнули. Он достал из кармана маленькую коробочку и протянул ее Аллочке.

Она несмело взяла коробочку в руки и спросила:

— Что это?

— Открой. Это от чистого сердца, — пролепетал взволнованным голосом влюбленный мужчина.

Аллочка открыла коробочку, и увидела золотые сережки с блестящими камушками.

— Ах! Какое же это чудо, — воскликнула она, не веря своим глазам.

— Надень их, а я пока схожу за своими романами, — гордо выпятив тощую грудь, сказал Погодин и вышел из кабинета, тихо закрыв за собой дверь.

По коридору второго этажа быстрым шагом пронесся высокий мужчина в черном костюме и темных очках. Он прошел мимо поста дежурной медсестры, на котором никого не было, и подошел к дверям, ведущим в кабинет заведующего терапевтическим отделением.

Высокий мужчина без стука открыл дверь, вошел в кабинет и стал осматриваться.

— Вы кого-то ищете? — выглянула из-за спинки дивана Круглова.

Мужчина в черном костюме вздрогнул от неожиданности, посмотрел на перебинтованную голову Кругловой и смущенно улыбнулся:

— Здравствуйте! Извините, что я без стука. Я Магамединова ищу.

— Он в морге, — сказала, не подумав, Круглова.

— Как в морге? — вскрикнул высокий мужчина.

— Вы не пугайтесь, он там по рабочим вопросам находится, — успокоила его Елена Степановна.

Мужчина в черном костюме кивнул, подошел к рабочему столу Магамединова, и спросил:

— Я его здесь подожду, хорошо?

Круглова внимательно посмотрела на высокого мужчину, и, когда тот сел на стул, она заметила под его пиджаком висящую под рукой кобуру с пистолетом.

— А вы, собственно, по какому вопросу?

— Я брат его двоюродный. И по очень важному вопросу здесь нахожусь.

— Брат? — удивилась Круглова. — Странно, что мы раньше не встречались. Я ведь прихожусь ему свояченицей, сестрой жены. Меня, кстати, зовут Еленой, а вас?

— А? А меня Константином, — представился мужчина.

Круглова встала с дивана и включила электрочайник.

— Давайте, Костя, с вами кофе попьем, и вы мне расскажете, какие такие важные дела привели вас в нашу больницу.

— Ну что ж. Давайте. Мне две ложки на большую кружку и без сахара.

В проем дверей шестнадцатой палаты терапевтического отделения еле протиснулась грузная пожилая женщина ростом в два метра. Каждый ее кулак можно было сравнить с боксерской перчаткой, хотя та, наверное, оказалась бы меньше. Глядя на нее, в глаза сразу

бросались: лицо, изрытое морщинами, здоровенные черные брови, нос картошкой, толстая выпяченная нижняя губа, прямой длинный подбородок, складки кожи на шее и на теле.

Мария Ивановна Сарнацкая чуть не подавилась яблочным соком, встретившись взглядом с этим монстром. Пожилая женщина прошла вперед, и, став посередине палаты, прохрипела нечеловеческим голосом:

— Здравствуйте! Какая кровать тут свободная?

Как только она это спросила, в палату влетела молоденькая медсестричка, и, дыша ей в пупок, запищала:

— Вон видите? Пустая. Ее и занимайте.

Женщина-монстр посмотрела на свободную кровать, затем пробежалась взглядом по стене возле кровати, на которой разрослась ледяная корочка. И все больные сразу же подумали, что она сейчас возмутится по поводу этого мерзкого ледяного образования.

— Да, разве я здесь помещусь, деточка? — повернулась с возмущенным лицом к молоденькой медсестричке новая больная. — Мне бы кроватку побольше.

— А-а? — в глазах Анфисы появился неопиcуемый ужас. — Садитесь пока на эту, а я сообщу заведующему отделением о данной проблеме, он что-нибудь придумает.

Женщина-монстр ковырнула толстым пальчиком в носу и кивнула:

— Сделай милость, деточка, сообщи.

Медсестра вышла, хлопнув дверью.

— Что вы все на меня так уставились? — не выдержала новенькая больная. — Никогда, что ли, не видели женщину ростом два метра и весом сто семьдесят килограмм?

— Вы, правы, не знаю, как вас зовут, — смело ответила ей Вика. — Я всю жизнь живу в этом городе, но такую... высокую женщину вижу впервые.

— Зовут меня Купцевич Валентина Петровна. Сама я не здешняя, приехала в ваш город из Самары — дочку навестить. Да вот сердечко прихватило.

— А меня зовут Мария Ивановна, — решила вставить в разговор свои три копейки Сарнацкая. — Я здесь уже около месяца лежу, а меня доктор все не хочет выписывать.

— Нет, я-то сюда ненадолго, — громко засмеялась Валентина Петровна. — Дня через три я отсюда утеку. Если не раньше. Наслышана я про вашу больницу столько, что по собственной воле никогда бы не легла.

— И чего же вы такого наслышаны? — заинтересовалась Василиса.

— Вот, послушайте, — тяжело вздохнув, начала рассказывать Валентина Петровна. — Мне это поведала одна очень хорошая знакомая — соседка моей дочки по лестничной площадке. Тут один врач, правда, давно это было, эксперимент решил провести. Укол сделать. С какой-то африканской хренью, то ли чумой, то ли оспой. Лекарство он, вишь, искал. Убивать таких искателей надо.

— Хм, а чего он себе в сраку эту чуму не вмазал? — резко встала с кровати Макаровна. — Умный был слишком?

Она подошла к окну и стала тереть рукой правый глаз.

— Макаровна, не перебивайте, пожалуйста! — рыкнула на неё Вика. — И не ругайтесь! Давайте дослушаем.

Валентина Петровна в это время засунула в нос палец и стала колупаться в нем, затем достала палец из носа и вытерла его о подушку. Вика все это увидела и скривилась от отвращения.

— Ну, короче, заразил одного хмыря, — зевнула Валентина Петровна, широко раскрыв

рот. — Тот заболел, язвы, все такое. А этот врач ему хотел свое лекарство вколоть, ну, чтоб вылечить. Эксперимент, значит. Но ни черта лекарство не подействовало. Так мало того, этот дурак сам заразился. Потом вся палата. Через пару часов — все отделение корчилось. Врач тот сам к обеду загнулся. Карантин, конечно, объявили... Доктора. Вот оно как — в больнице-то лежать. Мало ли, что тебе вколют.

— Нечего слушать всякие глупости, Валентина Петровна, — перебила новую больную Сарнацкая. — Люди еще и не такое от безделья набрешут. А простой народ в какую хочешь чушь поверит. Потому — к вранью мы не привыкли, все на веру принимаем.

— Верить или не верить — дело ваше, — пожала плечами Валентина Петровна. — А я зная, врачей, не сомневаюсь — нечисто тут, в больнице этой. Ох, нечисто.

Аллочка вышла из своего кабинета, подошла к дверям каморки Погодина и нажала на ручку. Двери не поддались. Тогда она застучала в них кулаком.

— Петечка, ты, где пропал? Я жду-жду, а тебя все нет.

За дверью — тишина. Ни шороха. Аллочка достала из кармана свой мобильный телефон и набрала номер Погодина. В трубке раздалось: «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

— Погодин, где ж тебя черти носят?! — разозлилась старшая медсестра.

Внезапно за дверью Погодина раздался неприятный скрежет.

— О, Боже, — отпрянула от двери Аллочка. — Что это за ерунда такая?

А затем Аллочке показалось, что она оглохла. Вокруг все стало настолько тихо, будто она осталась одна в этом мире, и больше некому и нечему было издавать звуки.

— Господи, что происходит?! — заорала испуганная Аллочка, но никто не выскочил на ее крик в коридор...

Макаровна потянула на себя двери и вошла в ванную комнату, подошла к зеркалу над умывальником. Она взглянула на себя в зеркало и, как обычно, увидела лицо женщины-алкоголички неопределенного возраста. Правый глаз представлял собой сплошное кровавое месиво, более того, этот глаз слезился.

— Да что за хрень! — выругалась Макаровна, смочила краешек полотенца и осторожно протерла кровавый слезящийся глаз. — Неужто, инсульт?!

Макаровна сполоснула ванну, отключила воду и стала ждать, когда вытечет грязная вода. Внезапно в углу ванной комнаты с шумом упал железный совок. Макаровна вздрогнула и оглянулась. Хмыкнула, вставила пробку в сток ванны и включила воду.

Она вновь взглянула на себя в зеркало и волосы на ее голове стали подниматься дыбом. В зеркале за спиной Макаровны отражалась девушка в черном платье с коротким рукавом. Лицо девушки было покрыто язвами, с него на пол капала желтая слизь.

— Матерь божья, — прошептала Макаровна. — Что это такое?

— Собирай свои вещи и беги из этой больницы! — заговорило мерзким голосом «черное нечто».

Макаровна схватилась рукой за край ванны и закричала:

— А-а-а!

Рука Макаровны соскользнула с края ванны, и женщина упала на пол. Она всхлипнула, приподнялась, облокотилась двумя руками на ванну, повернула голову и посмотрела на девушку в черном платье с коротким рукавом. Та стояла не прежнем месте и перебирала в руках четки. С ее лица на пол капала желтая слизь.

— Я все понятно сказала? — грозно спросило «черное нечто».

Макаровна перекрестилась и закричала:

— Изыди, Сатана!

«Черное нечто» в ответ замахнулось на Макаровну.

— Вон из больницы! Живо! — заорало оно.

Макаровна закрыла лицо двумя ладонями и стала ждать удара. Но ничего не произошло. Макаровна убрала руки и увидела, что в ванной никого нет.

— Во имя отца и сына и святого духа. Аминь! — зашептала перепуганная до смерти женщина. — Господи, кто бы это ни был, прошу тебя, спаси и сохрани меня от напасти!!

Макаровна поднялась, выключила воду и двинулась к выходу. По дороге нечаянно вступила в желтую слизь, подняла ногу. Липкая слизь еле-еле отклеилась от ее тапка. Макаровна вышла из ванной комнаты, громко хлопнув дверью.

В одиннадцатой палате урологического отделения на пятом этаже больницы появилось точно такое же ледяное образование, как в шестнадцатой палате терапевтического отделения, двенадцатой палате хирургического отделения и двенадцатой палате ожогового отделения.

Три заядлых игрока в карты поставили возле кровати Андрея тумбочку, и на нее положили журнал хозяина. Сам Андрей уселся на кровать, а Олег Олегович и Александр Евгеньевич расположились на стульях так, чтобы было удобней играть в карты втроем. После того, как все игроки поменяли карты, Андрей сказал злым голосом: «Я пас». И кинул свои карты на тумбочку.

Александр Евгеньевич обрадовался такому повороту событий, достал из кармана сто рублей, положил их в журнал и тихо произнес:

— Я же говорил, что есть на свете справедливость... Я сто дальше.

— Что менял, что не менял — все равно карта неважная, — покрутил головой Олег Олегович и тоже кинул свои карты. — Я пас.

— Да, со справедливостью я поторопился. У меня три дамы, — подвел итог Александр Евгеньевич.

— Мужики, не чувствуете, похолодало вроде? — спросил Андрей и стал тереть ладонями плечи.

— Не то слово... Жуть, как холодно стало, — кивнул Олег Олегович и встал со стула. — Пойду кофту надену.

— Весна на дворе, а вы мерзнете, — усмехнулся Александр Евгеньевич. — Нехорошо это... Такое у моего прадеда было за два дня до смерти.

— Скорее всего, топить стали хуже, — произнес Андрей после того, как надел теплый свитер. — Экономят... на нас с вами...

Внезапно на стене рядом с подоконником начала образовываться ледяная корочка: раздался характерный для этого явления шелест и треск.

— Ну, что, посмотрим еще пару минут на эти глюки и пойдем сдаваться? — спросил Александр Евгеньевич.

Андрей раскрыл рот от удивления и кивнул в ответ. А Олег Олегович, обернувшись и заметивший разрастающееся ледяное образование позже всех, вскрикнул от неожиданности:

— Ого! Я такое вижу впервые. А вы?

— Лично мне не приходилось с таким сталкиваться, — произнес Александр Евгеньевич, дотронулся пальцами до ледяной корочки и попытался ее подковырнуть. Корочка вмиг перестала разрастаться и громко шикнула в ответ.

Александр Евгеньевич выругался матом, отдернул руку и посмотрел на пальцы — они стали липкие, кожа на них вздулась.

— Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Я фиגעю, — чуть ли не плача взвизгнул неосторожный мужчина.

— Больно? — с сочувствием спросил Олег Олегович.

— Блин! Да это ожог самый настоящий! Твою же мать!!! — завыл Александр Евгеньевич.

Андрей быстро достал из тумбочки полиэтиленовый мешок с бинтом и таблетками и предложил:

— Давайте, я перевяжу.

— Суньте руку под холодную воду. Верное средство, — посоветовал Олег Олегович, лицо которого перекошило от неприятного зрелища.

Александр Евгеньевич шмыгнул носом, подошел к умывальнику и сунул руку под холодную воду:

— Бывают же в жизни огорчения, — сказал он. — Ну, ничего, я эту дрянь все равно соскребу со стены — ей здесь не место!

Магамединова шатало как пьяного, он чувствовал, что если сейчас же не выйдет на свежий воздух, его вырвет прямо на мраморную плитку.

— Вот это зрелище! — ревел, как маньяк, Воронин, стоя с роторной пилой в руках рядом с секционным столом. — Так тебя и растак!! Максим, ты снимаешь?

Магамединов хотел бы ему ответить, но никак не мог. Чего-чего, а восторга Воронина он не разделял. Максим Викторович — весь бледный — стоял почти у самого выхода из лаборатории и смотрел расширенными, полными ужаса глазами, на труп Кадышева, из которого, прорываясь наружу сквозь ткани легких и печени, на божий свет лезли беловато-красноватые червячки и серые жучки. Они лезли откуда только можно, не умещались на секционном столе и падали на пол.

— Я балдею! — никак не успокаивался потрясенный увиденным Воронин.

— Я... Э-э-э... — произнес Магамединов, еле подавив подступившую к горлу рвоту. — Приведу кого-нибудь.

— Зови Круглову, пускай, и она хоть одним глазком глянет на эту хрень! — заорал Воронин. — А то извелась бедная баба... Да откуда ж вас столько?!

«Вот же чокнутый! Ведь сто процентов думает, что ей это очень понравится», — пронеслась мысль в голове Магамединова, и он нажал на ручку двери.

— Ага, посмотрю, как она себя чувствует... Может и позову. Такое не каждый день увидишь, — произнес Максим Викторович, вышел из лаборатории морга и закрыл за собой дверь.

Круглова встала у окна и насыпала в свою кружку две чайные ложки кофе, а в стакан Магамединова кинула пакетик с чаем «Гринфилд» и две ложки сахара.

— А я вот, если честно, вас на свадьбе вашего брата не помню, — произнесла женщина и налила в кружку и стакан кипятков из чайника.

— А вот я вас начинаю вспоминать, — ответил Константин. — Мы даже с вами танцевали.

— Глупости... Я бы вас запомнила, — возразила Круглова, повернулась и посмотрела на мужчину. Он сидел за столом Магамединова, полуобернувшись к ней. Подмышкой у него хорошо была видна кобура с пистолетом.

«Зачем ему в больнице пистолет? Кто он такой вообще? Охранник какой-нибудь или

мент? Может, он и вовсе не брат Магамединова? А убийца какой-нибудь?», — заподозрила неладное Круглова.

— У вас такая хорошая память? — удивился Константин.

Круглова натянуто улыбнулась и взволнованным голосом произнесла:

— Свадьба сестры — такое событие не каждый день бывает. Семейный праздник.

Кстати, а имя невесты вы сможете мне назвать?

— Конечно, могу! — ухмыльнулся Константин. — Ириной ее звали.

Круглова кинула удивленный взгляд на мужчину в черном костюме. Константин покраснел и отвел глаза в сторону.

— Да-да, конечно, — кивнула Круглова, достала прямо на глазах Константина из кармана халата бумажный пакетик и посмотрела на него. На пакетике жирными красными буквами было написано: «Слабительное».

Недолго думая, Круглова отвернулась от мужчины, разорвала пакетик, высыпала содержимое в кружку с кофе и тихонечко перемешала ложкой. Разорванный пакетик положила себе в карман.

— Вот и ваш кофе, — улыбнулась она обезоруживающей улыбкой. — У него немножко вкус специфический. Максим, как вы знаете, любит перемешивать кофе со всякими ароматическими добавками.

Круглова поставила кружку с кофе и стакан с чаем на стол Магамединова.

— Подождите, он еще горячий. Я вас сейчас печеньем еще угощу.

Круглова подошла к навесному шкафчику, открыла его и достала пластиковую коробку с шоколадным печеньем. Закрыла шкафчик, поставила коробку с печеньем на стол перед Константином и села на свободный стул.

— Угощайтесь, печенье очень вкусное, — пропела она.

— Спасибо, Елена. Скажите, а вы замужем? — спросил Константин и сделал глоток из кружки.

А тем временем в шестнадцатой палате терапевтического отделения Макаровна опустилась на колени возле своей тумбочки, выгребла из нее все содержимое и стала складывать в грязную дорожную сумку.

— Вы как хотите, а я отсюда отчаливаю. Жопой чую, гиблое это место, — говорила она громко. — Хотите верьте, хотите — нет, а скоро вам всем пипец придет. Вот помяните мое слово. Нет, я поумнее буду. Сваливаю — и точка.

Василиса отвернулась от окна, с презрением посмотрела на Макаровну и ответила на ее реплику:

— Ой! Давайте не будем нагонять панику! Захотели домой, надоел вам больничный режим, так идите — вас никто не держит! Но, пожалуйста, не придумывайте на прощанье всяких страшилок.

— И не говори, Василиса, — приподнялась в своей постели Чеславовна. — Да ей видать, водочки захотелось, а здесь какая водочка? С нами-то, небось, не выпьешь.

Макаровна встала с колен, взяла дорожную сумку в руки и пошла к выходу из палаты. У выхода остановилась:

— Счастливо вам всем оставаться. Поверьте, придет еще время, и вы вспомните меня, — мрачным голосом произнесла она.

— Иди уже, Макаровна, хватит нас страшить, — сказала Чеславовна.

Макаровна обвела всех на прощанье взглядом, кивнула и вышла из палаты.

— Вас застрашает, как же. Умные какие. А я сама себе хозяйка, — сказала она себе под нос и зашагала по коридору быстрым шагом.

Груша вышел во двор и сел на скамейку. В этот же момент к нему со спины подошел Генка и хлопнул его по плечу.

— Привет, Генка! — воскликнул обрадованный Груша. — Ну что, принес плеер с наушниками?

Генка пожал руку Груше и с гордостью ответил:

— А то.

Генка достал из кармана маленький (размером с пальчиковую батарейку) MP3 плеер с наушниками и протянул его Груше. Груша забрал плеер и спрятал его в кармане рубашки.

— Спасибо, дружище, — поблагодарил он Генку.

— Не за что. Рассказывай, когда выписываешься?

— Пока сам не знаю. А что?

— Да, так, ничего... Скучно без тебя в школе.

— Слушай, Геныч, я тебе сейчас кое-что расскажу, но только ты не смейся, а подумай, что это может быть...

Генка сел на скамейку и важно сказал:

— Валяй, я готов слушать! Кто, как не Генка, способен ответить на любые вопросы.

Константин сделал еще несколько глотков горячего кофе из кружки и улыбнулся Кругловой:

— Вы мне так и не ответили: замужем вы или нет.

— А вам это зачем знать? — улыбнулась ему в ответ Круглова. — Что, есть какие-то конкретные предложения?

Константин поставил кружку на стол и развел руки в стороны.

— Просто любопытно, — ответил он. — Я — холостяк. И меня это в последнее время очень угнетает.

— Нет, я не замужем, — усмехнулась Круглова.

— Зато у меня есть чудесная дочка, а отсутствие мужчины в моей жизни меня совершенно не печалит.

Константин распрямил плечи. Круглова вновь увидела кобуру с пистолетом у него подмышкой.

— Видимо ваш мужчина не оправдал ваших надежд, потому вы не очень-то хотите себя связывать отношениями с другими, — заметил вслух Константин. — Ведь так, признайтесь, Леночка? Обжегшись на молоке — на воду дуете?

— Какой вы сообразительный, — подняла брови Елена Степановна.

Константин улыбнулся и выставил напоказ свои нетронутые кариесом белые зубы:

— Может, сегодня сходим с вами куда-нибудь? К примеру, в кино, — спросил он, но вдруг резко поменялся в лице и схватился за живот. — О, ёлы-палы, что-то со мной не так.

Константин покраснел, вскочил со стула и выбежал из кабинета.

Из кабинета заведующего терапевтическим отделением в коридор осторожно выглянула Круглова и увидела Константина, который стоял, схватившись за живот, напротив Анфисы.

— Девушка, родненькая, не подскажите, где здесь мужской туалет?!

Анфиса подозрительно посмотрела на Константина и выдала следующую фразу:

— Простите, но туалеты у нас предназначены только для больных.

— Девушка, я вас умоляю, я ужасно болен, — взмолился несчастный. — И... могу не

успеть выздороветь.

Анфиса подумала еще секунд тридцать и показала своим кривым пальчиком в сторону мужского туалета.

— Спасибо, лапочка! — поклонился ей мужчина до самого пояса и, не разгибаясь, скрылся за дверями туалета.

Круглова вернулась за стол, достала из белого халата свой мобильный телефон и набрала номер Магамединова.

— Да, Лена, я тебя слушаю, — раздался в трубке голос Максима Викторовича.

Круглова покрутилась на одном месте и со страхом посмотрела на входную дверь.

— Тут чудик какой-то нарисовался, — зашептала она. — Братом твоим двоюродным представился.

— Ну и?

— Что — ну и? Подозрительный он какой-то, — стала объяснять Круглова. — Я ему дала слабительного на всякий случай и теперь думаю вызывать милицию.

— Подожди, не спеши, я тут рядом, в нескольких шагах от своего кабинета. Ты мне объясни, чем он такой подозрительный?

— У него под пиджаком — пистолет в кобуре. Представляешь?! И он даже не знает, как зовут твою жену.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Магамединов. Увидев его, Круглова облегченно вздохнула и отключила телефон.

— Да, у тебя крепкая логика, — сказал Магамединов. — Ну, где этот братец? Мне бы на него хотя бы глазочком взглянуть.

— Он на нашем этаже в сортире. Иди, бери его тепленьким, — подсказала ему Елена Степановна.

— Не бойся... Я буду осторожным, — произнес Максим Викторович, вышел из кабинета и тихо закрыл за собой дверь.

Круглова постояла пару секунд, не выдержала и выбежала в коридор. Она на цыпочках подошла к двери туалета. Слегка ее приоткрыв, Елена Степановна увидела Магамединова, который стоял напротив открытых дверей в туалетную кабинку. На его лице появилась радостная улыбка:

— Константин! Сколько лет! Сколько зим! — заорал он.

— Брат! — раздался из кабинки туалета ответный вопль. — Ты не поверишь, но я нашу встречу представлял себе как-то по-другому.

— О, Боже! — прошептала покрасневшая Круглова, понимая, в какую глупую ситуацию она влипла. — Очередная врачебная ошибка в моем послужном списке!

Женщина быстрым шагом удалилась подальше от мужского туалета и скрылась за дверями ординаторской.

ГЛАВА 3. Холодный мрак и первые потрясения

Максим Викторович и Константин сидели в кабинете за рабочим столом. Константин бурно рассказывал о своем знакомстве с Еленой Степановной, выплескивая из себя так много эмоций, словно он только что прокатился на американских горках. Магамединов молча смотрел на брата. Он его слушал и не слышал. Голова его была забита совершенно другим: он все еще мысленно пребывал в лаборатории морга. И поэтому два брата находились каждый на своей волне.

Магамединов первый решил прекратить это странное общение, когда один рассказывает, а второй не слушает.

— Ладно, брат, я бы рад поболтать, конечно, но момент не подходящий для этого, — произнес он.

— Я все понимаю, — ответил на это Константин. — Работа есть работа, от нее никуда не денешься.

Более того, если появляется проблема, подумал про себя заведующий терапевтическим отделением, то следом наваливаются еще десять. Магамединов открыл шкафчик, протянул руку к своей куртке, порылся в кармане и достал два ключа на связке.

— В том то и дело, что сегодня, как назло, дел невпроворот, — сказал он. — Не знаешь, за что хвататься.

Магамединов кинул Константину ключи.

— Это от моей квартиры... Располагайся.

Константин положил ключи в карман пиджака, а Магамединов принялся объяснять, как они поступят:

— Я вечером приеду. И мы обо всем с тобой поговорим. Маме своей сразу звони и говори, чтоб она собиралась. Завтра жду ее здесь, пускай готовится полежать в нашем отделении недельки три.

— Если б ты знал, какая она стала упрямая, — тяжело вздохнул Константин. — Ладно, Костя, не переживай! Я сам ей позвоню.

Магамединов двинулся к выходу, Константин встал со стула и пошел вслед за ним.

— Максим, ты это... если увидишь Елену, то передай ей, что мое предложение пойти вечером в кино остается в силе.

— Представляю ее с перебинтованной головой в кинотеатре.

— Хорошо, и куда мне ее пригласить?

Магамединов почесал затылок и подленько улыбнулся:

— Ко мне домой на кофе. А я пару пакетиков слабительного прихвачу — чтоб веселей было.

Входная дверь открылась прямо перед носом Магамединова. На пороге стояла Круглова. Константин взглянул ей в лицо и вдруг растерялся. Слова, которые он так ей хотел сказать вместо «спасибо за кофе», застряли у него в горле.

— Я дико извиняюсь перед вами всеми, но я сегодня не могу, — выпалила главная героиня кофейной катастрофы. — У меня уважительная причина — я голову в подвале об стену разбила. Постельный режим у меня.

Елена Степановна прошла, как ни в чем не бывало, мимо Магамединова и Константина и легла на диван. Мужчины проводили ее осуждающим взглядом.

— Я еще полежу? Мне что-то плохо, голова кружится и в глазах столько звездочек, что не сосчитать.

— Я, конечно, все понимаю, Елена, — нашел в себе силы заговорить Константин. — Но если вы и дальше так жестко будете проверять каждого мужчину, приглашающего вас на свидание, то ваша больница скоро разорится на покупке туалетной бумаги.

Генка внимательно выслушал Грушу и сразу же решил высказать ему свои соображения:

— Понимаешь, Виталь, это все у тебя от скуки. Ты сам себе чего-то напридумывал, а потом взял в это и поверил.

— Почему-то я не сомневался, что ты именно так и ответишь, — пробормотал Виталик Грушин. — Я другого, если честно, от тебя и не ждал.

— Ну, хорошо, чувак, давай пойдем другим путем, — предложил Генка. — Закрепи свои подозрения. Понаблюдай. Собери факты, как в кино, знаешь? А то каждый скажет, что это случайные совпадения.

— Это все не так просто, как кажется. Я могу и не дожить до следующего утра с такими советами, — надулся Виталик.

— Да ну! Я не верю, что все так серьезно, — ухмыльнулся Генка.

— В том-то и дело, что мне никто не верит.

— Знаешь что? — воскликнул Генка. — В твоём же мобильнике есть встроенная фотокамера. Сфотографируй мне этого вашего монстра — хочу увидеть, как он выглядит.

— Как, как... Обыкновенный дедушка.

— Ну вот и сфотографируй мне этого обыкновенного дедушку.

— Хм... А в этой идее что-то есть, — согласился Груша.

Магамединов собрал группу врачей-специалистов, позвал главврача больницы и повел всех в лабораторию морга, чтобы показать и документально зафиксировать то, с чем он и Воронин столкнулись при вскрытии. По пути в морг, захлебываясь от избытка впечатлений, он в подробностях расписал все, что видел. Даже вспомнил про голову ворона, которую больной ухитрился проглотить за несколько часов до своей смерти.

— Иван Сергеевич, вы бы видели это зрелище, — рассказывал Максим Викторович главврачу. — Это какой-то феномен! Я в своей практике с таким явлением встречаюсь впервые! Меня поражает следующее: когда Круглова опрашивала больного, он ей не жаловался ни на зуд в анальной области, ни на скрежетание зубами во время сна, ни на расстройства стула, ни на рвоту, ни на кашель, ни высыпания на коже, а только на изжогу и боль после еды...

— Магамединов! — не выдержал Хмельницкий. — Давай ближе к делу!

Максим Викторович кивнул и продолжил:

— Анализ крови, который взяли вчера при поступлении больного, не показал значительного увеличения СОЭ, количества эозинофилов и лейкоцитов. Получается, вчерашние симптомы указывали, что у него, скорее всего, язва двенадцатиперстной кишки. А за ночь клиническая картина вдруг резко изменилась: в его организме появилось столько червей, что уму непостижимо. Я еще утром удивился — откуда у него красная сыпь на коже и подмышками. В общем, мистика какая-то. По-другому не назовешь.

Первым в лабораторию зашел главврач, он осмотрелся вокруг и обратился к Магамединову, который отстал от него на несколько шагов:

— Ну и где все, о чем ты рассказывал?

Максим Викторович, побледнев, застыл на пороге лаборатории. Вокруг царила

кристальная чистота. Ни самого Воронина, ни трупа на столе, ни червей — ничего не наблюдалось. Когда он уходил, эти твари не умещались на столе и падали на пол. Они прорывались наружу сквозь ткани почек, печени, легких — лезли, откуда только можно.

— Сам не пойму. Подождите!

Магамединов выскочил в коридор подвала и закричал:

— Воронин! Воронин, ты куда подевался? А в ответ — тишина. Максим Викторович заглянул в помещения с холодильными камерами: тоже никого. Вернулся в расстроенных чувствах, открыл, было, рот, но тут увидел видеокамеру на полке — там, где он ее оставил недавно.

— Я кое-что снял на видеокамеру, сейчас вам покажу! Включил просмотр. Вместо записи на экране появилось много мелькающих точек, и камера зашипела, как испорченный старый телевизор, не принимающий сигнала.

— Посмотрите на эту гадость, — закричала Инга Вацлавовна. Все обернулись к ней. Она показывала на ванночку с формалином, в которой плавали две большие твари с серыми глазками, чем-то похожие на молодых ужей, но только с лапами и веерообразными крылышками. Длина тела каждой составляла примерно тридцать сантиметров, окрас тела был оливкового цвета. По бокам продолговатой головы красовались два желтых пятна. Одна из этих тварей подплыла к краю ванночки, уставилась в глаза Инги Вацлавовны, раскрыла пасть, показав, что у нее есть зубы, причем очень-очень много.

— О-ёй! Как она на меня смотрит! — не выдержала Инга и на всякий случай отошла от ванночки.

Главврач дал распоряжение, куда следует поместить эту мерзость. Потом с раздражением спросил у Магамединова:

— А где все-таки Воронин? Где труп, наконец?

— Не знаю, Иван Сергеевич, я его мобильник два раза набирал: отключен или находится вне зоны действия сети.

— Ладно, разбегаемся пока, — вынес свое решение главврач. — Магамединов, как появится Воронин, дай мне знать.

Вся группа, кроме Инги Вацлавовны, оживленно болтая, покинула лабораторию.

— Максим, честно признаюсь, я в шоке от увиденного. Неужели эти агрессивные твари жили внутри живого человека? Я не могу поверить своим глазам.

— Я тебя прекрасно понимаю, Инга. Сам отойти от этого зрелища никак не могу. Впрочем, это второе необъяснимое явление, произошедшее в этой больнице. О первом я тебе сейчас расскажу, — произнес Максим Викторович.

И тут его взгляд упал на стол, где между хирургическими инструментами валялись две половинки от разломанной коробочки, которая еще сегодня утром висела на шее умершего больного.

Груше повезло. Федор Иванович лежал на своей кровати и тихо посапывал. Правда, небольшой помехой был Василий. Он сидел на стуле рядом со своей тумбочкой и очищал апельсин от кожуры. «Черт его знает, — подумал Виталик, — этого Василия, возьмет, да заржет, как лошадь в самый неподходящий момент. Ненадежный товарищ».

Груша кинул косой взгляд на Василия, улыбнулся ему и достал из кармана мобильный телефон.

— Сфотографирую я нашего деда на память, пока он спит, — произнес Виталик непринужденным голосом и щелкнул деда несколько раз.

Василий скривился, как будто увидел какую-то мерзость.

— Я ж говорил старикану, что ты дедофил, а он мне не верил.

Груша сел на кровать.

— Да, пошел ты знаешь куда... со своими шуточками.

— Не знаю и знать не хочу! — крикнул Василий, вскочил со стула и вырвал из рук Груши мобильный телефон. — Дай, гляну, что тебя так сильно возбуждает?

Василий уставился на экранчик мобилы и округлил глаза.

— Боже мой!! — взвизгнул он. — А я тебе не верил!!

Груша внимательно посмотрел на Василия: не шутит ли тот. Взгляд у Василия был очень напуганный.

— Дай, я сам гляну! — Груша вырвал мобильник из рук приятеля и взглянул на экран. Лицо спящего Федора Ивановича — вот и все, что там было.

— Вот же ты козел, Васька! — возмутился Груша.

Василий в ответ расхохотался.

— Я, может, и козел, — сказал он сквозь смех, — но ты бы видел свою рожу две минуты назад.

В одиннадцатую палату урологического отделения поступил хилый сутулый юноша невысокого роста, бледный, как сама смерть. Волосы у него были длинные, тускло-каштановые, а глаза — узкие, карие. Любой, кто видел этого юношу, сразу понимал, что он болен какой-то тяжелой болезнью, которая истощала его.

Он, ни с кем не здороваясь, занял свою кровать, достал из черного пакета толстую книжку и начал ее читать. Андрей, Олег Олегович и Александр Евгеньевич переглянулись. Андрей встал, подошел к юноше и присел на край его кровати.

— С чем поступил, парень?

— Камни в почках, — охотно ответил ему тот.

— Как тебя зовут?

— Егор.

— А меня Андрей Васильевич, можно просто Андрей. Я работаю слесарем на пивзаводе. Что такое интересное читаешь?

— Солженицына. Раковый корпус.

— Интересно?

— Только начал читать.

— Мы тут в карты на деньги играем. Хотели тебя попросить, что бы ты нас не сдал.

— Не переживайте, не сдам.

— Если хочешь, можешь к нам присоединиться.

— Отстань от малого, — прошептал Александр Евгеньевич. — У него и денег-то наверное, нет.

— Почему нет. Есть у меня деньги, — обиженно произнес Егор. — А во что вы играете?

— В основном, в покер. Иногда в тысячу, — объяснил Олег Олегович. — Присоединяйся, если не боишься.

— А какая начальная ставка?

— Сто рублей.

— Раздавайте, пару раз сыграю, — храбро заявил Егор.

Через два часа напряженной игры Андрей, Олег Олегович и Александр Евгеньевич остались без денег. Такого финала никто из них не ожидал. Каждый из них думал, что чуть-

чуть разбогатеет за счет соплика, который, как им показалось, и играть-то толком не умеет. Но в результате дошло до того, что они пацаненку проиграли все свои деньги.

— Где так хорошо научился играть? — спросил Андрей.

— Неважно. Давайте договоримся, мужики. Я расскажу вам несколько интересных историй. И, если вы их дослушаете, не перебивая меня, я верну каждому его деньги.

— И тебе это надо? — удивленно спросил Александр Евгеньевич.

— Мне надо, — улыбнулся Егор. — Я знаю, что просто так вы меня слушать не будете. Скажем, я покупаю у вас ваше свободное время для того, чтобы рассказать несколько историй. Обещаю, скучно не будет.

Андрей похлопал Егора по плечу:

— А ты добрый парень, и поступок твой — благородный.

— Только от вас требуется запастись терпением. Когда я вам скажу, что я рассказал все, что хотел, только тогда вы можете считать, что отработали свои деньги.

— По рукам! — хлопнул по маленькой ладони Егора Андрей. — Я готов слушать.

— И я готов, — согласился Александр Евгеньевич.

— Не тяни резину! — рявкнул Олег Олегович.

— Представьте, мужики, что давным-давно на заборе, окружающем эту больницу, — начал свой рассказ Егор, — образовалась ледяная, с какой-то синевой, пленка. Металлическая сетка забора буквально светилась благодаря ей. Входные ворота и калитки на обоих проходных медленно стали закрываться, а когда они закрылись полностью, то защелкнулись и электронные замки, их заклинило из-за проникшей внутрь механизмов ледяной пленки. Люди, которые собирались войти на территорию больницы или выйти за ее пределы, столпились у ворот с обеих сторон. Периодически возникающие вспышки яркого синего света начали больно резать им глаза, заставляя их отступить от забора. Среди несчастных, попавших в эту ситуацию, нашлись те, кто не только не отступил, но и попытался пролезть через забор. Все они приняли смерть, так и не поняв причины ее...

Мужики, которые слушали Егора, переглянувшись, улыбнулись друг другу. И один из них покрутил пальцем у виска, мол, гляди, парень-то этот немножко не от мира сего.

Круглова, лежа на диване, увидела, что кто-то стремительно приближается к ней с острым железным молотком, собираясь ее ударить. Она попыталась вскочить, но ее будто пригвоздило к дивану. Удар был настолько сильным, что она не успела почувствовать боли. Женская рука с длинными накрашенными ногтями впиалась в кожу ее головы, проникла сквозь разломанные кости черепа и стала выгребать из черепной коробки все ее содержимое.

Кровь растекалась по подушке. Мозги, чем-то похожие на сопли, валились на пол. Но глаза у Кругловой при этом почему-то не закрывались, она видела и осознавала все то, что происходило с ней. А потом вдруг нахлынула нечеловеческая боль....

Елена Степановна закричала и проснулась вся в мерзком холодном поту. Сердце бешено билось в ее груди, и она с трудом поверила, что это был всего лишь сон. Голова разрывалась на части. Круглова еле оторвала ее от подушки и схватилась за нее руками. «Боже мой, как мне надоели все эти кошмары и во сне, и наяву, — с горечью подумала она, — неужели я потихоньку схожу с ума?» Как могло так случиться, что она — совершенно здоровая женщина — вдруг стала видеть какую-то мистическую нереальную девушку в черном платье с вороном на плече? Интересно, если все это паранойя, неужели она, Круглова, создав в мозгу образ девушки, сама разогналась и стукнулась головой об стенку? Елена Степановна

представила себе это, и кожа ее покрылась мурашками.

Перед ней стала очень серьезная диллема: или все рассказать близким, или же попытаться разобраться во всем самой. «Ты сошла сума! Ты сошла с ума! — издевался над ней ее внутренний голос. — Поздравляю! Доработалась, дура, до галлюников. Ну, ничего, со всеми бывает, ты только не расстраивайся».

Круглова встала с дивана, подошла к умывальнику и умылась холодной водой. Закрывает кран и решила, что первое, с чем ей необходимо бороться, так это со своей тревогой.

В кабинет без стука заглянула Инга Вацлавовна:

— Ну, что, поехали? — спросила она.

— Для того, чтобы поехать, надо еще до машины дойти, — пожаловалась Елена Степановна.

— Дойдешь. Ты у нас крепкая, только притворяешься слабой. Я пошла за курткой.

— И мою захвати, пожалуйста.

Через десять минут из кабинета заведующего терапевтическим отделением вышла Весюткина, а за ней — Круглова. Елена Степановна закрыла дверь на ключ и двинулась вслед за Ингой Вацлавовной.

— Весюткина, ты, куда так рванула? Я ж раненная, меня надо нести на руках, а не бросать одну на поле боя.

Весюткина повернулась к Кругловой и улыбнулась ей.

— С безнадежными больными поступают только так, и никак иначе.

— Клянусь — я не безнадежная! Ты только плечико мне свое подставь.

— Ох, догоняй уже, калека, — вздохнула Весюткина.

Она подождала Круглову и взяла ее под руку. Елена Степановна, слегка придуриваясь, пошла по коридору, хромя на одну ногу и вывалив язык на угол рта. Серьезная Весюткина не выдержала и засмеялась. Так они дошли до поста дежурной медсестры.

Неожиданно из вестибюля им на встречу выскочил главврач больницы.

— Вот так номер! — закричал он издали. — Круглова, что с тобой?! Камень на голову упал?

Весюткина и Круглова остановились. Круглова кивнула и придурковатым взглядом посмотрела на Хмельницкого. Тут до нее дошло, что она еще не вышла из роли. Елена Степановна запоздало спрятала язык и перестала придурковато улыбаться.

— Ой, простите! Поскользнулась в подвале, Иван Сергеевич, и неудачно упала, — начала оправдываться она. — Я же не виновата, что там пол скользкий.

— Не в этом дело! — заревел во весь голос Хмельницкий. — Я не могу понять, почему мне никто не счел нужным доложить об этом?! У нас не больница, а бардак какой-то. Я очень недоволен работой Магамединова и его отделения в целом. Один Шарецкий у вас старается. Остальные — херней, простите за выражение, страдают. То у вас в отделении больной ни с того ни с сего умирает, то битых три часа ни Воронина, ни труп вашего больного найти не могут. Шарецкий по моей просьбе всю больницу обыскал — никаких результатов! Теперь ты, Круглова, голову разбила. Чего мне, скажите, дальше ждать? Эпидемии? Катастрофы?!

— Сплюньте, Иван Сергеевич, — улыбнулась самой обаятельной улыбкой Инга Вацлавовна. — Я считаю, что нет вины Магамединова во всем, что сегодня случилось. Просто все нехорошее выплеснулось в один день, а он не бог, и потому не в силах на все сразу повлиять.

Но милая улыбка Весюткиной не произвели никакого впечатления на главврача.

— Значит, необходимо найти того, кто сможет, — буркнул он себе под нос и, не прощаясь, зашагал в направлении кабинета Магамединова.

Хорошее настроение у женщин вмиг улетучилось. Елена Степановна быстро набрала номер Максима Викторовича и прошептала в трубку:

— Максим, тут главврач по отделению ходит волком, проверяет, как мы работаем. Кричит, что ты плохо со своими обязанностями справляешься. Поняла. Переживать за него не буду. Он же нам не родственник.

— Кто не родственник? — удивленно спросила Весюткина, после того, как Круглова положила мобильник в сумочку.

— Сказал, не переживать за нервы главврача, он же нам не родственник.

Спустившись по ступенькам на первый этаж, Круглова и Весюткина открыли большие, с узором из цветного стекла, входные двери и вышли на улицу. Шквалистый ветер резко обрушился на них. Круглова прижала рукой повязку, боясь ее растрепать, нехотя натянула на нее голубенькую с блестками вязаную шапочку, и только тогда заметила, что у проходной скопилось много народу, не меньше пятидесяти человек. В глаза неожиданно ударил яркий синий свет, дезориентировав женщин на пару минут.

— Господи, что это было? — взвизгнула Инга Вацлавовна. — Такое ощущение, что я только что на сварку посмотрела.

— А неприятно-то как, — сказала Круглова, спустилась по ступенькам на асфальтированную дорожку и двинулась по направлению к проходной. Весюткина не отставала.

Когда женщины дошли до первой немногочисленной группки людей, Инга Вацлавовна спросила у них:

— Случилось что?

— Случилось, — ответила ей девушка в оранжевой курточке и синих джинсах. — Ворота и калитки закрыты. Охранника нет на месте. Он, видно, закрыл их и ушел куда-то.

— А это что за синий блеск пробивается и режет по глазам? — спросила Круглова.

— Это забор так неприятно блестит. Причем, поблестит немножко, а потом как резанет ярким светом. Я такое явление, честно скажу, первый раз в своей жизни вижу. Но это полбеды. Тут один юноша попытался отодвинуть ворота вручную, только дотронулся — и отскочил, словно его током шарахнуло. Вон смотрите: до сих пор на земле лежит, в себя прийти не может.

Женщины поглядели, куда указывала девушка: на земле в конвульсиях бился парень, изо рта его текла желтая густая пена.

— Боже мой, ему же нужна помощь! — воскликнула Круглова и, несмотря на свою слабость, бросилась, пробиваясь сквозь толпу, к пострадавшему.

Весюткина ринулась вслед за ней.

— Подожди меня, сумасшедшая! — закричала она.

Тем временем из больницы вышла небольшая молодежная компания: три парня и две девушки. Один парень поинтересовался: «Что случилось?» Ему ответили, что ворота заклинило и поэтому такое столпотворение.

— Ух ты, какой яркий свет, — вскрикнула девушка из этой компании, когда синий блеск сильно ударил по ее глазам.

— Там сваркой, наверное, что-то режут. Пошли, я знаю, где можно перелезть, —

произнес с видом знатока другая парень, и вся тусовка двинулась вслед за ним.

Парни и девушки прошли сквозь яблочный сад и наткнулись на забор, рядом с которым стояли пирамидкой несколько пустых ящиков из-под пивных бутылок.

Одна из девушек, которую звали Полина Шарапова, остановила всех:

— Не спешите, давайте покурим.

Оля Синицына — ее лучшая подруга — согласилась:

— Я не против. Полина, угощай.

Молодежь дружно закурила и начала строить планы на вечер.

— Давайте посидим у меня в подъезде, пивка попьем? — предложил Артем Жук.

— Я не могу, мне на тренировку сегодня, — отказался Сергей Ветров.

— А когда ты вообще можешь? — раздраженно поинтересовался заводила их компании

Кирилл Садовничий.

— Я двумя руками за предложение Артема. Но только, если Кирилл пойдет, — сообщила свое решение Оля.

Кирилл улыбнулся.

— Конечно, пойду, — сказал он. — Как же вы все без меня?

Прямо на их глазах забор стал покрываться синей светящейся ледяной пленкой.

— Что за диковина такая красивая? — восхищенно заметила Полина. — Никогда не видела такого.

— Ладно, я полез, — крикнул Сергей Ветров, сделал шаг вперед и устоялся на странную светящуюся ледяную пленку.

— Не спеши, я первый, — оттолкнул его Кирилл. Он запрыгнул на ящики, схватился руками за забор и мгновенно почувствовал сильную обжигающую боль в пальцах. Что-то резко притянуло его к забору, и парня стало так колбасить, что голова грозила оторваться от тела.

— Мамочка! — закричала Оля Синицына. — Да помогите ему кто-нибудь!

Полина Шарапова открыла от ужаса рот, а потом упала без сознания на траву. Сергей Ветров схватил с земли палку и со всего размаху ударил по другу, предположив, что тот попал под действие электрического тока. Палка разлетелась в щепки, а у несчастного, которого притянуло к себе забор, почернели руки, и он вспыхнул, как тряпка, намоченная бензином, от одной зажженной спички.

Круглова быстро оценила сложившуюся ситуацию. Уложив парня на спину, она прислушалась к его дыханию и проверила пульс. Он отключался у нее на глазах, дышал прерывисто, каждый вдох ему давался с трудом. Желтая пена капала с его губ. Елена Степановна посмотрела на его зрачки и присвистнула:

— Инга, зрачки расширенные, это указывает на резкое ухудшение кровоснабжения мозга. Нужен нашатырь... Боже мой, он уже не дышит!

Круглова ударила несколько раз ладонью по щекам бедного юноши — никакого результата.

— И пульса я не чувствую, — крикнула Весюткина, сноровисто стянула куртку с пострадавшего и разорвала рубашку у него на груди.

Инга Вацлавовна раскрыла рот парню, вытерла рукавом своей куртки желтую слизь, скопившуюся у него во рту и на губах, и запрокинула его голову назад. Ни платка, ни марли под рукой у нее не было, и она вопросительно посмотрела на Круглову:

— Есть платок? — спросила она и положила на затылок юноше одну руку, а второй

надавила на лоб, в результате чего подбородок парня оказался на одной линии с шеей.

— Некогда искать, Инга. Смотри, какой красивый мальчишка, так и просит, что б его поцеловали.

Переборов брезгливость, Инга Вацлавовна закрыла нос пострадавшему и с силой вдохнула воздух в его рот. Ее напарница положила край ладони на низ грудины, сверху положила вторую руку и стала надавливать на грудную клетку пострадавшего. Надавливала Елена Степановна быстрыми толчками, продвигая нижнюю часть грудины на три-четыре сантиметра в сторону позвоночника. Надавлив на грудину шесть раз, она дождалась, когда Инга Вацлавовна сделает парню очередной вдох воздуха изо рта в рот, и подколола подругу:

— Я же говорила, что тебе понравится.

Весюткина чуть не взвизгнула от возмущения. На губах и во рту сразу же почувствовался привкус рвотных масс, желтой пены, чеснока и каких-то крошек.

Круглова повторила надавливания, и парень ожил. Он вновь задышал, цвет лица его изменился с бледного на розовый, зрачки сузились. Елена Степановна улыбнулась ничего не понимающему парню:

— Ну что, красавец, раз сбежал с того света, обратно мы тебя не отпустим.

Она подмигнула ему и резко выпрямилась, услышав звонкий голос главврача больницы:

— Минуточку внимания!

Елена Степановна повернулась и на ступеньках у главного входа увидела Ивана Сергеевича Хмельницкого с рупором в правой руке. В этот же момент, раздалось неприятное, громкое «вя-я», и Круглова усмехнулась, догадавшись, куда подевалась Инга Вацлавовна.

— Минуточку внимания! — повторил Хмельницкий, и ему в ответ раздалось еще одно «вя-я».

Инга Вацлавовна не заставила себя долго ждать. Вся бледная, вытирая потекшую тушь под глазами, она вышла из-за угла больницы и гордо, как ни в чем не бывало, засеменила на высоких каблуках в сторону Кругловой и пострадавшего юноши. Елена Степановна в очередной раз отметила, какая Инга Вацлавовна худая и хрупкая. Подуй ветер чуть посильней, и лови ее вместе с этим ветром!

Весюткина, ощутив на себе взгляды людей, несмело осмотрелась по сторонам и удивилась такому большому скоплению людей во дворе больницы. В глазах одних читалось недоумение, растерянность. У других — негодование, злость. А у третьих — страх, ужас и шок.

Людские эмоции перемешались на маленьком кусочке пространства. Разные по характеру люди ощутили на себе нехорошее, щекочущее нервы, волнение, вызванное непонятным фактором. Среди них пошел шепот о том, что случившееся — дело рук террористов.

Когда большинство людей из толпы повернулись лицом к Хмельницкому, тот поднес рупор ко и рту продолжил свою речь:

— Внимание! Прошу всех отойти от забора! Я уже позвонил в МЧС. К нам еду спасатели. До их прибытия прошу всех удалиться как можно дальше от забора и проявить терпение. Предлагаю вам вернуться в больницу. На первом этаже должно хватить скамеек для всех. Я распорядился, чтобы вынесли из кабинетов все свободные стулья. Давайте с пониманием отнесемся к создавшейся ситуации.

Весюткина всегда отличалась от других умением мгновенно анализировать

происходящее и поэтому сразу же зашептала на ухо Кругловой:

— Как-то он быстро про все узнал, рупор нашел и даже насчет стульев сообразил.

— Профессия у него такая.

— Нет, ты ошибаешься. Это у него дар от бога. Он у нас ясновидящий, — с сарказмом заявила Весюткина. — Я надеюсь, никто не видел, как меня тошнило за углом?

— Ага. И не слышал тоже, — ухмыльнулась в ответ Елена Степановна.

Пока Хмельницкий беседовал с людьми во дворе больницы, Федор Иванович хорошенько перекусил, а потом спросил у своих малолетних соседей, сгрудившихся у окна:

— Молодежь, что там за крики во дворе?

— Да на улице людей толпа собралась. И какой-то дядька что-то в рупор кричит, — поведал ему Груша, который сидел на подоконнике, но слов главврача больницы разобрать никак не мог. Наглухо закрытые окна сводили его старания к нулю.

— И что он кричит?

— Ничего не слышно, Федор Иваныч, — ответил Груша. — Хотите, сбегаю на улицу, послушаю?

— Не надо, Виталик, — отмахнулся старик. — Зачем нам чужие проблемы. Это я так, от скуки спросил.

— Действительно, скукотища, — пробормотал Василий и отложил книжку на тумбочку. — Федор Иваныч, а та история, ну, которую вы тогда рассказывали. Что там дальше было, а?

Старик заулыбался, прищутив глаз:

— Что, интересно?

— Конечно! — взвыли хором Василий и Пузырь.

— Сколько можно нас томить? — добавил от себя Василий. — По вашим байкам, дедушка, надо фильмы ужасов ставить. Успех стопроцентный. Я вам гарантирую.

— Я польщен, мой друг, твоими словами, — произнес Федор Иванович. — Но не будем отвлекаться от главного. Ну ладно, доскажу, так уж и быть.

Груша тихо вздохнул, достал из кармана рубашки MP3 плеер с наушниками, вставил наушники в уши и продолжил смотреть в окно, как ни в чем не бывало.

Федор Иванович бросил взгляд в сторону Груши и хмыкнул. Пузырь и Василий устали сидеть на старика. Им и в самом деле было интересно послушать. Федор Иванович подмигнул Василию, мотнул головой в сторону Груши и улыбнулся. Василий улыбнулся в ответ.

— Закройте глаза, ребятушки, — приказал старик. — И представьте, как летит по коридору облачко. Да не простое — светится оно и переливается, и оно уже больше, чем было в начале нашей истории. Облачко заворачивает за угол и продолжает лететь по приемной морга. Представили?

Пузырь и Василий молча кивнули.

— Итак, это облачко завернуло за угол и оказалось в приемной морга. А там на трех скамейках сидели грустные люди. Облачко подлетело к пожилой супружеской паре, сидевшей на первой скамейке, и заскользило: сначала по рукам женщины, потом по рукам мужчины. Они восторженно вскрикнули. «Смотрите, какая прелесть!», — произнес пожилой мужчина. — «Интересно, что это такое»?

Федор Иванович посмотрел на Грушу и замолчал. Виталик повернул голову и взглянул на Федора Ивановича, затем закрыл глаза и углубился в свою музыку.

— Эй, дедуля, вы чего замолчали? — возмутился Пузырь. — Продолжайте, пожалуйста. Федор Иванович почесал затылок и улыбнулся Пузырю.

— Облачко опустилось на руки мужчины, сидевшего на другой скамейке, и стало красиво и завораживающе переливаться. Затем оно взлетело и село на руки девушки. Она залюбовалась им. В тот же миг два парня-студента, которые сидели на третьей скамейке, с ужасом увидели, как начала рассыпаться супружеская пара на первой скамейке. И тогда один из студентов закричал.

Федор Иванович вновь посмотрел на Грушу.

— Матерь божья, что это творится?! — внезапно вскрикнул дед.

Груша свалился с подоконника, как ошпаренный, и распластался на полу. Увидев это, Василий и Пузырь громко засмеялись. Виталик кинул на них злой взгляд, поднялся и вышел из палаты, хлопнув дверью.

Федор Иванович улыбнулся Пузырю и Василию.

— Поверьте мне, мои юные слушатели, зрелище было действительно не для слабонервных: на первой скамейке люди сидели уже без голов, а из их рукавов и брючин сыпался песок вперемешку с пылью. То же самое начало происходить с людьми на второй скамейке. Удивление на их лицах сменилось пустотой: исчезли брови, ресницы, глаза, рот, губы — все это превратилось в пыль.

Федор Иванович внимательно посмотрел на Пузыря и Василия. Они сидели на кроватях и смотрели в никуда. Глаза у них были пустые, «стеклянные». Федор Иванович отвернулся от них и продолжал:

— Второй студент завопил еще громче первого: «Уходим отсюда!»! Он орал, как резаный. Облачко тем временем зависло над образовавшейся пылью и начало втягивать ее в себя, увеличиваясь при этом в размерах. Перепуганные студенты вскочили со скамейки и побежали по коридору. А облачко, сорвавшись с места, бросилось в погоню за ними...

Расстроенный Груша несмело постучался в кабинет заведующего ожоговым отделением.

— Кто там? Войдите! — закричал Кожало Дмитрий Антонович.

— Это я, — сказал юноша, закрывая за собой дверь.

— Что случилось, Виталик?

Груша пожал плечами.

— Я даже не знаю, — неуверенно заговорил Груша. — Может быть, я это зря...

— Не мямли, пожалуйста, не люблю я этого, — прервал его Дмитрий Антонович. — Ра: пришел, значит, говори, что тебе надо.

Груша сделал шаг в сторону Кожало.

— Да, блин, боюсь, что вы мне не поверите, но мне кажется, что в этой больнице творятся странные вещи.

Кожало кисло улыбнулся Груше и хлопнул рукой по свободному стулу рядом.

— Садись, дорогой. Меня в последнее время одолевают точно такие же мысли. Так что именно тебе кажется странным?

Груша сел.

— Да есть у нас в палате один старик. Федор Иванович. Непонятный какой-то, не похож на обыкновенных стариков. Вечно рассказывает какие-то странные истории, мне прямо плохо от них. У меня башка кружится и болит, а еще глаз дергается.

— Ничего себе! — удивился Кожало.

Груша проглотил ком, подступивший к горлу.

— Я специально надел наушники и стал слушать музыку. Лишь бы этого старого... в общем, чтоб не слышать, что он несет.

Кожало почесал нос.

— Ну и что, помогло? — спросил он.

— Поначалу вроде помогло... Я расслабился, и музыка такая спокойная была, чуть не заснул вообще. А тут, прикиньте, прямо в наушниках он как заорет! Федор Иванович этот... Ну, я с подоконника и свалился.

Дмитрий Антонович засмеялся.

— Ну и что он кричал?

— Матерь божья, что тут творится?!

Кожало не выдержал и громко захохотал.

— Так и знал, что вы смеяться будете, — расстроился Груша.

Выражение лица у Кожало сразу стало серьезным.

— Успокойся, Виталик! Я смеюсь не поэтому. Я просто представил, как ты свалился с подоконника... Знаешь, я тоже кое-что видел интересное, но давай сразу договоримся, что наши с тобой беседы мы будем пока что держать в тайне от других.

Груша кивнул.

— Считайте, договорились, — сказал он. — А что мне делать теперь?

— Не переживай, — заговорщицки прошептал Дмитрий Антонович. — Мы с тобой что-нибудь придумаем.

Зазвонил мобильный телефон, и Магамединов резко открыл глаза. Он задремал у себя в кабинете и только сейчас понял, что не перезвонил жене, и она, по-видимому, уже волнуется, что его до сих пор нет дома.

— Алло, Катя! — крикнул Максим Викторович спросонья в трубку.

— Максим, что у вас там такое творится? — услышал он взволнованный голос жены.

— Я же тебе говорил: забор, окружающий больницу, бьется током. Ни войти на территорию, ни выйти.

— Максим, там все намного страшнее, чем ты мне рассказываешь. По телевизору показывают, что от забора вашей больницы тянется какая-то ледяная пленка, что ли...

— Куда? — протирая рукой сонные глаза, спросил Магамединов, еще не сознавая полностью услышанное.

— Показывают, что она покрыла весь забор и медленно расплзается от забора в разные стороны: к зданию больницы и в сторону города. Причем, в город быстрее.

Магамединов вскочил со стула и выбежал из кабинета, прижимая мобильный телефон к уху. Передвигаясь быстрыми шагами по коридору, он заметил шестерых больных, которые стояли у окна и смотрели на улицу. Видно было, что люди взволнованы.

В VIP-палате номер шесть находился ближайший рабочий телевизор. Войдя в пустую палату, заведующий терапевтическим отделением воткнул вилку телевизора в розетку.

— Катя, какой канал включать?

— Второй!

Максим Викторович нажал на пульте «двойку» и через мгновение увидел на экране забор — он был весь в какой-то непонятной ярко мерцающей пленке. Создавалось впечатление, что забор облили водой и она, не успев стечь на землю, сразу же замерзла.

— ...неизвестного науке происхождения и очень агрессивна, — говорила в микрофон

журналистка. — В течение вечера от нее погибло по неосторожности около шестнадцати человек... Представьте себе это жуткое зрелище: человек наступал на пленку... моментально: пых... пламя — и нет человека!

Журналистка показала рукой на обгоревший каркас машины скорой помощи.

— Свидетели рассказывают, что машина скорой помощи только одним колесом случайно наехала на эту пленку и сразу же вспыхнула. Люди в машине сгорели заживо, никто из них не успел выскочить.

— Ты видишь, какой у вас там ужас творится. Я очень боюсь за тебя. Неизвестно еще чем все это закончится! — раздался в мобильнике срывающийся в истерику голос Катерины, было件нятно, что она уже плачет.

— Так, Катя, без истерик! — Магамединов посмотрел на часы, они показывали около одиннадцати вечера. — Катя, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Пообещай мне, что ты будешь сидеть дома и за всем наблюдать только через экран телевизора.

— Максим...

— Катя, для меня это обещание очень важно. Я буду знать, что ты находишься дома, а не подвергаешь себя опасности по ту сторону забора. Ты меня слышишь?! Никакой паники!

— Обещаю, Максим. Но и ты мне пообещай, что вернешься домой целым и невредимым.

— Обещаю.

Магамединов открыл две узкие створки и вышел на балкон. И сразу же ощутил, насколько резко изменилась погода на улице: легкий ветерок дохнул на него морозным холодом. Из его рта повалил пар.

Со стен здания больницы светили прожекторы. Куда не глянь — везде сновали люди, это были и военные, и милиционеры, и спасатели, и врачи. И по ту, и по эту сторону забора собралось много любопытных, которым было очень интересно, что же здесь все-таки происходит. Милиционеры отгоняли людей от ледяной пленки. Мигали проблесковые маячки машин специального назначения.

Ближе к проходной скрипнул тормозами военный грузовой автомобиль. Из него начали выпрыгивать солдаты — парни не старше двадцати лет. У каждого из них на плече висел автомат.

— Катя, ты, главное, не волнуйся, — закричал в мобильный телефон Магамединов и зажмурил глаза из-за яркой вспышки света.

У него вдруг резко закружилась голова, и он схватился одной рукой за перила балкона. И только через какое-то мгновение осознал, что Катя ничего не сказала в ответ. Вместо ее голоса из трубки доносился непонятный вой, словно выл ветер. Магамединов начал нажимать на разные кнопки мобильного телефона, выключил и включил его снова — но связь так и не появилась. Расстроенный, он вернулся в кабинет, подошел к телефонному аппарату, поднял трубку и вместо гудков услышал жуткое завывание ветра.

В двенадцатую палату ожогового отделения ворвался Груша и крикнул Пузырю и Василию, которые стояли у окна и смотрели куда-то вдаль в одну точку:

— Пацаны, вы видели, что творится возле проходной, да и вообще на улице?

Василий медленно повернулся и взглянул на Грушу стеклянными глазами.

— Видеть можно всякое, Виталик, — произнес он равнодушно. — Но не в этом кроется

смысл всего сущего.

Груша оторопел и чуть не взвизгнул, несколько волосков на его черепушке стали дыбом.

— Василий... э-э-э... Это т-ты? — прошептал он. — Или... п-прикалываешься?

Тут повернулся Пузырь. Глаза у него были такие же холодные и стеклянные, как у Василия.

— Перепуганные студенты вскочили со скамейки и побежали по коридору, — заговорил монотонным голосом Пузырь. — А облачко, сорвавшись с места, бросилось в погоню за ними...

ГЛАВА 4. Ледяной ужас

— Ты слышишь это? — спросила Весюткина Круглову.

Они находились во дворе больницы и наблюдали за всем, происходящим вокруг. С неба падали крупные снежинки — необычное явление для апреля, но оно не вызывало у людей восторга, только еще больше нагоняло паники. Через каждые три минуты ярко вспыхивала ледяная пленка. Толщина ее увеличивалась за счет того, что сверху нарастал новый слой. Благодаря прожекторам было отчетливо видно: где она только что образовалась, а где уже имела второй слой. Если первый слой был гладким, сплошным, то второй был неоднородным, состоящим из каких-то ледяных фигурок, разных по величине.

— Что — слышишь? Ты о чем? Инга, что с тобой? Ты какая-то вся белая.

— Стоны.словно стонут раненные или смертельно больные люди. Неужели ты не слышишь?

— Инга, давай уйдем отсюда... Инга!

Круглова в считанные секунды сообразила, что Весюткина теряет сознание, и успела ее подхватить, когда та начала медленно оседать на землю. Елена Степановна дотащила Ингу Вацлавовну до скамейки, усадила ее, и, держа одной рукой за плечо, второй приподняла ее подбородок и посмотрела в расширенные зрачки.

— Инга, в чем дело? Что с тобой?

— Им всем плохо, они просят о помощи, — зашептала Инга.

— Кому плохо? — сквозь зубы спросила Круглова и почувствовала, как мурашки поползли по спине.

— Им всем... здесь находящимся...

— Инга, ты меня пугаешь!

— Но мы не сможем им помочь.

Елена Степановна еще раз глянула в глаза своей подруге и поняла, что Весюткина чем-то одурманена и потому несет бред. Круглова ударила ее по щеке, но ничего этим не добилась.

— Бойся девушки в черном.

— Инга, очнись, я умоляю тебя! — заорала Круглова. — Люди, есть у кого нашатырь?

Инга Вацлавовна закатила глаза и стала валиться набок. На крик Кругловой прибежал заведующий хирургическим отделением Николаев.

— Что с ней? — спросил он.

— Сама не пойму. Как будто в нее кто-то вселился. Одержимая какая-то.

— Не говори глупостей, — Николаев взял на руки легкую, как пушинка, Весюткину и ринулся к входным дверям.

Круглова опередила его и распахнула створки. С легкостью спортсмена Николаев побежал по коридору первого этажа.

Люди, сидевшие на скамейках и стульях в ожидании того, что скоро все закончится, как дурной сон, проводили взглядом удаляющегося в сторону левого крыла Павла Петровича с его легкой ношей и бегущую за ним Елену Степановну.

Николаев занес Весюткину в первый бокс приемного покоя и уложил на кушетку.

— Ирочка! — крикнул медсестре Николаев. — Срочно несите нашатырь.

Медсестра быстро принесла пузырек и, смочив ватку, протянула ее Павлу Петровичу.

Тот отмахнулся от ватки, вырвал из рук Ирочки пузырек с нашатырем, открыл его и поднес к носу Весюткиной.

Инга Вацлавовна резко вздрогнула и широко открыла глаза. Ее сразу же затошнило и чуть не вырвало.

— Инга, что с тобой? — заплакала Елена Степановна.

— Все в порядке, просто голова закружилась и немного подташнивает... Потолок плывет перед глазами... Чувствую, как сердце колотится в груди.

— Инга Вацлавовна, вы случайно не беременны? — поинтересовался Николаев.

— Хотелось бы, Павел Петрович, но от вас... разве дожدهшься, — слабо улыбнулась Весюткина. — Вроде полегчало... Я сегодня почти ничего не ела. День какой-то дурацкий выдался. А на голодный желудок еще и не такое бывает.

Круглова смочила полотенце холодной водой и осторожно вытерла лицо Инги.

— Павел Петрович, вы можете идти. Я думаю, что дальше все будет в порядке. Я за ней пригляжу.

— Ну, давайте, девчонки, не хворайте больше! — произнес Николаев и покинул бокс, тихо закрыв за собой дверь.

— Ты меня напугала, — сказала Круглова.

— А что хоть произошло? Если честно, я ничего не помню, — ответила Весюткина.

Груша не знал, что ему делать. Василий и Пузырь смотрели на него стеклянными глазами и несли полную чушь.

— Смотри на нас и принимай все так, как оно есть, — пятый раз повторил Василий и потянулся руками к Груше.

— Ты глупый, Груша, и слабый. И не тебе делать выбор, — произнес Данька Пузырёв и тоже выставил свои руки.

Василий и Пузырь шагнули вперед.

— Принимай все так, как есть, — прошептали они в унисон.

— Ага, пацаны, я все учту. Вы только не переживайте по этому поводу, — сказал им Груша, попятился и повернулся лицом к выходу.

И вдруг прямо перед ним появился Федор Иванович. Он стоял в проеме дверей и улыбался. Виталик встал как вкопанный. Его сердце чуть не разорвало грудную клетку.

— Что с тобой, Груша? — участливо спросил старик. — Ты чего такой напуганный?

Виталик сжал кулаки и двинулся прямо на Федора Ивановича.

— Пропусти меня, а то худо будет! — заорал он.

Старик сделал шаг в сторону и показал Груше рукой на выход.

— Иди, сумасшедший. Кто тебя держит?

Сразу же после этих слов за спиной Груши раздался хохот. Груша обернулся и посмотрел на Василия и Пузыря. Глаза у них были живые, не стеклянные, словно оттаяли.

— Груша, ха-ха... Тебе надо лечиться, пока не поздно, — заговорил сквозь смех Василий. — Правильно, я говорю, Пузырь?

Пузырь кивнул, корчась от смеха. Груша кинул взгляд на Федора Ивановича. Тот тихо смеялся, качая головой.

— Да, пошли вы все!!! — крикнул Груша и выскочил из палаты.

Магамединов напоил Весюткину чаем с мятой в своем кабинете и приказал:

— Ложись на диван и засыпай. Я тебе укольчик хороший сделал. К утру будешь как новенькая.

— Спасибо, Максим, — поблагодарила Инга Вацлавовна, легла на подушку и вытянула ноги на диване. Потом она шаловливо взглянула на Круглову с повязкой на голове и высунула язык. — Не смотри так на меня. Теперь моя очередь, чтобы за мной поухаживали.

— Лежи, кто тебе не дает... В следующий раз просто так и скажи, что хочешь, чтоб мужики за тобой поухаживали... без всяких этих концертов с обмороками... Тут достаточно свистнуть. Знаешь, сколько желающих сбежится?

— Видимо, что-то у меня со «свистелкой» не в порядке. Свищу-свищу, а они меня не слышат.

— Неправда! Вон Павел Петрович вмиг нарисовался.

— Николаев, что ли? Я в свое время на него столько косметики перевела, столько флаконов духов на себя вылила — бесполезный вариант, короче... Я лучше вон, Максиму Викторовичу глазки буду строить. Глядишь, еще кружку чая мне сделает.

Максим Викторович смущенно заулыбался. Круглова это заметила и помахала ему пальцем перед носом:

— А вы не улыбайтесь так, Максим Викторович. Вам нельзя! У вас жена есть. Если во всем женщинам с таким рвением будете чай готовить — на одной заварке разоритесь.

— Хорош чепуху молоть, — сделал серьезное лицо Максим Викторович. — Мне вот что в данный момент не дает покоя: куда подевался Погодин? Каморка у него закрыта. Вдруг ему стало плохо, и он там, в каморке у себя валяется без чувств на полу?

— Тогда надо выломать дверь, — решила Круглова (перебинтованный боец спецназа). — Я думаю, нам это простят.

Когда Круглова и Магамединов подошли к каморке Погодина, их ждал очередной сюрприз. Максим Викторович постучался и затем нажал на ручку двери. Дверь не открылась.

— Петр Алексеевич, ты у себя?

В ответ раздался громкий стук, будто кто-то с той стороны тоже решил постучать по двери. Магамединов вздрогнул:

— Эй, кто там?! Алексеич? Открой!

В дверь уже не просто стучали, а колотили изо всех сил — казалось, что человек десять с той стороны решили развлечься таким необычным образом.

— Пошли отсюда, я прошу тебя, — прошептала Елена Степановна. — Что-то мне все это не нравится.

— Нет уж! Пока я не узнаю, что там происходит — я не успокоюсь!

Магамединов стиснул зубы и со всей силы ударил в дверь ногой. Дверь не выдержала удара и распахнулась, громко стукнувшись о стенку.

В каморке Погодина никого не оказалось. Елена Степановна перекрестилась.

— Чертовщина какая-то! — тихо произнесла она.

На маленьком круглом столике находился ноутбук в режиме ожидания. Магамединов подошел к столу и пошевелил мышкой. Через мгновение на экране засветился фоновый рисунок. Увидев изображение в ноутбуке, Магамединов почувствовал, как волосы на его голове стали дыбом. Из-за плеча Максима Викторовича несмело выглянула Круглова и закричала:

— О, боже!

Магамединов аж подпрыгнул. С экрана ноутбука улыбалась девушка в черном платье с вороном на плече.

— Ты не поверишь, Максим! — воскликнула Елена Степановна. — Но мне с этой тварью уже приходилось несколько раз встречаться!

— И я с ней тоже имел честь познакомиться, — вздохнул Магамединов. — Не пойму, что в этой больнице творится, да и вокруг нее тоже... Такое ощущение, что к нам на постоянное место жительства переехал дьявол и развлекается таким вот способом.

— Как я хочу проснуться и понять, что все это — дурацкий сон, — произнесла Круглова.

Магамединов закрыл ноутбук, сунул его подмышку и вышел из каморки. Елена Степановна не отставала от него ни на шаг.

— Лена, давай попробуем найти логику во всем происходящем. Может, докопавшись до истины, мы поймем, как выбраться из этой заколдованной ситуации?

— Мне кажется, Максим, что законы логики в этой больнице уже давно не действуют. Но я согласна с тобой: нельзя сидеть сложа руки, надо срочно разбираться со всем, что здесь происходит.

В приемной морга горел тусклый свет. На трех скамейках этого закутка, отделенного от коридора двухстворчатыми дверями, расположилось шесть человек. На первой скамейке сидела пожилая супружеская пара, на второй скамейке — отец и его семнадцатилетняя дочь, а на третьей — два студента из мединститута: Вадим и Жора.

— Когда они уже разберутся с воротами, — возмущалась пожилая женщина. — Беспредел какой-то! Все ж мы люди — нам есть хочется.

Пожилой мужчина, порылся в кармане серого плаща, достал из него шоколадную конфету и протянул жене.

— Держи.

— Вот же еврей старый! Держал конфету до последнего, пока я на голод не пожаловалась, — шутливо зарычала пожилая женщина и забрала конфету. — А ну-ка, выворачивай карманы. Может, в них еще что-нибудь завалялось.

Пожилой мужчина отодвинулся:

— Отстань, дорогая! У меня больше ничего нет.

Женщина быстро проглотила конфету и продолжила атаку:

— Ай-яй-яй! А чего же ты тогда так разволновался?

Пока супруги ругались из-за конфеты, из-под дверей лаборатории выплыло светящееся пылевое облачко размером с два человеческих кулака. Оно было очень яркое и красивое и переливалось разными цветами. Облачко поднялось на полтора метра вверх и полетело по коридору, затем завернуло за угол и влетело в открытые двери приемной морга.

Пожилой мужчина первым заметил это светящееся пылевое образование и, раскрыв рот, стал смотреть на него.

— Что это за чудо? — спросил он, а облачко тем временем заскользило в его ладонях.

Маргарита вздрогнула и повернулась лицом к мужу. Облачко поднялось чуть выше и подлетело к пожилой женщине. Та, словно по команде, быстро выставила руки ладонями вверх. Облачко опустилось на ее руки, затем чуть-чуть приподнялось и завращалось вокруг своей оси.

— Смотрите, какая прелесть! — вскрикнула пожилая женщина, и отец с дочерью взглянули на странное переливающееся разными цветами явление.

Облачко моментально среагировало на их взгляд: оно оттолкнулось от рук Маргариты и полетело к отцу и дочери.

— Интересно, что это такое? — вновь задался вопросом пожилой мужчина.

Молодой отец вытянул ладони.

— Может быть это душа человека, — произнес он, когда облачко опустилось на его руки, а затем приподнялось и завораживающе завращалось над ними. — Она прощается с нами.

Вадим и Жора молча наблюдали за движением облачка. Жора открыл рот, чтоб что-то сказать. Но ничего не сказал, так и оставшись сидеть с открытым ртом.

Дочь молодого мужчины потянулась двумя руками к облачку, и пылевое образование сразу же перелетело к ее рукам, опустилось на них и засветилось огненно-желтым светом, как солнце.

— Матерь божья, что это творится? — закричал Жора и на его лице отразился испуг.

С голов пожилых супругов сыпался какой-то странный «блестящий песок», а головы их уменьшались на глазах.

Жора вскочил со скамейки и кинул взгляд на Вадима:

— Вадим, мне это не мерещится? — с надеждой спросил он.

— Я, думаю, что нет, — дрожащим голосом ответил ему Вадим. — Не может же это все мерещиться нам обоим.

Жора вновь взглянул на пожилую супружескую пару и закрыл рот двумя руками.

— О, боже, — застонал он.

Пожилые люди сидели уже без голов. Из их рукавов на пол сыпался песок вперемешку со светящейся пылью. То же самое начало происходить с отцом и дочерью. Головы их уменьшались в размерах. Молчаливое удивление на их лицах сменилось пустотой: исчезли брови, ресницы, глаза, рот, губы — все это превратилось в песок и пыль.

Облачко опустилось над образовавшейся пылью (возле скамейки, на которой сидела пожилая супружеская пара), втянуло пыль в себя и увеличилось в размерах.

Вадим сорвался с места и бросился к выходу.

— Уходим отсюда! — завопил он и выбежал из приемного отделения.

Жора выскочил вслед за ним.

— Я... херею! — не успокаивался Вадим.

Жора еле его догнал, обернулся и увидел, как из-за угла коридора вылетело светящееся облачко и набрало скорость. Жора посмотрел вперед и прикинул расстояние до лестницы, ведущей на первый этаж. Впереди был еще большой кусок коридора до дверей, которые можно было наглухо закрыть.

— Вадим, мы не успеем, оно нас догонит.

— Беги, дурень, не останавливайся, — крикнул ему Вадим. — И не оборачивайся!

Облачко играючи сократило расстояние между ними вдвое. Жора и Вадим рванули изо всех сил и помчались по коридору с такой невероятной скоростью, что они могли бы стать чемпионами мира по бегу. Но облачко беспощадно приближалось к ним все ближе и ближе.

Вдруг Вадим заметил слева какую-то очень узкую дверь. Не задумываясь, он прыгнул к ней и дернул за ручку. Дверь со скрипом отворилась. Вадим и Жора, не говоря ни слова, протиснулись в коридорчик и торопливо захлопнули за собой дверь...

В узком коридоре, по которому бежали Вадим и Жора, горел неприятный розовый свет, давящий на глаза. Вадим внезапно остановился, не задумываясь о последствиях такой резкой остановки, и на него налетел Жора. Они оба грохнулись на пол.

— Куда это мы попали? — произнес Вадим, потирая ушибленную коленку.

Жора посмотрел в сторону узких дверей, которые стали их спасением.

— Неважно! Главное, что мы оторвались от этой дряни.

Вадим и Жора поднялись и уже спокойным шагом пошли по коридору.

— Я это зрелище никогда не забуду, — прошептал Вадим.

— Не бухти! Давай искать выход, — сказал ему Жора.

Вадим показал рукой куда-то вдаль коридора.

— Мне, кажется, что там кто-то стоит.

— Где? Что? — вскрикнул Жора и выглянул из-за плеча Вадима.

Действительно, впереди возвышалась что-то темное.

— Не шевелится, — прошептал Жора.

— Пошли, — буркнул Вадим и ускорил шаг. — Если честно, после этого летающего... облачка что ли... по-другому то, что мы видели, и не назовешь... мне ничего уже не страшно.

— Тогда представь, что там впереди десять таких тучек, — посоветовал Вадиму Жора.

— Иди ты в жопу! Сам представляй, если хочешь.

— Нет уж! С меня хватит. У меня такое ощущение, что мы с тобой сидим в кино на «сто Д» и пока не обделаемся, киносеанс не закончится.

— Такое еще не изобрели, — пробубнил Вадим.

Жора ухмыльнулся.

— С чего такая уверенность? Представь, что на нас испытывают эффект полного присутствия в кино.

Вадим остановился и издал задним местом неприличный громкий звук. Затем скривился и покрутил головой по сторонам.

— Фу, чем это здесь пахнет?! — возмутился он.

После чего посмотрел на Жору. У того на лице появилось недоумение.

— Ну и где твоя настоящая реальность? — спросил Вадим. — Почему сеанс еще не закончился? Где титры?

— Фу, Вадим, что это было? — произнес Жора, зажав нос двумя пальцами.

Вадим улыбнулся в ответ:

— Проверка твоей гипотезы опытным путем.

— Фу, террорист хренов! — заорал на него Жора. — Предупреждай в следующий раз, что опыты собираешься ставить.

Наконец, парни приблизились к тому, что не могли разглядеть издалека. Перед ними на полу стояли какие-то закрытые металлические контейнеры размером с чемодан. За контейнерами в стене был виден проем, ведущий в какую-то шахту, похожую на лифтовую.

Вадим осторожно заглянул в эту шахту. Она уходила далеко вниз, конца и края ее не было видно. К стенам шахты была прикручена металлическая конструкция с большим количеством проводов.

— Интересно, что это за шахта такая? — спросил Вадим. — Для чего она может быть предназначена?

— Кто ее знает, — ответил ему Жора.

Вадим смотрел вглубь шахты и думал о ее предназначении. Конструкция из толстых прямоугольных секций шла по всему периметру стены и так же, как и шахта спускалась далеко вниз. Она представляла собой каркас, к которому прикреплялись провода различной толщины.

Жора рассеянно коснулся рукой металлического контейнера... И мгновенно получил удар током. Его как следует тряхнуло возле злобных контейнеров и откинуло на два метра назад. Он ударился спиной об стенку и задним местом приземлился на пол.

Волосы на его голове встали дыбом. Жора посмотрел на пальцы своих рук — они были черными.

— Ё-мое! Сегодня не мой день, — с отчаянием в голосе произнес он.

Вадим подошел к Жоре и протянул ему руку.

— Как ты? Сильно досталось?

Жора с его помощью поднялся с пола.

— Лучше не спрашивай! — пробормотал он.

— Сам виноват, — заметил Вадим и пошел дальше по коридору.

Жора двинулся вслед за ним.

— Спасибо за сочувствие!

Коридор вывел их к двухстворчатым металлическим дверям. Вадим нажал на ручку и вышел на лестничную площадку. Интересное и странное открытие их ожидало на лестничной площадке.

Вадим и Жора, склонившись через перила, смотрели на лестницу. Она уходила куда-то вниз, а не вверх.

— Чем дальше, тем хуже, — заметил Вадим. — Нам бы вверх, а не вниз. Может, пойдем назад?

— Я точно не пойду! — замотал головой Жора и начал спускаться по ступенькам вниз. — Облака всякие, ящики дурацкие, током бьются... Не-не, я пас.

Вадим догнал Жору и схватил его за плечо.

— Бог с тобой! Пошли вниз! Только вот интересно, куда мы выйдем.

В семь часов утра терапевтическое отделение оживило. Из палат стали выглядывать больные. На посту проснулась дежурная медсестра. Из ординаторской вышел Борис Анатольевич Беленький с серебристым металлическим кейсом в правой руке и зашагал по коридору в сторону вестибюля.

Через десять минут Александр Михайлович Шарецкий зашел в туалет, прикурил сигарету и глубоко затянулся. Его руки тряслись мелкой дрожью, со лба крупными каплями капал пот. Докурив, он направился на осмотр третьей палаты.

Магамединов открыл глаза и понял, что лежит на полу, прислонившись головой к дивану, на котором спала Весюткина.

— Ничего себе! — удивился Максим Викторович. — Как это мы так дружно все в одной комнате улеглись?

Круглова подняла голову и отодвинулась от стола. Повязка на ее голове съехала набок.

— Страшно было по отдельности засыпать, вот и скучковались, — произнесла она.

— И ты прямо за столом уснула? — спросил Магамединов.

— Получается так, — неуверенно ответила Круглова.

Магамединов почесал затылок и поднялся на ноги.

— Я совершенно не помню, как мы ложились спать. Последнее, что я помню, это как мы с Шарецким и Беленьким болтали обо всем происходящем в ординаторской.

Весюткина спросонья потянулась на диване.

— Я-то все помню. Ты мне сделал укол, и я сразу же заснула, — сказала Инга Вацлавовна.

— Действительно, — тяжело вздохнула Круглова. — Как я могла, опустив голову на стол, проспать всю ночь на стуле и ни разу при этом не проснуться?

Магамединов включил в розетку электрический чайник, подошел к разрисованному морозом окну, приоткрыл форточку и выглянул наружу. Холодный воздух сразу же ворвался в кабинет. Максим Викторович в одно мгновение отскочил от окна и закричал:

— Боже, я сошел с ума!

И, не говоря больше ни слова, выскочил из своего кабинета. Круглова бросилась к окну и выглянула на улицу. Лицо ее стало белее мела.

— Мамочка родная, я не верю своим глазам, — прошептала она.

Магамединов выбежал во двор больницы. Там уже стояли несколько человек. Они смотрели за забор, и так же, как Максим Викторович, не могли уместить в своем сознании то, что видели. Одна бабулька стояла на коленях и молилась. От забора в сторону больницы ледяная пленка продвинулась метров на пять-шесть, не больше. А вот то, что творилось за забором, вызывало отчаяние и ужас.

За забором не было видно ни домов, ни машин, ни дорог, ни светофоров, ни строительного банка, знаменитого своими большими механическими часами — вообще ничего. Там расстилалась сплошная ледяная равнина. Лёд окружал всю больницу и уходил далеко, и не было видно ему ни конца, ни края.

Магамединов отвернулся. Плечи его тряслись. Ступая ватными ногами по холодной, но еще не обледеневшей земле, он вернулся в больницу и сквозь слезы посмотрел на просыпающихся от какого-то глубокого наркотического сна людей. Они еще не знали, что произошло...

В палате номер три стоял неприятный зловонный запах. Двое больных из этой палаты с трудом вставали с постели. Один из них недавно перенес инсульт и, как мог, боролся за жизнь. Второго же к постели пригвоздила непонятная болезнь. Вчера еще он спокойно передвигался по больнице, заигрывал с медсестрами и чувствовал себя практически здоровым. А сегодня уже не мог оторвать головы от подушки из-за сильного жара и недомогания.

Алексей Горин чувствовал, что с ним случилось что-то непоправимое. Все началось с того, что вчера вечером он пожаловался на изжогу. Врач ему сделал укол, после чего Алексей ощутил резкий голод и еле его утолил. Ему становилось все хуже и хуже, и он никак не мог понять, с чем это связано.

Как только Александр Михайлович Шарецкий вошел в палату номер три, он сразу же направился к Алексею Горину.

— Доктор, скажите, а это правда, что из больницы невозможно выйти? — спросил его бывший ректор сельскохозяйственной академии, а ныне несчастный пенсионер с язвой желудка.

— Я думаю, что скоро во всем разберутся, — махнул рукой Александр Михайлович. — Поэтому особо не переживайте.

— Александр Михайлович, а вы выходили сегодня на улицу, видели, что там творится? — не выдержал молодой человек лет двадцати трех, который паковал свои вещи в сумку.

— У меня работы много. Мне некогда выходить на улицу. А куда вы так стремительно собираетесь?

— Вот когда вы выйдете на улицу, тогда все поймете. Я собираюсь подняться на крышу

и ждать спасательный вертолет.

— Молодой человек, не стыдно вам?! Своими действиями вы порождаете панику.

— Ой, не смещите меня! Паника... Вы еще паники не видали, вот погодите. Сейчас народ проснется... Все наверх ломанутся, а я уж там лучшее место занял.

Шарецкий поглядел на парня поверх очков.

— Если уж идете, так потише как-нибудь... Никому ничего не объясняйте: куда вы идете и зачем. Если народ побежит на крышу, по вашему примеру, то вы можете оказаться в числе первых, кто с этой крыши навернется. Просто выдавят.

— Я знаю, что я делаю, — невежливо оборвал его парень.

Александр Михайлович отвернулся от молодого человека и взглянул на Алексея Горина. Подушка больного была вся мокрая от пота. Но больше всего доктора беспокоил его сильно вздувшийся живот.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросил Горина Шарецкий.

— После вашего вчерашнего укола мне стало гораздо хуже, чем было, — пожаловался больной.

— По-видимому, мой дорогой, ваша болезнь стремительно прогрессирует.... Ну-ка, попробуйте сесть и поднимите руки вверх.

— Я не могу, мой живот так сильно вздулся... — Горин еле сел и, тяжело дыша, поднял руки вверх.

Шарецкий увидел подмышками больного красную сыпь и кивнул.

— Так... мне все понятно. Вы сильно не переживайте. Я уже встречался с этим редким недугом в своей практике и хорошо представляю, с чем имею дело. Сейчас поднимайтесь и идите в процедурный кабинет. Я назначу вам укол. И попрошу разрешение у заведующего отделением положить вас в шестую палату, чтобы вы были под моим постоянным контролем. Позже я все вам расскажу о вашей болезни.

— Доктор, только честно скажите, это что-то страшное?

— Все болезни страшные, если их не лечить. Ваша — поддается лечению. Если почувствуете сильный голод, дайте мне знать.

— Да я уже и так все съел, что у меня было в тумбочке.

— Ага, и холодильник, что в столовой стоит для общего пользования, наполовину опустошил. Жрал все подряд без разбора. Я сам, своими глазами, это зрелище видел, — сказал напоследок молодой человек, закинул сумку на плечо и вышел из палаты.

— Давайте-ка быстро в процедурный кабинет, — приказал Шарецкий. — Нельзя вашей болезни прогрессировать. Либо мы ее, либо она нас.

Панике предшествовал всеобщий психоз. Во дворе больницы собралось много людей — это были врачи, больные и те, кто пришел их навестить. Всех собравшихся объединяла одна общая беда. Люди молча смотрели на ледяную пленку. В глазах их были отчаяние, страх и незащитность перед неизвестным явлением.

В центре толпы кружилась на одном месте, неотрывно глядя в небо, женщина в розовой курточке.

— Мама, ты была права, — вопила она, — весь мир сошел с ума! Мама, забери меня отсюда!!!

Людям, которые знали эту женщину, было трудно поверить, что она сошла с ума. Что ее психика дала сбой. Еще недавно она спокойно с ними разговаривала и даже шутила о происходящем.

Из толпы вышел пьяный мужичок с бутылкой водки и граненым стаканом в руках. Трясущимися руками он налил полстакана водки и протянул его женщине.

— Иди сюда, красавица, давай выпьем за апокалипсис — вот он, оказывается, какой!

Безумная женщина непонимающими глазами уставилась на мужичка, который протягивал ей стакан с водкой, и разрыдалась на глазах у всех.

— Иди ко мне, моя хорошая, я тебя успокою, — не отставал от нее пьяный мужичок. — Я специально для такого случая приберег драгоценную бутылочку.

Одна из женщин в толпе потеряла сознание, две другие завyli — словно принялись кого-то оплакивать. Сразу же к ним присоединились еще несколько женщин. Человек десять упали на колени и принялись молиться.

— Господи, спаси нас! — раздался женский крик из толпы.

— Не хотели ходить в церковь, грешники, получайте! — заорала в толпе придурковатая бабка, стараясь перекричать людей, которые зашумели, как растревоженный улей. — Думали, наверное, что все сойдет вам с рук... ага! А оно так не вышло! Всякому разврату и беспределу рано или поздно приходит конец.

К тем людям, что упали на колени, присоединились другие. Молящихся становилось все больше и больше. И вскоре почти весь двор стоял на коленях — была слышна общая молитва людей. Из глаз людей текли слезы.

Больные пооткрывали настежь разрисованные морозом окна больницы и с ужасом смотрели на «новый пейзаж». То в одном окне, то в другом окне было видно, как крестятся люди.

На крыше столпилось большое количество людей. Они смотрели на небо, покрытое тяжелыми снежными тучами, и на ледяную равнину, расстелившуюся за забором больницы...

Зарождался хаос. Шокированные люди не замолкали ни на минуту. Они стонали, плакали, что-то горячо доказывали друг другу, кричали во всю глотку. И больные, и те, кто пришел их навещать, студенты из мединститута и сами врачи, уборщицы и санитарки беспрепятственно перемещались по всей больнице. Они заходили в операционные, в рентгенологические кабинеты, кабинеты ультразвукового исследования, в столовые, в палаты к тяжелобольным.

По коридору хирургического отделения проскочили Клёпа, Зарядный и Король — крутые парни лет двадцати. С дежурного поста выскочила Алена и закричала им в спину:

— Молодые люди, вы куда?

Крутые парни остановились и повернулись лицом к Алене. На их лицах появились мерзкие улыбки.

— Какое дело тебе, красавица, до нашего «куда»? — спросил Зарядный. — Хочешь, пошли с нами.

— У нас по отделению нельзя так свободно разгуливать, — сказала Алена.

— Милая, проснись! — заржал во весь голос Король. — Теперь всем все можно!

— Подскажи, где у вас тут можно спиртиком разжиться? — поинтересовался Клёпа. — Да и сама давай с нами. Может, последний денек доживаем.

— И все у нас — в последний раз, — со значением добавил Зарядный.

— Какой, к черту, спиртик! — возмутилась Алена. — Вам здесь не магазин! Если вы немедленно не покинете отделение, я позову заведующего отделением.

— Зови, мы и ему нальем! — разрешил Король. — С сегодняшнего дня мы

контролируем все спиртодвижение в больнице. Так что, присоединяйся, пока не поздно. Мы, кстати, планируем и наркотики взять в оборот... И нам хороший специалист, который знает, где они лежат, не помешает.

Король, Клёпа и Зарядный отвернулись от Алены и двинулись дальше по коридору. Прошли метров пять и остановились возле процедурного кабинета.

— Вот, куда нам надо! — воскликнул Зарядный и нажал на ручку двери.

Дверь не поддавалась. Зарядный не растерялся, отошел назад и с разбегу выбил ее плечом. И вся компания, чувствуя, что наказание ей не грозит, с шумом и смехом ввалилась в процедурный кабинет.

Паника принесла свои плоды. И первый плод появился в пищеблоке (на кухне больницы). Там на электроплитах стояли большие кастрюли, в которых готовилась еда для больных. Анжела и Раиса — молодые поварихи с заплаканными лицами — колдовали над этими кастрюлями: засыпали в них картошку, солили, добавляли приправы, мешали, пробовали на вкус — и все это делали очень быстро.

— Мы, что рабами в один миг стали? — возмутилась Анжела. — Нам никто за это явно не заплатит, а мы должны супа наварить на всех голодных в больнице.

— Надо бросать все это к чертовой матери и сваливать отсюда! — предложила Раиса.

— Это тоже не выход, — ответила Анжела. — Мы с тобой ближе всех к еде находимся, кто знает, что дальше-то будет... Запасы, небось, не резиновые.

— Тогда надо сказать Варваре Семеновне, чтоб в помощь нам кого-нибудь позвала.

Открылись входные двери, и на кухню ворвалась Варвара Семеновна — заведующая пищеблоком.

— Я вышла на первый этаж и сказала, что на всех варю суп и что мне нужны добровольцы, которые по всей больнице на тележках будут возить суп и кормить людей.

— Ну и что из этого? — спросила Раиса.

— Беда, девчонки!

В подтверждение слов Варвары Семеновны резко распахнулись входные двери, и в пищеблок вломилась толпа. Люди лихорадочно хватали съестное, кричали, толкались.

— Ну так же нельзя! — закричала Варвара Семеновна. — Вы делаете хуже и себе, и другим!

Анжела и Раиса не успели даже запищать. Толпа людей снесла их, как снежная лавина. Раису прижали к электроплите, она была вынуждена за нее хвататься и отталкиваться. Бедная девушка сильно обожгла руки и кричала от боли, но обезумевшие люди не обращали на нее никакого внимания.

Люди давили и душили друг друга из-за еды. В ход пошли локти и кулаки. Раиса сползла на пол, чтоб ее не толкали на горячую электроплиту, другого выхода у нее просто не было. И в этот же момент на пол с электроплиты скинули кастрюлю с кипящим супом... Раздался общий крик боли.

В результате всего Раиса уже не сидела, а лежала на полу возле электроплиты. Все лицо ее было в слизи и волдырях. Один глаз у нее сварился, и она уже не понимала, что происходит.

Заведующий хирургическим отделением Павел Петрович Николаев сидел за рабочим столом в своем кабинете и держал возле уха трубку рабочего телефона. Он всегда старался быть спокойным и сосредоточенным, умел анализировать сложные ситуации и находить выходы там, где другие сдавались. Однако Павел Петрович был весьма самолюбив, он с

трудом переваривал такие моменты, когда его игнорировали или недооценивали, проще говоря, снижали ту планку, к которой он себя приравнивал.

После того, как он поговорил с главврачом больницы о сложившейся ситуации, у него появилось впечатление, что тот совершенно его не слышит. Николаев специально зашел к нему в кабинет, чтоб найти решение некоторых серьезных проблем. Он считал, что надо заранее кое о чем побеспокоиться. Но Хмельницкий быстро дал понять заведующему хирургическим отделением, чтоб он не лез к нему с пустяками. И поэтому в данный момент Павла Петровича все раздражало, он никак не мог успокоиться.

Николаев нажал несколько раз одну и ту же кнопку телефонного аппарата и со злостью кинул трубку на стол.

— Нарочно такое не придумаешь! — заорал он. — Хорошо хоть, что еще вода и электричество не пропали.

В этот момент в кабинет ворвалась дежурная медсестра Алена и подлила масла в огонь.

— Павел Петрович, какие-то уроды забрались в процедурный кабинет, — сообщила она. — И ищут там спирт.

Николаев не встал, а взлетел со стула и закричал:

— Что за уроды, и кто их сюда впустил?!

В ответ Алена испуганно развела руками.

— Я не знаю, — взвизгнула она. — Что вы на меня кричите?!

— Ой, блин, как это все мне надоело! — заревел Николаев и выскочил из своего кабинета.

Алена бросилась за ним вдогонку.

— Павел Петрович, вы один не идите, — закричала она ему в спину. — Я сейчас еще Кривицкого позову.

— Не волнуйся! — рявкнул Николаев. — Без него разберусь!

Заведующий хирургическим отделением остановился возле выломанных дверей процедурного кабинета и толкнул их ногой.

В кабинете все было перевернуто вверх дном: выдвижные ящики стола валялись на полу, шкаф с медикаментами лежал рядом с ними.

— Ну, что мне, мальчики, скажете? — спросил Николаев и стал закатывать рукава своего белого халата.

Король увидел это и усмехнулся.

— Мужик, вали отсюда. Это теперь наша территория.

Клёпа выплюнул в сторону жвачку и достал из заднего кармана выкидной нож, нажал на кнопку, и лезвие ножа выпрыгнуло вперед.

— Если что-то непонятно, давай поговорим, — предложил он.

— Давай! — быстро согласился Николаев, сделал два быстрых шага вперед и ударил кулаком Клёпу по лицу. Все это произошло в одну секунду. Клёпа даже не успел среагировать и вместе с ножом полетел на пол, и ударился головой о подоконник, глаза его сразу закатились.

— Ну, кто еще хочет поговорить с бывшим боксером? — задал вопрос Павел Петрович. — Я в молодости, в отличие от вас, на водку и наркотики время не тратил.

Король отступил на шаг назад, обернулся и посмотрел на Зарядного. Тот покрутил мускулистой шеей и сжал пальцы в кулаки.

— Мы тоже не из говна сделаны, — произнес он, замахнулся и устрашающе рассек

левой рукой воздух.

Алена стояла в коридоре и услышала глухой удар. Было понятно, что тот, кто ударил — вложил в удар всю силу. Из процедурного кабинета в коридор вылетел Зарядный, стукнулся головой об стенку и съехал по ней на пол.

— Извини, я забыл предупредить, что занимался почти каждый день, — крикнул ему Николаев.

— Не надо, я сам! — завопил Король.

Он выскочил из процедурного кабинета, и его догнала нога Николаева. Король лбом протаранил стенку в коридоре и, так же, как Зарядный, молча съехал на пол.

Когда Павел Петрович вышел из процедурного кабинета, Алена вновь узнала в нем добродушного заведующего хирургическим отделением. Ему только не хватало нимба над головой и белых крылышек за спиной.

— Аленушка, когда парни проснутся, покажешь им, где у нас здесь выход, — попросил он, и она ему молча кивнула.

Работники мастерской — Николаич и Рыжов — не сразу поняли, что случилось что-то нехорошее. Из подвала на лестницу выскочила женщина с двумя буханками хлеба в руках, промчалась вверх по ступенькам, чуть не сбив их с ног, и закричала кому-то на первом этаже:

— Антон, беги быстрее, пока на кухне хоть что-то еще осталось.

Николаич от удивления раскрыл рот и ускорил шаг.

— Что она орет такое, дура эта, — сказал он. — Черт! Там же на кухне Варвара моя!

— Николаич, люди жрать захотели! — догадался Рыжов. — Вот и сходят от голодухи с ума. Кто как может.

Из подвала выскочил мужчина с банкой тушенки и тремя батонами в руках. Николаич от возмущения чуть не задохнулся:

— Ты видел это?! Рыжов, беги, глянь, что там творится! — заорал Николаич. — Беги, я тебя прошу!

Рыжов кивнул и помчался по коридору в сторону пищеблока. Николаич бросился вслед за ним. Но шустрый Рыжов за считанные секунды скрылся за поворотом.

Возле дверей моечной Рыжов остановился и с ужасом посмотрел на толпу, рвущуюся в пищеблок. Какой-то дед тростью лупил по спинам людей, чтоб его пропустили.

— Я инвалид! — орал дед.

— Эй, дикие, что вы здесь все столпились, — закричал на людей Рыжов. — Запасов еды в больнице хватит надолго, если вы их не будете разворовывать!

— Рассказывай сказки кому-нибудь другому! — завопил дед. — Здесь почти все уже вынесли!

Рыжов со злости плюнул на пол.

— Да это быдло за месяц не вынесет всех запасов. Я, надеюсь, до кладовых они не добрались.

— А где здесь кладовые? — поинтересовался дед.

— В заднице у тебя, — подсказал ему Рыжов. — Загляни — увидишь!

Рыжов набрал воздуха в грудь и заревел не своим голосом:

— Задолбали, уроды! Я, блин, шас вас научу, как себя надо вести!

Рыжов напоследок сверкнул глазами и скрылся в моечной. В помещении, в котором очутился Рыжов, на крюке висел скрученный моечный шланг. Рыжов размотал его, насадил

на кран с горячей водой и закрепил зажимом.

Открыв кран, Рыжов выскочил в коридор, встретился взглядом с Николаичем, улыбнулся ему и направил струю горячей воды на спины людей.

— Уважаемые граждане, прошу разойтись!!! — крикнул он.

Люди, ошпаренные горячей водой, с криками бросились врассыпную. Вдруг откуда-то выскочил громадный, ростом под два метра, накаченный не в меру мужик.

— А ну, выключи воду, я сказал! — потребовал Громила.

Николаич схватил за плечо Громилу и закричал ему в лицо:

— Извини, друг, не будет этого!

— Это почему же?

— Там внутри люди друг друга давят. А здесь дураки еще сильнее их зажимают. Всем насрать на то, что происходит на кухне. Неужели и ты такой же, как и все остальные?

— Я не такой! Просто одни урвут себе пожрать, а другим хрен что достанется.

— Дурь! В больнице еды навалом, всем хватит!

Толпа редела из-за напора горячей воды. Из пищеблока выскакивали люди. Они уносили все подряд: муку, соль, сырую картошку, капусту.

Николаич схватил за шиворот сорванца лет двенадцати с упаковкой соли.

— Эй, дурачок, нахрена тебе шестнадцать килограмм соли? Сорванец попался упрямый, он крепко держал упаковку соли в руках и болтал ногами в воздухе.

— Отпусти, мамка сказала, хватай, что сможешь, потом обменяемся.

Николаич кое-как отобрал у сорванца соль и дал ему подзатыльник.

— Передай мамке, что я найду ее, конфискую, что наворовала и убью на месте без суда и следствия.

Сорванец сорвался с места и бросился прочь. Николаич развернулся и хлопнул громадного мужика по плечу.

— Чего тебе? — спросил Громила.

— Как зовут тебя, друг?

— Боря.

— Слушай меня, Борис, собери человек десять таких крепких мужиков, как ты сам, и приведи их сюда.

— Зачем это? — удивился Громила.

— Будете охранять пищеблок, — объяснил Николаич. — И за это я вам гарантирую полноценное питание для вас... и всех ваших близких, находящихся в этой больнице.

Громила почесал затылок.

— Будет сделано, товарищ начальник! — произнес он после небольшого колебания и удалился.

Николаич зашел в опустевший пищеблок и увидел лежащую на полу Раису. Ее очень сильно трясло, и она вскрикивала от боли. Лицо у Раисы было все в волдырях, глаз — сварен. Над ней склонившись, хлопотали Варвара Семеновна и Анжела. Варвара Семеновна держала голову Раисы, а Анжела к лицу прикладывала мокрое холодное полотенце.

Николаичу приходилось в жизни видеть картины и пострашнее. Он спокойно оценил ситуацию. Самое главное — с его женой, Варварой Семеновной, было все в порядке.

— Рыжов, ты где?! — позвал своего подчиненного начальник отдела технического обслуживания.

В пищеблок заглянул Рыжов. Руки у него были красные из-за горячей воды.

— Чего, Николаич? — откликнулся он.

— Хватай на руки девчонку и неси ее в ожоговое.

Рыжов кивнул и поднял на руки Раису.

— Не трогайте меня, — заорала бедная девушка. — Дайте умереть спокойно! Я вас прошу!

— Потерпи, милая, все будет хорошо, — прошептал Рыжов и двинулся к выходу.

Николаич посмотрел на перепуганную до смерти Варвару Семеновну и вполголоса сказал:

— Рыжов, двигай быстрее, а то сердечко девчонки может не выдержать боли.

Первым проснулся Жора. Он сел на корточки возле стенки и уставился на Вадима, который лежал на холодном бетонном полу лестничной площадки и храпел во всю мочь. В горле у Жоры противно зачесалось, и он закашлял. Кашель был неприятным и выходил откуда-то из бронхов. Откашлявшись, Жора подполз к Вадиму и зарядил ему в лоб хороший звучный «фофан».

— Просыпайся, сынуля, на учебу пора, — запищал Жора.

Вадим сразу же перестал храпеть, шмыгнул носом и приоткрыл левый глаз.

— Просыпайся, падла! — заорал ему прямо в лицо Жора. — Чай будем пить с баранками и медом.

— Где чай? Какой чай? — вскрикнул перепуганный Вадим. — Ого, как холодно.

— Ну, что проснулся? — спросил Жора спокойным голосом.

— А фиг его знает! А что?

Жора покачал головой.

— А ничего. Ты мне лучше объясни, кому из нас в голову вчера пришла мысль: лечь спать на холодном бетоне.

— Точно не мне, я б до такого не додумался.

— А я, значит, додумался бы?! Короче, ты, как и я, совершенно не помнишь, как мы ложились спать. Я прав?

— Совершенно не помню.

— Весело, однако, — тяжело вздохнул Жора.

Вадим поднялся на ноги и со стоном распрямил спину.

— Ладно, чего теперь гадать? — сказал он. — Мы вроде как вниз двигались. Пошли дальше.

Вадим отряхнул брюки от пыли и начал спускаться по ступенькам. Жора взглянул вверх между перил и обратил внимание, что лестница уходит куда-то очень высоко.

Это означало, что они с Вадимом спустились на очень большое количество пролетов вниз.

— Блин, это не больница, а какая-то подземная цивилизация, — сказал Жора.

— Спустимся еще на пару этажей вниз и, если не найдем никакого входа или выхода, будем подниматься назад, — ответил Вадим. — Надоел мне этот поход в никуда.

Жора догнал Вадима, и они молча стали спускаться дальше, и вскоре, на одном из подземных этажей обнаружили открытые узкие двери (но это был не последний этаж, лестница уходила еще дальше вниз).

Вадим первым вошел в узкий с серыми стенами коридор, в котором горел отвратительный розовый свет, и медленно зашагал вперед. Жора двинулся вслед за ним. По правую руку обнаружилась закрытая узкая дверь. Вадим остановился, схватился за ручку

двери, нажал ее и налег плечом. Дверь не поддавалась.

Из-под нее выползло нечто похожее по форме на божью коровку, только серого цвета и размером с маленькую черепашку. Нечто издало странный звук: «вжи-жи-житьь», и из спины его вылезли острые крутящиеся полукруги, которые можно было сравнить с торчащими наполовину кругами столярной пилы, только очень маленьких размеров.

Жора показал рукой на странное нечто.

— Смотри, что это?

Вадим ударил ногой по «серой божьей коровке».

— Я не знаю! — ответил Вадим. — Гадость какая — то.

«Божья коровка» от удара ноги улетела назад в щель под дверью.

— Главное, что не облачко, — добавил он.

Вадим и Жора двинулись дальше по коридору. А из-под двери выползло штук семь этих «нечто». Они повторили друг за другом неприятное «вжи-жи-житьь» и оголили свои острые пилы.

14. После того, как все посторонние были изгнаны из хирургии, Николаев закрыл входные двери на замок. Он отдал ключи медсестре и разрешил пускать в хирургию только врачей больницы и больных из этого отделения. Павел Петрович заходил в палаты к больным и разговаривал с ними, успокаивал их, объяснял, что хуже всего, когда в чрезвычайных ситуациях невозможно ничего контролировать. Предложил каждому больному задуматься, что может произойти в том случае, если в больнице начнется паника. Николаев нажал на ручку двери двенадцатой палаты и удивился тому, что она оказалась закрытой на защелку. Павел Петрович постучался.

— Зайдите попозже, пожалуйста, — услышал он голос Анны.

— Хорошо-хорошо! Не буду вас беспокоить. Об одном вас попрошу: не поддавайтесь панике.

— Не переживайте, Павел Петрович, когда вы с нами, мы ничего не боимся.

Николаеву последняя фраза так понравилась, что он аж хрюкнул от удовольствия. Постояв возле двери пару секунд, он двинулся дальше по коридору, но остановился, услышав голос Анны. Павел Петрович сразу понял, что она рассказывает что-то интересное больным палаты. Ему стало любопытно и он, вернувшись к двери, прислушался.

— Так вот, в кабинете заведующего, не помню точно какого отделения, зазвонил телефон. Для заведующего этот звонок был неожиданностью, так как связь в больнице отсутствовала, — рассказывала Анна. — Он схватил трубку и закричал в нее: «Алло, я вас слушаю!» А в ответ услышал: «Это вам звонит Андрей Кабен, я увлекаюсь практической магией и звоню предупредить, что из-за моих неудачных магических опытов в больнице появилась очень нехорошая субстанция. И вам надо провести несколько сложных обрядов, чтобы остановить ее действие...»

Николаев внезапно почувствовал головокружение, и из носа у него потекла тоненькой струйкой горячая кровь. Павел Петрович ощутил, как она обожгла его ноздри. «Что-то это со мной такое? — удивился он и вытер её платком. — Неужели — давление»?!

— Заведующий послал подальше этого Андрея Кабена и кинул трубку на телефонный аппарат, — монотонно бормотала Анна. — И сразу же увидел, что проем двери и окно начали быстро зарастать неизвестной науке материей, и через три секунды все стало сплошными стенами. Слои материи накладывались один на другой: кабинет терял свои размеры на глазах. И заведующий испугался не на шутку и закричал во весь голос...

Николаев, мрачно улыбнувшись, отошел от двери. Ну и чушь молотит, а такая красивая женщина! Павел Петрович медленно пошел по коридору, пытаясь понять, почему ему ни с того, ни с сего стало плохо. На давление он никогда не жаловался, сосуды в носу у него были крепкие, да и кровь свою такой горячей он никогда не ощущал. А тем временем Анна, которая сидела по-турецки посреди палаты, продолжала:

— И вот представьте себе такое зрелище: люди идут по коридору и смотрят на сплошную стену, за которой раздаются крики ужаса...

Все остальные больные палаты номер двенадцать сидели на своих кроватях и внимательно слушали рассказчицу. Из глаз их текла темная слизь, из носа — тонкой струйкой бордовая кровь, изо рта выплескивалась желтая пена.

ГЛАВА 5. Демонстрация силы

За рабочим столом заведующего ожоговым отделением расположился Груша. Перед ним стояла большая кружка с ароматным чаем и лежала, разломанная на кусочки, плитка шоколада. Виталик тяжело переживал глобальные изменения привычной реальности. Мысли крутились вокруг родителей: где они и что с ними? Живы ли? Или ледяная жуть за окном поглотила их вместе со всем, что окружало больницу? Когда до сознания Виталика дошло, что вероятность увидеть родителей живыми практически равняется нулю, он впал в истерику. И Дмитрий Антонович, который сам к этому моменту находился не в лучшем душевном состоянии, вколол себе и парню сильное успокаивающее.

Груша, заторможенный действием антидепрессанта, потянулся к шоколаду, положил кусочек в рот и глотнул чая из кружки. Дмитрий Антонович стоял в это время у окна и смотрел на улицу.

— Виталий, мне бы очень хотелось, — тихо заговорил он, — чтобы ты набрался смелости и вернулся в свою палату.

Груша отчаянно замотал головой.

— Нее! Я не пойду! Хоть убейте! Не могу я! С ними...

— Поверь мне, так надо для нашего общего дела, — сказал Кожало и повернулся к Груше.

Виталик поставил кружку на стол и поднял глаза на врача.

— Не понял. Какие общие дела? Вы сами сказали, если я трепаться не стану, вы мне поможете... А больше мы с вами ни о чем таком не договаривались.

— У нас с тобой, Виталий, нет времени на всякие условности. События-то как раскручиваются, а? Мы и реагировать толком не успеваем. Вот ты помнишь, как ты ко мне пришел, рассказал, что видел, а я сразу же тебе поверил?

— Помню. Ну и что с того?

— Все очень просто. Если бы в больнице не произошло так много странного до того, как ты пришел, я, скорее всего, тебе не поверил бы.

— Понятное дело! — воскликнул Груша.

— Так вот, давай допустим, что все странные события, произошедшие в этой больнице за последние сутки, имеют общий корень. И чтобы этот корень выдернуть, необходимо его найти, а для этого надо распутать весь клубочек...

— Клубочек? — Виталик все еще тормозил от лекарства.

Дмитрий Антонович терпеливо кивнул.

— Виталий, для того, чтобы все понять, необходимо с чего-то начинать.

Согласен? Это правило формальной логики. Должна быть отправная точка. И вот, мне пришла в голову мысль — провести эксперимент, который позволит нам больше узнать о твоём странном соседе по палате. Этот эксперимент может доказать нам, что ты был прав и Федор Иванович твой — это не простой человек.

— Да зачем нам все это нужно? Я ведь вам уже говорил...

Кожало поднял руку:

— Чтоб раз и навсегда избавиться от сомнений. И если мы поймем, что мы правы, то постараемся спровоцировать его на какой-нибудь необдуманный поступок.

— Ничего не понял. Делать-то что надо? — вздохнув, спросил Груша.

Дмитрий Антонович улыбнулся, подошел к столу и похлопал Грушу по плечу.

— Молодец! Хвалю за решительность. Для начала ответь мне, в твоём телефоне есть функция диктофона?

— Какая еще функция? — удивился Груша. — Нету у меня никаких функций. Это... У меня с алгеброй совсем дела плохи.

— Какая к черту алгебра! — вышел из себя Дмитрий Антонович. — Диктофон у тебя в телефоне есть?

— А-а! Вот вы о чем! Есть, конечно.

Дмитрий Антонович сел на стул и наклонился к Груше.

— Тогда слушай внимательно, что я придумал, — произнес он.

Магамединов с тяжелыми мыслями в голове поднялся на второй этаж, зашел в свое отделение и у поста дежурной медсестры встретился с Весюткиной. Инга Вацлавовна держалась крепче всех, она перелистывала историю болезни какого-то больного, словно ничего и не случилось.

— Все с ума посходили, — пожаловался ей Максим Викторович. — Творят, черт знает что. Кухню разграбили, словно сто лет не ели.

— Правильно, а вы что думали?! Людей надо кормить, — ответила на это Инга Вацлавовна. — Война войной, а обед по расписанию. Вон уже десять часов утра, а завтрака так и не было.

— И не будет, если мы его сами не организуем.

— Так давай организуем.

— Мы-то здесь с тобой решим проблему, а вот кто позаботится о людях на первом этаже?

Весюткина пожала плечами.

— Давай хоть наших больных накормим, — сказала она. — А они, пусть поделятся с теми, кто пришел их навестить, и часть проблемы будет решена. А, вообще, мы не должны думать обо всех. Это, скажем так, должно быть головной болью главврача.

Магамединов мрачно улыбнулся и высказал все, что он думает по этому поводу:

— У меня такое ощущение, что главврач самоустранился. Я не видел, чтоб он что-то предпринимал. Он, вообще никому на глаза не показывается.

Весюткина шлепнула истории болезни на стол:

— Вот же гад! Ситуация вышла из-под контроля, а он сразу в кусты!

Магамединов раздраженно замотал головой. Действительно, разве можно так бездействовать! А потом задумался: ведь я и сам не лучше, что я сделал полезного за последних два часа?

— Ладно, предлагаю устроить чаепитие, — произнес он. — Я пошел на кухню за батонами и маслом.

— А я тогда накипачу у нас в столовой кастрюлю воды. Сахар с заваркой там тоже должны быть.

— Так и порешим. Ведь никаких других предложений нет?

— Нет. Да и не надо ничего другого придумывать.

Когда Инга Вацлавовна подошла к дверям столовой, ей дорогу перегородил лысый верзила с фамилией Хонкин. Она эту фамилию хорошо запомнила, потому что младший брат Хонкина был ее больным. Младшего брата звали Женькой — он постоянно приставал к ней с двусмысленными разговорами, пытался ее закадрить.

— Слушай сюда, докторша! — неожиданно взревел Хонкин. — Даю тебе ровно десять минут, чтоб ты нам с братом организовала что — нибудь пожрать... и чтоб принесла все это во вторую палату, поняла?!

— Что?! — опешила от такой выходки Весюткина.

Хонкин демонстративно посмотрел на часы.

— Так... Время пошло, — сказал он. — Смотри мне. А то я бываю очень злым.

— Вы что себе позволяете?! — завелась Инга Вацлавовна. — Вы соображаете, что несете?

Глаза Хонкина мгновенно налились кровью, он схватил Весюткину за воротник халата и закричал прямо ей в лицо:

— Слышишь, мразь, не смей на меня орать! С сегодняшнего дня ты будешь делать то, что я скажу!

Мимо Весюткиной и Хонкина, отводя глаза, мелкой походкой просеменила Чеславовна. Весюткина покраснела и попыталась вырваться.

— Мужчина, успокойтесь! Я не виновата в том, что вас вовремя не покормили!

Хонкин притянул Весюткину к себе.

— Я спрашиваю, ты поняла меня или не поняла?! — тихо и злобно переспросил он.

Весюткина впилась ногтями в руку Хонкина.

— Я все поняла, убери свою руку!

Хонкин мерзко улыбнулся. Весюткина не выдержала этой улыбки, плюнула ему в лицо и вырвалась.

Хонкин бросился на нее с кулаками. Инга Вацлавовна, закрывая лицо руками, прижалась к стене. Разъяренный мужчина ударил ее по голове, Весюткина застонала, но не заплакала. Она опустила руки, скривилась от боли и взглянула в глаза Хонкина. Тот схватил Весюткину за подбородок.

— Доступно объяснил?

— Доступно, — ответила она сквозь зубы.

— И чтоб через десять минут во вторую палату мне с братом пожрать принесла.

Хонкин развернулся и медленным шагом пошел по коридору. Весюткина проводила его ненавидящим взглядом и зашла в столовую.

Весюткина прислонилась лбом к зеркалу, висящему на стене, и заплакала от боли и унижения.

— Успокойся, дорогая, — сказала Инга Вацлавовна своему отражению. — Все уже позади. Иногда наступает такое время... Время зла... Оно наслаждается... Этим моментом...

— Что вы сказали? — раздался в ответ чей-то невнятный голос. — Какое к черту зло?! Да и не наслаждаюсь я моментом. Я просто есть хочу.

Весюткина вздрогнула и обвела взглядом столовую. Никого. Инга Вацлавовна вошла в раздаточную. Глаза ее округлились, и она прикрыла рукой рот.

— Ничего себе! Александр Михайлович, что с вами?

На полу в раздаточной сидел Шарецкий. Между ног у него стояла двадцатилитровая кастрюля с надписью «Пищевые отходы», а крышка от нее валялась в углу комнаты. Александр Михайлович, опустив руки в кастрюлю, интенсивно жевал отходы. Рот у него был полный, подбородок — весь заляпан едой, взгляд какой-то потерянный и одновременно извиняющийся.

Шарецкий громко отрыгнул и попытался успокоить Весюткину:

— Со мной практически все в порядке. Я просто испытываю ужасный голод и не могу его контролировать.

Шарецкий загреб руками в кастрюле пищевые отходы и все без разбору запихнул себе в рот. Руки у него затряслись, как у пьяницы — отходы и объедки посыпались на пол.

Весюткина подошла поближе к Шарецкому и заглянула в кастрюлю. Затем кинула взгляд на его живот. Двадцатилитровая кастрюля была почти пуста, а живот у Шарецкого раздулся до невероятных размеров.

— Александр Михайлович, — сказала она. — Вы что, съели всю кастрюлю?

Шарецкий кивнул и поднялся на ноги. Взгляд у него был, как у провинившегося ребенка. Он отряхнулся от крошек, попытался вытереть рот, но только размазал грязь по щекам.

— Я вас умоляю, Инга Вацлавовна, вы только об этом никому не рассказывайте, — попросил Александр Михайлович и в три прыжка выскочил из раздаточной.

Весюткина застыла на месте. Она долго смотрела на пол, затем шмыгнула носом, взяла веник и совок и начала убирать бардак, который оставил после себя Шарецкий.

— В одночасье все превратилось в сплошной кошмар, причем, не лучшего сорта, — сказал Вадим и двинулся дальше по узкому коридору подземного этажа.

— Тебе не угодишь, — ответил на это Жора.

Позади них в щель под дверью нырнули один за другим семь серых «нечто».

— Никогда бы не подумал, что наша больница уходит так глубоко вниз, — заметил Вадим.

— Вот это меня и пугает, — понизив голос, сказал Жора. — Кому и зачем нужно было строить столько подземных этажей?

Жора и Вадим проскочили мимо шахты, потом остановились и вернулись к ней. Заглянули вниз — шахта показалась им бесконечной. Вадим достал из кармана связку с ключами, снял один и бросил его вниз. Ключ улетел в темноту.

Пару секунд была тишина, а затем раздался звонкий звук удара ключа обо что-то металлическое. Вадим и Жора переглянулись.

— Ага! — обрадовался Вадим. — Есть все-таки дно у нашего колодца!

Жора громко втянул носом воздух и скривился.

— Ты опять решил поставить эксперимент, а меня забыл предупредить? — спросил он.

— В этот раз не было смысла предупреждать, — стал оправдываться Вадим. — Эксперимент мой был экологически чистым. Я просто кинул ключик вниз.

— Тогда чем здесь воняет? — поинтересовался Жора.

Вадим осторожно принюхался.

— Сам не пойму.

Вадим и Жора двинулись дальше по узкому коридору. Вадим сморщил нос и заметил:

— Такое ощущение, что здесь что-то разлагается.

Студенты приблизились к узкому проходу в стене. С правой стороны от него из стены торчал металлический штырь. Вадим и Жора нагнулись, переступили через арматуру, сваленную на полу, и вошли внутрь какого-то темного помещения.

— Я ничего не вижу! — сказал Жора.

— Потерпи, я сейчас организую свет.

В руках Вадима засветился яркой подсветкой дисплей телефона. Свет «фонарика»

выхватил из темноты скопление труб различного диаметра — они на разной высоте пересекали помещение и уходили в стену.

— Мне здесь как-то не по себе, — прошептал Жора.

Слева раздался неприятный скрип, и Вадим сразу же направил свет «фонарика» в сторону этого звука. Сначала он увидел только трубы. А затем в пятне света неожиданно появилась морда какого-то жуткого зверя с большой головой и круглыми глазами. Зверь оскалился. С его головы на пол закапала вязкая жидкость.

— ААА!! — закричал Вадим и уронил мобильный телефон.

Жора тоже заорал. Ему показалось, что сама темнота дохнула на него холодной жутью.

— О боже, что там такое?! — вскрикнул он.

По полу что-то быстро задвигалось.

— Вадим, ты это слышишь? — зашептал Жора.

— Да! — громко ответил Вадим.

Появился свет, и Жора увидел Вадима, который стоял на четвереньках рядом с ним и светил своим мобильником в ту сторону, где он увидел зверя.

Одни трубы — и больше ничего. Вадим быстро обвел «фонариком» все помещение. Никого в нем не было.

— Вадим, пошли отсюда! — заныл Жора.

Тот ничего не ответил и вновь направил свет «фонарика» на пол и стены. Под трубами лежала папка со скоросшивателем «Дело». Вадим подошел поближе и поднял ее.

Жора мог поклясться, что он слышал все это время чье-то тяжелое дыхание. И у него появилось такое чувство, что сейчас обязательно что-то произойдет. Жора весь сжался — превратился в один сплошной комок нервов. Вадим же спокойно распрямился и посмотрел на папку «Дело», на обложке которой черным маркером было написано: «Вестница смерти».

Вадим сел на корточки и начал листать папку, освещая страницы.

— Что это за бред такой? Похоже на распечатанный из интернета роман.

Жора схватил его за плечо:

— Да пошли уже!

Вадим поднялся и осветил пол под ногами. Он увидел небольшие лужицы, в свете фонарика отливавшие желтым. Почесал пальцем висок, постоял, подумал и кивнул Жоре.

Переборов свой страх, Весюткина вышла из столовой с подносом в руках и зашагала по коридору терапевтического отделения. На подносе у нее стояли два стакана чая и лежали шесть кусочков батона с маслом.

Из палаты номер два выглянул, хищно улыбаясь, старший Хонкин.

— Ну, наконец-то, — произнес он.

Весюткина осторожно приблизилась к нему. На ее лице красовались синяки, появление которых она объяснила Магамединову тем, что споткнулась и, падая, лицом налетела на ручку двери. Зная горячий характер Максима Викторовича, она предпочла скрыть правду. Не хватало еще в отделении кровопролития. А вдруг Магамединову не удалось бы поставить этого козла на место, а вдруг Максим Викторович пострадал бы еще сильнее, чем она?

— Быстрее давай! С ума сойти, как жрать охота! — поторопил Ингу Вацлавовну Хонкин и зашел в свою палату. Она последовала за ним.

В палате на своей кровати лежал Хонкин-младший. Старший прошел на середину комнаты и показал рукой на тумбочку, что находилась рядом с кроватью у окна.

— Давай, шевели лапами, дура! — зарычал он. — Ставь все на тумбочку и проваливай за дверь, жди моих дальнейших указаний.

Хонкин-младший приподнялся и с удивлением посмотрел на брата.

— Эй, брат! Ты что сдурел?! Как ты разговариваешь с врачом?

Весюткина поставила поднос с чаем и бутербродами на тумбочку.

Старший Хонкин удивился:

— Женька, ты чего на меня раскричался, что я не так сказал?!

— Да ты сам подумай! — возмутился Евгений Хонкин.

Весюткина осторожно достала из кармана шприц с розовой жидкостью и быстрым движением вколола его Хонкину-старшему в мышцу плеча. Тот вздрогнул и сразу же осел на пол, ударившись головой об угол тумбочки.

Увидев это, Хонкин-младший вскочил с кровати.

— Игорь! — крикнул он, потянувшись к брату.

— Я бы не советовала вам к нему прикасаться, — спокойно заявила Весюткина. — Я пока ничего не смогу вам объяснить. Но твердо уверена, что у нас по отделению распространяется болезнь, вызывающая неконтролируемый звериный голод. У вашего брата из-за нее явно началось расстройство психики.

— Что вы такое говорите? — растерялся Евгений Хонкин.

— Женя, если вы хотите выжить, то вы покинете эту палату вместе со мной.

— А... Игорь? Бросить его? А если все это ошибка?!

Весюткина развернулась и быстро зашагала к выходу.

— Я закрываю эту палату на карантин, — напоследок произнесла она. — Вам даю шанс сделать правильный выбор. В будущем может случиться так, что выбора у вас уже не будет.

Хонкин-младший поднял брата с пола и уложил на кровать.

— Хорошо, я с вами, — прошептал он и вместе с Весюткиной покинул палату номер два.

— Уже два часа никак не могу попасть в процедурный кабинет. Кто-то в нем закрылся и не выходит, — пожаловалась Анфиса заведующему терапевтическим отделением.

Магамединов ударил кулаком по двери.

— Кто здесь? — закричал он. — Откройте немедленно!

— Я не могу, Максим Викторович, — раздался за дверью голос Шарецкого. — У меня нет сил даже двинуть рукой.

— О, боже, что там с ним? — взвизгнула Анфиса. — У кого-то же должны быть запасные ключи!

Магамединов отошел назад и ударил по двери ногой. Она распахнулась, стукнувшись о стенку. Анфиса устала на Максима Викторовича.

— Такой способ открывать двери в последнее время входит в моду, — пожал плечами заведующий. И заглянул в процедурный кабинет.

То, что он там увидел, поразило его до глубины души. На кушетке стонал Шарецкий, живот у него вздулся до невероятных размеров. На лице и шее выступили вены.

Магамединов тяжело вздохнул и подошел к Шарецкому.

— Ох, как же знакома мне эта картина! — произнес он.

Шарецкий попытался приподняться, но у него не получилось.

— Не подходите ко мне близко! Я заразный, — предупредил он.

Магамединов кивнул.

— Я вижу, что шансов выжить у тебя нет.

Шарецкий вытер слабой рукой пот, проступивший на лбу.

— Максим Викторович, самое страшное, что я никак не могу вспомнить тот момент, когда я решился участвовать в этом эксперименте.

Магамединов наклонился к Шарецкому и стал внимательно рассматривать его лицо и шею. Под глазами Александра Михайловича выделялись темные круги, на лице было видно, как полопались мелкие сосудики. Вся шея у Шарецкого была в какой-то красной сыпи.

— О каком эксперименте ты говоришь? — спросил Максим Викторович.

— Мэр нашего города вернулся из поездки в Африку зараженным какой-то неизвестной науке болезнью, — начал объяснять Шарецкий. — В Африке ее называют новой чумой.

— И зачем, скажи мне на милость, нашему мэру понадобилось поездка в Африку?

В ответ Шарецкий закашлялся.

— Ох, — застонал он. — Не перебивайте меня! Я боюсь, что не успею рассказать главного.

— Я молчу! — рявкнул Магамединов.

— Мэр приказал нам тайно провести эксперимент, за положительный результат которого обещал заплатить громадную сумму. Хорошо помню, что я отказался. Но вчера вечером я сделал укол больному, специально заразив его африканской чумой, чтоб в дальнейшем на нем провести испытания нескольких синтетических препаратов. И вот, когда я уже сделал укол, я с ужасом стал вспоминать: когда же я решился сделать этот гадкий поступок. Ведь я был принципиально против. И не вспомнил. И до сих пор не могу вспомнить.

— Приказал нам. Нам — это кому? — поинтересовался Максим Викторович.

— Мне и Беленькому, — ответил Александр Михайлович и закрыл глаза.

— Какого больного заразил ты? — отчеканил Магамединов. — А какого — Беленький?

Шарецкий открыл глаза, в них сквозь слезы засветились нечеловеческая боль и страдание.

— Я заразил Алексея Горина из третьей палаты, а Беленький... Я точно не знаю кого, но у меня есть предположение.

— Не напрягайся! Я сам тебе скажу: Кадышева из пятой палаты.

Шарецкий вновь кивнул и застонал.

— Вот, что я еще вспомнил, — заговорил он из последних сил. — Мэр хотел к вам направить убийцу, но, видимо, не успел это сделать — умер, гнида!

— А я-то что ему плохого сделал? — удивился Магамединов.

— Беленький жаловался ему на вас, что вы его много загружаете работой, не даете свободы его действиям.

Магамединов с состраданием посмотрел на Шарецкого, обхватил голову руками.

— Что же вы, мужики, натворили?

В коридор подвала из морга выскочили две «зместрелы». Это были те самые две твари, что когда-то плавали в ванночке с формалином, правда, они подросли и изменились внешне. Теперь они были больше похожи на белок, а не на ужей. Крылья у них отвалились. Но зато остались шесть пар лап, которые могли полностью прятаться в тело, при этом животное легко трансформировалось в змею с головой, похожей на наконечник стрелы.

Двигались «зместрелы» завораживающе, синхронно: то обе влево, то обе вправо, то обе крутились на одном месте, словно что-то выискивали. Затем они и вовсе остановились возле

батареи и стали заглядывать под нее. Из их голов вылезли антеннки. «Зместрелы» открыли маленькие ротки, обнажили острые зубки и неприятно запищали.

Где-то за батареей раздался шум крысиной возни. Крысы истерически завизжали, будто кто-то их садистки мучил. Через несколько секунд возня и визг прекратился, и из-под батареи потекла темная кровь.

«Зместрелы» продолжили свое движение, они бросились к лестнице и стали подниматься на первый этаж, прыгая с одной ступеньки на другую.

В вестибюле первого этажа скопилось много людей. Многие сидели на скамейках и стульях, часть расположилась на куртках, расстеленных на полу. Несколько человек ходили возле окон.

Двое мужчин — Игоревич и Артемович — стояли недалеко от лестницы и курили.

— Прожил столько лет и беды не знал, — пожаловался Игоревич. — Ни в какой войне не участвовал. А тут на тебе, на старости лет — такой сюрприз!

— А я тебе так скажу. Это все проделки японцев, — заявил Артемович.

Игоревич с удивлением посмотрел на Артемовича.

— Почему именно японцев? — спросил он.

— Никто другой до такого не додумался бы, а эти могут, — стал объяснять Артемович. — Я когда-то, молодым еще, слышал где-то, что у них громаднейшие лаборатории занимаются управлением погодой. Хотят снег вызовут, хотят — жару нестерпимую.

— Брехня все это, — недоверчиво произнес Игоревич.

В этот момент две «зместрелы» выскочили в вестибюль и бросились под ближайшую скамейку, на которой сидели две пожилые женщины.

— А сугробы откуда, а? А каток этот ледяной вокруг больницы? Японцы, верно тебе говорю. А мы, дураки, гадаем, правда это или нет.

Из-под скамейки, просунув головы между ног людей, выглянули две «зместрелы» и с интересом стали наблюдать за спором курящих мужчин. Из их голов вылезли антеннки и наклонились в сторону Игоревича и Артемовича. «Зместрелы» тихо и неприятно запищали.

Игоревич вдруг выронил сигарету и резко шагнул вперед, одновременно замахиваясь кулаком на Артемовича.

— Знаешь, что я тебе скажу, дрыщ ты бессмертный?! — заорал он.

— Эй, Игоревич, ты чего?! — испугался Артемович.

Игоревич ударил собеседника кулаком в лицо. Артемович отлетел от удара на полтора метра и упал на скамейку, на которой сидели пожилые женщины. Они завизжали и бросились в разные стороны.

— Дураки, что вы творите? — закричала одна из них.

Глаза Артемовича налились бешеной кровью, он достал из кармана складной нож и бросился на Игоревича.

— Зарежу, сука!

Игоревич двумя руками схватился за руку Артемовича, вырвал у него нож и нанес противнику шесть ударов в грудь. Артемович упал на пол, подергался немного и замер. Из рта его вытекла струйка крови.

Люди в шоке уставились на Артемовича. Казалось, его душа только что отлетела от тела... Но мужчина, получивший серьезные ножевые ранения, внезапно открыл глаза.

— Игоревич, за что ты меня так? — прошептал он. И умер.

Игоревич взглядом, полным агрессии, обвел всех столпившихся вокруг него людей и заревел, брызгая слюной:

— Что смотрите на меня, с-суки?! Готовьтесь, сейчас буду резать каждого, одного за другим.

И он развернулся в сторону ближайших объектов. Ими оказались Полина Шарапова и Оля Синицына — те самые девчата, чей друг погиб, пытаясь перелезть через забор.

Взвизгнув, Оля и Полина отскочили назад.

— Пожалуйста, не надо! — закричала Оля.

Игоревич ее даже не услышал, он уже занес над ней нож... Но тут же из толпы выскочил Сергей Ветров и заорал:

— Стой, козел!

Игоревич успел только повернуть голову. Сергей схватил разъяренного мужчину под руки, сбил с ног и вместе с ним полетел на пол. В отчаянной борьбе парень наступил мужчине коленом на грудь и выкрутил руку. Игоревич вскрикнул и отпустил нож. Сергей нанес кулаком Игоревичу три сильных удара по лицу, забрал нож себе и спрятал в кармане брюк.

Игоревич тяжело дышал, ноздри его раздулись, как у разъяренного быка. Глаза стали почти черными. Его буквально колотило от злости.

— Пусти меня! Пустииии!!!

Убийца неумоимо рвался из рук Сергея.

— Заткнись! — прохрипел Ветров и нанес кулаком сильный удар Игоревичу между глаз, после чего тот потерял сознание.

В ожоговом отделении в двенадцатой палате стало совсем тихо. Василий и Пузырь молча сидели на своих кроватях, на их лицах не было никаких эмоций. Пузырь смотрел куда-то в одну точку. Федор Иванович лежал на кровати и перелистывал папку «Дело», похожую на ту, что нашли студенты в темном помещении подземных этажей.

— И все-таки он гений! — вскрикнул Федор Иванович, оторвал взгляд от папки и посмотрел на Даньку.

— Правильно я говорю, Пузырь?

— Правильно, Иванович! — согласился Данька, продолжая при этом смотреть куда-то в сторону.

В палату несмело вошел Груша, обвел всех взглядом. Федор Иванович закрыл папку «Дело» и небрежно кинул ее в тумбочку.

Груша шагнул в сторону своей кровати, взглянул на Василия и развел руками.

— Это... Извините, что ли, — сказал он. — У меня крыша поехала, наверное.

— Ничего страшного, зато ты нас посмешил, — ответил за всех Василий.

— Со страху, что только в башку не лезет, — промямлил Виталик и повернулся к Федору Ивановичу. — Дедушка Федор Иваныч, дурак я и зря пургу про вас гнал.

Старик снисходительно улыбнулся.

— Да, ничего страшного, Виталик! С каждым такое может произойти, — пробормотал он и мигнул Пузырю, который все еще смотрел в одну точку. — Правильно я говорю, Пузырь?

Груша перевел взгляд на Даньку. Тот кивнул и улыбнулся.

— Правильно, Иванович!

Груша лег на свою кровать, протянул руку к тумбочке, взял с нее книжку и сделал вид,

что ее читает.

— Неужели, Груша, ты думаешь, что я не знаю, зачем ты вернулся? — неожиданно произнес Федор Иванович.

Груша несколько секунд испуганно смотрел на страницы книжки. Затем проглотил ком, подступивший к горлу. Медленно, ожидая что-то очень неприятное, он закрыл книжку, повернулся к Федору Ивановичу и наигранно-безразличным взглядом посмотрел на него.

— Ну и зачем?

Сергей оглядывал людей, столпившихся около тела Артемовича. Игореви́ч, надежно связанный ремнями, ворочался в углу, рычал и бился головой о стену. Люди с явным трудом воспринимали то, что происходило на их глазах. А Сергей чувствовал, что это только начало чего-то большого, ужасного. Необъяснимого.

Мозг парня сверлила назойливая мысль. Не может же просто так среди бела дня без особой на то причины один человек убить другого. Или все-таки может?

— Кто-нибудь объяснит мне, из-за чего они подрались? — спросил Сергей Ветров и взглянул на убитого.

Тот стеклянными безжизненными глазами уставился в пол. В его взгляде читался немой вопрос: за что?

Сразу же откликнулась пожилая женщина:

— Это сосед мой, — заявила она, показывая на Игореви́ча. — Сколько лет его знаю... Всегда смирный был. Голоса даже не повышал. Культурный мужчина.

— Вот поэтому я и спрашиваю, что тут происходит?

Ответа на его вопрос не последовало. Люди молча смотрели на Артемовича и Игореви́ча.

К Сергею подошли его друзья — Оля, Полина и Артем.

— Сережа, ну ты вообще... Если б не ты... Спасибо, Сережа, — произнесла Оля. Губы у нее были белые, руки тряслись.

Сергей кивнул.

— Все в порядке... Я своих в беде не бросаю.

В этот же момент со стороны лестницы, ведущей в подвал, раздались странные звуки: «вжи-жи-жить... вжижить... вжи-жи-жить... вжижить»....

Сергей обернулся.

— Спасибо, Сережа... Я этого никогда не забуду, — продолжала благодарить Оля.

На лице Сергея появилось озадаченное выражение. Неприятные, повторяющиеся звуки не смолкали, а становились все громче и громче: «вжи-жи-жить... вжижить... вжи-жи-жить... вжижить»....

Сергей поднял кверху указательный палец левой руки.

— А ну тихо все! — закричал он. — Что это за звуки такие?

— Не понял... о чем ты? — встревожился Артем.

«Вжи-жи-жить... вжи-жи-жить», — раздались звуки вновь. На лице Сергея появился испуг.

Преодолев последнюю ступеньку, в вестибюль из подвала выползли серые нечто размером с небольших черепашек, по форме чем-то напоминающие божьих коровок. Одиннадцать штук. Они остановились в боевом порядке: шестеро впереди и пятеро позади.

«Вжи-жи-жить... вжи-жижи-жить», — заревели нечто, раздвинув крылья и обнажив свои острые пилы.

— Бежим! — заорал Сергей и схватил за руку Олю.

Серые нечто, словно по команде, сорвались с места и с немыслимой скоростью ринулись в сторону толпы. Сергей устремился к скамейкам и потянул Олю за собой, но девушка, растерявшись, затормозила его движение. Сергей резко развернулся, поднял ее на руки и с разбегу запрыгнул на ближайшую скамейку.

Нечто проскочили мимо Полины и Артема и влетели в толпу. Раздались отчаянные вопли. Люди стали подпрыгивать на одном месте, толкая друг друга. Часть толпы бросилась врассыпную. А восемь человек повалились. И остались, кто — сидеть, а кто — лежать на полу в вестибюле на том месте, где их застали ревущие нечто. Пол вокруг несчастных был залит кровью. А их отпиленные по щиколотку ступни валялись рядом.

— Дерьмо! — закричал Артем. — Что это за ногогрызы такие?

Перепуганные люди залезли, кто куда смог. На подоконник, на столы, на скамейки и стулья... У трех мужчин, что забрались на подоконник, с ног потекла кровь. По-видимому, им тоже досталось.

Ногогрызы развернулись в пяти метрах от несчастных людей, лежащих в вестибюле с отпиленными по щиколотку ногами. «Вжи-жи-жить... вжи-жи-жить», — заревели они и бросились вновь на пострадавших.

В тот момент, когда на первом этаже происходила эта трагедия, Магамединов находился на втором этаже в лаборатории биохимии и гистологии. Он стоял за одним из столов и смотрел то в большой микроскоп, то на монитор компьютера, который показывал все то же, что и микроскоп.

На мониторе было видно несколько поврежденных клеток печени человека. А в них — движение каких — то маленьких точек и коротеньких палочек, они свободно перемещались из одной поврежденной клетки в другие.

— Да не может быть такого! — воскликнул Магамединов.

В лабораторию вошли Круглова, Весюткина и Хонкин — младший (у них на лицах были белые маски). Выглядели они уставшими. Весюткина и Круглова поставили на лабораторный стол два железных контейнера и открыли их. В контейнерах стояли пробирки с кровью. Магамединов бросил на вошедших отсутствующий взгляд. Взял в руки лупу и стал рассматривать через нее человеческую печень, кишашую красновато-беловатыми червячками и другими мелкими серого цвета паразитами, похожими на божьих коровок.

— Ну, рассказывайте, с чем пришли, — сказал он.

— Мы взяли кровь на анализ у всех больных нашего отделения, — доложила Весюткина.

Магамединов кивнул.

— Молодцы.

— Почти у всех, — добавила Круглова. — Кто был на месте, у тех и взяли.

Магамединов еще раз кивнул.

— Хорошо... обойдемся тем, что удалось добыть.

— Визуально, людей нашего отделения можно разделить на условно зараженных и условно не зараженных, — сказала Круглова.

— Ну, и какие первичные выводы? — спросил Магамединов, рассматривая печень через лупу.

— Выводы не утешают, условно зараженных не меньше двадцати процентов.

Максим Викторович присвистнул.

— Ничего себе!

Весюткина бросила мрачный взгляд на Магамединова.

— Скажи, Максим, а есть хоть какой-то смысл в наших действиях?

Магамединов вздрогнул.

— Ты это о чем?

— Мы сейчас все боремся за жизни людей. За то, чтобы они не погибли из-за этой новой неизвестной болезни... А нужно ли это кому-то? Есть ли смысл нам искать лекарство от одной беды, если другая скоро вынесет нам окончательный приговор?

Магамединов выпрямился и отложил лупу в сторону.

— Так, давай, сложим руки на груди, — предложила Круглова. — И будем ждать, когда за нами придет старуха с косою?

— Просто, друзья, мне кажется, что наши действия напрасны, — вздохнула Инга Вацлавовна.

Магамединов покачал головой.

— Нет, Инга, это не так. Нельзя сдаваться раньше времени. Поверь мне, существует вероятность того, что все наладится.

— Я в это слабо верю.

— Ну, хорошо, представь на пару минут, что через какое-то время к нам придет помощь, не важно, откуда, но придет — а мы тут, оказывается, раньше времени опустили руки.

— Одними представлениями я долго не продержусь, — возразила Магамединову Весюткина. — Жить сказками — это не по мне.

— Я тебя очень хорошо знаю, дорогая Инга. Из-за банального приступа отчаяния ты нас не бросишь. Но если тебе важно знать, что твои действия не бессмысленны, то я тебя лично заверяю в том, что они не бессмысленны.

Весюткина кисло улыбнулась.

— В таком случае я вам заявляю, что у нас в отделении эпидемия, число зараженных достигло около двадцати процентов. А мы с вами до сих пор ничего не предприняли для того, чтобы эта эпидемия не распространялась.

— И какие будут предложения? — поинтересовался Магамединов.

— Закрываем терапию. И отделяем больных от здоровых. С первой по пятую палату кладем условно больных, а условно здоровых помещаем в оставшиеся палаты.

— Ну что ж, Инга, чтоб тебя больше не одолевали приступы отчаяния, тебе и поручим организацию карантина в отделении, — решил Магамединов. Бросил взгляд на Хонкина-младшего и улыбнулся. — Вижу, и серьезный помощник у тебя уже имеется.

Груша и Федор Иванович сидели на своих кроватях и смотрели друг другу в глаза. Это был немой поединок. Груша не выдержал и моргнул.

— Не старайтесь, Федор Иванович, меня напугать снова, — заговорил он. — Я вас больше не боюсь, я ведь понимаю, что страх свой я сам придумал, а уж потом вы все этим дружно воспользовались.

Федор Иванович притворно вздохнул и ответил:

— Ладно, Виталик, время покажет, убежал ты от своего страха или нет. Я-то вижу, что ты все еще мучаешься сомнениями и вернулся в эту палату только для того, чтобы доказать самому себе, что твой страх это не навязчивая идея, а суровая реальность.

Груша набычился.

— Бла-бла-бла. Мне, кажется, что вы не умеете ясно выражать свои мысли, просто

кидаете в воздух много пустых слов.

— Нет, Виталик, ты не прав, я свои мысли всегда выражаю предельно ясно. А вот ты уже не способен адекватно воспринимать существующую реальность. Тебе везде и во всем мерещатся монстры и выдуманный тобой мир, который вдруг стал тебя окружать. Или, может, ты мне скажешь, что я не прав?

Груша стукнул кулаком по тумбочке.

— А вы меня не запугивайте! Не на того напали! Я не дурак и не сумасшедший! И вообще, я, может, не хочу больше об этом говорить.

Федор Иванович лег и накрылся одеялом.

— Успокойся, Груша, я тебе не враг. Враг твой таится в твоей голове и медленно уничтожает тебя изнутри.

Груша нахмурился.

— Ага, так я и знал! — сказал он. — Вы не обижайтесь, но я вас слушать больше не собираюсь. Бред несете. Да и рассказчик из вас, если честно, хреновый. Лично меня аж тошнит от ваших тупых баек.

Федор Иванович ничуть не рассердился и тем же добреньким тоном продолжил:

— Мне жаль тебя, Виталик. Искренне жаль. Ты тонешь в мире своих страхов, с каждым днем погружаясь все глубже и глубже в нечто далекое от реальности. Ты принимаешь помощь тех, кого придумал твой разум и сознательно отказываешься от помощи тех, кто способен тебе помочь.

Выражение лица у Груши на секунду стало озадаченным: он задумался над словами Федора Ивановича. Затем с презрением посмотрел на старика.

— Ловко это вам удастся.

— Что удастся, Виталик?

— Пудрить людям мозги всякой ахинеей.

Из большой кучи человеческого фарша, в котором перемешались головы, ноги и руки людей, выползли одиннадцать «ногогрызов» и встали кольцом по середине вестибюля. «Вжи-жи-жить... вжижить... вжи-жи-жить», — засверкали они своими острыми пилами.

Оля уткнулась лицом в плечо Сергея и заорала во весь голос:

— Я больше не могу смотреть на это!

Сергей беглым взглядом окинул вестибюль. Люди залезли, кто куда смог. Кто на подоконник, кто на столы, кто на скамейки и стулья. У трех мужчин, что стояли на подоконнике, с ног текла кровь и собиралась в лужу на полу. Артем и Полина стояли на кожаном кресле недалеко от скамейки Сергея и Оли.

Сергей с бессильной яростью поглядел на «ногогрызов».

— Вот же твари! — закричал он. — Найду и растопчу каждую!

«Ногогрызы» стали показывать свои пилы: они выезжали из их тел под разным наклоном.

— Суки же! — всхлипнул Артем.

«Ногогрызы», продемонстрировав свои силы, выстроились в центре вестибюля в боевом порядке: пятеро впереди и шестеро позади — и медленно стали удаляться в сторону лестницы. «Вжи-жи-жить... вжижить... вжи-жи-жить».

Магамединов отодвинулся от лабораторного стола и повернулся к Кругловой, которая в это время стояла у центрифуги, рассматривала пробирки с кровью и записывала что-то в большую тетрадь.

— Я не могу понять, как такое возможно, — заговорил Максим Викторович. — Наша «зараза» начинает свою жизнь, как неклеточное образование. И это не вирус. Это нечто имеет размер меньше клетки, но наделено разумом. Оно меняет свое поведение в разных ситуациях. Сначала оно просто разрушает клетки, затем их же восстанавливает.

Круглова, слушая Магамединова, подошла к компьютеру и ввела из тетради данные для обработки.

— Хорошо, но как это нечто вдруг становится червями и еще чем-то непонятным? — поинтересовалась она.

— Я разрезал тело Шарецкого вдоль и поперек, кромсал его хуже всякого мясника.

Круглова бросила злой взгляд в сторону Магамединова.

— Максим, давай без подробностей!

— Так вот, — принялся объяснять заведующий терапевтическим отделением. — В кишечнике эти твари получают свое первое резкое увеличение: они просто растут в размерах и становятся все больше и больше.

— Как такое возможно? — удивилась Круглова.

— Не знаю... Есть у них свои секреты. Они жрут все, что ест человек. Вот откуда у больных появляется звериный голод.

— Ничего себе!

— Твари эти по-своему молодцы, они берегут организм жертвы до последнего и уничтожают только тогда, когда им становится тесно.

Круглова отодвинулась от компьютерного стола.

— Права Весюткина, нам надо задуматься о более серьезных средствах индивидуальной защиты.

— Это, конечно, очень нужное дело, но ты дослушай меня до конца...

— Ну что еще? — раздраженно спросила Круглова.

— Вырвавшись на волю, — продолжил рассказывать Максим Викторович, — эти паразиты вновь резко начинают увеличиваться: тупо, но быстро растут в размерах.

Магамединов достал из лабораторного стола глубокий металлический ящик с маленькими дырочками наверху. Из него раздался вялый звук: «Вши-жи-шить».

Магамединов открыл верхнюю крышку ящика.

— Не бойся, — сказал он. — Загляни внутрь. И ты увидишь, какие могут вырастать красотки в итоге.

Круглова осторожно заглянула внутрь металлического ящика. На нее жалостливыми глазками смотрел маленький «ногогрыз».

— Ого, какая дрянь! — воскликнула Елена Степановна.

В вестибюле первого этажа люди окружили кровавую кучу фарша и костей — все то, что осталось от восьми человек, не успевших спастись от «ногогрызов». Сергей, Оля, Полина и Артем стояли к этой куче ближе всех.

— Вот это жуть! — произнес Артем.

Оля отвернулась и согнулась пополам. Ее стошнило. На глазах выступили слезы.

— Какой противный запах, — прошептала Полина.

Сергей выступил вперед.

— Эй, люди! — обратился он ко всем. — Я собираюсь вооружиться и дать ответ этим тварюгам. Если среди вас есть те, у кого появилось такое же желание, прошу двигаться за мной. Я иду в мастерские, чтобы изготовить оружие.

Сергей посмотрел на повергнутых в ужас людей, и кисло улыбнулся. Желаящихся присоединиться среди них не оказалось.

— Понятно. Я никого из вас не осуждаю.

Сергей отвернулся, и только тогда из толпы раздался голос Капрона — жилистого мужика лет шестидесяти.

— Подожди, я с тобой!

Сергей кивнул и двинулся в сторону мастерских. Из толпы вышли Артем, Полина и Оля.

— Подожди, мы тоже! — закричала Полина.

Сергей обернулся и нарочито громким голосом произнес:

— Мне некогда ждать. Время бежит. Эти твари смогут вернуться в любой момент. Кто не трус, тот пойдет со мной. Ну а трусы мне не нужны!

За спиной Сергея зашевелились люди. Он вышел из вестибюля в правое крыло, за ним следом: его друзья, Капрон и еще девять человек, шестеро мужчин и три женщины.

Время близилось к обеду. Весюткина зашла в первую палату терапевтического отделения в специальном защитном костюме. На четырех кроватях лежали и стонали смертельно больные мужчины со вздутыми животами.

— Инга Вацлавовна, уходите отсюда, — прошептал один из них. — Нечего на нас тратить силы.

— Глупости не говорите, — ответила на это Инга Вацлавовна. — Будем бороться с этой дрянью вместе. Я вас не брошу.

Второй больной, еле оторвав голову от подушки, попросил:

— Доктор, дайте хоть что-нибудь пожрать.

Инга Вацлавовна взяла полотенце, которое висело на спинке кровати, и вытерла пот на лице больного, попросившего есть.

— Хорошо, потерпи еще немножко, — сказала она. — Я что-нибудь придумаю.

Третий больной не выдержал и заорал:

— Сколько можно ждать?! Скоро я начну жрать все подряд. Ко мне близко лучше не подходите, а то я за себя уже не ручаюсь.

Евгений Хонкин решил навестить брата. Он зашел во вторую палату в специальном защитном костюме, снимать который, при контакте с больными было строго запрещено. Хонкин-старший лежал на кровати и смотрел в потолок, живот у него вздулся до невероятных размеров. На другой кровати лежал дряхлый старичок и тихо стонал.

— Ну, как ты, Игорь? — спросил Евгений.

Хонкин-старший резко открыл глаза и мученическим взглядом посмотрел на него.

— Уходи отсюда, Женька! И дай мне слово, что в эту палату ты уже никогда не вернешься.

Хонкин-младший сел на кровать к брату и попросил сквозь слезы:

— Не гони меня, брат! Мы с тобой...

Хонкин-старший не стал даже дослушивать то, что бормотал брат. Он толкнул его ногой с постели.

— Я ж сказал: уходи отсюда прочь! И не подходи близко ни ко мне, ни к другим больным.

Евгений сел на пол, опустил голову в колени и громко зарыдал.

— Брат, как все это несправедливо. Ты пришел навестить меня, а в итоге остался лежать на больничной койке...

Харьков Тимур Сергеевич — заведующий пульмонологией — открыл дверцу шкафчика и спрятал в него дипломат с долларами. С утра он только и делал, что доставал и потом опять прятал деньги. И так до бесконечности.

— Копил-копил, а как решил забрать из сейфа — так твою мать! — катастрофа, эпидемия, понос и золотуха! — пожаловался он сам себе.

На столе Харькова громко зазвонил рабочий телефон. Тимур Сергеевич медленно обернулся, не поверив своим ушам.

— Я знал! Я знал, что про меня не забудут, — закричал он.

Заведующий пульмонологией вмиг долетел до своего рабочего стола и схватил трубку телефона.

— Алло, я вас слушаю!

— Это вам звонит Андрей Кабен, — раздался чей-то голос в трубке. — Я увлекаюсь практической магией и звоню предупредить, что из-за моих неудачных опытов в больнице появилась очень нехорошая субстанция. И вам необходимо провести несколько сложных обрядов, чтобы остановить ее действие.

— Парень, отстань! — взвизгнул в трубку Харьков. — Какая к черту субстанция! Мне сейчас не до тебя.

Тимур Сергеевич резко бросил трубку на телефонный аппарат и схватил ее снова. В кабинете стало чуть-чуть темнее. Он нажал несколько раз на «кнопку сброса» и посмотрел вверх на горящую лампочку.

— Где же связь... блин! — выругался заведующий и взглянул в сторону входной двери.

Там, где должна была быть дверь, располагалась сплошная стена.

— Не понял, — сказал Тимур Сергеевич и повернулся в сторону окна.

Там, где должно было быть окно, со сплошной стены с неприятным скрипом отвалился деревянный подоконник и упал на пол.

— Эй! Чё здесь творится?! — закричал Харьков.

На втором этаже терапевтического отделения Весюткина села на корточки в пустом коридоре. Она отстегнула верхнюю часть защитного костюма, сняла ее и заплакала. Через стены доносились вопли и стоны больных. Некоторые из них, кто совсем уже не мог терпеть, орали во всю глотку. Все это без содрогания невозможно было слушать.

— Не о таком будущем я мечтала, — пожаловалась сама себе Инга Вацлавовна.

Со стороны вестибюля раздался голос Магамединова:

— Давайте-давайте, бойцы, без вас мы не справимся.

Весюткина шмыгнула носом. Из вестибюля в коридор вышел Магамединов, а за ним друг за другом — шесть санитаров в защитных костюмах: Бoryгин, Теплицын, Зайцев, Лебедь, Морковин и Бобров.

— Так, Инга Вацлавовна, вот вам наши санитары, — заговорил Максим Викторович, не обратив на слезы Весюткиной никакого внимания. — Я их за двадцать минут всех разыскал. Они вместе со старшей медсестрой запасы спирта уничтожали. Но ничего, вовремя я их накрыл, работать смогут.

Весюткина вытерла нос и взглянула на санитаров.

— Задача у вас, мальчики, очень простая. Обходите с первой по восьмую палаты и выносите из них покойников.

— И куда их выносить? — поинтересовался Зайцев.

— Кладете их на носилки, выносите на улицу и кидаете прямо на лед, — пояснила Инга

Вацлавовна. — Этот лед остальное сделает сам.

— А обязательно их, Максим Викторович, выносить на улицу? — спросил Борьгин, которому эта идея не понравилась.

— Обязательно, — ответил заведующий терапевтическим отделением. — Хотя бы потому, что через некоторое время из них во внешний мир вырвется много опасных тварей. У меня такое предположение, что наша больница стала настоящим рассадником для них.

— А так, благодаря вам, эти твари будут погибать вместе с телами умерших — они просто заживо сгорят на ледяной пленке, — добавила к сказанному Весюткина.

Из второй палаты раздался неожиданный громкий вскрик. Магамединов открыл двери и несколько мгновений простоял, раскрыв рот. Тёмные мешки проступили под его глазами, кровь в сосудах головы застучала очень и очень громко. То, что увидел Максим Викторович, пошатнуло его психику конкретно.

Склонившись над дедулей, стоял на коленях Хонкин — старший. Он впился зубами в шею умирающего старика, сделал резкое движение головой из стороны в сторону и вырвал кусок гортани с кровью и мышцами.

— Хонкин, что ты творишь?! — заорал Магамединов.

Хонкин бросил на заведующего страшный и безумный взгляд. Ноздри у больного раздулись как у дикого животного. Он сорвался с места и кинулся на Магамединова. Максим Викторович еле успел закрыть дверь перед его носом. Раздался глухой удар в дверь, вскрик и шум падения.

Магамединов с испугом на лице посмотрел на Весюткину.

— Так, Инга Вацлавовна, — приказал он. — С этого момента вы ходите по палатам только с охранником.

ГЛАВА 6. Как колорадский жук в банке

Максим Викторович настолько сильно увлекся изучением новой чумы, что не заметил, как погребло больше половины его отделения. Скорее всего, он неосознанно прятался от реальности. От невыносимой боли, от жестокого голода и от смерти в ее самом страшном проявлении. Сам он понял это только тогда, когда решил обойти отделение и посмотреть, что в нем творится.

Магамединов поднялся на третий этаж и в вестибюле хирургического отделения встретился с Николаевым. Они закурили. Павел Петрович даже не стал спрашивать, когда это Максим Викторович опять пристрастился к никотину. Он ведь уже больше трех лет как распрощался с этой вредной привычкой.

Магамединов делал затяжку за затяжкой, руки у него тряслись.

— Что, все так плохо? — поинтересовался Николаев.

Максим Викторович кивнул и ответил:

— Я боюсь, что эпидемия скоро перенесется на ваш этаж. И не знаю, что мне делать. Может, хоть часть условно здоровых отправить к вам? А то у нас они рано или поздно станут больными.

— Это не выход, — моментально возразил Павел Петрович.

— Что же мне тогда делать?

Николаев пожал плечами.

— Так легче всего ответить, — прошептал Магамединов.

— Собери их всех, сделай еще один анализ крови и тех, кто не заражен, распусти на все четыре стороны, пускай идут, куда хотят, — предложил Павел Петрович. — В свое отделение я никого не пущу. У нас и так, как ты говоришь, риск заражения очень высок.

Внезапно на втором этаже хлопнула дверь, а затем раздался крик Анфисы:

— Максим Викторович, ну где же вы?

Магамединов вышел на лестничную площадку, за ним — Николаев.

— Что случилось, Анфиса? — спросил заведующий терапевтическим отделением.

— Четыре человека покинули отделение, — ответила дежурная медсестра. — Собрались и ушли. Я чувствую, что скоро и другие последуют их примеру.

— Вот этого я больше всего и боялся, — сказал Магамединов.

— Закрывай отделение на железные двери, — посоветовал ему Николаев. — Все же для этого продумано. Я у себя давно так сделал.

Магамединов посмотрел на Николаева, как на полоумного, и ухмыльнулся.

— А как же санитары? Они у меня покойников на улицу выносят.

— У вас там что, один ключ на все отделение? — удивился Павел Петрович.

— Да, так оно и есть, растеряли остальные. Собирались пару штук запасных сделать, да руки не дошли.

— Нашел проблему, — заметил Николаев. — Поставь кого-нибудь дежурить у двери с этим вашим единственным ключом.

— Вот Анфису и поставлю, — принял решение Магамединов. — Меньше по отделению будет шляться, больше шансов у нее останется выжить в этой гиблой обстановке.

Во второй палате терапевтического отделения, возле кровати обглоданного старика (в его теле были выедены внутренние органы и видны ребра, а также не было гортани), сидел

Хонкин-старший и смотрел несчастными глазами на своего брата Женьку, который стоял в проеме дверей. Щеки и губы старшего брата были испачканы кровью.

Хонкин-старший медленно, не отводя взгляда от брата, встал на ноги. Женька громко заорал и сбил его с ног. Завязалась драка. В итоге младший сел сверху на старшего, стянул с кровати подушку и опустил ее на лицо брата.

Хонкин-старший пытался сопротивляться, но Женька не оставил ему никаких шансов. Несчастный больной перестал махать руками и умер от удушья.

Хонкин-младший убрал с лица брата подушку, взглянул на него и завыл от боли, ворвавшейся в его сердце.

Заскрипел замок, и открылась железная дверь. Из отделения пульмонологии на лестничную площадку восьмого этажа выскочил растрепанный и ужасно расстроенный Погодин. И через секунду туда же выглянул со злым лицом Воржицкий — лечащий врач этого отделения.

Петр Алексеевич, кривляясь, отвесил ему поклон чуть не до пола.

— Спасибо, Семен Семенович!

Воржицкий зло сверкнул глазами и недовольно буркнул:

— Да как вам не стыдно! В больнице такая беда, а вы черт знает, чем занимаетесь.

— У меня наряду с общей бедой, — заметил Петр Алексеевич, — еще имеется и своя индивидуальная. Но вам меня не понять, потому что вы находитесь на поверхности проблемы, а я целиком и полностью — внутри нее.

— Ладно, идите с богом, Петр Алексеевич. Мне, простому смертному, действительно трудно понять вас: «высоко летающих» или «глубоко плавающих». Я привык изъясняться простым и доступным языком, чего и вам желаю.

— И вам доброго здоровья, — произнес Погодин и начал спускаться по лестнице.

Воржицкий проводил его недобрый взглядом и закрыл дверь. Погодин спустился на несколько этажей вниз. Он развернулся на очередном лестничном пролете и резко остановился.

По лестнице навстречу ему поднималась девушка в черном платье с коротким рукавом и четками в руках. На плече у нее сидел ворон.

Девушка была завораживающе красивой и стройной. Она грациозно протянула вперед свои тонкие руки и заговорила дрожащим голосом:

— Пришло время вершить судьбы, мой господин. Я готова открыть свое истинное лицо. Готовы ли вы его увидеть?

Погодин, когда понял, кто перед ним стоит, схватился за голову.

— Боже, но так не бывает! Это сон или явь?!

Удивительно, что в шестнадцатую палату терапевтического отделения эпидемия так и не заглянула. Вика, Василиса, Сарнацкая и Чеславовна сидели на своих кроватях, выпрямив плечи и положив руки на колени. Все они внимательно смотрели на Валентину Петровну. Глаза у них были стеклянные, как у мягких детских игрушек.

Валентина Петровна, удобно расположившись на своей кровати, щелкала семечки и шелуху выплевывала прямо на пол. На стене за ее спиной мерцала ярко-синим светом ледяная корка.

— Эпидемия на втором этаже достигла таких масштабов, — заговорила двухметровая женщина-монстр и стряхнула с рук шелуху, — что бороться с ней, как со стихией, становилось бессмысленно. Она пожирала жизни людей, как некоторые из вас пожирают

орешки за бутылочкой темного пива.

Вика не выдержала и подняла вверх руку, как послушная школьница.

— Минуточку, можно вопрос?

Валентина Петровна тяжело вздохнула.

— Давай, деточка, задавай.

— Почему на картинке все круги не замкнуты и один больше другого, а эллипсы пересекаются между собой?

— Все очень просто, попробуй смотреть только на круги или только на эллипсы, — спокойно объяснила Валентина Петровна. — И не забывай, что здесь можно применить уравнение восьмого порядка.

Вика свела глаза в одну точку и радостно улыбнулась.

— Спасибо... я поняла! — заверещала она. — Блин, неужели все так просто?

Валентина Петровна кивнула и продолжила свой рассказ:

— Врачи, казалось бы, все предприняли, чтобы чума не вышла за пределы отделения. Но один из санитаров, воспользовавшись дружбой медсестры с третьего этажа, спрятался от своих обязанностей в хирургии под видом больного этого отделения, заняв одну из пустующих кроватей.

Валентина Петровна громко высморкалась в больничное полотенце и обвела серьезным взглядом всех больных шестнадцатой палаты.

— И ровно через три часа именно в этой палате появился первый больной за пределами терапии, зараженный африканской чумой, — закончила она.

Шмыгнув заложенным носом, Чеславовна тоже обратилась к рассказчице:

— Валентина Петровна, мне не понятно правило Агиеса... И еще — что такое «первое колебание»?

— Хм... Правило Агиеса говорит о том, что чрезмерно мощный поток информации приводит к нарушению мозговой деятельности, — пояснила усталым голосом Валентина Петровна. — Из-за этого включается естественная защита мозга, в результате которой объект перестает адекватно принимать любую, даже очень простую, информацию.

Чеславовна нетерпеливо махнула рукой.

— Это мне понятно. А вот дальше...

— А дальше, если простыми словами, нужна сильнейшая встряска, нужен шок, чтобы естественная защита прорвалась. Этот удар и называется первым колебанием.

— Валентина Петровна, что там дальше было с этой чумой? — поинтересовалась Василиса. — Неужели никто ее так и не смог остановить?

— Не спеши, умница моя, — заявила рассказчица, — сейчас все узнаешь. Давайте только подождем Вику и Чеславовну, что-то они отстают с усвоением материала.

На первом этаже в вестибюле, где произошла страшная трагедия, стало тихо. Опустели скамейки и стулья. Остались эхо и Игоревич.

Пожилой мужчина притащил откуда-то строительную тачку и уселся на полу возле большой кучи человеческого фарша, в котором были перемешаны головы, руки и ноги людей. Воздух в помещении заполнился запахом свежего сырого мяса — «человечиной». Чем-то вонючим, непривычно сладким и чересчур пряным.

Вокруг, казалось, все стихло. Состояние у Игоревича было приглушенное, муторное — будто его контузило. Ему было плохо и душевно, и физически. Игоревич голыми руками вытянул из кучи несколько распиленных кусков человеческого тела и сложил их в тачку.

Затем достал голову — она была вся в крови. Он посмотрел на нее: глаза открыты, в них остался страх, охвативший человека перед смертью.

Игоревич тяжело вздохнул. Он грязными пальцами закрыл глаза покойному, бросил голову в строительную тачку и вновь опустил руки в кровавое месиво.

— Эй, что ты делаешь?! — закричал кто-то.

Игоревич кинул кусок мяса, с одеждой и костями вперемешку, в тачку. Потом оглянулся и увидел, что к нему со стороны левого крыла вестибюля приближаются Николаич и Рыжов.

— Я собираюсь похоронить их в одной общей могиле, — ответил он.

Николаич и Рыжов подошли к нему вплотную. Рыжов весь съежился от жуткого зрелища. Он посмотрел на испачканные в крови руки Игоревича широко раскрытыми глазами и проглотил ком, подступивший к горлу.

— Думаешь, будет правильно? — засомневался Николаич.

Бледный Рыжов бросил взгляд на удивительно спокойного Николаича и резко отвернулся.

— Правильно, — сказал он, подавляя рвоту. — Не здесь же все это оставлять!

— Давай тогда поможем, что ли, — предложил начальник отдела технического обслуживания.

К горлу Рыжова поступил ком, еще больше предыдущего, и он еле его проглотил.

— А без меня не справитесь?

— Я от помощи не откажусь, — пробормотал Игоревич и продолжил кидать распиленные куски человеческих тел в строительную тачку. — Только если со мной вдруг что не так опять станет, вы меня сразу же убейте.

Николаич сел на корточки и взглянул в наполненные болью глаза Игоревича. Тот сразу же отвернулся.

— А что может стать не так? — осторожно спросил Николаич.

— Сейчас это не важно. Когда станет, вы сразу поймете.

Николаич надел резиновые перчатки и опустил руки в кровавую жижу. От нее пошло теплое испарение. Николаич вытащил из кучи руку с золотым кольцом и уставился на нее.

— Я даже представить себе не мог, что мне придется в жизни вот так вот копошиться в «свежепорубленных» человеческих костях и мясе, — произнес он и швырнул руку в тачку.

— Но зато я вижу, что ты по этому поводу особо не расстраиваешься, — сказал Рыжов, пытаясь успокоить прыгающий до горла желудок. — Тебе что отпиленные руки, что отпиленные доски складывать — одно и то же!

Рыжов взялся за ручки тачки.

— Куда везти? — спросил он.

Игоревич поднял голову и окровавленными пальцами почесал нос.

— Выйдешь во двор и найдешь яму, туда все это и скидывай.

Рыжов посмотрел в сторону выхода. К нему двигались в защитных костюмах два санитара: Морковин и Бобров. Они на носилках несли покойника с распертым животом, прикрытым черным пледом. Из-под пледа на землю высыпались бело-розовые червячки, похожие на опарышей.

Рыжов кивнул и сразу же за санитарами вышел во двор больницы. Он с рабочей тачкой остановился на крыльце и взглянул на непривычную картину. Ярко-синяя блестящая пленка покрывала всю землю, окружающую больницу и только метров шесть не доходила до ступенек, ведущих ко входу.

— Спаси и сохрани меня, Господи, — прошептал он. — Дай понять моему разуму, что происходит вокруг меня. Может быть, я попал в ад и об этом еще не знаю?

В это время санитары подошли к ледяной пленке и на счет «три» выкинули с носилок покойника. Сразу же от ледяной поверхности взвились кверху языки пламени, и труп за считанные секунды сгорел без остатков.

Рыжов скатил по ступенькам тачку и двинулся с ней к вырытой яме. Санитары подняли в знак приветствия руки. Рыжов кивнул в ответ. Морковин отстегнул верх защитного костюма. Бобров сделал тоже самое.

— У меня порядком сдают нервы, — заныл Морковин. — Я скоро просто сорвусь. Нахрена мы их всех таскаем? Какой в этом смысл?

— Тебе ж объяснили, в чем смысл! — рявкнул в ответ Бобров.

Рыжов опрокинул тачку в яму и подошел к Морковину и Боброву.

— Это все-таки правда, что в терапии — эпидемия? — спросил он.

— Правда, — ответил Бобров. — Люди мрут, как мухи.

Морковин сплюнул скопившуюся во рту гадкую слюну и обратился к Боброву:

— Я, Степан, наверное, еще разок схожу — и пас, больше в отделение не вернусь.

— Может, моя помощь нужна? — поинтересовался Рыжов.

Морковин покрутил пальцем у виска.

— Ты даже не суйся туда, дурачок. Помочь ты там точно никому уже не сможешь. А вот себя, скорее всего, загубишь. Правильно я говорю, Степан?

— Не лезь туда, Рыжов, там тебя ждет верная смерть, — подтвердил Бобров.

— Ясно, мужики, мне дважды повторять не надо.

Раздался шум и гам, и в вестибюле первого этажа появился отряд Сергея Ветрова. Е него входили: Артем, Полина, Оля, Капрон, Макето, дядя Ваня, Шурик, Жуков, Психоза, Рыбин, Мария, Кристина, Тамара. Это были во многом совершенно разные люди, но их объединила борьба с неизвестной им напастью. Не назвать хотя бы одно из перечисленных имен было бы подлостью. Бойцы выглядели уставшими, но довольными. В руках они держали согнутые в форме кочерги или клюшки железные арматуры. У Макето и Рыбина за поясом висели острые топоры, а Капрон нес на плече штыковую лопату.

Впереди отряда с согнутой арматурой и ведром шел Сергей Ветров.

— Шесть штук за один раз! — сообщил глава отряда Игоревичу и Николаичу. — Они — суки! — попрытались, наверное, от страха. Явно поняли, что сила за нами.

Сергей бросил ведро на пол. Оно перевернулось, и из него вылетело несколько раздавленных «ногогрызов», они все были в какой-то желтой слизи.

Ветров повернулся и хлопнул по плечу идущего за ним грозного бойца.

— А Капрон наш — вообще богатырь! Одного гада лопатой прибил, а второго ногой растоптал.

— Ура Капрону! — закричал Психоза, молодой мужчина в очках, похожий на маньяка. — Ура богатырю!

— Ура! Ура! Ура! — поддержали его остальные.

Петр Алексеевич Погодин, тот самый неизвестно куда пропавший завхоз терапевтического отделения, понял, что до своего этажа не добежит. Он остановился на четвертом и потянул на себя тяжелые металлические двери. Очутившись в ожоговом отделении, он повернул в правое крыло.

Серые коридорные стены раздражали его глаза. Этот цвет Погодин не любил, и, слава

богу, в его отделении он не преобладал.

Из одиннадцатой палаты ему навстречу неожиданно вышел заведующий ожоговым отделением.

— Петр Алексеевич, какими судьбами вас занесло в наше отделение? — поинтересовался Кожало.

— Да в туалет меня по-маленькому основательно приперло, чувствую, что до своего этажа не добегу, — объяснил Погодин.

Кожало поправил очки.

— Вы нам заразу из вашего отделения не принесли? — строго спросил он.

Погодин остановился и вытер рукавом белого халата пот с лица.

— Какую заразу? Вы это о чем, Дмитрий Антонович?

— Такое ощущение, что вы где-то конкретно нажрались и проспали все самое интересное, — заметил заведующий ожоговым отделением.

— Будете смеяться, но так оно и было, — мрачно сказал Погодин. — Беда у меня случилась. И вряд ли в этой больнице найдется тот, кто сможет меня понять.

— Петр Алексеевич, вы хоть видели, что творится на улице?

— Вы это тоже видели?! — закричал завхоз. — Значит, я не сошел с ума?

Кожало растянул губы в невеселой улыбке.

— Я искренне вам сочувствую. Для вас сегодняшний день будет полон открытий и сильнейших потрясений.

— Ладно, Дмитрий Антонович, не пугайте меня. Я и так уже основательно напуган.

Погодин сделал несколько шагов вперед и открыл двери, ведущие в туалет.

— Мне сейчас самое главное — найти психиатра, который докажет мне, что я еще не сошел с ума, — сказал он и зашел в туалет.

Петр Алексеевич открыл кабинку, встал напротив унитаза и расстегнул ширинку. Где-то в туалете, за его спиной, раздался шорох. Погодин обернулся и бросил взгляд в щель между дверью кабинки и косяком.

По полу туалета пробежала крыса. Завхоз прошептал проклятье и медленно повернул голову назад. Наступила тишина, которую прервал жалобный мужской голос.

— Молодой человек, пожалуйста, перейдите в другую кабинку.

Погодин от неожиданности подскочил, волосы на его голове встали дыбом.

— Ой-ё-мое! — вскрикнул он, кое-как застегнулся и поглядел вниз. Из унитаза на Погодина смотрела несчастными глазами голова Можаяева, пожилого врача ожогового отделения.

— Ну, пожалуйста, я вас очень прошу, — сказала она.

— Аа... Да-да!! — растерянно выпалил Погодин, шагнул назад и быстро закрыл дверь кабинки.

Он перекрестился и прошептал:

— Наверное, мне уже поздно идти к психиатру, тут и так все понятно.

Пока завхоз терапевтического отделения расстраивался в туалете по поводу того, что его крыша безнадежно поехала, Дмитрий Антонович Кожало сидел за рабочим столом в своем кабинете и слушал голос Федора Ивановича, который раздавался из мобильного телефона Груши.

— Мне жаль тебя, Виталик. Искренне жаль, — монотонно говорил Федор Иванович. — Ты тонешь в мире своих страхов, с каждым днем погружаясь все глубже и глубже в нечто,

далекое от реальности. Ты принимаешь помощь тех, кто влез в твой разум, и сознательно отказываешься от помощи тех, кто способен тебе помочь.

Кожало остановил запись и помотал головой.

— Вот же урод! Он играет с твоей психикой.

Груша отошел от зеркала, выражение его лица было серьезным. Парня основательно трясло. Он тер руки, пытаясь таким образом побороть, охвативший его озноб.

— Страшно очень. Не знаешь уже, кому и верить. Я тут много о чем подумал...

Кожало кинул удивленный взгляд на Грушу.

— Потихе на поворотах, Виталий! Ты сам, между прочим, пришел ко мне за помощью, припоминаешь? А этот Федор Иванович специально тебе голову морочит, неужели не понятно?

В ответ Груша тяжело вздохнул.

— А кто его знает, — сказал он. — Жуть какая кругом. Уже и сам не пойму, что происходит.

Дмитрий Антонович внезапно ударил кулаком по столу и заорал:

— А ну соберись! Ты что, поверил этому дремучему старикану?! Не забывай, Виталий, кто твой друг, а кто — враг!

— Не давите на меня! — из глаз Груши брызнули слезы.

— Ладно, Виталий. Извини меня.

Кожало — весь взъерошенный — встал со стула и положил руку на плечо Груши.

— Обидно будет, если мы сдадимся при первых же сомнениях, посеянных в наши души. Давай доведем наш план до конца. Я тебя очень прошу. Второго шанса у нас может уже не быть.

Груша отстранился от Кожало, и хмуро сказал:

— Тоже мне план. Ничего пока и не вышло, а дальше и вообще...

— Не спеши с выводами, — возразил Кожало. — Ни одному рассказчику не понравится, когда ему мешают и воду мутят. Давай разок помешаем ему творить то, что он задумал, и посмотрим на его реакцию — что он учудит в ответ.

Андрей, Олег Олегович и Александр Евгеньевич — заядлые картежники и больные одиннадцатой палаты урологического отделения, — встали возле окна и уставились на стекло, разрисованное морозом. А хилый юноша Егор, обыгравший их в карты и поставивший свои условия, расположился на стуле спиной к ним.

Егор волновался, будто боялся чего-то и не отрывал взгляда от двери.

— Ледяная пленка будто ожила и вновь стала разрастаться, — заговорил юноша. — Она медленно потянулась в сторону здания больницы, расплзлась по всему крыльцу и достигла входных дверей...

Александр Евгеньевич громко чихнул.

— Будь здоров! — произнес Андрей с серьезным выражением лица.

Егор вздрогнул и осторожно посмотрел на мужчин, стоящих возле окна. В палате повисла угнетающая тишина.

— Эй! — шепнул хилый юноша.

Никто не отреагировал на его шепот. Егор встал, подошел к Александру Евгеньевичу и хлопнул его по спине. Александр Евгеньевич повернулся лицом к Егору. Глаза его были залиты кровью, изо рта текла желтая слюна с пеной.

— Черт! — выдохнул Егор. — Неужели я делаю что-то не так?!

Николаич, наблюдая за Игоревичем, не сразу ощутил, как в его тело пробрался холод. Просто в какой-то момент он понял, что замерз и может подхватить воспаление легких. Во двор начальник мастерской вышел в рабочей одежде и старой телогрейке. Игоревич — того хуже, в тонких шерстяных брюках и в ветровке. Но ему было тепло, даже жарко! Он закапывал одну из двух вырытых ям, в которую вместилось все, что осталось от восьми человек после нападения на них «носогрызов».

Игоревич был на три года старше Николаича. В сравнении с полноватым от хорошей жизни начальником мастерской он выглядел тощим, словно питался через день. Смуглое лицо Игоревича портила седая щетина.

Николаич взглянул на мертвого мужчину, лежавшего в сторонке. Это был несчастный Артемович, в глазах которого застыли ужас и удивление.

Николаич указал на него пальцем.

— Я так понимаю, ты его собираешься хоронить отдельно?

— Угу, — мрачно ответил Игоревич и бросил несколько лопат земли в яму.

Николаич протянул руку к лопате.

— Давай подменю, — предложил он.

— Не надо, я сам! — отказался от предложения Игоревич.

За спинами Николаича и Игоревича зашевелилась ледяная пленка. Она засверкала ярко — голубым светом, затем зашуршала и стала медленно разрастаться. Игоревич бросил еще пару лопат земли, поднял голову и прислушался. Его насторожил странный звук. Он покрутил головой, но ничего необычного не заметил.

— Шли бы вы в помещение, Николаич, — сказал Игоревич. — Жутко холодно на улице стало, а вы раздеты. Заболеете еще.

— Ты тоже не больно тепло одет.

— Не обращайтесь на меня внимания, я к холоду привыкший.

Николаич недоверчиво хмыкнул, потом твердо сказал:

— Нет уж. Давай-ка доделаем, что начали.

Груша вошел в свою палату с какой-то непонятной пустотой в сердце. Видимо, его настолько измучил страх, что он просто устал бояться. Впервые он почувствовал тупое одиночество и безысходность. Ему захотелось просто лечь, заснуть и проснуться дома, услышав голоса родителей.

Как надоело все то, что видели глаза. Душили серые стены, давил яркий свет, бесили чужие люди, которым он был безразличен. Если б можно было сейчас взять и закричать, он бы закричал. Но Виталик не мог себе позволить даже такого удовольствия, поскольку получил серьезное задание и понимал, что должен его выполнить.

Груша обвел палату взглядом. Федор Иванович и Василий сидели на кроватях и читали газеты. Пузырь лежал, уставившись в одну точку на потолке. Виталик долго смотрел на Пузыря. Ему даже показалось, что Даньке плохо, но спрашивать его об этом он не стал.

Груша лег на кровать, взял в руки книгу и повернулся спиной к Федору Ивановичу. Виталик открыл книгу, там, где у него была закладка, и сделал вид, что читает. Ему совершенно не хотелось читать, ни одно слово не лезло в его сознание. Мозг словно отказывался принимать информацию.

Федор Иванович кинул газету на тумбочку.

— Знаете, что, молодые люди? Пришло время сказать вам правду, — неожиданно произнес он.

Груша перевернул страницу, показывая, что его это совершенно не интересует. Зато Василий сразу же оторвался от сканвордов и спросил:

— Вы про что, Федор Иванович?

Старик ответил:

— О том, что давным-давно мне пришлось своими глазами видеть, как это странное блестящее облачко прикасалось к людям и превращало их в мерцающие частички пыли.

Груша тихонько достал из кармана джинсов мобильный телефон и включил диктофон. А Федор Иванович подошел к Пузырю и положил руку на его плечо.

— Так вот, оно тогда уничтожило всех людей, находящихся в коридорах подземного этажа больницы, и стало подниматься на первый этаж.

Груша уставился на старика. Тот провел рукой по голове Пузыря. Из глаз Даньки потекли слезы. Виталик дрожащими руками вытянул из другого кармана джинсов MP3 — плеер и вставил наушники в уши. При этом он неотрывно следил за действиями Федора Ивановича.

Тот поймал его взгляд и ласково улыбнулся.

— В вестибюле первого этажа, — заговорил громче он, — облачко разделилось на два одинаковых. Они полетели в разные стороны, одно — в левое крыло, другое — в правое.

Рассказчик шагнул к кровати Груши. Виталик зачем-то закрыл глаза и сжал кулаки. Федор Иванович наклонился над его ухом со вставленным наушником и зашептал:

— Нет преграды для тех, кто хочет что-то сказать...

Груша мгновенно открыл глаза и, — будто что-то лопнуло в его груди, — заорал диким голосом:

— А-а! Сука!!! Я не хочу тебя слушать!! Заткнись, козел!

Федор Иванович поменялся в лице, отшатнулся, одновременно издав непонятное гортанное: «Ух». Потом схватился за голову и с грохотом упал на пол, зацепив рукой стул.

— Ух-ух, — невнятно бормотал он.

Часть головы Федора Ивановича — совсем малая — изменилась: исчезли волосы, стала видна кожа серовато-синего цвета.

Груша вскочил с кровати, как воин, почувявший свое преимущество. В эту же секунду с кровати поднялся Василий и сделал шаг в его сторону. Виталик кинул взгляд на Василия и склонился над Федором Ивановичем. Он хотел сказать что-то очень гадкое старику, но Василий сделал еще один шаг вперед. Груша выпрямился и уставился на Василия.

— Эй, ты чего задумал?! — крикнул он.

С кровати резко вскочил Пузырь, наклонился и достал из тумбочки острый кухонный нож. Василий протянул руку к Пузырю, и тот вложил в нее холодное оружие.

Груша, понимая, что дело — дрянь, стал отступать в сторону входной двери.

— Извини, Груша, — сказал Василий, — но свой выбор ты уже сделал.

Груша испугался не на шутку. Он видел, что ребята были настроены серьезно. Ох, как серьезно!

Василий прыгнул вперед и замахнулся ножом на Виталика. Груша схватил двумя руками руку нападавшего с ножом и отвел ее в сторону. Он почувствовал, что справится. Василий не одолеет его. Кишка у него тонка.

Но тут все усложнил Пузырь, он подскочил к Груше со спины и вцепился ему в шею. Василий тут же вырвался из цепких рук Виталика и со всей силы ударил ножом его в живот. Груша упал на колени и мучительно всхлипнул.

— Мне жаль, что ты не увидишь то, что увидим мы, — сказал ему Василий.

Изо рта Груши вытекла струйка крови.

Виталик растерянно поглядел на своего убийцу, потом — на кровавое пятно на полу.

— Ааах, — в горле Груши что-то булькнуло, он закрыл глаза и рухнул лицом вниз, раскинув руки в стороны.

Игоревич бросил несколько лопат земли на небольшой холмик.

— Так-то лучше, — сказал он.

Николаич с грустью кивнул.

Игоревич взглянул на небо.

— Неужто нынче человеческая жизнь не имеет никакой ценности?

— Так, да не так, — возразил Николаич, — Врач у нас один решил докопаться — что ж здесь происходит? Покойников стал резать. И выяснил, что живые люди представляют отличную почву для роста тварей... таких жутких, что в страшном сне не приснятся.

— Тогда зачем же нас уничтожать, если мы живыми нужны? — вскинулся Игоревич.

Раздался неприятный шуршащий звук, словно по сухим листьям проползла змея. Двое пожилых мужчин не обратили на него внимания — а это был шорох, который издавала ледяная пленка.

— По этому поводу тоже есть кое-какие соображения, — сказал Николаич. — Заметь, очевидцы произошедшего рассказывают, что эти... «ногопилы»... или как их там.

— «Ногогрызы», — подсказал Игоревич.

— Так вот, эти «ногогрызы» не бросились на людей, стоящих по одному, а ринулись на тех, кто стоял в толпе. Как бы высказывая этим, что им не нравится массовое скопище людей.

Ледяная пленка, словно растущее живое существо, преодолела расстояние в хороших полметра и опять засверкала ярко-голубым светом. Вспышки света больно ударили по глазам Игоревича и Николаича, и они оба замолчали.

Игоревич подошел к телу Артемовича и стал рыть рядом с ним могилу.

— А там же яма у тебя почти наполовину вырыта, — удивился Николаич. — Зачем новую копаешь?

— Там камни, здесь я быстрее вырою.

Тишину и спокойствие больничного двора внезапно нарушили оживленные голоса. На улицу выскочило шестеро человек: Сергей, Оля, Полина, Артем, Психоза и Шурик.

— Я думаю, мы имеем дело с инопланетянами! — закричал, перебивая других, Психоза. — А почему нет? Кто-то же за этим стоять должен?!

— Что-то я не видел здесь ни одного инопланетянина, — не согласился Артем Жук.

— Как же не видел? — удивился Шурик, еще тот ботаник и спорщик по жизни.

— А эти... как их там? «Ногогрызы»! Почему ты не можешь допустить, что это и есть инопланетяне?

Артем пожал плечами.

— Как-то маловаты они для разумных существ, — ответил он.

— Кто бы за этим ни стоял, — произнес, не задумываясь, Сергей, — я ему объявляю войну и обещаю тотальное истребление. Клянусь, что пока не уничтожу последнюю тварюгу — не успокоюсь!

— И мы клянемся! — закричала Оля.

Сергей посмотрел на девушку странным изучающим взглядом. Она заметила этот взгляд

и натянуто улыбнулась в ответ.

Игоревич тем временем уже стоял по пояс в яме и выкидывал из нее землю. Вновь зашуршала ледяная пленка, она заметно приблизилась к пожилым мужчинам. Игоревич остановился, уловив краем глаза ее движение.

— Николаич, видишь эту дрянь?

Начальник мастерских бросил взгляд на ледяную пленку, и она тут же сделала резкий скачок, очутившись возле ямы, в которой замер Игоревич.

— Игоревич, уходим! — заорал Николаич.

Мужчина кивнул и потянулся руками к телу Артемовича. Николаич в это время уже бежал к дверям больницы.

— Молодежь, давайте бегом в здание, — завопил он и указал на быстродвигающуюся ледяную пленку. — Смотрите, как эта дрянь быстро ползет сюда. Ничем хорошим это не кончится.

Ребята послушно отступили в здание больницы. Николаич влетел вслед за ними и оглянулся на Игоревича.

Вот же идиот! По-другому не скажешь. Он тянул тело Артемовича в яму вместо того, чтобы спастись. В какой-то момент его стало не видно — он наклонился. Сразу же следом в яму сползла ледяная пленка. Николаич на мгновение закрыл глаза, ожидая самого худшего.

— О, боже! — застонал он. — Вот дурак!

Из ямы резко поднялось пламя огня, и через секунду после этого выскочил Игоревич. На нем загорелась куртка, и он на ходу скинул ее с себя.

Ледяная пленка покрыла землю внутри ямы и вокруг нее. Игоревич стал смотреть, как она стремительно приближается к нему. Он чего-то медлил.

Ледяная пленка быстро приблизилась к ногам Игоревича. Он же, не спеша, поднялся по ступенькам, сделал два стремительных шага вперед и прыгнул в сторону входных дверей. Пленка покрыла крыльцо прямо под летящим Игоревичем. Николаич, распахнув двери, схватил двумя руками и потянул на себя, приземляющегося на ледяную пленку товарища по несчастью.

Мужчины вместе упали на пол. Сразу же закрылись двери, после чего их и смежную с ними стену частично прихватила ледяная пленка, она застыла на одном месте и перестала шуршать.

Если кто-то захотел бы представить, что такое ад, ему было бы достаточно зайти в терапевтическое отделение. В десятую палату, например. Туда, куда только что зашла Весюткина. В палате летали большие черные мухи. На двух кроватях лежали и, не переставая, стонали Ковров и Стелькин, зараженные чумой. То, что чувствовали больные, приговоренные неизученной болезнью к смерти, можно было смело называть адскими муками.

На двух других лежали покойники со вздутыми животами. С одного из них сползло одеяло. Над этим покойником стояла Весюткина, не зная, что делать. Она смотрела, как сквозь натянутую кожу живота прорываются беловато-красные червячки, похожие на опарышей.

Стелькин открыл тяжелые веки и стал наблюдать за Весюткиной. Инга Вацлавовна боялась, что все твари, выползающие из тела, разбегутся по сторонам и станут новыми источниками заразы. Она периодически обтирала трупы мокрым полотенцем, собирая всю выползающую живность в ведро с ядовитой жидкостью. Весюткина понимала, что скоро

прорывов станет больше, и ей будет трудно уследить за расползающимися тварями.

— Доктор, почему из палат не выносят мертвецов? — слабым голосом спросил Стелькин. — Здесь и так дышать нечем. А они прямо на глазах разлагаются.

— Миленький, я не знаю, — ответила Весюткина, продолжая наблюдать за червяками. Ковров повернулся на кровати сначала в одну сторону, затем в другую, потом громко застонал.

— Есть! Я хочу есть!! Накорми меня или убей... Умоляю, сделай что-нибудь.

— О, боже! — закричала Инга Вацлавовна.

На ее глазах натянутая кожа с треском разошлась, и из живота показалась голова «зместрелы». Мерзкая тварь угрожающе зашипела, обнажив свои острые зубы и язык, и стала медленно выползать из покойника. Весюткина отступила на шаг, резко вытянула руку и схватила «зместрелу» за голову.

— Вот же, блин! — тут же вскрикнула Инга Вацлавовна и бросила «зместрелу» на пол. Сквозь тоненькую медицинскую перчатку проступила кровь и закапала на пол.

Кровь не останавливалась, все сильнее и сильнее сочилась по руке. Весюткина посмотрела на руку, затем на «зместрелу», ползущую по полу. Инга Вацлавовна наступила на тварь и раздавила ее. При этом «зместрела» визжала, как резаная свинья, вокруг нее растеклась желтая слизь.

Весюткина бросилась к выходу, открыла дверь и выскочила из палаты. Ковров взглянул на раздавленную «зместрелу». Кое-как поднялся с кровати, подошел к ней, сгреб руками с пола и впился зубами в ее «хвост». В этот момент «зместрела» открыла глаза и отчаянно взвизгнула. Ковров ударил ее головой об пол. «Зместрела» затихла, и он заново впился в нее зубами, откусил часть твари и с наслаждением стал жевать.

— Ты мне, дурню, объясни, пожалуйста, ты чего затормозил?! — налетел Николаич на Игоревича, как только они сели на скамейку в вестибюле. — Ты же видел, что медлить нельзя.

Игоревич тяжело вздохнул.

— Я просто взглянул легкой смерти в глаза и подумал — почему бы нет.

— Что — нет? Ты о чем? — не отставал Николаич.

— Жизни нет! — заговорил Игоревич мрачным голосом. — Мы, как колорадский жук в банке, перемещаемся полудохлые по этой больнице и на что-то еще надеемся. Какой смысл продолжать? Жизнь закончилась здесь и сейчас. Неужели вы этого не видите?

— Так ты хотел... Того? — наконец-то дошло до Николаича. — С жизнью попрощаться? Ступил вперед ножкой, и все проблемы позади? Глупо это и не по-мужски.

— Так ведь надежды же нет никакой! — выкрикнул Игоревич. — Вы просто этого еще не поняли...

Он достал из кармана сигарету и закурил.

— Вас еще, друг мой, — произнес он, выпуская струю дыма, — не зацепила волна безграничного опустошения и отчаяния.

— Тьфу ты, — сказал Николаич. — В отчаяние впадать мне рановато, у меня тут на кухне жена работает, между прочим...

— Так что же вы здесь сидите?! — удивился Игоревич. — Бегите к ней! Может, нам времени жить осталось — минуты!

— Брось говорить ерунду. Все наладится, выкарабкаемся как-нибудь из этой ледяной ловушки. Главное в это верить... Да...

Николаич замолчал, а затем продолжил:

— Пойду-ка я и в самом деле жену навещу, посмотрю, как у нее дела.

— Давайте-давайте! — поторопил его Игоревич.

— Ты тоже поднимай свой тощий зад и пошли со мной, — пробурчал Николаич. —

Варвара нас чаем напоит, да накормит чем-нибудь.

Федор Иванович, избавившись от окровавленного тела погибшего Груши, стал внимательно наблюдать за Данькой и Василием. Пацаны заснули где-то около трех часов дня. Василий спал спокойно. Пузырь же во сне и стонал, и дышал — тяжело, со свистом, словно у него было воспаление легких.

Неожиданно Данька громко всхлипнул, втянул в легкие большую порцию воздуха и затих. Через секунду он уже бился головой о подушку, не соображая, что не может выдохнуть. В конце концов, отвечающий за все это головной мозг дал команду на выдох, и воздух вырвался из легких наружу.

— Ох... ох... что же это будет? — застонал в глубоком сне Пузырь, а потом сам себе ответил: — Я чувствовал, что будет тупик. Зачем здесь стена — ведь другой дороги нет!

Федор Иванович подошел к Пузырю и положил ему руку на лоб.

— Потерпи, потерпи, мальчик, в тебе сидит такая зараза, природу которой я никак не могу понять.

Пузырь со стоном открыл глаза. По его лицу потекли слезы.

— Помогите мне, — заскулил он. — Я больше не могу терпеть эту боль.

Федор Иванович, жалея, погладил его по голове.

— Я не могу прорвать защиту, — прошептал старик. — Правило первого колебания не срабатывает. Не может же быть так, что дальше ничего нет... Такое ощущение, будто...

Федор Иванович резко убрал руку и вскрикнул:

— Ё-мое! Сработала примитивная система самоуничтожения организма... В твоей голове растет шарик... Черт, что же делать?!

Старик двумя руками схватился за голову:

— Что же делать?! — повторил он. — Тебе, Данька, природа совершенно не хочет доверять свои тайны. Но ничего, мы поспорим с матушкой, кто кого на этот раз.

Несчастный Пузырь уже не слышал Федора Ивановича. Боль в его голове стала невыносимой. Он закрыл глаза и истошно заорал. Затем открыл их — и в них моментально возник сильнейший испуг.

— Ты кто такой?! — завопил он. — Уйди прочь от меня!!!

После того, как Весюткина перевязала себе руку и надела поверх повязки медицинскую перчатку, она вновь заглянула в десятую палату и была поражена переменой, произошедшей за ее недолгое отсутствие. В палате летало много черных жирных мух. Весь пол был усеян ползающими тварями: мелкими беловато — красными червяками, похожими на опарышей, «зместрелами», серыми «жучками», похожими на божью коровку и маленькими «ногогрызами».

Весюткина оглядела палату и увидела, что животы у двух покойников разорвались от груди до паха, как рвется старая майка, и наверх вылезли вздутые кишки. Через разорванную кожу живота во внешний мир, не спеша, проникали всевозможные твари.

Вся «живность», что ползала по полу, пищала, взвизгивала и «вжикала», представляя собой жуткий бурлящий микромир палаты.

— Я этого больше не вынесу, — произнесла Весюткина, вошла в палату и закрыла за

собой дверь.

Николаич и Игоревич спустились в подвал, повернули в правое крыло и двинулись к пищеблоку.

— Я никогда не сдавался ни перед какими трудностями, — похвастался Николаич. — Бывали такие моменты, что жизнь мне показывала полную жопу. Но я всегда боролся со всеми изъедающими душу негативами. Вот такие пирожки.

— Есть вещи, которые могут в одну секунду подавить дух человека, — возразил Игоревич. — Например, смерть кого-то очень близкого и дорогого.

— Это, увы, неизбежность и это надо воспринимать так, как оно есть.

— Все, что говорите вы сейчас — это лишь слова... Просто жизнь вас не трепала по-настоящему, вот до сих пор и живете с легким сердцем.

Игоревич внезапно замолчал и обернулся. За его спиной никого не было, коридор — пуст. Ни шороха, ни скрежета. Вообще никакого звука.

— Как-то подозрительно тихо здесь, — заметил он. — Ни одного человечка не видно.

Николаич беспокойно завертел головой, почувствовав то же самое, что и его новый знакомый. Никогда у пищеблока не было тишины. Обычно тут сновали люди, вечно кому-то было что-то надо на кухне. То сахара попросят, то кофе или чая.

— Не пугай! Здесь же должна быть охрана. Я ее сам организовал.

— Сами видите — никого нет!

Николаич ускорил шаг.

— Ёлки-палки! Надеюсь, с Варварой все в порядке, — пробормотал он.

— Да вы сразу-то не пугайтесь, — сказал Игоревич. — Хотя, если честно, я бы свою жену здесь ни за что не оставил.

Николаич ничего не ответил и с шага перешел на бег. Очутившись на кухне, он посмотрел по сторонам. На электрических плитах нагревались большие кастрюли, из них валил пар. На столах стояли тазы с нарезанной картошкой и другими овощами.

— Куда же все подевались? — растерянно сказал Николаич.

На кухню зашел Игоревич.

— В моечной тоже никого, — сообщил он.

Николаич заглянул в кастрюлю, вода в ней выкипела почти до самого дна. Заглянул в другую — та же самая картина. Начальник мастерской пошел по кругу и стал выключать электрические плиты.

— Странно это все, — тихо сказал он Игоревичу.

Из двенадцатой палаты в коридор вышла Весюткина, а навстречу ей, из одиннадцатой, — Круглова. Врачи сняли верхние части защитных костюмов и направились к кабинету заведующего.

— Как у тебя вообще обстоят дела? — поинтересовалась Инга Вацлавовна.

— Восемь человек из оставшихся тридцати я отпустила на все четыре стороны, — поведала Круглова. — Остальные приговорены... Правда, некоторые из них еще об этом не догадываются.

— И мне нечем похвастаться, — сказала Весюткина. — Все заражены — нет ни одного счастливого, которого я смогла бы отпустить... Блин, что-то я проголодалась, надо бы чайку попить.

— Я вообще на еду не могу смотреть. Она у меня вызывает рвоту.

— Нет. Так нельзя. Хочешь, милая, выжить, надо чем-то поддерживать свои силы.

Женщины остановились возле кабинета Магамединова. Круглова громко вздохнула.

— Может, махнуть на них всех и уйти из отделения, пока не поздно? — спросила она.

— Умирающим нужна наша помощь и поддержка, — ответила на это Инга Вацлавовна. — Я не брошу их. Не могу, моя совесть не позволит мне это сделать.

— В том-то и все дело, — сказала Круглова.

В коридоре появились два санитары — Бoryгин и Теплицын. Они медленно, опустив головы, шли друг за другом. Круглова сразу же накинулась на них:

— Милые мои, а вы не могли бы ногами шевелить быстрее? Идут — нога за ногу цепляется. Как по бульвару. Вы что, не видите, сколько трупов?! Живые лежат среди мертвых.

Бoryгин зло сверкнул глазами.

— Не реви! — рыкнул он. — Сама бы потаскала носилки, а я бы поглядел, насколько у тебя силенок хватит.

— И у нас проблема, — сообщил Теплицын. — На улицу хода нет. Замурованы наглухо. Как теперь избавляться от трупов?

— Не кричите, — вмешалась в разговор Весюткина. — Всем тяжело. Открывайте окна на первом этаже и выкидывайте.

— Так зачем носить на первый этаж? — удивился Бoryгин. — Сразу в палате откроем и выкинем.

— Совсем обалдел! — вскрикнула Инга Вацлавовна. — На глазах у других больных? Я не позволю!!

— Извини, Инга Вацлавовна, не подумал.

В коридоре за спинами Бoryгина и Теплицына показались Зайцев и Лебедь.

— Ну, так что будем делать? — закричал Зайцев. — Сил уже нет никаких. Может, ну ее к черту, эту бессмысленную работу?

Весюткина бросила усталый взгляд на Зайцева.

— Эта работа не бессмысленная, — возразила она.

— Уже давно пора признать, что дело — дрянь! — не выдержал Лебедь. — Смысла нету никакого в наших действиях!

Открылась дверь, и из кабинета вышел Магамединов. Он суровым взглядом посмотрел на Лебеда и заговорил взволнованным голосом:

— Знаешь, Михаил, сдать легче всего. Ты рассуждаешь вроде бы здраво, а на самом деле сопротивляться не хочешь. Тем самым давая больше шансов своему невидимому противнику. А ты не подумал, что может быть, остановив здесь и сейчас эпидемию, люди в этой больнице продержатся больше времени? И, даст Бог, дождутся помощи из внешнего мира?

— Какое там сопротивление, — вставил свое слово Бoryгин. — Это больше похоже на маразм.

— Если ты сдался — уходи! — вскипел Магамединов. — Тебя никто не держит. Но других — не агитируй!

Магамединов развернулся, в бессилии плюнув на пол. Бoryгин заскрипел зубами.

— А я и не сдавался! — крикнул он в спину Магамединова.

— Мы не сдаемся, — решил разрядить обстановку Зайцев. — Но если так важно выносить трупы, то почему нам никто не помогает?

В коридоре появился Бобров.

— Правильно делают, что не помогают, — сказал он.

Все повернулись к Боброву.

— Еще один умник! — рявкнула Круглова.

— Бобров, а где Морковин? — спросила Весюткина.

Бобров в ответ ухмыльнулся.

— А я знаю?

Магамединов несколько раз хлопнул в ладоши.

— Так, парни, десять минут на отдых. И продолжаем работать, а я найду вам помощников. Идет?

— Идет! — согласился за всех Зайцев. — Только с помощниками поторопитесь, Максим Викторович.

Два санитары с носилками зашли в десятую палату, и оттуда через секунду раздался вопль одного из них:

— Твою мать, а кого тут выносить?! Здесь одни черви!!!

Магамединов подошел к дверям десятой палаты и заглянул в нее. Из палаты в коридор вылетело несколько мух. Магамединов закрыл двери и обратился к Весюткиной и Кругловой.

— Так, девочки, зовите в мой кабинет Николаева. Будем думать, что делать дальше.

Федор Иванович заставил Даньку сесть.

— Давай, Пузырь, теперь сам! — сказал старик.

— В вестибюле первого этажа, — заговорил Данька, и у него изо рта потекли слюни, — облачко разделилось на ы-ы....

Он вывернул голову как паралитик и сжал от боли зубы так сильно, что они у него заскрипели.

— На «ыа» одинаковых облачка, которые полетели в разные стороны...

Федор Иванович положил руку на плечо Пузыря.

— Все, пока не напрягайся, Пузырь... Дальше у тебя все пойдет, как надо. Я с твоим шариком в голове разобрался.

К Федору Ивановичу, не спеша, подошел Василий. Он кивнул старику и стал смотреть Пузырю прямо в глаза, как будто он что-то искал в них. Хотя глаза Даньки были совершенно безжизненные, стеклянные, Василий что-то там все-таки разглядел.

— Вот это чудеса! — вскрикнул он. — Мы стали совершенно другими. Во мне столько энергии, что я готов перевернуть мир вверх дном!

Федор Иванович ласково улыбнулся и спросил:

— Ты видишь океан в его глазах?

— Да, вижу!

— Вот эту энергию вселил в вас сам бог, — сообщил старик. — Но матушка-природа отобрала у вас право на ее использование.

Вместо того чтобы поинтересоваться, почему так поступила матушка-природа, Василий закричал:

— Я хочу использовать свою энергию прямо сейчас.

Федору Ивановичу это не понравилось.

— Не спеши, — предупредил он. — Рассудок твой еще слаб, не готов ты пока. Потерпи, парень.

— А когда я буду готов? — спросил нетерпеливый Василий.

— Скоро. Очень скоро, — ответил ему рассказчик.

Всегда такой спокойный и невозмутимый, Николаич вдруг серьезно заволновался. Уже второй раз за день. Они с Игоревичем стояли возле дверей на кухню и обсуждали положение дел.

— Прошло так много времени, — сказал начальник мастерской, — а Варвара не появилась, надо что-то предпринимать...

— Раз она не появилась, давай ее разыщем.

— Пошли, заглянем в кладовые, — решил Николаич и зашагал в конец коридора. Игоревич последовал за ним.

Николаич открыл широкие железные двери, спустился по ступенькам в маленькое сырое помещение и подошел к двум дверям. Достал из кармана связку ключей и вставил один из них в замочную скважину.

— Хорошо, что жена запасные ключи отдала мне.

Николаич открыл дверь и вошел в первую кладовую. Игоревич остался стоять в проходе. В кладовой горел свет. Начальник мастерской обвел взглядом все помещение, в котором на стеллажах лежали продукты: тушенка, консервы, маринады, ящики с овощами и много-много еще чего.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросил он.

Среди стеллажей раздался шум — упала и разбилась стеклянная бутылка.

— Кто здесь? — повторил Николаич и почувствовал, как по его телу побежали мурашки.

Из-за стеллажей вышел Горовец — больной из терапевтического отделения. У него хорошо были видны вздутый живот, слюна, текущая по подбородку, красные, навывкате, глаза. Из разных углов кладовой выскользнули две «зместрелы» и закрутились вокруг ног Горовца. Николаич вздрогнул, заметив все это.

— Ты здесь один? — спросил он.

Горовец молча покачал головой — мол, нет, я не один.

— Ты не видел мою жену?

Горовец вновь качнул головой.

Николаич шагнул вперед и повысил голос:

— А как ты сюда попал? Откуда у тебя ключи?!

«Зместрелы» бросились в разные стороны от Горовца и спрятались за стеллажами. Больной отступил на шаг назад.

— Уйди, по-хорошему прошу, — прошептал он, и из его рта вытекла слюна с кровью.

Николаич сделал еще два шага вперед.

— Валентин, будь осторожен, я здесь, — раздался откуда-то из-за стеллажей слабый голос его жены.

Николаич аж подпрыгнул.

— Варвара, с тобой все в порядке?

— Более-менее, — ответила она. — Меня кто-то стукнул по голове... и опрокинул на меня стеллаж.

Николаич скрипнул зубами и двинулся в сторону голоса.

— Не переживай, я сейчас этому гаденьшу за его выходки кулаком по морде настучу.

Он обошел быстрым шагом стеллаж за стеллажом. Нигде Варвары Семеновны не было видно. За последним стеллажом он встретился взглядом с Акимовым, другим больным из

терапевтического отделения. Тот тоже был со вздутым животом и красными глазами.

— Я не понял?! — закричал не на шутку перепугавшийся Николаич. — Варвара, ты где?!

И сразу же, со всей силы, на плечо Николаича обрушилась мужская рука. Он обернулся и вскрикнул. На него с ненавистью смотрел Игоревич.

Николаич мог бы поклясться, что он увидел глаза зверя, изверга. Они были чужие, нечеловеческие — беспощадные!

— Ну, вот и все, ублюдок, пришел твой последний час! — произнес Игоревич.

А где-то там, под стеллажами, открыли пасти и радостно запищали «зместрель». Писк был похож на смех. Из голов этих маленьких, но, по-видимому, очень умных животных, торчали тонюсенькие антеннки, которые распространяли неуловимый сигнал...

Заведующий хирургическим отделением нашел себе интересное занятие. На листе бумаги он старательно рисовал лицо Анны. И это у него неплохо получалось.

— Скажи мне, красавица, — прошептал Николаев, — почему, когда я тебя вижу, мое сердце предательски бьется?

И в этот же момент без стука в кабинет ворвалась Круглова.

— Вот вы где, Павел Петрович! — закричала она. — Мы все с ног сбились, а вы...

Николаев приставил палец ко рту. Круглова замолчала. Павел Петрович указал на свободный стул, стоящий рядом со столом. Елена Степановна с серьезным выражением лица подошла к столу. Заведующий хирургией тем временем дорисовывал шею и плечи Анны. Круглова села на стул и, взглянув на чудачества Николаева, тяжело вздохнула. Она повернула голову и заметила, что на вешалке в углу кабинета висит защитный костюм. Елена Степановна вновь посмотрела на Николаева и нетерпеливо произнесла:

— Ну правда, Павел Петрович, вы здесь сидите, а у нас там черт знает что творится.

Николаев поставил на картинке число и расписался.

«Что вы?! Как же без выпендрежа?! Специально, говнюк, тянет время», — подумала Круглова и уже хотела разозлиться на Николаева, но почему-то передумала и просто улыбнулась ему.

— Когда мне кажется, что мои силы закончились, я сажусь и занимаюсь ерундой до тех пор, пока мне не станет стыдно, что я ею занимаюсь, — объяснил свои действия Павел Петрович.

— И как, помогает? — спросила Елена Степановна, протянула руку к стопке рисунков Анны и стала рассматривать один за другим. На каждом рисунке одна и та же дата.

— Еще как.

Круглова попыталась заглянуть в глаза Павла Петровича.

— Скажи, Николаев, вот ты прожил около четырех десятков лет... И, что не разу в жизни у тебя не было серьезных отношений ни с одной женщиной? «Только раз — и до свидания»?!

— Если хорошенько задуматься, то, как ты говоришь, так и было. Но иногда, правда, два раза и... до свидания.

— И тебе не грустно от этого?

— Грустно.

— Но, ведь ты, Николаев, красивый мужик. В чем проблема?

Николаев пожал плечами.

— Я не знаю... Во мне, наверное. Была у меня по молодости горячая любовь. Три года

длилась. А потом я ей стал не нужен. У нее появился более красивый и состоятельный мужчина.

— Теперь понятно: мужчина тот был постарше, с машиной и деньгами... Интересно, насколько?

— С крутой машинкой он был точно, — вспомнил Павел Петрович. — А старше он меня был на целых шесть месяцев. Мне было тогда шесть с половиной, а ему семь.

Круглова улыбнулась и ударила ладонью Николаева по плечу.

— Ах, Николаев! Был ты мелким подлецом — им же и остался. Я тут так растрогалась, а он!

— Да, не было, Лена, у меня, у дурня, серьезных отношений! — признался Павел Петрович. — На первом месте у меня всегда стояла карьера. Только о ней, родимой, и думал. И вот совсем недавно осознал, что самого главного в жизни так и не увидел. Бывает же так.

— Бывает и хуже, — произнесла Круглова. — У меня все хорошо начиналось, да как-то очень быстро закончилось. Любовь была. Да любил он как-то не так, как других женщин любят. Терпела-терпела — да и не выдержала! Послала его ко всем чертям.

По лицу Кругловой покатались слезы.

— Так, Елена Степановна, мы совсем отвлеклись, — запаниковал Николаев. — Вы это... чего хотели?

Круглова встала, вытерла рукавом лицо и сказала срывающимся голосом:

— Магамединов тебя ждет. Ему твоя помощь нужна. Пришло время принимать серьезные решения, что и как делать дальше. Наша больница уже давно живет по своим законам, и на данный момент именно она имеет власть над нами, а не мы над нею.

— Хорошо, — ответил он. — Ты иди, а я тебя догоню...

Круглова кивнула и вышла из кабинета. «Как-то я резко ее оборвал, не пожалел и не дал высказаться», — поздно спохватился Павел Петрович. — «Странная она какая-то. Но по-своему интересная...»

Он подошел к вешалке, снял с нее защитный костюм и надел его. Неожиданно раздался звонок рабочего телефона. Николаев вздрогнул и кинул взгляд на аппарат. Первое, о чем он подумал, — это о том, что наконец-то наладили связь.

Павел Петрович бросился к телефону и схватил трубку.

— Алло, я слушаю!

— Здравствуйте, меня зовут Андрей Кабен, — заговорил кто-то неприятным монотонным голосом. — Из-за моих глупых магических опытов в вашей больнице появилась очень нехорошая субстанция паранормального характера.

— Знаешь что, парень... — сказал в трубку разозлившийся Николаев...

ГЛАВА 7. Человек, который потерял свой мир

Дмитрий Антонович Кожало ворвался в двенадцатую палату ожогового отделения и сразу же набросился на Федора Ивановича, который сидел на кровати и читал газету.

— Отвечай, где Груша и что с ним? И не надо оправдываться! Я знаю, что его пропажа — это твоих рук дело.

— Дмитрий Антонович, я не понимаю, почему я должен знать, где Груша? — с удивлением спросил старик. — И вообще, почему его пропажа — это дело моих рук?

— Все ты прекрасно понимаешь! — заорал Кожало.

Федор Иванович гневно сверкнул глазами.

— Вы меня, конечно, извините, доктор, но мне не совсем понятна ваша открытая агрессия по отношению ко мне.

Кожало отвернулся от него, взял с кровати Груши подушку и откинул ее в сторону. Под подушкой ничего не было. Дмитрий Антонович сорвал с постели одеяло и тоже бросил в сторону.

— Эй! — закричал старик. — Вы чего делаете?!

На простыне лежал мобильный телефон Груши. Кожало схватил его и затряс им перед лицом Федора Ивановича.

— Вот! Этого-то вы и не учли! — завопил он. — Оно вас и погубит!

Кожало положил телефон в карман своего халата.

— Что вы делаете? — возмутился старик. — Это ж не ваш мобильник.

Кожало в ответ улыбнулся недоброй улыбкой и наклонился к Федору Ивановичу.

— Я тебе даю ровно полчаса для того, что бы ты нашел Виталика и привел его в мой кабинет. Ровно через полчаса, если в мой кабинет не зайдет Груша, я... тебя... убью.

— Это угроза?

Кожало не стал отвечать. Он взглянул на Василия и Пузыря. Они сидели на своих кроватях, в их глазах светилась открытая ненависть.

— Что с ними? Почему они на меня смотрят такими глазами? — крикнул Кожало и уставился на Федора Ивановича. — Может быть, ты мне ответишь?

Старик не выдержал агрессии, направленной на него и поднялся.

— Я спрашиваю, это что угроза, доктор? — спросил он, вскипая.

Кожало толкнул Федора Ивановича в грудь, и тот упал на свою кровать.

— Считай это чем хочешь, но ровно через полчаса твоя жизнь может внезапно оборваться, — сказал напоследок Кожало, вышел из палаты и хлопнул дверью.

Федор Иванович взглянул на дверь и усмехнулся:

— Ну — ну, я, прям, дрожу от страха.

За последним стеллажом в кладовой Игоревич держал за правое плечо Николаича. В глазах Игоревича кипела лютая ненависть. Под ногами мужчин крутились «зместрельи», из голов которых высунулись маленькие антеннки. Глазки у них блестели, как капли ртути, и перебегали с Николаича на Игоревича и наоборот.

— Мужики, вы чего? — спросил Акимов, его громадный живот затрепал от сильного натяжения тканей, готовый вот-вот лопнуть.

Игоревич крепко сжал плечо Николаича. Лицо у начальника мастерской перекошилось от боли. Николаич скинул руку Игоревича с плеча и толкнул его в грудь.

— Эй, мне больно! — вскрикнул он.

Игоревич бросился на Николаича и двумя руками схватил его за шею. Ноздри, у взбесившегося непонятно по каким причинам мужчины, зашевелились, как у лошади, и раздулись. Глаза налились кровью.

Начальник мастерской пытался оторвать пальцы Игоревича от своей шеи, но у него ничего не получалось. На лбу Николаича проступили вены. Он сопротивлялся изо всех сил, но в руках напавшего на него мужчины сконцентрировалось столько силы, что ей невозможно было противостоять.

Николаич понимал — еще чуть-чуть, и схватка закончится печально. Он проигрывал ее — и ничего не мог с этим поделать. Проигрывал — но не сдавался! Панически не хватало воздуха! Он никак не мог его вдохнуть.

С отчаянием умирающего, Николаич из последних сил вцепился в пальцы Игоревича чуть по — другому и начал сжимать их — до хруста, до невыносимой боли, до того момента, когда они не выдержали и ослабили свою хватку. Разорвав цепкие руки противника, Николаич на этом не остановился, и он сразу же заехал головой ему в переносицу.

Игоревич несколько секунд простоял в замешательстве. Из его носа вытекла тоненькая струйка крови, он взвыл от боли и вновь потянул руки к Николаичу. Но тот вошел в раж, и его уже невозможно было остановить.

Не жалея сил, начальник мастерской провел хорошую серию ударов кулаками: левой по уху, правой в нос, левой в скулу. Игоревич не успел даже закрыться руками и от последнего удара отлетел к стеллажу. Стеллаж повалился вместе с ним, на пол с грохотом упали и разбились два десятка банок с соком.

К Акимову подошел Горовец, в руках у него была неочищенная морковка, которую он грыз с разных сторон.

— Ну, вот и драка, дождались! — заявил он.

«Зместрелы» взвизгнули и невыносимо громко запищали. Горовец и Акимов кинули на них удивленные взгляды. Горовцу показалось, что твари явно были недовольны исходом драки.

Игоревич покрутил головой. Опираясь локтем на упавший стеллаж, он медленно поднялся и обвел всех бешеными глазами.

— Я вам сейчас покажу!.. — прохрипел он.

— Давай, подходи, если тебе мало!! — заревел Николаич.

— Стойте, мужики, я знаю, в чем проблема, — закричал Горовец и указал пальцем на «зместрел». — Это все они виноваты!

Акимов подскочил к «зместрелам» и ударил ногой по одной из них. Она улетела куда-то под стеллажи. Другая не стала ждать участи первой и бросилась наутек.

— Мне тоже пришла эта мысль в голову, — сообщил Акимов.

В глазах Игоревича сразу же пропал звериный огонек. Он опустил плечи, ссутулился и испуганными глазами посмотрел на Николаича:

— Что произошло? Я опять кого-то убил?

— Знаешь, что, парень... — сказал еще раз Николаев в трубку, внезапно вспомнив историю, которую рассказывала Анна.

Павел Петрович стоял в защитном костюме возле своего стола и думал, что же ему делать. Положив трубку на стол, он стал отступать к выходу. Где-то в его подсознании мерцала красная лампочка. Внутренний голос приказывал ему сосредоточиться и быть

готовым к самому худшему.

— Ты, главное, не спеши, — попросил парня Николаев. — Рассказывай все подробно... С деталями.

— Я бы рад все сразу объяснить, но не могу, — прозвучал голос в трубке. — Давайте лучше в другой раз...

В трубке раздались гудки. Павел Петрович резко развернулся и посмотрел на входную дверь. Она зарастала какой — то непонятной «серой материей». Николаев бросился к ней и нажал на ручку. Дверь не открылась. Николаев нажал снова и уперся в дверь плечом.

«Серая материя» сползала сверху вниз. Она захватывала дверь, прочно вращая в нее.

— Что же эта за дрянь такая?! — закричал перепуганный Николаев.

Павел Петрович опустил на одно колено и ударил со всей силы кулаком по двери. Дверная фанера с треском разломалась. Николаев лег на спину и ногами выбил почти всю эту фанеру.

«Серая материя» сползла до середины проема двери. Николаев, выставив руки вперед, бросился в щель между кусками разломанной фанеры и вылетел в коридор. Он резко обернулся и вновь вскрикнул.

— Бывают же чудеса!

Перед ним была сплошная голубая стена даже без намека на дверь и на его кабинет за этой дверью. Николаев дрожащей рукой провел по стене, затем опустил голову и задумался.

— Анна — кто ты?! — произнес он, представив, что перед ним стоит та самая красивая женщина, которой он бредил. — Злая волшебница? Почему твои рассказы превращаются в реальность?

Наконец-то наступил вечер. В ординаторскую вошла Весюткина в защитном костюме. Бледная, измученная, она отстегнула верх костюма, платком вытерла холодную испарину со лба и приблизилась к шкафу. Инга Вацлавовна открыла его двустворчатые дверцы, и из шкафа посыпались варварски разорванные пустые коробки из-под шоколадных конфет.

Весюткина поднялась на цыпочки и дрожащими руками вытянула с верхней полки непечатую коробку шоколадных конфет, разорвала ее абы как. Несколько конфет из-за этого полетело на пол.

Женщина бессильно опустилась прямо на ковер и сунула в рот сразу несколько конфет. Не успев их прожевать, стала запихивать в рот еще конфеты. «Все нормально. Все хорошо! — мысленно успокаивала себя Весюткина. — Это просто нервное... Я проголодалась... Стресс...»

Инга Вацлавовна быстро прожевала и проглотила очередную порцию конфет и потянулась к тем, что вывалились на пол. Она поднесла конфеты ко рту, остановилась и на мгновение задумалась.

— Ну, вот и все, кажись, родная, — сказала она вслух. — Была ты — и уже почти нет тебя...

Она поменялась в лице, на ее глазах появились слезы. И она тихо заплакала, изредка шмыгая носом.

Николаич и Игоревич уселись на перевернутый стеллаж, чтобы прийти в себя после случившегося. К ним подошли Акимов и Горовец.

— Ну, ты, Игоревич, даешь! Ёлки, палки, моталки! — воскликнул Николаич.

Я чуть не наложил в штаны, когда ты меня душить начал!

Игоревич дотронулся до своего лица — оно заплыло от ударов.

— Ох! — задыхаясь, произнес Игоревич. — Я ж тебя предупредил, что если со мной станет что-то не так, то убей меня. А ты?!

— Не так-то легко тебя убить, — пожаловался Николаич.

— На твоём месте, Игоревич, мог быть любой человек, — влез в разговор Акимов. — Эти твари мощно на мозги давят.

— Я думаю, что они вызывают не только агрессию, но и слуховые галлюцинации, — добавил к сказанному Николаич. — Я слышал голос своей жены — Варвары. Кто-нибудь, кроме меня, его слышал?

Акимов и Горовец замотали головами. А Игоревич пожал плечами.

— Я вообще после того, как переступил порог кладовой, ничего не помню.

— Ладно, эту тему проехали! — сказал Николаич и посмотрел в глаза Акимову. — Вы вот что мне, мужики, скажите, как вы сюда попали, ведь ключи от кладовых имеются только у меня и Варвары?

— Так мы пробрались по-тихому и спрятались, — ответил Горовец. — Двери здесь какое-то время были открыты, вот мы и воспользовались ситуацией.

— Все ясно с вами, — прошептал Николаич. — Только не пойму — куда ж моя Варвара делась?

— Так чего ты расселся?! — рявкнул на него Игоревич. — Пошли ее дальше искать. В другую кладовую давай заглянем.

В кабинете заведующего терапевтическим отделением за рабочим столом для экстренного совещания собрались Магамединов, Николаев и Круглова. На небольшом расстоянии от них на табуретку села Весюткина. Магамединов ударил кулаком по столу, встал и наклонился над Николаевым.

— Паникеров в этой больнице больше, чем нормальных людей! — заревел он. — Все разбежались, как крысы по углам. Никто никому не помогает. Только прячут свои задницы!

Николаев сразу же покраснел, вскочил и лбом уперся в лоб Магамединова.

— Это ты на меня намекаешь?! — заорал он.

— И на тебя тоже! Бросили нас одних!

— Чтоб ты знал, у меня в отделении тоже восемь человек заражены. Ваш санитар постарался. Но мы сопли не распускаем, боремся!

— Хорошо! — гаркнул Магамединов. — Давайте поговорим об эпидемии, как о самом страшном смертельном факторе в этой больнице.

— Для этого мы все и собрались, — вставила свою реплику Круглова.

— И первым начну говорить я, — сказал Максим Викторович.

За окном слегка потемнело. Дмитрий Антонович, расположившись за рабочим столом, что-то долго и упорно писал в ежедневнике. Он много подчеркивал и ставил один знак вопроса за другим. Рядом с его правой рукой лежал мобильный телефон Виталика.

Дмитрий Антонович чувствовал, что с Виталиком приключилась беда. Причем, он предполагал самое худшее. Его совесть постоянно напоминала о том, что он рисковал жизнью парнишки. А еще он чувствовал приближение своей собственной смерти.

Где-то внутри него сидел червячок, поедающий душу и заполняющий освободившееся пространство немым ужасом.

Кожало перестал писать, открыл верхний ящик стола и бросил в него свой ежедневник вместе с телефоном Груши. Он отодвинулся от стола и, грызя ручку, задумался. Наконец-то он понял, что его больше всего волновало. Бездействие! Пассивность всего медперсонала.

Правильно, многие еще не отошли от шока. Они попрыгались каждый в своем углу и кусают ногти, жалеют себя, несчастных, в тот момент, когда надо собраться вместе и действовать, пока еще не поздно.

Внезапно закрипела входная дверь, стукнулась о стену, отскочила от нее, остановилась и вновь все повторилось. Дмитрий Антонович кинул взгляд на дверь, и тут же со стола слетел телефон и со стуком упал на пол, трубка его отскочила в сторону.

Кожало приподнялся. И в этот же момент его стул отлетел влево, поднялся вверх на полтора метра, перевернулся в воздухе и врезался в стену, с грохотом разлетевшись на части.

— Ничего себе! — успел прошептать Дмитрий Антонович, и со стены упало зеркало.

Оно разбилось на куски. Керамическая раковина заходила ходуном, оторвалась с мясом от стены и с дикой скоростью устремилась в сторону Кожало. Он успел только наклониться и закрыть голову руками.

Раковина ударилась о стенку справа от Дмитрия Антоновича и раскололась. Тут же перевернулся рабочий стол и крышкой саданул заведующего по плечу. Кожало отскочил от стены и бросился к входной двери. Она захлопнулась перед самым его носом.

— Черт! — заорал заведующий ожоговым отделением. — Что здесь происходит?!

Он потянулся к ручке. Дверь тут же распахнулась, и по ту сторону порога Кожало увидел Федора Ивановича. Старик сделал шаг вперед. Дмитрий Антонович невольно отступил.

Федор Иванович зло сверкнул глазами и спокойным голосом произнес:

— Ты хочешь знать, что случилось с Грушей? Я его, истекающего кровью, выкинул в окно, прямо на ледяную пленку. Сгорел подонок моментально!

Магамединов подошел к окну и повернулся лицом к Николаеву и Кругловой, которые сидели за его столом и к Весюткиной, расположившейся на табуретке возле дивана.

— Так вот, — начал он рассказ о своих наблюдениях, — организм человека представляет собой удивительный рассадник ползучих тварей, в котором действуют свои правила и законы. Жизнь этих тварей начинается внутри клетки, а сами они изначально представляют собой самостоятельные разумные организмы.

— Ахинея какая-то, — заметил вслух Николаев.

— Как раз здесь все понятно, — повысил голос Магамединов. — Просто эти разумные организмы меньше нашей стандартной клетки. Почему я их называю разумными, потому что они постоянно растут и, разорвав клетку, живут внутри ткани, затем внутри органа, а затем только — когда всем им становится очень тесно — вырываются наружу. И все это время они, кроме разрушений, постоянно занимаются восстановлением разрушаемого организма для того, чтобы вновь его разрушить. Так вот, этот процесс постоянного разрушения и восстановления уникален в паразитологии. Благодаря этому процессу организм человека используется паразитами почти на все сто процентов. Второе, очень важное наблюдение. Скорость роста этих ползучих тварей ни с чем несравнима, они растут настолько быстро, что их увеличение происходит прямо на глазах.

— Хорошо, — перебил Магамединова Николаев, — если это всего лишь живые разумные организмы, то почему мы не можем их ничем затравить? Провести, например, химиотерапию...

— Вот тут, дорогой, мы сразу же встречаемся с еще одним очень важным фактором, — ответил Максим Викторович. — Эти твари устойчивы ко всему, их не убить никаким ядом и никаким изменением параметров среды. Я почти все, что мог, перепробовал. Вспомни,

Инга, как две ползучие твари спокойно плавали в ванночках с формалином.

— Я-то помню, — сказала Весюткина. — Но считаю, что мы чего-то просто не видим...

У всех есть свои слабые места — их надо просто найти.

— Мне одному это не под силу. Нужны специалисты посильней меня.

— У меня есть предложение по поводу того, как можно попытаться задержать распространение эпидемии, — неожиданно заявила Весюткина.

Все взглянули на нее.

— Так чего же ты молчишь! — воскликнул Николаев. — Рассказывай быстрее!

Николаич и Игоревич остановились возле двери второй кладовой. Николаич достал из кармана связку ключей и вставил один из них в замочную скважину.

— Наболтал я тебе лишнего о том, что никогда морально не сдавался. Такое ощущение, как будто кто-то меня за язык тянул.

Игоревич сплюнул себе под ноги кровавую слюну и ответил Николаичу:

— Не придирайся сам к себе. От этого ничего не изменится.

Николаич дрожащими руками провернул ключ в замке.

— Да не волнуйся ты так, — сказал Игоревич. — Найдем мы твою Варвару.

— Куда ж она, родная, делась? — прошептал Николаич. — Господи, сделай так, чтоб с ней было все в порядке. Лучше мою жизнь забери, а ее не тронь. Она хорошая у меня: никогда никому зла не делала.

Николаич нажал на ручку двери и открыл ее.

Во второй кладовой было темно. Начальник мастерской переступил через порог, протянул руку к стене и щелкнул выключателем. Свет не загорелся.

— Блин! — вскрикнул Николаич. — Лампочка перегорела, что ли?!

— Раз не горит, значит, перегорела, — сказал Игоревич и вошел вслед за ним.

Николаич достал из кармана зажигалку и осветил ею. Свет фонарика, встроенного в зажигалку, выхватил из темноты два ближайших стеллажа.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросил начальник мастерской.

Из темноты раздался слабый голос Варвары:

— Ох... Валентин, это ты?

Николаич шагнул вперед, остановился между двух рядов стеллажей и стал светить зажигалкой по сторонам.

— Да-да, Варвара, это я, — спокойным голосом ответил Николаич, и в этот же момент его схватил за плечо Игоревич.

Николаич вздрогнул от неожиданности, обернулся и чиркнул зажигалкой перед лицом Игоревича. Глаза у того были красные и узкие — заплывшие от хорошего удара по переносице.

— Ты чего, Игоревич? — прошептал он. — Опять?!

— Нет-нет, что ты! Мы с тобой в эту игру уже играли.

— Игоревич, ты сейчас слышал голос моей жены?

— Нет.

— Понятно... Ты, это, Игоревич, в самом деле, иди, подожди меня на кухне...

— Хорошо. Ты там поосторожнее только, — сказал Игоревич и удалился.

Николаич сделал несколько шагов в темноте.

— Варвара, ответь мне еще раз, — попросил он. Откуда-то справа от Николаича раздался неприятный звук: «вжи-жи-житьь». Начальник мастерской резко повернулся на этот

звук и осветил зажигалкой между стеллажами. Со второй полки одного из ближайших стеллажей полетела на пол банка с консервированными помидорами и разбилась вдребезги. По этой же полке промчалась испуганная крыса.

«Вжи-жи-жить» — вновь разорвал тишину неприятный и настораживающий звук.

— Варвара, ты где? — закричал Николаич.

— Я здесь, — ответил слабый голос из темноты.

Николаич продвинулся еще на несколько шагов вперед. «Вжи-жи-жить... вжи-ть... вжи-жи... жить», — слышалось откуда-то справа.

Николаич сел на корточки и направил свет под стеллажи. «Вжи-жить-вжи — жить-вжи-жить», — «завжикало» в ответ.

Заведующий мастерской увидел «ногогрыза», который застрял между стеллажом и стеной. Его пилы подпилили часть ножки стеллажа и раскрошили кусочек стены, но это ему не помогло.

— Так тебе и надо, тварюга, — усмехнулся Николаич. — Запоминай, по-нашему это называется «попался и обосрался...»

Николаич встал и уже более уверенным шагом проскочил между стеллажами, освещая зажигалкой темное помещение.

— Варвара, ну где же ты?

Он дошел до последних стеллажей, осветил зажигалкой в левый угол и увидел двух «зместрел», которые сразу же разбежались в стороны.

— Вот же твари! — прошипел он сквозь зубы. — Я так и понял, что это ваши проделки. Разорвал бы на части каждую.

Николаич еще раз позвал Варвару, но никто ему не ответил...

Весюткина, не вставая с табуретки, принялась объяснять:

— Поймите же вы: необходимо мгновенно отделять незараженных людей от зараженных. Не решим эту проблему сейчас — потом некому будет решать. Да и смысла уже не будет.

— Инга, давай ближе к делу, — не выдержал Николаев. — Мы и без тебя все это прекрасно понимаем.

— Я предлагаю освободить четвертый и пятый этажи, — повысила голос Весюткина. — На четвертом этаже мы поместим в отдельные палаты людей, в зараженности которых сомневаемся. А также на этом этаже обустроим лабораторию крови, которая будет выдавать справки незараженным чумой людям.

— Отличная идея! — похвалил Павел Петрович.

— Я не поняла, а пятый этаж для чего нужно освобождать? — спросила Круглова.

— На пятом этаже стоит сделать пограничный пункт, — ответила Весюткина. — Пройти который можно только со справкой с четвертого этажа. На этом этаже будут работать и временно жить те, кто был в контакте с зараженными, то есть, наши так называемые «пограничники». Здесь же необходимо создать лабораторию повторного анализа, которая будет исключать все возможные ошибки лаборатории на четвертом этаже.

— Не сказать, что эта отличная идея, но других у нас нет. Если все делать, как говорит Инга, то люди будут заняты делом и немножко воспрянут духом, — высказал свое мнение Магамединов. — Лаборатории повторного анализа я бы поручил дополнительно проверку всех людей, что находятся выше пятого этажа, ради стопроцентной безопасности.

— Мне нравится этот план, — сказала Круглова. — Я — за.

— Надо рассказать главврачу, — оживился Николаев, — чтобы он был в курсе, а то мало ли...

— Так, Николаев, пойдём к нему и расскажем о нашем плане, — предложила Круглова. Весюткина кинула молниеносный взгляд на Круглову.

— Ты хотела сказать: о моем плане, — поправила она.

— Был твой, — ответила на это замечание Круглова, — стал наш.

Весюткина грустно улыбнулась и взглянула на Николаева.

— Знаешь, Паша, тебе не мешало бы взять власть в свои руки, — вздохнув, произнесла она. — Я говорю на полном серьезе. Смена власти в больнице необходима, иначе хаос прикончит больницу в очень быстрые сроки. А вот порядок и жесткая дисциплина, наоборот, могут оттянуть время окончательного приговора.

— Я подумаю об этом, — пробормотал Николаев.

— Только думай, как можно быстрее, — посоветовала Инга Вацлавовна. — Время играет против вас.

— Весюткина, не против «вас», а против «нас»! — хохотнула Круглова, почувствовав приступ ревности из-за того, что Весюткина назвала Николаева Пашей, а не Павлом Петровичем, как обычно она это делала. — Вечно ты — как скажешь!

— Извини, я оговорилась.

Николаич нашел Игоревича на кухне. Тот сидел за столом и медленно жевал хлеб, запивая его водой. Каждое движение челюстями вызывало у него приступ боли.

— Куда же они все подевались? — заныл Николаич. — Словно под землю провалились!

— Во второй кладовой ее тоже не оказалось? — спросил Игоревич. — Опять эти пицалки тебя разыграли?

Николаич кивнул. Игоревич отложил краюху хлеба.

— Что будешь делать дальше?

— Что-что! — ответил начальник мастерских. — Буду искать... Меня сейчас вот что волнует: просто так они не могли бросить кухню. Что-то, видимо, очень серьезно их напугало. Вот такие вот пирожки да пончики.

— М-да, сделал ты удивительное открытие, Николаич. Здесь и дураку понятно, что что-то их всех напугало, и они в быстром темпе смылись.

— Ладно, пойду, посмотрю, может, они где в другом крыле прячутся... Думают, что опасность еще не миновала.

Игоревич встал с табуретки.

— Ты бы, Николаич, перекусил чего-нибудь, что ли.

— Отстань! Если хочешь, то пошли со мной...

Игоревич потрогал пальцами свой распухший нос и распухшую губу. На его лице появилось недовольное выражение, будто ему чем-то не угодили.

— В этой больнице стало опасно кучковаться, — осторожно заметил он. — Лучше ходить по одному.

Николаич резко развернулся и пошел к выходу.

— Я ж сказал, если хочешь, — буркнул он. — А если не хочешь, так я тебя и не заставляю.

Игоревич, услышав Николаича, тяжело вздохнул. Мужчины быстро зашагали по коридору подвала в сторону морга. Они прошли мимо указателя «Морг — короткая дорога для медперсонала», под которым внизу студенты из мединститута красным маркером

добавили: «Гостиница для людей, не собирающихся возвращаться домой живыми».

Николаич обернулся, а затем посмотрел по сторонам.

— Знаешь что, дружище, меня пугает это абсолютное молчание, будто все повымирали в один момент... Только мы с тобой остались...

— Да, тишина здесь — зловещая! — согласился Игоревич.

— Скажем так — неприятная.

Игоревич и Николаич замолчали и несколько секунд шли молча. Начальник мастерских даже в какой-то момент задумался о том, что не слышит собственных шагов.

— А ведь все идет к тому, что так оно и будет, — нарушил тишину Игоревич. — В один прекрасный момент наступит абсолютное молчание. Последний живой человек в этой больнице сделает последний вдох, и наступит ужасная тишина, обозначающая конец человеческой жизни.

— Блин, зря я затронул эту тему, — спохватился Николаич. — Тебе только дай о чем-нибудь таком поговорить.

— А о чем мне еще говорить?! Это ты на что-то еще надеешься. А я, если честно, давн перестал. Чувство у меня такое, что жизнь закончилась. И все, что осталось от нее — так это ты, Николаич, и твои безумные надежды на то, что все будет хорошо.

За спиной Николаича и Игоревича раздался скрип. Мужчины резко обернулись и увидели, как медленно открывается какая-то странная и очень узкая дверь. Через несколько секунд в коридор выглянул Вадим.

— Мужики, вы куда? — спросил он.

— Мы? Мы в морг, — опешив, ответил Игоревич.

В коридор осторожно, словно чего-то опасаясь, вышли Вадим и Жора. Вадим в левой руке держал папку с надписью «Вестница смерти».

— Туда не стоит ходить, — сказал Жора и закрыл за собой дверь.

— Это почему же? — удивился Николаич.

Жора замычал, пытаясь показать руками, что там происходило.

— М — мы... Э — э — э... Да здесь... Да там...

— Если короче, — перебил его Вадим, — то смысл в том, что там летало и, возможно, еще летает какое-то странное светящееся облачко. Так вот, это облачко прикасалось к людям, и они сразу же рассыпались в пыль.

Игоревич взглянул на реакцию Николаича, а затем кинул недоверчивый взгляд на Вадима.

— Что за бред ты несешь? — спросил он.

— Хотите верьте, хотите не верьте, — ответил Вадим. — Но мы все это видели своими глазами.

— Как? Вот так просто брали и рассыпались?

— Они исчезали на глазах, крошились на мелкие пылинки. Понимаете, это невозможно выразить словами, это надо видеть...

На лице Николаича мимолетно появилось выражение сильного отчаяния, на глазах его заблестели слезы.

— Нет, это еще не конец всему... Она жива... До нее эта гадость не дотронулась... Просто мы неудачно разошлись и теперь никак не можем встретиться.

Начальник мастерской опустил голову и, больше не сказав ни слова, один двинулся в сторону морга. Жора вопросительно взглянул на Игоревича.

— Что это с ним?

Игоревич проводил взглядом Николаича.

— У него жена пропала, Варвара Семеновна, заведующая кухней. Может, знаете такую?

— Знаем! — сказал Жора. — Но мы ее нигде здесь не встречали.

— Ясно, — пробормотал Игоревич и бросился вдогонку за Николаичем. — Эй, постой!

Меня подожди... Мы ж договорились, что вместе будем искать твою Варвару.

Николаич остановился и повернулся к Игоревичу.

— Мне кажется, что уже поздно ее искать. Если б она была жива, то мы давно бы с ней встретились.

— Слышишь, умник! — разозлился Игоревич. — Мы толком нигде и не искали. А ты уже спешишь делать выводы.

— Ничего ты не понимаешь, — возразил Николаич. — Если б она собралась куда-то уйти из кухни, то обязательно предупредила бы меня.

Совещание в кабинете Магамединова подходило к концу.

— Прежде, чем мы разбежимся, — сообщил Николаев, — я хочу поговорить еще вот о чем. В одной моей палате, в которой не так давно появилась на стене «ледяная корочка» — так мы ее называем, — происходят довольно странные и необъяснимые вещи. А именно: в палате одна больная, ее зовут Анна, рассказывает другим на первый взгляд какие-то очень глупые истории. Я случайно услышал одну из них и был поражен тем, что она сбылась в реальном времени.

— Вы меня не очень-то удивили, — сказала Круглова. — Меня, например, уже давно преследует девушка в черном платье с вороном на плече.

— Я тоже встречался с этой девушкой в черном платье, — влез в разговор Магамединов.

— И мне она несколько раз приказывала покинуть больницу, — заявила Весюткина. — Но потом перестала меня беспокоить.

Николаев обиженно перевел свой взгляд с одного рассказчика про девушку в черном платье к другому.

— Эй! Эй! — возмутился он. — Я вообще-то первый начал. Может, вы меня дослушаете?

— Постойте, не кричите! — повысил голос Магамединов. — Ведь и у нас в палате появилась эта «ледяная корочка», надо бы посмотреть, не завелся ли в этой палате какой-нибудь рассказчик странных историй?

— Вы, наверное, говорите про нашу шестнадцатую палату, — задумалась вслух Круглова, — в которой никто не заразился. И все до одного отказались ее покидать.

Магамединов кивнул.

— Да-да, я говорю про шестнадцатую палату. Ладно, давайте, дослушаем Павла Петровича.

Николаев от возмущения секунд пять не сводил глаз от Магамединова.

— Ты не представляешь, Максим, как я поражен твоим благородством, — наконец-то произнес он саркастически и взглянул на всех остальных. — Я могу уже продолжать? Или еще кто-то хочет высказаться?

Отряд Ветрова расположился в мастерской Николаича. Сергей и Ольга сели прямо на стол начальника, скинув на пол все, что на нем лежало. Сергей прислонился головой к стене и прошептал:

— О боже, как я устал!

Оля тяжело вздохнула.

— Да, мы сегодня повоевали на славу, — сказала она. — Пятьдесят шесть «ногогрызов» за три похода и не одного раненого с нашей стороны. Результаты ошеломляют, — а затем с грустью добавила, — я тоже устала, если честно. Хочу домой, к маме под крылышко.

Сергей посмотрел на Олю с пониманием.

— Я даже боюсь думать о том, остались ли целы наши дома, и живы ли родители. — Он проглотил ком, подступивший к горлу. — Не видно ни конца, ни края этой ледяной равнины. Никто из нас не знает, где она заканчивается.

На глазах Оли выступили слезы.

— Скорее всего, мы уже никогда об этом не узнаем, — тихо произнесла девушка, и ее голос дрогнул.

Сергей, понял, что она сейчас заплачет.

— Эй, ты чего?

— Все нормально! Не обращай внимания.

По лицу Оли покатались слезы, она отвернулась и произнесла слова, которые рвали ее сердце на части:

— Просто страшно осознавать, что рядом не осталось ни одного близкого человека, ни мамы, ни папы, ни сестры... Ни Кирилла, который всегда умел сказать доброе слово. Я до сих пор не могу забыть, как он погиб.

Сергей подвинулся к Оле и обнял ее за плечи.

— Успокойся, Оля, ты не одна, — сказал он. — Я с тобой! И обещаю тебе, что не брошу тебя ни на минуту.

Оля на миг почувствовала тепло, заполняющее ее холодное сердце, и удивленным взглядом посмотрела на Сергея.

— Зачем я тебе, Сергей? — спросила она. — Не стоит обо мне так переживать. Не застрянь мы с тобой здесь, в этой гребаной больнице, ты, вообще не обратил бы на меня внимания.

Сергей осторожно и неуверенно погладил ее волосы.

— А я вообще до этой больницы ни на кого серьезно не обращал внимания. Не умею я с девушками общаться. Им со мной не интересно. Я по природе большая зануда.

Оля опустила голову на плечо Сергея.

— Я тоже не подарок.

В мастерскую, в которой отдыхал отряд Сергея Ветрова, вошли Вадим и Жора. Перед ними открылось помещение, заваленное неисправной медицинской техникой, заполненное тяжелым сигаретным дымом, и воняющее растворителями и красками. Они стали осматриваться по сторонам и увидели Марину, Кристину, Тамару, Полину и Артема, сидящих на деревянных скамейках возле склада запчастей, а также Олю и Сергея, расположившихся на массивном рабочем столе Николаича. Психоза и дядя Ваня точили на вращающихся наждачных кругах самодельные ножи.

— А я-то думал, что мы здесь будем одни, — заскулил Жора.

— Они нам не помеха, — прошептал Вадим и двинулся к стене, из которой торчала ярко-зеленая батарея.

Вадим и Жора практически проскочили мимо стола, на котором сидели Оля и Сергей. Вадим на всякий случай кивнул. Жора же в сторону ребят и вовсе не стал смотреть, не посчитав это нужным.

— Эй, а вы кто такие? — крикнул им Ветров.

Вадим и Жора остановились. Вадим развернулся и подошел к столу.

— Студенты мы! — гаркнул он.

Жоре такой ответ не понравился.

— Почти врачи! — добавил он для солидности.

— Мы тут временно расположимся, — сказал Вадим. — Если вы не возражаете.

Сергей изучающе посмотрел на студентов. Жора нетерпеливо потянул Вадима за руку.

— Он не возражает. Пошли.

— Здесь отдыхает мой отряд, — решил разъяснить кое-что Сергей. — Если вы хотите стать его членами, то располагайтесь, если нет, тогда скатертью дорога.

Жора отпустил руку Вадима и на всякий случай встал за его плечом.

— Членами? — переспросил он, пробежался взглядом по сторонам и остановился на Марии, Кристине и Тамаре, а затем, улыбаясь, спросил у Сергея. — А у вас что, своих не хватает?

Сергей невольно улыбнулся в ответ. Оля не выдержала и громко засмеялась. Вадим, наоборот, почему-то испугался и похлопал Жору по плечу.

— Вы на этого баламута внимания не обращайтесь, — попросил он и протянул свою руку Сергею. — Меня Вадимом зовут.

Командир отряда пожал ему руку.

— Сергей.

— А меня Жорой, — протянул баламут, — если что.

Сергей пожал руку Жоре и уже хотел дать добро на то, чтоб студенты отдыхали вместе с его отрядом, но Вадим вдруг произнес:

— Мы владеем очень ценной информацией, и нам надо добраться до тех, кто здесь реально рулит.

— И что же вы такого ценного знаете? — неторопливо спросил Сергей.

Вадим стал рассказывать:

— В подвале больницы мы нашли какие-то очень странные двери, за которыми — узкий коридор. Так вот, этот коридор ведет к лестнице, а та, в свою очередь, уходит глубоко вниз, под землю. Спускаясь по ней, мы обнаружили около десяти подземных этажей. После десятого лестница упирается в стену, и можно было бы считать, что это самый последний подземный этаж. Но это не так...

— Почему не так? — поинтересовался Сергей. — Есть еще какая-то лестница?

— Нет, лестницы как раз никакой больше нет. Но имеется странная шахта, которая уходит еще дальше вниз.

— Вы не пробовали залезть в эту шахту? — спросила Оля.

— Нет, — ответил Вадим. — Побоялись, если честно.

— Вадим несколько раз кидал ключи в шахту, — стал объяснять Жора. — Дно у нее, похоже, неглубоко, но насколько — мы с уверенностью сказать не можем.

— Это все, что вы хотели рассказать? — спросил Сергей.

— А этого мало? — удивился Жора.

Сергей пожал плечами. Вадим наклонился к нему и прошептал:

— Там в подземных этажах кто-то обитает и этот кто-то — не человек.

— У него звериная морда такая, — добавил от себя Жора.

— Да, репа у него здоровая и мерзкая, — произнес Вадим. — Я таких сроду не видел.

Сергей слез со стола, распрямил затекшие плечи, положил ладони на шею и покрутил головой в разные стороны.

— Так, давайте завтра пойдем и поймаем эту тварь, — сказал он.

— Поймать, может быть, и поймаем, — пробубнил Вадим, задумавшись о чем-то. — А вдруг она там не одна?

— Так и мы не одни пойдем, — успокоил его Сергей. — Смотри, сколько у меня бойцов. Все в бой рвутся.

Внезапно раздался тихий, очень неприятный звук, похожий на скрежет по металлу. Громкость звука стала медленно нарастать.

Этот невыносимый писклявый звук шел откуда-то снаружи — с улицы.

— Брр! — вскрикнула Оля. — Что это такое?

— О, сука, — скривился Сергей. — Как по нервам скребет-то!

— Вот это жуть! — согласился с ним Вадим.

Он зажал уши и посмотрел на окно.

Снаружи по разрисованному морозом стеклу что-то ползло, и как только оно полностью с той стороны этим чем-то покрылось, в глаза людей, которые смотрели в этот момент в окно, ударил сильный яркий свет. Они сначала вскрикнули и закрыли ладонями глаза, потом повалились на пол и забились, как в приступе падучей болезни, громко крича от боли, пронзившей их головы.

Жора упал на колени и обхватил ладонями голову Вадима.

— Вадим! — завопил Жора. — Вадимушка, что с тобой?

Вадим убрал руки от лица и открыл глаза. Они стали как молоко, а сами зрачки растворились в этой пустой белой жидкости.

— Жора, помоги мне! — закричал Вадим. — Я ничего не вижу!

Во дворе в это злобное сумеречное время было не просто тихо, а абсолютно тихо — ни звука, ни шороха, ни возгласа. Словно живой мир умер в холоде, который стал главным и подавляющим в новой реальности. Здание больницы от земли до второго этажа покрыла ледяная пленка, периодически сверкающая ярко-синим светом.

Все вокруг замерло в ожидании чего-то неизбежного, рокового...

Иван Сергеевич Хмельницкий сидел за узким, но длинным столом, расположенным в центре кабинета, и делал какие-то записи в своем ежедневнике. За его спиной, в кресле в углу, тихо дремал Хлебников, странный тип, возомнивший себе главврачом больницы.

Хмельницкий перестал писать и, засунув ручку в рот, задумался о чем-то. Он улыбнулся, потом перечеркнул все, что написал, вырвал испорченный лист из ежедневника, скомкал его и выбросил в мусорное ведро, в котором уже лежало несколько таких бумажных комков.

В кабинет кто-то три раза постучался. На лице Хмельницкого появилось раздражение, он небрежно отбросил в сторону ручку, поднял голову и громко произнес:

— Войдите!

Открылась дверь, и в кабинет вошел Николаев. Он остановился напротив Хмельницкого и, опершись руками на стол, уставился на него.

— В чем дело, Павел?! — спросил Хмельницкий.

— Добрый вечер, Иван Сергеевич, — вместо ответа сказал Николаев. — Что-то вас давно не было видно в нашем отделении. Решил сам к вам зайти.

Хмельницкий драматично развел руками.

— Сам видишь, какая ситуация в больнице. Мне некогда возиться с каждым по отдельности. Я решаю общие вопросы по урегулированию всего. А вам уж приходится разгребать остальное — на то вы и поставлены руководителями, каждый в своем отделении.

Хлебников, тихо похрапывающий в углу, внезапно затих и открыл один глаз.

— Николаев, это ты, что ли? — вскрикнул он.

Николаев вздрогнул и кинул любопытный взгляд на Хлебникова.

— Простите, мы разве знакомы?

— Наверное, нет, — ответил мужчина в кресле, и выражение его лица стало грустным. — Я, скорее всего, ошибся... Или сошел с ума.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — прицепился к нему Николаев.

Хлебников неуверенно пожал плечами.

— Так все-таки вас зовут Павел Петрович Николаев?

— Да, так оно и есть.

— Посмотрите на меня, — жалобно попросил Хлебников. — Неужели вы меня ни разу не видели? Или не помните?

Николаев внимательно рассмотрел Хлебникова.

— У меня хорошая память на лица, — произнес он. — Мы с вами ни разу не встречались. Ну, а если и встречались, значит, это было очень давно.

Хмельницкий взглянул на Хлебникова и стукнул кулаком по столу.

— Павел Петрович... Паша! Не обращай внимания на этого человека. Он из-за всего происходящего потерял рассудок и утверждает, что он главврач этой больницы. Я даже не спешу его в этом разубеждать, чтобы не навредить его психике окончательно.

Хлебников тяжело вздохнул. Николаев, кинув мимолетный взгляд на Хмельницкого, вновь с серьезным выражением лица уставился на странного человека, который утверждал, что знает его.

— Очень тяжело мне осознавать то, что я сошел с ума, — заговорил Хлебников. — Я чувствую себя нормальным, способным адекватно воспринимать окружающее. Но меня мучает такое ощущение, что я потерял мир, в котором жил. И каким-то чудом попал в ваш, который очень похож на мой, но не совсем. Что-то в нем не так. Например, в моем мире мы с вами знакомы, а в этом нет.

Николаев машинально провел рукой по щеке и ответил:

— Знаете, нам всем в последнее время кажется, что мы живем в каком-то чужом мире. Так что вы меня не удивили.

— Поймите, вы рассуждаете, исходя из общей картины происходящего, — произнес отчаянным голосом Хлебников. — А я говорю об индивидуальных отличиях.

Николаев сел на стул.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите мне сказать.

— Я не могу все сразу объяснить. Я долго ходил по больнице, наблюдал и анализировал все происходящее. И отметил для себя очень много парадоксальных вещей. К примеру, ваш мир — назовем его вашей реальностью — изменяется под воздействием каких-то факторов к худшему, но вы в вашем мире почти все друг друга в этой больнице знаете. У меня же проблема другая. Я почти всех вас знаю, могу назвать поименно. Знаю больницу, как свои пять пальцев, могу рассказать, где и что находится, за исключением некоторых нюансов. Но в этой больнице никто не знает меня.

— Да, — неприятно ухмыльнулся Хмельницкий, — тяжелый случай.

— Можно даже сказать — странный, — прошептал Николаев.

Хлебников вскочил с кресла и закричал, не контролируя свои эмоции:

— Дослушайте меня! Может быть, произошел какой-то сдвиг между реальностями, и именно из-за этого пострадали люди? Только каждый из нас пострадал по-разному. То есть, у каждого его реальность изменилась не одинаково. Допустим, у меня намного сильнее, чем у вас, Павел Петрович, а у вас, Иван Сергеевич, намного слабее, чем у Павла Петровича.

Хмельницкий топнул ногой и со злостью посмотрел на Хлебникова.

— Прошу вас! — разгневался он. — Не продолжайте больше этот бред.

Хлебников моментально опустил голову и сел обратно в свое кресло. А Хмельницкий тем временем набросился на Николаева:

— Павел Петрович, ну право же! Мы с вами умные люди и не должны слушать всех подряд, иначе точно сойдем с ума. Он же мыслит, как шизофреник. Выстроил свой мир в голове, со своими же законами, и нас пытается затянуть туда же.

Николаев задумчивым взглядом пробуравил толстый лоб главврача, заставив его чуть-чуть понервничать, снисходительно улыбнулся и ответил:

— Согласен. Не будем разводить демагогию. Я пришел к вам по другому вопросу. У нас появился кое-какой план, и мы хотим его согласовать с вами.

— Я весь внимание, — сказал Хмельницкий. — Давай, вводи меня в курс дела.

Магамединов, надев на себя защитный костюм, вышел из своего кабинета в коридор, посмотрел налево, и его сердце неприятно стукнуло в груди. По коридору, поникнув головой, шла Весюткина. Она вся сгорбилась, руки ее неестественно повисли.

Максим Викторович сорвался с места и бросился следом за ней.

— Инга, стой! — закричал он.

Весюткина обернулась и с грустью посмотрела в глаза Магамединову.

— Инга, тебе надо отдохнуть, — произнес он.

— Мне некогда, — ответила Инга Вацлавовна.

Магамединов опустил тяжелую руку на плечо Весюткиной.

— Поверь мне, все самое мрачное скоро останется позади.

— Ты сам в это не веришь, — истерично хохотнула она. — Зато других постоянно в этом убеждаешь.

Магамединов в бессилии скрипнул зубами.

— Инга, гони прочь чувство отчаяния. Я тебя умоляю. Лучше подумай о надежде. Все будет хорошо, вот увидишь.

Инга отвела взгляд в сторону.

— Нельзя жить только одной верой и надеждой, — ответила она. — В нашем положении — тем более. Необходимо опережать события на несколько шагов вперед. Мы же плетемся где-то позади паровоза.

— Почему же позади паровоза?

— Да потому! Никто из нас по-настоящему не пытался найти первопричину всего происходящего. И все мы боролись только с последствиями. А это — гиблый путь.

— Я согласен с тобой. Но беда в том, что надо за что-то зацепиться. Только так мы сможем найти первопричину, — сказал Магамединов и обнял за плечи Весюткину. — И для меня очень важно, чтоб ты не падала духом.

Весюткина прижалась к Магамединову, с душевной болью и нежностью посмотрела в его усталые, но добрые глаза.

— Ох, Максим! Если б ты знал, как мне в свое время не хватало твоей ласки. Ты так и не заметил, что я была в тебя влюблена. Тебя от меня уносил стремительный взлет твоей карьеры, из-за которого ты на меня просто не обращал серьезного внимания. Ты видел во мне только друга, но не женщину. И это для меня было так странно... Знаешь, я ведь, дура, все время на что-то надеялась. А когда в твоей жизни появилась Катерина, я чуть не свихнулась. Но, слава Богу, нашла в себе силы и никому не показала свои страдания.

Магамединов осторожно убрал руки с плеч Весюткиной.

— Э — э — э... — забормотал он. — Ты, конечно же... Меня удивила...

Весюткина приставила палец к губам и, глотая слезы, попросила:

— Все! Забудь, Магамединов! Иногда женщине надо высказаться.

— Ага-а... — растерянно прошептал Максим Викторович.

Весюткина наигранно улыбнулась.

— Кстати, я совсем забыла, Николаев тебя искал. Просил передать, чтоб ты поднимался к нему на этаж и в первой операционной устраивал свою лабораторию.

— Так и сказал?

— Да, давай чеши, пока он не передумал.

Магамединов повернулся, сделал несколько шагов, потом вновь обратил взгляд к Инге Вацлавовне.

— Спасибо, Инга. Я только микроскоп и свои записи из кабинета заберу.

Анфиса сидела на стуле возле железных дверей. В руках у нее был большой железный ключ. Она по поручению Магамединова охраняла вход в отделение, впускала и выпускала врачей и санитаров.

— О боже, как я хочу спать! — сказала девушка сама себе.

И тут же раздался цокот каблучков. Минувя пост дежурной медсестры, к ней приближалась Весюткина.

— Ну, как у тебя, Анфиса, дела? — спросила Инга Вацлавовна.

— Сил больше нет, — пожаловалась девушка. — Ужасно спать хочу.

Весюткина кивнула.

— Сейчас что-нибудь придумаем. А куда санитары подевались? Ты их не видела?

Анфиса громко вздохнула.

— Пошли узнавать, будет ли сегодня ужин. Говорят, Николаич там колдует с каким-то мужиком. А жена его и рабочие кухни все бросили и куда-то ушли, вот он за них и отдувается.

— Все ясно, — сказала Весюткина и улыбнулась. — Тогда тем более, Анфиса, иди, отдыхай, только ключи мне отдай. Мало ли что, вдруг понадобятся.

— Я тогда тоже в столовую пойду, — обрадовалась Анфиса. — Съем чего-нибудь...

Она протянула ключ Весюткиной, и та небрежно кинула его в карман белого халата.

— Давай, давай, а отдыхать после этого советую в хирургии или в ожоговом. Здесь это явно не выйдет.

Анфиса вышла на лестничную площадку и закрыла за собой дверь. В коридоре раздались еще чьи-то шаги, и через несколько секунд к Инге Вацлавовне подошла Круглова.

— Эй, Весюткина, я не поняла, ты чего без костюма?

— Не переживай — сейчас надену, — ярко улыбнулась Инга Вацлавовна, показывая свое хорошее настроение. — Устала я в нем ходить.

— Нет, так, подруга, не пойдет! — возмутилась Елена Степановна. — Иди оденься. Это

тебе не эпидемия гриппа!

— Хорошо-хорошо, — закивала Весюткина. — Тебя там зачем-то Николаев звал. Просил, чтоб ты к нему в кабинет поднялась.

Круглова хитро прищурила глаз.

— О! — усмехнулась она. — Вот так и рушатся непробиваемые стены! Осталось выкинуть его глупые рисуночки и хорошенько поговорить по душам.

— Давай, голубь сизокрылый, лети к нему побыстрее, — поторопила Инга Вацлавовна. — А то он передумает.

Круглова отстегнула верх защитного костюма, под ее глазами виднелись темные круги. Она открыла железную дверь и вышла на лестничную площадку, запрыгнула на ступеньку и обернулась, шутливо улыбаясь.

— Я вот не знаю, мне сразу к нему? Или пойти душик для начала принять?

Весюткина выглянула на лестничную площадку и доброжелательно улыбнулась:

— Сразу. У него душевая получше, чем у нас. Там друг другу спинки и потрете.

Круглова вдруг спрыгнула со ступеньки и сделала шаг в сторону Весюткиной.

— Ну уж нет... А как же мое вечное: «Я подумаю»?

Улыбка мгновенно сползла с лица Весюткиной.

— Нечего думать! — неожиданно закричала Инга Вацлавовна. — Держись за него! Он умный, сильный и отчаянный мужик. Выносливый! С ним у тебя будет больше всего шансов выползти из этой пропасти!

Весюткина отступила на шаг назад и захлопнула у Кругловой перед носом железные двери, не дав ей опомниться. Елена Степановна, ошарашенная поступком подруги, осталась стоять одна на лестничной площадке. В замке раздался скрежет ключа, которым Инга Вацлавовна закрыла замок на два оборота.

Круглова испугалась:

— Эй, Инга, ты что?! Ты закрылась?! У нас ведь ключ один на всех. Мало ли что...

За дверью воцарилась тишина. Зрачки Кругловой расширились от страха. Она ударила кулаком в дверь.

— Весюткина! Открой немедленно! Ты что задумала?!

ГЛАВА 8. Фатальные ошибки

В операционную хирургического отделения два санитары — Лебедь и Бобров — внесли длинный стол и поставили его у стены.

— Спасибо за помощь, — сказал Магамединов. — Мне бы еще компьютер сюда.

— Мы сходим на кухню, похаваем чего-нибудь, а затем уже найдем вам компьютер. Хорошо, Максим Викторович?

— Хорошо. Только не задерживайтесь долго.

— За полчаса справимся.

Магамединов бросил на санитаров злой взгляд.

— Да мы быстрее поедим, — пообещал Бобров. — Нам и пятнадцати минут хватит.

— Вбейте себе в голову как истину: время сейчас играет против нас, — не выдержал Максим Викторович. — Каждая минута на счету. Не относитесь ко времени с такой расточительностью.

Лебедь и Бобров кисло улыбнулись и вышли из операционной. Магамединов подошел к столу и выложил из кожаной мужской сумки на стол три черных папки, две истории болезней и свой ежедневник.

В операционную заглянул Николаев.

— Я вообще-то сам хотел предложить тебе, чтоб ты сюда перебирался. Но вижу, ты и без моего предложения неплохо справился. Магамединов медленно закрыл кожаную сумку на замок.

— Так мне, — забормотал он, — Весюткина сказала, что ты... О, черт! Как я сразу не догадался?!

— О чем ты не догадался?

Магамединов отчаянно ударил кулаком по столу, потом еще раз и еще.

— Черт! Черт! Черт! — взвыл он. — Я знаю, почему она так поступила!

— Ты можешь мне хоть что-нибудь объяснить? — попросил Павел Петрович.

— Да, что тут объяснять! Весюткина в последнее время только и давала всем советы.

Обратите внимание на то, на это...

— Ты хочешь сказать, что она... заражена?

Магамединов кивнул и тихо произнес:

— И как же я это сразу не заметил?

— Просто мы все очень сильно устали, — ответил на это Николаев, — и много чего не замечаем.

Максим Викторович и Павел Петрович секунд десять смотрели друг другу в глаза. Магамединов бросил сумку в сторону, она заскользила по столу и остановилась на его краю.

— Черт! Я этой потери не перенесу! — закричал Максим Викторович.

Друзья, не сговариваясь, в один миг сорвались с места. Они выбежали из операционной и понеслись, сломя голову, по темному коридору, в котором горело только две лампы.

— Вот же дура! — орал Магамединов. — Но также нельзя!

Николаев оттолкнул в сторону попавшегося на пути больного и попытался успокоить Максима Викторовича:

— Не реви! Может еще все обойдется! Может быть, ты сделал ложные выводы.

— О, господи, как я хочу, чтоб я ошибался! — взмолился Магамединов.

Круглова медленно опустилась на серый пол, оперлась головой о железные двери, и по ее щекам покатились слезы.

— Инга, не оставляй меня здесь одну, — зашептала она. — Инга, пожалуйста. Я без тебя пропаду...

— Успокойся немедленно, Лена! Успокойся, дорогая! — раздался за дверью усталый голос Весюткиной. — Сейчас не время для слез. Поднимайся и иди навстречу судьбе. Что тебя ждет впереди, никто не знает...

Инга Вацлавовна закашлялась. Приступ кашля затянулся надолго. И только через минуту бедная женщина смогла продолжить разговор, который отнимал у нее последние силы:

— Но ты должна выжить любой ценой, — заговорила она. — Ради того, чтобы улыбнуться солнцу, которое растопит эту ледяную ловушку и вновь придаст жизни смысл.

Круглова впала в истерику. Она заорала:

— Все, что ты говоришь — это полный бред! Я даже слушать этого не хочу! Открывай двери, немедленно, соплячка ты этакая! Я сама разберусь, что мне делать и как.

— Успокойся немедленно! — повторила Весюткина. — Это я должна плакать, а не ты.

Этажом выше раздался скрип двери, а затем топот ног. Николаев и Магамединов, спустившись по лестнице, встали рядом с Кругловой.

— Она, что там, закрылась? — спросил Максим Викторович.

Круглова шмыгнула носом и кивнула.

— Так это не проблема! — заявил Николаев. — Я сейчас эту дверь выломаю!

Павел Петрович схватился за ручку и резко дернул дверь на себя. В результате в руках у него осталась вырванная дверная ручка. Он выругался матом и проглотил ком, подступивший к горлу.

Весюткина улыбнулась, представив опешившего Николаева. Инга Вацлавовна сидела на полу, опершись правым плечом о двери. Она ужасно устала, физические и душевные силы покидали ее, оставляя после себя слабость, нежелание бороться и внутреннюю пустоту. Этот разговор для нее был настоящей пыткой.

Весюткина понимала, что ей нужно будет убедить друзей не предпринимать никаких попыток для ее спасения. Не стоит им напрасно рисковать своими жизнями. Смысла в этом нет никакого.

А значит, она должна держаться. Она еще нужна умирающим. Не зря же она приготовила девять уколов с быстродействующим ядом и пять уколов с наркотиком, гарантирующим, пускай не быструю, но приятную смерть. Не всем, конечно, хватит, но хоть кто-то напоследок почувствует себя счастливым.

— Остановитесь и замрите! Если вы попытаетесь выломать дверь — я покончу с собой в считанные секунды.

— Что ты творишь, Инга! — закричал Магамединов. — Опомнись! Может еще не все потеряно, а ты уже бросаешься в такие крайности.

— Мне осталось три, максимум, четыре часа жизни. Скоро я начну превращаться в зверя. И я не хочу, чтобы вы меня запомнили с большим вздутым животом и неконтролируемыми звериными повадками. Прошу вас — ради меня, ради того, что я когда-то жила на земле, — примите верное решение и не дайте этой заразе атаковать вас. Во что бы то ни стало, остановите этот адский праздник смерти.

Николаев отвернулся от железной двери.

— Друзья, мне трудно это признавать, но она права: нечего нам там делать, — проговорил он. — Мы не имеем права подвергать себя риску. Мертвым и умирающим мы ничем уже не поможем, а вот живым еще понадобится.

Магамединов отчаянным взглядом посмотрел на Николаева.

— Ты что такое говоришь? Мы оставляем ее в таком аду, что врагу не пожелаешь.

— Дурак ты, Магамединов! — громко сказал Павел Петрович. — Она не хочет твоей жалости и твоих соплей — она хочет, чтоб ее смерть была последней в этом чертовом списке смертей!

Магамединов от удивления раскрыл рот и несколько секунд молча смотрел на Николаева. Максим Викторович вспомнил свою первую встречу с девушкой в черном платье и с вороном на плече. Она тогда ему сказала: «Кто-то стер тебя из списка смертей. Видимо, у тебя появился сильный покровитель, определи его и наладь с ним связь».

— Я не понял! Повтори еще раз! — попросил Магамединов Николаева. — О каком списке ты говоришь?

Неожиданно на вопрос Максима Викторовича ответил пьяным и взволнованным голосом Погодин:

— Он говорит словами одного из героев книги «Вестница смерти».

Магамединов обернулся и увидел неизвестно куда пропавшего завхоза терапевтического отделения, который медленно спускался по ступенькам к ним на лестничную площадку.

Николаич и Игоревич совершили в определенном смысле подвиг. Вернувшись после неудачных поисков в пищеблок, они успели приготовить для всей больницы ужин. Работа оказалась нелегкой, но мужчины справились.

Время шло к ночи. Игоревич наводил порядок на кухне, а Николаич выкладывал из большой кастрюли в кастрюлю поменьше перловую кашу с тушенкой.

— Из терапии не пришли за едой, — сообщил Николаич, — и из ожогового отделения.

— Из терапии точно никто за едой не придет, — сказал Игоревич. — А вот из ожогового, я думаю, скоро подтянутся.

Николаич выгреб из кастрюли большой ложкой остатки каши, перевернул кастрюлю и застучал по ней ладонью.

— Надо нам с тобой, Игоревич, помощников на кухню искать. Одни мы тут не управимся.

— Может быть, не стоит добровольно на себя взваливать эту тяжелую работу?

— Я тебя здесь не держу, если хочешь — уходи!

— А Варвару свою ты собираешься дальше искать или же поискал и хватит?

— Я почти всех, кто сюда заходил, просил о том, что если они увидят где-нибудь Варвару, то пускай дадут мне об этом знать.

Игоревич осуждающе покачал головой.

— Нет! Так не пойдет. Нам с тобой самим хорошо бы обойти больницу, заглянуть в каждую палату и в каждый кабинет. Только тогда можно будет считать, что мы сделали все, как надо.

Николаич взглянул на Игоревича и подумал о том, какой же он все-таки странный человек.

— Тебе-то что до моей Варвары? Какая тебе разница, найду я ее или нет?

— О, как ты заговорил! — удивился Игоревич. — А раньше все меня за собой тянул. Пошли вместе искать.

Николаич в ответ устало махнул рукой.

— Это было раньше.

— Ну и как хочешь, — разозлился Игоревич. — А я пойду и найду ее. И женюсь на старости лет. Скажу ей, твой мужик на тебя плюнул, бросай его и выходи за меня.

— Иди-иди! — усмехнулся Николаич. — Ты даже не знаешь, как она выглядит.

— Ничего страшного, я ее по запаху узнаю, — ответил на это Игоревич. — От нее, скорее всего, борщом и жареными котлетами пахнет.

Николаич замахнулся пустой кастрюлей на Игоревича.

— Чего-чего ты сказал?! — заревел он, как медведь. — А ну, повтори!

Игоревич отступил на шаг назад.

— Спокойно! — закричал он. — Каждый сам выбирает, чем бы ему хотелось заняться.

— Умник, иди кастрюли мой! Помоешь, потом будем думать, что дальше делать.

Игоревич спиной уперся во входные двери.

— Хорошо, хорошо! Ты только кастрюльку на место поставь.

— Пойми, дурень, — ревел, не успокаиваясь Николаич, — нельзя кухню оставлять без присмотра. Кто-то здесь должен оставаться за старшего, иначе ее быстро разбазарят голодные засранцы. Растаскают все, что здесь лежит, — затем он немножко успокоился и добавил. — Вот такие пирожки, ёлки — палки!

Игоревич потер виски и спросил:

— Николаич, ты не чувствуешь, что дышать стало как-то тяжелее, словно кислорода здесь становится все меньше и меньше?

— Я сам об этом у тебя хотел спросить...

Николаев, Магамединов и Круглова уставились на Погодина, как на живого мертвеца. Он был похож на грязного, помятого двухметрового Кощея Бессмертного, по несчастному лицу которого было видно, что кто-то нашел его смерть в яйце и аккуратно приложился к ней ногой.

Магамединов хлопнул его по плечу.

— Погодин, черт побери, ты где пропадал все это время?!

— Это долгая и очень грустная история, — стал объяснять свое исчезновение завхоз. — Какая-то тварь уничтожила меня в одно мгновение. Она украла все мои распечатанные книги. И стерла все мои творения, сохраненные в ноутбуке.

— Ничего себе! — воскликнул Магамединов.

— Когда я обнаружил пропажу, то подумал, что это чья-то злая шутка. И бросился искать виновника. Я заходил в каждый кабинет — но так ничего и не нашел. Тогда я взвыл хуже волка, а потом нажрался спирта в пульмонологии до чертиков.

Погодин достал из кармана пачку сигарет, щелчком выбил из нее сигарету и закурил. Он удивился тому, что никто не засмеялся над ним и его бедой.

— А когда проспался и пришел в себя, — продолжил свой рассказ Павел Петрович, — понял, что от сильных переживаний мне снесло башню.

— Башню снесло не одному тебе, — успокоил его Николаев. — Поэтому можешь расслабиться.

Погодин сплюнул себе под ноги и замотал головой.

— Легко сказать — расслабься. Я еще вам не сказал самого главного. Все, что сейчас происходит в больнице, очень похоже на сюжеты двух моих романов. У меня волосы становятся дыбом, когда я слышу, как кто-нибудь дословно цитирует героев моих

произведений.

— Каких, еще к черту, произведений?! — вскрикнула Круглова.

— «Молчание» и «Вестница смерти»... Моя фантазия каким-то образом ожила... И чтоб все прекратить, эту фантазию надо уничтожить. Найти все мои книги и сжечь их!!! А самое главное — сжечь романы «Молчание» и «Вестница смерти», остальное не так страшно...

Магамединов обвел всех взглядом и тихо произнес:

— Ну вот, она — первопричина, которую мы все так долго искали.

— Можешь убить меня, но никакой первопричины я здесь не вижу, — не согласился с ним Николаев. — Фантазии не имеют свойства самостоятельно оживать.

Магамединов развел руками и мрачно улыбнулся.

— Как видишь, — сказал он, — в правилах бывают исключения. Фантазия Погодина взяла и ожила.

— Какой смысл сейчас спорить? — вмешалась в разговор мужчин Круглова. — Давайте найдем эти проклятые книги и уничтожим их.

— Извините, но я этой ерундой заниматься не буду, — сказал Николаев. — Есть дела и поважнее. Кстати, главврач категорически запретил осуществлять план Весюткиной. Сказал, что этим планом мы поднимем неконтролируемую волну паники.

Раздался звук слабого удара по железной двери. Это не выдержала Весюткина и хлопнула кулаком по ней.

— Да что вы все до сих пор стоите у этой двери! — зашептала она. — Не дарите свое время неизвестно чему или кому. Крушите, переворачивайте все вверх дном, ищите причину происходящего или тех, кому все это нужно. Но ни в коем случае не стойте на одном месте.

Николаев тяжело вздохнул, его лицо перекосила душевная боль.

— Прощай, Весюткина! — громко произнес он. — Спасибо тебе за все твои советы. Мы обязательно ими воспользуемся.

Магамединов положил ладонь на дверь, по щеке побежала слеза.

— Прощай, Инга, и прости за то, что не заметил твою любовь. Я знаю, что эта любовь была бы самым великим моим счастьем...

— Мужики, я вас умоляю, давайте без этих трогательных прощаний. Я умирать собираюсь, конечно, но не сейчас! — прервала его Инга.

Круглова, чтобы не завывать при всехтихонечко взвыла, сорвалась с места и побежала вниз по лестнице.

— Вы как хотите, а я отправляюсь на поиски книг, — крикнула она срывающимся голосом.

Магамединов, долго не раздумывая, схватил за плечо завхоза и потянул его за собой.

— Постой, я и Погодин составим тебе компанию.

Весюткина грустно улыбнулась и произнесла на прощанье:

— С Богом друзья! Удачи каждому! Надеюсь, что вы еще не скоро заявитесь на небеса.

Вадиму было очень страшно. Он потерял зрение! Опустив голову на колени, он сидел на холодном бетоне возле стола Ольги и Сергея, Он усодном а холодном полутер руками пустые, молочного цвета глаза и, борясь с паникой, прислушивался к мрачным звукам темноты, среди которых были и человеческие голоса.

Вадим вздохнул. Он никак не хотел мириться с создавшимся положением. Сплошная темнота и голоса людей раздражали его, и он больше всего боялся психически сломаться,

завыть от безнадёги.

— Я долго думал об этих странных подземных этажах, — заговорил Вадим. — И вот что мне не дает покоя. Мы с Жорой спускались вниз по лестнице и обнаружили первый вход в подземный этаж на уровне восьмого подземного этажа, если считать эти странные этажи сверху вниз. А вот на первых семь этажей входа не было.

— Значит, нет там этих семи первых этажей, — сказал Сергей.

— А я все думаю, что они есть, — возразил Вадим. — Просто эти этажи, в целях чей-то безопасности, скрыты от посторонних глаз.

— И чего тебе сдались эти скрытые этажи?

— Неужели ты не понимаешь, — удивился Вадим, — что я, скорее всего, подобрался к разгадке всего происходящего в этой больнице. Я думаю, что если мы попадем на эти этажи, то найдем много ответов на интересующие нас вопросы.

— Знаешь, я столько за последнее время наслушался всякого бреда по поводу происходящего, — ответил на это Сергей, — что мне даже улыбаться в ответ стало впадлу.

— А я, кажется, догадался, как можно попасть на скрытые этажи, — влез в разговор Жора.

— Тут только дурак не догадается, — буркнул Вадим.

Сергей скептически улыбнулся и сказал:

— Если я все правильно понимаю, то речь идет о странной шахте, которая очень похожа на лифтовую.

— А чего ты лыбишься? — вспыхнул Жора.

— Да то, что эта шахта у вас как таблетка от всех болезней. Все, что только можно, вы сваливаете на нее. А она может быть самой обыкновенной шахтой, которая никаких ответов на ваши вопросы в себе не прячет.

Погодин проснулся в шесть часов утра на жутко холодном полу в вестибюле первого этажа из-за собственного, выворачивающего наизнанку, кашля. Он потянулся рукой к бутылке коньяка, в которой осталось граммов двадцать живительной влаги.

Петр Алексеевич открыл рот, вылил в него остатки коньяка и только после этого взглянул на Магамединова, который лежал посередине вестибюля и громко храпел.

Погодин откинул бутылку в сторону, она загремела на полу и медленно покатилась. Максим Викторович миг перестал храпеть. Он повернулся на спину и открыл глаза.

— Господи, как раскалывается башка, — пожаловался Кощей Бессмертный.

— Погодин, мы что, опять с тобой, как в старые добрые времена, нажрались до свинячьего визга? — осторожно, все еще надеясь, что он ошибается, спросил Магамединов.

Погодин с грустью посмотрел на пустую коньячную бутылку.

— Получается, что так, — ответил он.

Максим Викторович поднялся и уже в положении сидя стал интенсивно тереть свои уши, а затем виски.

— Не напомним, что мы отмечали?

Погодин попытался вспомнить, но вспышка головной боли перекосила все его лицо. Петр Алексеевич покрутил головой по сторонам, тихонечко выругался матом и заметил остатки костра: черные угли и обломки стульев.

— Так мы ж, — вскрикнул Погодин, — провожали в последний путь мою фантазию. Кремировали ее, короче.

— И что ты хочешь сказать, что нам с тобой для того, чтобы нажраться, хватило одной

бутылки коньяка на двоих? — спросил Магамединов, проводив взглядом «ногогрыза», который вылез из — под скамейки и вновь заполз под нее. — Нет, тут что-то не так...

— Можно, я тебя поправлю? — спросил Погодин.

Магамединов заторможено кивнул, не понимая, что хочет поправить Петр Алексеевич.

— Давай, валяй, — сказал он.

— Не на двоих, а на троих. С нами еще Круглова пила.

— Точно! — воскликнул Максим Викторович. — Интересно, куда же она подевалась?

Погодин икнул и неуверенно пожал плечами.

— Может, она побежала еще за одной... и-ик... чтоб догнаться.

Магамединов отчаянно вздохнул.

— Погодин, я тебя умоляю, — попросил он, — давай думать, как интеллигентные люди.

Во второй палате хирургического отделения утро начиналось намного хуже. На полу лежал какой-то человек, с первого взгляда трудно было определить, кто это. По его волосатой руке перемещались беловато-красные червячки, серые «жучки» и маленькие «ногогрызы». Все они озабоченно двигались в своих направлениях. Жизнь их шла своим чередом. Голова человека тоже кишела живностью, из-за которой не было видно его лица.

Неожиданно открылись глаза. Часть ползучих тварей разбежалась по сторонам. Зрачки осторожно покосились налево, затем направо...

Николаев чуть не закричал от ужаса, ползающего по нему. Сердце так сильно забарабанило внутри грудной клетки, что он сам почувствовал каждый его стук. Левая рука метнулась, одорвалась, сорвалась, стукнула и стряхнула с лица большую часть ползучих тварей. Павел Петрович осторожно приподнялся на локте и расширенными от ужаса глазами посмотрел на кровать, которая стояла рядом с ним.

На кровати лежал большой мужчина в возрасте сорока лет. Из его вздутого и треснутого живота выползали ползучие твари. Такими же тварями была усеяна вся кровать. Глаза несчастного испуганно бегали из стороны в сторону.

Николаев резко вскочил. Он начал бешено отряхиваться. За спиной Николаева раздался голос Маскутина — больного, который что-то ел и смачно чавкал:

— Я фигею от такого утра, Павел Петрович.

Николаев вздрогнул и медленно повернул голову. Маскутин сидел на своей кровати и ел... свою же руку. Пальцев на ней уже не было, из рваных ран текла алая кровь с примесью чего-то желтого.

Николаев заорал:

— Ты что творишь?!

— Я сам еще толком ничего не понимаю, — ответил больной. — Есть хотите? — спросил он и протянул Николаеву свою обглоданную руку, с которой капала кровь.

Павел Петрович почувствовал запах тухлого мяса, тут же согнулся пополам и содрогнулся от приступа рвоты.

Маскутин посмотрел на свою руку любопытным взглядом. Его зрачки расширились от ужаса — до его сознания начало доходить то, что он видел.

— О-ё! — прошептал он. — Что это с моей рукой?!

Затем осмотрелся по сторонам и заорал во всю глотку:

— А-а-а!!!

Николаев бросился к двери, нажал на ручку. Дверь не поддавалась. Тогда он налег на нее плечом и с шумом вылетел в коридор, в котором летали огромные черные мухи, и ползало

столько всякой гадости, что она образовывала живой писклявый ковер.

— Господи, объясни мне, — завыл Павел Петрович, — когда же мое отделение успело превратиться в ад?!

Николаев, шатаясь, побрел по коридору в сторону поста дежурной медсестры. На посту никого не было. Николаев зашел внутрь отгороженного дежурного поста и посмотрел усталым взглядом на пол.

На полу лежала Алена. Николаев наклонился и схватил ее за руку.

— Алена! Алена! — закричал он и стал трясти ее нежную ручку.

Дежурная медсестра открыла глаза и непонимающими глазами уставилась на Николаева.

— Что случилось? — спросила она. — Почему я на полу?

Игоревич и Николаич мелкими глотками прихлебывали чай. На кухне, кроме них, никого не было. Игоревич чувствовал себя хуже некуда. Его мучили и давление, и тошнота, и дикая слабость. Николаич же выглядел бодрячком. Он успел даже побриться.

— Со мной такое происходит второй раз, — сообщил начальник мастерских. — Я не могу вспомнить, как я ухитрился заснуть прямо за этим столом. Я даже не помню тот момент, когда меня потянуло на сон.

Игоревич кивнул и поставил свою кружку на стол. Руки его совершенно не слушались, они дрожали, как листья на ветру.

— Что-то мне совсем нехорошо, — пожаловался он. — Тошнит меня основательно. Все трясется, дергается, стены едут...

— Потерпи чуток, — сказал на это Николаич. — Должно пройти. Меня тоже сразу штормило, как только я проснулся.

Игоревич вытер ладонями свой лоб и мрачно улыбнулся.

— Ты, говоришь, не помнишь, как за столом заснул. А я не могу понять, как я ухитрился заснуть на грязной и мокрой плитке в моечной.

Николаич, допив чай, встал с пустой кружкой в руках.

— Да, тут есть о чем задуматься. Неспроста все это...

— Давай, Николаич, пока у нас есть время, пробежимся с тобой по больнице, — предложил Игоревич. — Попробуем поискать твою Варвару в хирургии и в других отделениях.

Открылись двери, и на кухню вошел главврач больницы с ежедневником в руках.

— Доброе утро, мужики! — поздоровался он, косо взглянув на Николаича, который мыл свою кружку.

Игоревич кивнул. Хмельницкий подошел к нему и пожал руку. Николаич домыл свою кружку и вернулся к столу, молча пожал руку Иван Сергеевича и сел на стул.

— Ну как ты, Николаич? — спросил Хмельницкий.

Николаич непонимающим и немножко встревоженным взглядом посмотрел на Хмельницкого.

— Нормально, а что?

Хмельницкий осторожно взглянул в глаза начальника мастерской и ничего не ответил. Николаич весь съежился и проглотил ком, подступивший к горлу.

Хмельницкий почесал затылок и отвел взгляд в сторону.

— Да, нет... ничего, — ответил он и заговорил о насущном. — Так, мужики, молодцы, что все здесь взяли в свои руки. Вот для чего я сюда пришел: считаю необходимым

увеличить объем порций в два раза. Продуктов у нас для этого хватает, и мы можем себе это позволить.

Игоревич удивленно взглянул на Хмельницкого. Затем на Николаича. Он попытался понять по его лицу, что тот про это думает.

Но на лице Николаича не было видно никакой реакции, такое ощущение, что он слова Хмельницкого пропустил мимо ушей, думая о чем-то своем.

— А зачем в два раза больше? — поинтересовался Игоревич.

— Это психологический прием, — пояснил Хмельницкий. — Сейчас все люди в больнице находятся на грани отчаяния, и увеличением пайки мы поднимем их дух, вызовем хоть какие-то позитивные эмоции.

— Тогда нам нужны помощники, — заявил Николаич, а затем поинтересовался. — Кстати, Иван Сергеевич, вы не знаете, куда подевались все работники кухни?

— Куда все подевались, я не знаю, — ответил главврач как-то заторможено, было видно, что на этот вопрос ему не очень хочется отвечать.

Николаич взглянул прямо в глаза Хмельницкого.

— Ну, хоть, про кого-то что-нибудь знаете?

Хмельницкий нервно обвел языком сухие губы. В глазах Николаича сверкнули непрошенные слезы.

— Иван Сергеевич, ну не молчите! — взмолился он. — Я чувствую, что вы что-то знаете!

Хмельницкий с выражением страдания на лице кивнул.

— По правде говоря, я думал, что ты уже в курсе. И потому, как только сюда зашел, сразу у тебя спросил: «Как ты»?

Николаев вместе с Аленой совершали обход своего отделения. Из-под дверей палат выползали беловато-красноватые червячки, похожие на опарышей, и серые жучки, по форме похожие на божью коровку. Под ногами хрустели ползучие твари. Вокруг обуви растекалась желтая слизь.

Павел Петрович поднял ногу, чтобы сделать очередной шаг, и слизь соплями повисла на подошве. Он открыл дверь палаты и заглянул внутрь, затем подошел к следующей и сделал то же самое.

Николаев заглянул практически во все палаты.

— Я не понимаю, — сказал он Алене, — куда подевалось процентов двадцать моих больных? Неужели они просто взяли и ушли из отделения? Дверь же была закрыта на замок...

Сергей Ветров стоял напротив своего отряда и, держа на плече согнутую в виде кочерги арматуру, внимательно оглядывал каждого бойца.

Психоза не выдержал молчаливого осмотра и нетерпеливо топнул ногой.

— Серега, пошли уже ловить зверя этого. Время тикает как-никак...

Сергей бросил осуждающий взгляд на Психозу и заговорил:

— Я призываю всех вас быть предельно осторожными. Только вчера я обрадовался, что у нас нет никаких потерь и — на тебе! — тут же ослепли два наших бойца и Вадим, тот самый парень, что рассказал нам про «Зверя».

— Это судьба, — вставил свои две копейки Психоза. — С этим ничего не поделаешь.

— Если честно, мы совершенно не знаем, на что способен наш противник, — сказал Сергей.

Отряд в ответ на эту реплику зашумел.

— Но и наших способностей они недооценили, — закричал Макето.

— Это точно, — поддержал его Шурик.

Капрон, негодуя, зарычал. Он шагнул вперед и взглянул на расшумевшихся товарищей.

— Цыц, всем! — гаркнул он. — Сергей дело говорит!

Сергей благодарно кивнул.

— Спасибо, Капрон, — произнес он и продолжил свою речь. — С каждым днем в этой больнице становится все меньше и меньше живых людей, а это значит, что с каждой потерянной жизнью наши силы уменьшаются. Скоро может случиться так, что сил наших будет недостаточно, чтобы противостоять всему тому, что здесь творится.

Сергей замолчал на секунду. Все его бойцы, молча, с серьезными выражениями на лицах, смотрели на него.

— Короче, не расслабляемся и не теряем бдительность, — подвел итог он. — И еще, нужно, чтоб кто-то остался тут в мастерских и присмотрел за теми, кто ослеп. Их тоже оставлять одних неправильно как-то.

— Пускай остаются все девушки, — внес свое предложение Капрон. — Мы справимся без них.

Оля тут же выскочила вперед и кинула умоляющий взгляд на Сергея.

— Нет, я не останусь! — закричала она. — Я пойду со всеми!

Сергей улыбнулся ей.

— С теми, кто ослеп, останутся Тамара и Полина, — решил он. — Остальным нечего сидеть тут без дела.

Затем Сергей обратился к Жоре.

— Ну давай, друг, показывай нам дорогу.

Жора выпятил грудь и рассек воздух согнутой арматурой.

— Да! Без меня вы никто и звать вас никак, — заорал он, довольный тем, что все на него обратили внимание. — Я, может, последняя надежда человечества!

Хмельницкий опустил руку на плечо Николаича.

— Мне очень жаль, Николаич, Варвара твоя вчера умерла. Ее сожрали изнутри ползучие твари. Когда она пришла за помощью в отделение хирургии, было уже поздно что-либо предпринимать.

Игоревич, переживая за друга всем сердцем, вскочил из-за стола.

— Вы точно уверены, что это была Варвара? — спросил он.

Хмельницкий с презрением взглянул на Игоревича.

— Что я, Варвару не знаю? Какие-то вы очень глупые вопросы задаете.

Николаич зажал рукой рот и застонал. Он отчаянно замотал головой, мол, это неправда, такого не могло случиться.

Хмельницкий отвернулся от Николаича.

— Прости, Николаич, что я тебе так поздно об этом рассказал.

Раздавленный горем Николаич смотрел на спину Хмельницкого, шедшего к двери.

— Я хочу видеть ее тело, — закричал он.

Хмельницкий остановился и обернулся.

— Прости, Николаич, но это невозможно. Ее тело выбросили через окно, как и тела других людей, погибших от этой неизлечимой заразы.

Николаича всего передернуло, и он, вскочив со стула, сорвался на крик:

— Как же вы могли, гады! Она такого не заслужила!!

Игоревич схватил за руку Николаича.

— Сядь, друг... Знаешь, ей, может, вообще повезло. Отмучилась твоя Варвара и уже не видит всего этого ада.

Николаич яростными глазами взглянул на Игоревича.

— Заткнись!

Хмельницкий, воспользовавшись моментом, выскочил из кухни и тихо закрыл за собой дверь.

Николаич сел на стул, наклонился, спрятал лицо в ладони и громко зарыдал.

Николаев вышел из своего отделения на лестничную площадку. Он сел на ступеньки, опустил голову и задумался о чем-то очень грустном. Заскрипела железная дверь. Николаев бросил взгляд в ее сторону. В этот же момент в проеме дверей показалась Аллочка с большим вздутым животом. Лицо у нее, наоборот, было совсем исхудавшее. Под глазами красовались черные круги.

— Ой, извините... Вы Погодина не видели?

Николаев растерялся:

— А?.. Нет, не видел...

— Извините, — простонала Аллочка. — Если вы его вдруг увидите, передайте, что мне надо рассказать ему кое-что очень важное.

— Хорошо, Алла, я передам. Как ты...

Аллочка скрылась за дверями. Николаев зарычал и ударил кулаком по стене.

— Ох! — завыл он. — Когда же все это прекратится?! За что мне это наказание? Кто придумал, что я должен смотреть на то, как умирают знакомые и близкие мне люди?

Где-то сверху хлопнула дверь, и раздались чьи-то быстрые шаги.

— Я умоляю тебя, Господи! — прошептал Николаев. — Пусть все это закончится здесь и сейчас. У меня нет больше сил...

Звуки шагов стали более громкими, и Николаев увидел Магамединова и Погодина, спускающихся к нему по ступенькам.

— Николаев, у нас беда! — завопил Магамединов.

— У нас уже давно беда, — сказал, не поднимая головы, Николаев.

— Николаев, ты слышишь меня?!

Павел Петрович равнодушно взглянул на Магамединова и Погодина.

— Не кричи, я все слышу!

— Круглова куда-то пропала! — закричал еще громче Максим Викторович. — Мы всю больницу обошли! Нигде ее нет!

Николаев мгновенно вскочил на ноги.

— Когда?!

Магамединов пожал плечами.

— Если б я знал.

— Мы как-то этот момент проспали, — объяснил Погодин.

— Значит, она пропала как раз в тот момент, Максим, когда мы все дружно погрузились в сон, — сделал вывод Николаев.

— Скорее всего, Паша.

Николаев кинул небрежный взгляд на Погодина.

— Ну, что, Погодин, скажешь, куда по сюжетам твоих книг могла пропасть одна из

главных героинь?

— Я не знаю. У меня больница ни в одном, ни в другом романе не погружалась ни в какой всеобщий сон...

— Может быть, — пробормотал Павел Петрович, — вы наконец-то согласитесь со мной, что причина кроется не в фантазиях Погодина?

— Даже, если мы согласимся, что нам это даст? — удивился Магамединов.

— А то! — произнес Николаев и поднял глаза, пытаясь до конца осмыслить свои выводы, — Фантазия Погодина — это всего лишь визуальная ширма. На ее месте, возможно, могла бы быть и другая фантазия. И суть таится не в самой ширме, а в том, что происходит за ней!

— Павел Петрович, не могли бы вы думать более простыми словами, — возмутился Погодин. — Ваши предположения какие-то слишком запутанные и сложные.

— Я хочу, чтобы вы все вспомнили о странных рассказчиках, которые рассказывают какие-то непонятные истории.

— Что за рассказчики?! — вскрикнул Погодин. — Кто они такие вообще?! У меня в романах нет никаких рассказчиков!

— Тихо, Погодин, не вопи! — рыкнул на него Павел Петрович. — Я сам бы хотел понять, кто такие эти рассказчики, и почему все, что они рассказывают, сбывается в реальном времени...

— Слушайте, а давайте для начала заставим их замолчать? — предложил Магамединов. — Вдруг от этого что-то изменится в лучшую сторону. Должны же мы принимать какие-то контрмеры.

Николаич открыл дверку навесного шкафчика, в котором у него было спрятано десять бутылок водки. Он предпочитал хранить их на кухне, где работала его жена, зная, что она не позволит ему за один раз все выпить.

Николаич поднялся на цыпочки и потянулся к бутылке, стоящей на верхней полке. За его действиями наблюдал расстроенный Игоревич.

— Может, пока хватит? — сказал он. — У нас с тобой еще столько работы.

Начальник мастерских достал бутылку, закрыл шкафчик и повернулся к Игоревичу. Лицо у начальника было красное, глаза мутные, налитые кровью. Он шагнул к столу, на котором стояли две рюмки, пустая водочная бутылка и лежал порезанный хлеб.

— Да пошла она в жопу эта работа, — пробормотал пьяным голосом Николаич, сел на свой стул и открыл вторую за утро бутылку.

Игоревич забрал свою рюмку и спрятал в кармашке фартука.

— Извини, Николаич, но я пить больше не буду.

Николаич с презрением посмотрел на Игоревича.

— Как хочешь, тебя никто не заставляет, — сказал он, задрал голову, вставил бутылку себе в рот и стал хлестать из нее водку как воду.

На глазах Игоревича бутылка наполовину опустела. Он не выдержал и вырвал ее из рук потерявшего над собой контроль товарища.

— Хватит! Я не могу больше смотреть на то, что ты творишь. Поверь мне, друг, водкой душевную боль ты не заглушишь.

— Слышишь ты, умник! — заревел Николаич. — Не ты ли мне не так давно распинался, что жизнь закончилась?! Что все, что от нее осталось, не имеет никакого смысла?

Игоревич взглянул прямо в глаза Николаичу.

— Может быть и я! — тем же тоном ответил он. — В тот момент мое сердце разрушало отчаяние, и я был готов покончить жизнь самоубийством. Но Бог мне послал тебя — человека, который все время мне доказывал, что жизнь еще не закончилась — и я в какой — то момент понял, что еще хочу жить....

Отряд Сергея Ветрова спустился в подвал, повернул в левое крыло и двинулся по коридору. Группа смелых и отчаянных людей прошла мимо указателя «Морг — короткая дорога для медперсонала», под которым было подписано красным маркером: «Гостиница для людей, не собирающихся возвращаться домой живыми».

Впереди всех шли: Жора, Сергей, Оля и Капрон. За ними следовали: Шурик, Жуков Мария и Рыбин. Отряд замыкали Психоза, Макето и Кристина.

Жора шагал чуть-чуть впереди всех, настроение у него было боевое. Он чувствовал себя героем. Слегка обернувшись, он сказал Сергею:

— Плохо, что мы не взяли с собой веревку. Нечем будет связать этого «зверя», когда мы его поймем.

— У Капрона есть моток капроновых ниток, — ответил на это Ветров. — Лучше всякой веревки.

— Да мы ему и так дадим просрать, — влезла в разговор Оля, — он и без веревки у нас станет шелковым.

Жора подошел к узким дверям, осторожно открыл их и заглянул в узкий коридор. Коридор был пуст. В нем горел неприятный розовый свет, сильно режущий глаза, и стоял запах чего-то паленого, будто где-то перегорела проводка или оплавилась пластмасса. Жора прищурился от света, медленно повернул голову и посмотрел на столпившихся за его спиной бойцов.

— Нам сюда, — пояснил он и первым вошел в узкий коридор, за ним туда же заскочили Сергей, Оля и Капрон.

Отряд двинулся по узкому коридору.

— Да, какой-то уж очень узкий этот коридор, — заметил Капрон.

— Мрачновато здесь, — прошептал Рыбин.

Жора смело шагал впереди всех.

— Не бздите, все будет «у парадку», — заверил он.

Позади всех громко скрипнула узкая дверь. Бойцы оглянулись.

— Странно, — удивился Психоза, — я ведь закрыл ее.

Люди остановились и уставились на приоткрывшуюся дверь. Она вновь неприятно заскрипела и еще чуть-чуть открылась.

— Может, стоит посмотреть, — сказала Оля, — чего она вдруг открылась?

— Не мешало бы, — согласился с ней Сергей.

Психоза развернулся и пошел в сторону приоткрывшейся двери.

— Не дрейфите, господа, — крикнул он. — Психоза сейчас во всем разберется.

Психоза двигался очень быстро. Вдруг со стороны лестницы тоже раздался скрип. Жора, Сергей, Оля и Капрон мгновенно обернулись. Тишина, никого нет. В голове Сергея промелькнула нехорошая догадка, но он быстро прогнал ее прочь.

Капрон протиснулся между Олей и Сергеем.

— Ладно, чего тут стоять, — прорычал он и скомандовал. — Пошли все за мной.

Капрон обошел Жору и зашагал по коридору. Жора, схватив кочергу обеими руками, двинулся вслед за ним. Сергей и Оля после некоторых раздумий устремились вслед за

Капроном и Жорой. Весь остальной отряд (кроме Психозы) продолжил свое движение.

— О, черт! — заорал Психоза. — Вы это видите?!

Бойцы вновь обернулись и увидели ворвавшуюся в узкий коридор волну «ногогрызов», их было так много — они лавиной неслись по коридору в сторону отряда Сергея.

— Психоза, давай быстрее сюда к нам, — закричал Макето.

Психоза бросил взгляд на Макето, затем на вжикающих «ногогрызов». Он стал медленно отступать. «Ногогрызы» надвигались все ближе и ближе, становилось понятно, что он от них вряд ли уже убежит.

Психоза отчаянно улыбнулся. В правой руке у него была «кочерга», в левой — топор. Он взмахнул кочергой и проверил, как она у него крутится и вертится в руке.

— Сейчас-сейчас, мужики, — ответил Психоза. — Я вас догоню.

Неожиданно для всех вскрикнул Капрон:

— Ничего себе номер!

Жора, Сергей и Оля взглянули в сторону Капрона. По коридору со стороны лестницы неслась громаднейшая орава «ногогрызов» — их там было не меньше, чем с другой стороны. Догадка Сергея подтвердилась.

Жора отчаянно заскулил:

— Ой — ёй — ёй... Что ж это будет? Действительно, номер.

Сергей тяжело вздохнул и стал смотреть то в одну сторону, то в другую.

— Это не номер, это грамотная засада, — заявил он. — Чую я, что добром все это не кончится.

Погодин прошел по длинному коридору хирургического отделения и постучал в пятнадцатую палату. Дверь ему открыла Алена.

— Тебе Аллу? — тихо спросила она.

Петр Алексеевич кивнул.

— Николаев сказал, что она меня искала.

Алена жестом пригласила Погодина войти.

— Заходи, она здесь...

Петр Алексеевич зашел в палату и громко вскрикнул:

— О боже, Алла!

В палате стояло четыре кровати, но только на одной из них лежал человек — это была Аллочка. В палате было более-менее чисто, правда, по самой последней от входа кровати ползали мелкие твари. Алена подошла к этой кровати и стала сметать прямо в ведро всю ползучую живность.

Аллочка лежала под одеялом, которое уже не могло прятать ее большущий вздутый живот. Бледная, с черными кругами под глазами, кинула она на Погодина свой измученный болезнью взгляд.

— Как видишь, и меня эта чума не обошла стороной. Заснула нормальной, а проснулась вот такой.

Погодин упал на колени перед кроватью.

— Скажи, любимая, что я могу сделать?

— Если еще любишь, то убей меня.

Петр Алексеевич схватил слабую руку Аллочки и покрыл ее поцелуями.

— Аллочка, прости меня... прости, милая, за то, что я оставил тебя одну...

Погодин заметил, как под кожей Аллочки зашевелились мелкие ползучие твари, и его

глаза расширились от ужаса.

— Когда я это явление описывал в своей книге, мне казалось, что это так прикольно будет выглядеть...

Аллочка отдернула свою руку.

— Скажи, Погодин, каково это, когда твоя фантазия оживает в реальности? Что ты ощущаешь, как автор всего этого?

Погодин стряхнул с глаз выступившие слезы.

— Тебе этого лучше не знать.

Аллочка сжала зубы и прошипела сквозь них:

— Нет, ты мне все-таки ответь! Каково это, когда твои задумки становятся смертельным приговором для других людей? Для целого человечества! Кем ты себя ощущаешь — гением или жестоким убийцей и параноиком?

Погодин поднял несчастные глаза, и его возлюбленная увидела в них боль.

— Прости, меня Аллочка. Я даже не предполагал, что фантазия способна стать... ужасной реальностью.

Аллочка отвернулась от него и уставилась в потолок.

— Из-за тебя Погодин и я теперь перед Богом не чиста. Я совершила такой ужасный поступок, что не будет мне прощения. И всему виной твоя проклятая фантазия...

Психоза нанес два удара «кочергой» по приблизившейся к нему волне «ногогрызов» и отступил на шаг назад. «Вжи-жи-жить», — громко заревели проклятые твари. Психоза отбивался от них, как только мог: и «кочергой», и ногами. Часть «ногогрызов» улетела от его ударов, часть же прорвалась, они побежали, огибая его с двух сторон.

Макето несмело шагнул в сторону Психозы. Кристина же и вовсе осталась стоять на одном месте.

— Психоза, давай сюда к нам! — заорал во всю глотку Макето. — Ты чего там застрял?!

Психоза вскрикнул и сразу же как-то быстро осел. Ступни его ног оказались отрезаны возле щиколотки. Психоза увидел, как вокруг его отпиленных ног растекается кровь, и завопил диким голосом.

«Ногогрызы» на этом не остановились и стали дальше подпиливать ноги Психозы. Он становился все ниже и ниже, будто вращался в пол. Волосы на его голове поднялись дыбом.

Психоза, из-за того, что его ноги без остановки подпиливали «ногогрызы», оседал вниз и превращался в сплошной фарш. Через несколько секунд от него осталась одна голова, торчащая из того, что минуту назад было его телом.

Макето встал, как вкопанный.

— Т-твою мать! — выругался он дрожащим голосом, затем обернулся и сказал Кристине:

— Ну вот и все: отвоевал наш отряд.

— Бойцы, не тормозим! — закричал Сергей и указал «кочергой» в сторону Капрона. — Пробуем пробиваться вперед, вон к тем дверям.

Впереди Капрона собралось целое полчище «ногогрызов», оно растянулось метров на восемь в длину.

— Погибать, так с музыкой! — хохотнул Капрон, откинул лопату в сторону, покрепче сжал кочергу и с диким воплем бросился на «ногогрызов». От его сильных и резких взмахов вжикающие ползучие твари улетали по нескольку штук.

Сергей стал за спиной Капрона. Он наносил меткие удары по тем «ногогрызам», что

ухитрялись проскочить мимо самодельного оружия Капрона.

— Твари! Получайте, суки!

За спиной Сергея раздался дикий женский вопль. Это заорала Кристина. Сергей обернулся и выругался:

— Твою мать, да помогите ей кто — нибудь!

— Поздно, они ее уже сожрали, — сообщила ему Оля.

Сергей вздрогнул от того, что увидел: с другой стороны по кровавому полу катились головы Психозы, Макето и Кристины.

Лавина «ногогрызов», пришедшая со стороны узкой двери, прорвалась к ногам отступающих Рыбина и Шурика. Рыбин и Шурик мгновенно осели и заорали благим матом, их ноги в считанные секунды превратились в кровавый фарш.

— Помогите, они жрут нас живыми! — закричала Мария.

Анна замолчала и ласково провела рукой по разрисованному морозом оконному стеклу:

— О, метнес рега как! — произнесла она и затем добавила. — Кегер ро!

Тем временем больные двенадцатой палаты хирургического отделения — Ира, Света и Степановна, — уселись на самой дальней кровати, застеленной серым покрывалом. Взгляд у них был пустой, стеклянный — отрешенный от этого мира. Лица — неестественно застывшие, каменные.

— И тогда Андрей Кабен отчаялся, — продолжила свой рассказ Анна. — Он понял, что его попытки все исправить не принесут нужного результата, так как многое решало время, которое он безрезультатно растратил.

Внезапно в глазах Иры появился серебристый блеск, он раскалился внутри них и превратился в две яркие огненные точки. Лицо девушки ожило.

— Скажите, Анна, а почему мы не можем просто убивать? — спросила она. — Зачем нам такие сложные схемы?

Анна улыбнулась ласковой улыбкой и шагнула в сторону Иры.

— Любое убийство противоречит всем законам мироздания. Убийство без причины — это пошлость, это варварство. Пойми, в любом действии должно быть заложено максимум пользы. Примитивные поступки свойственны, как правило, примитивному разуму. Такому, например, как у человека.

— Но для Андрея Кабена целью является обыкновенное убийство, — заметила Ира и повысила голос. — Зачем, скажи мне, вся эта бестолковая прелюдия к простому акту убийства?

— Ты это поймешь, когда освоишь основы тактической логики, — сказала Анна.

— Ты не ответила на мой вопрос, — разозлилась Ира.

— Все очень просто, — стала объяснять рассказчица. — Открытым, не скрывающим свое намерение действием, вы бы раскрыли себя, как угрожающий фактор, тем самым, спровоцировав своего врага на ответные меры. И это еще самые маленькие проблемы, которые из таких открытых действий вытекают. Теперь тебе хоть чуть-чуть стало понятно?

Ира кивнула и улыбнулась, удовлетворенная ответом.

— Итак, Ира, смотри мне в глаза, — приказала Анна. — Взгляд свой не отводи. Почувствуй, что мы с тобой единое целое.

Ира послушно уставилась в глаза Анны. Взгляд у Иры при этом переменялся на серьезный, сосредоточенный. Из ее носа вытекла бордовая струйка крови.

Анна тихонечко выругалась. Она подошла к Ире, сняла со спинки кровати белое

полотенце с рыжими пятнами и вытерла кровь с лица девушки.

— И тогда произошло то, чего не ожидал сам Андрей Кабен, — зашептала Анна. — В убежище, в котором он прятался, зазвонил телефон, и какой-то седой мужчина протянул ему трубку и произнес: молодой человек, это, скорее всего, спрашивают вас. Ответьте, если вам не трудно.

Неожиданно, вырвав с мясом защелку, на которую была закрыта дверь, в палату ворвались Магамединов и Николаев.

— Анна, с этой минуты я запрещаю вам произносить что-либо! — рыкнул Павел Петрович. — Вы закрываете на замок свой милый ротик и следуете за нами.

На лице Анны появилось неподдельное удивление.

— Что случилось? — спросила она, выглядя при этом, как невинное дитя. — Чем я вас так разозлила?

Магамединов кинул взгляд на Иру, Свету и Степановну. Все трое сидели в одинаковых позах, положив руки на колени, и не шевелились, словно они были не людьми, а роботами, которых отключили на время. Магамединов, увидев все это, покраснел от гнева и заорал на Анну:

— Тебе же сказали: закрой рот и следуй за нами! Будешь сопротивляться, потащим силой.

Анна резко вытянула вперед свои руки. Магамединов и Николаев, не стовариваясь, сразу же схватились за них.

— А ну втисните физические стали на колени, живо! — сквозь зубы прошипела женщина.

Магамединов и Николаев громко вскрикнули, и, сильно сжав челюсти, повалились на колени. Их лица перекосились от боли. Мышцы шеи вздулись буграми, словно они были надувные, и их кто-то перекачал насосом.

— А-а! — завопил Магамединов, чувствуя, как его глаза вылезают из глазниц.

— Ох! — застонал Николаев. — О-о-ох!

Анна сверху вниз посмотрела испепеляющим взглядом на Николаева и Магамединова:

— Неужели, вы, ничтожества, думаете, что можете мне что-то сделать?! Как вам вообще такая мысль могла прийти в головы?! Ползите отсюда, пока я вас не уничтожила.

Мужчины схватились за головы и дико заорали из-за невыносимой боли, возникшей в их черепных коробках. Максим Викторович прямо на коленях попытался добраться до выхода, но и двух метров не продвинулся, закатил глаза и рухнул на пол. Павел Петрович тоже повалился рядом. Он задергался как эпилептик, а затем замер. На его губах показалась густая желтая пена.

Анна, взглянув на поверженных мужчин, улыбнулась. Повернувшись к своим невольным слушателям, она спросила:

— На чем я остановилась?

И неприятно засмеялась, будто это фраза была какой-то очень смешной шуткой.

ГЛАВА 9. Безвыходное положение

Тем же утром в подвале больницы, по узкому коридору навстречу Марии быстро двигались «ногогрызы», они ревели и визжали своими пилами. Молодая женщина, широко раскрыв глаза и кусая губы, смотрела на ужас, приближающийся к ней.

Мария понимала, что это приговор не только для нее, но и для всего отряда, попавшего в западню, и не верила в благоприятный исход битвы. За ее спиной стоял перепуганный до смерти Жуков.

— Помогите же мне, я вас умоляю! — закричала она.

Сергей резко обернулся и взглянул на Марию и Жукова. Женщина впустую размахивала «кочергой». Она была в истерике и не соображала, что делает. У нее тряслись колени и руки. Жуков тоже никак не мог перебороть свой страх, его подбородок ходил ходуном.

— Вот же блин!!! — выругался Сергей.

Он стремительно проскочил мимо Жоры и Оли и крикнул по ходу движения:

— Жора, защищай ноги Капрона!

Жора, округлив глаза, повернулся к Сергею.

— Я? — испуганно переспросил он. — А? Что?

Оля прорвалась вперед Жоры и со всего размаху ударила «кочергой» по «ногогрызу», который подскочил к ногам Капрона и угрожающе зашумел своей острой пилой.

— Я здесь сама справлюсь! — крикнула смелая девушка, от удара «кочерги» в разные стороны разлетелись искры и желтые брызги.

— Молодец, боец! — похвалил Сергей. — Так держать!

Мария, закрыв глаза, случайно попала «кочергой» по приблизившемуся к ее ногам «ногогрызу».

— Натё вам! Получайте, суки! — заорала она и нанесла еще несколько таких слепых ударов по ползучим тварям.

Жуков в это время стоял с раскрытым ртом и смотрел за действиями Марии. Сергей оттолкнул его в сторону и рявкнул:

— Чё стоишь, зажав яйца? Думаешь, молоко прибудет?

Сергей схватил за локоть Марию и притянул ее к себе, одновременно ударив «кочергой» по «ногогрызу».

— Получай, падла! — крикнул он, встал впереди Марии и обрушил с десятков ударов по противнику.

Строй «ногогрызов» превратился в кучу бестолковых тварей, они лезли с разных сторон и мешали друг другу при передвижении.

«Ногогрызы» уже не строем, а один за другим нападали на отчаянного парня. Сергей бил по ним со всего размаху, не жалея сил. Твари отлетали от ударов на большое расстояние.

И все-таки один из «ногогрызов» проскочил возле ног командира отряда. Сергей развернулся и разрубил пополам шустрого монстрика. В это же время к его ногам подскочили еще два «ногогрыза». Сергей и им уделил свое внимание.

— Жуков, не тормози! — закричал он. — Давай сюда! Защищай мои ноги!

Жуков не заставил себя ждать, он уставился на одного из «ногогрызов», который вот-вот собирался полоснуть пилой по ноге Сергея.

— Я здесь! — обрадовал своей расторопностью Жуков. — Я здесь, Сергей!

Он размахнулся и со всей силы опустил «кочергу» в сторону «ногогрыза», но попал по ноге командира. Сергей, вскрикнув, отступил шаг назад и спиной налетел на Жукова.

— Что ты творишь, падла? — спросил он.

Жуков отскочил от Сергея на целых два шага назад.

— Прости, — заныл «падла». — Прости, Серега!

Лицо Сереги перекосило от боли. Он сжал зубы и продолжил лупить по «ногогрызам», один за другим они улетали от его «кочерги». Затем, положив согнутую арматуру на плечо, дал несколько секунд отдохнуть рукам.

— Капрон, быстрее прорывайся к дверям! — скомандовал он. — На тебя вся надежда!

Смутная тревога потянула Федора Ивановича к окну, на котором мороз оставил свои рисунки. Он не мог объяснить себе причину резко возникшего волнения. Но что-то не давало ему покоя. Что-то было не так, он это чувствовал. Старик встал у окна и провел рукою по стеклу, точно так же, как это сделала Анна, и хмыкнул.

Федор Иванович медленно повернулся и взглянул на Василия и Пузыря, которые как бедные родственники, уселись на одной кровати и уставились «стеклянными глазами» в никуда.

— Скажите, как это так получилось, что из моей тумбочки исчезла одна очень важная папка? — спокойным тоном спросил Федор Иванович.

— Так это... — заговорил Василий, после того, как его глаза стали живыми. — Вчера вечером в палату неожиданно ворвались два врача, сказали, что проводят обыск, открыли вашу тумбочку и забрали из нее папку.

Федор Иванович бросил изумленный взгляд на Василия.

— И что получается: вы тупо сидели и смотрели, как они достают эту папку из моей тумбочки?

Глаза Пузыря вмиг растаяли, и он искренне возмутился:

— Но с вашей стороны не было никаких указаний по поводу этой папки. Откуда мы могли знать, стоит ли реагировать на действия врачей?

Федор Иванович замычал, пытаясь перебороть эмоции.

— Ладно, проехали! — выкрикнул он. — Эта папка в принципе для меня уже не имеет никакого значения. Меня больше всего злит сам факт ее исчезновения.

Взволнованный досадными мелочами старик отвернулся от Василия и Пузыря и вновь посмотрел на разрисованное морозом окно, потер по стеклу пальцами и взглянул на улицу через образовавшийся просвет.

— Что это... я не пойму... никак, — прошептал Федор Иванович и потянулся руками к форточке, открыл ее и выглянул во двор.

— Твою мать! — заорал он. — Да что же это такое!

Старик бросился к выходу из палаты. Он распахнул дверь и кинул испуганный взгляд на Василия и Пузыря.

— Я не совсем понимаю, что происходит, — пробормотал он. — Но один рассказчик обязательно должен замолчать.

Федор Иванович выскочил из палаты и побежал по коридору ожогового отделения, как молодой мальчишка, не знающий, что такое аритмия.

Погодин сел на полу возле кровати Аллочки. В его душе закипала обида на ее злые и несправедливые слова. Она лежала, закрыв глаза, под грязным одеялом и стонала от боли, разрушающей ее тело. В палате не хватало свежего воздуха, воняло испорченным мясом,

тухлой капустой и еще непонятно чем. смешались и обидаЛЕН

— Аллочка, я хочу понять, о каком ужасном поступке ты говоришь? — тихо произнес Петр Алексеевич, не надеясь на то, что его возлюбленная найдет в себе силы для того, чтобы ответить.

Однако старшая медсестра открыла тяжелые веки и заговорила слабым голосом:

— Несколько дней назад ко мне в кабинет постучался Беленький и сказал, что у него ко мне есть очень важное дело... Вроде бы одни очень серьезные люди способны изменить всю мою жизнь в один миг.

Аллочка замолчала, и Погодин кинул на нее нетерпеливый взгляд.

— Ну и причем здесь моя фантазия?

— А притом, Погодин! Следующее, что он у меня спросил: во сколько я оцениваю ее — твою гребаную фантазию? И я ему тогда рассмеялась прямо в глаза.

На лице Погодина возникло выражение душевной боли и страдания.

— Пряма так и рассмеялась? — проскулил он.

Аллочка увидела кислую мину своего Петеньки.

— Погодин, помолчи чуток! Не беси меня! — взвизгнула она. — Так вот Беленький с презрением посмотрел на меня и произнес странную фразу: мол, Аллочка ты не представляешь, какую цену может иметь нестандартная фантазия... Такая, например, как у твоего Погодина. Я тебе дам двести тысяч долларов только за то, что ты мне добудешь ключи от его каморки.

Глаза Погодина от удивления увеличились в два раза.

— И он реально заплатил тебе такие деньги? — спросил опешивший завхоз.

Аллочка тяжело вздохнула и ответила:

— Да, заплатил.

Погодин резко поник, на его глаза навернулись слёзы.

— Получается, ты продала меня, и еще пытаешься меня и мою фантазию в чем-то обвинять?

Аллочка, собрав остатки сил, приподнялась в постели.

— Не спеши Погодин с выводами, — попросила она. — Можешь мне верить, можешь не верить, но я очень сильно любила тебя, да и люблю до сих пор. И поэтому тебе открыто заявляю — я не понимаю, что со мной произошло... Что-то черное и мрачное обволокло на время мою душу, и я без всяких колебаний согласилась на предложение Бориса Анатольевича.

— Этим черным и мрачным являются большие деньги, только они способны так сильно разрушать души людей и менять существующие реальности...

— Нет, всему виной твоя фантазия, — вскрикнула Аллочка, — она представляет собой совсем не то, чем кажется на первый взгляд. Это какой-то вирус, который заражает души людей, и они совершают необдуманные поступки. Это какая-то специфическая паранормальная дрянь, которая самостоятельно сама по себе меняет реальность.

Погодин, тяжело вздохнув, схватился за голову.

— О боже, я только теперь понимаю, какой все это бред. Ведь я точно так же, как и ты, придавал своей фантазии сверхъестественные свойства. Но сейчас, когда я слушал тебя, у меня открылись глаза. И я вот тебе что скажу: не может что-то само по себе творить зло. Только кто-то всегда в ответе за что-то, и только кто-то, а не что-то может творить зло.

Аллочка вся покрылась потом, но все-таки, несмотря на свой большой живот,

полностью села на кровати и опустила ноги на пол.

— Правильно! — крикнула она. — Ты это все придумал! Ты сотворил все это зло!

— Не совсем все так! — заорал в ответ Погодин. — Да, я все это придумал, но не я все это оживил, не я все это превратил в реальность. Это сделал кто-то другой...

На втором этаже в шестнадцатой палате терапевтического отделения Валентина Петровна продолжала рассказывать историю об эпидемии, развившейся в больнице по вине врачей. Она сидела на кровати и чесала лапицей свой громадный нос. Слова из ее рта вылетали, как пчелы из растревоженного улья.

— На этот раз переносчиком инфекции стал какой-то сумасшедший врач. Он перенес инфекцию с третьего на четвертый этаж очень необычным и смешным способом.

Первой не выдержала Вика, она топнула ногой и крикнула:

— Хватит пока! Я не могу уже больше. Давайте обо всем этом поговорим вслух. Вы не против, Валентина Петровна? Дело в том, что я ощущаю, как вы делаете сразу несколько дел, и это меня ужас как отвлекает.

Валентина Петровна встала с кровати, и обвела взглядом всех больных шестнадцатой палаты (Вику, Сарнацкую, Чеславовну и Василису), которые сидели на своих кроватях.

Стены за спинами женщин покрылись инеем. Сами они покраснели от холода, щеки их и вовсе посинели, но глаза при этом горели странным притягивающим к себе серебристым огоньком.

— Хорошо, — согласилась рассказчица. — Давайте поговорим вслух...

За спиной Валентины Петровны стена полностью покрылась ярко мерцающей «ледяной корочкой». Женщина-монстр с шумом выдохнула воздух из легких и заговорила неприятным прокуренным голосом:

— Мир, в котором вы живете, придумал создатель, более того, он и вас наделил способностью быть создателями, так как создал вас по образу и подобию своему.

Чеславовна аж подпрыгнула на своей кровати, настолько сильно зацепила ее новая информация.

— Ничего себе! — взвизгнула она. — Получается, и мы можем создавать миры?

Валентина Петровна кивнула в ответ.

— Можете и создаете. У каждого из вас был либо свой дом, либо квартира, либо комната, либо какой-то уголок... неважно у кого что... Важно то, что у каждого там было все по-своему. Это и есть пример миров, которые вы сами создавали.

— Я никогда не задумывалась о том, что мы являемся создателями, — сказала Сарнацкая.

Валентина Петровна со значением кашлянула.

— Да, но между создателем, придумавшим ваш мир, и вами имеется существенная разница, — пояснила женщина-монстр. — Она заключается в масштабах того, что вы создаете.

— Но если следить за вашими рассуждениями, — осторожно заметила Вика, — то получается, что и мы можем стать такими, как создатель нашего мира, и мы можем развить в себе способность создавать такие же огромные миры, как и он.

Валентина Петровна подошла к Вике и погладила ее по голове своей громадной ладонью.

— К этому разговору, моя прелесть, мы еще вернемся. Вы должны понять одно: для того, чтобы создать что-то новое, необходимо это что-то придумать.

Валентина Петровна отошла от Вики, встала в центре палаты и подняла указательный палец высоко кверху:

— И вот тут-то без фантазии вам не обойтись!

Николаев открыл глаза и уставился на белый потолок. В воздушном пространстве появилось много блестящих звездочек и несколько здоровых черных мух. Павел Петрович попытался приподняться, но у него это не получилось, и он бессильно опустил голову.

Николаев застонал, закрыл глаза и повернул голову набок. У него появилось такое ощущение, что пол, на котором он лежал, зашевелился.

— О боже, как мне плохо, — прошептал он охрипшим голосом и снова открыл глаза.

Перед ним красовался пол, по которому ползали мелкие твари — беловато-красноватые червячки и серые жучки. А чуть дальше виднелись ноги Магамединова, которые наполовину утонули в живом ковре.

Николаев оттолкнулся рукой от пола и сел. Все — стены, двери одиннадцатой и десятой палат, пол, потолок — закружились в невыносимой карусели. Он с трудом понял, что находится в коридоре хирургического отделения недалеко от палаты, в которой Анна травила свои пророческие байки.

Павел Петрович резко согнулся вперед, и его вывернуло наизнанку. Затем все его тело затряслось, голова непослушно закачалась в разные стороны, и он с трудом взглянул на Магамединова, который сидел с закрытыми глазами на полу, опершись о стену.

— Магамединов! — позвал Николаев охрипшим голосом, словно его контузило. — Магамединов!

Максим Викторович не откликнулся, и это напугало Николаева. Павел Петрович почувствовал неладное.

— Блин, — застонал он. — Вот же влипши.

Николаев встал и, шатаясь, двинулся в сторону Магамединова. Он услышал, как сильно забилося его сердце, казалось, что оно вот-вот вырвется наружу.

— Магамединов, вставай друг! — прохрипел Павел Петрович. — Нечего здесь лежать.

Николаев подошел совсем близко к Магамединову. По его лицу заструился холодный пот. Он оперся одной рукой о стену, другой же схватился за голову и завыл от боли, сжимающей тисками его мозга.

— Ох... Ох, — вновь застонал Павел Петрович.

Он опустился на корточки рядом с Максимом Викторовичем и выругался:

— Магамединов, черт бы тебя побрал!

А затем ударил своего друга по щеке. Магамединов мгновенно открыл глаза и в шоке уставился на Николаева.

— Максим! — зарычал Павел Петрович. — Нам надо уходить, пока эта дура еще чего-нибудь не вытворила.

В ответ Магамединов порадовал Николаева придурковатой улыбкой.

— Бегемот ты... хи — хи... ободранный, — произнес он и потянулся рукой к лицу Павла Петровича. — Тютельку тебе б пришить...

Николаев не выдержал и снова со всего размаху приложился ладонью к щеке Магамединова:

— Какую на хрен тютельку?! Ты соображаешь, что говоришь?!

Максим Викторович завертел головой.

— Нет! Ты нехороший! — заявил он. — Моя тютелька тебе не подойдет.

Николаев резко схватил его за руку и потянул за собой.

— Пошли отсюда! Здесь небезопасно.

Магамединов протопал за Павлом Петровичем целых три шага и вырвал свою руку.

— Подожди, я пописаю, — сказал он, отвернулся от Николаева, расстегнул ширинку и стал мочиться прямо на пол.

Заведующий хирургическим отделением чуть не подавился, видя, что вытворяет его друг.

— О боже! — прошептал он.

И как назло, в этот же момент открылась дверь двенадцатой палаты, и в коридор выглянула Анна. Она взглянула прямо на Магамединова. Максима Викторовича это совершенно не смутило. Он спокойно завершил сей некультурный процесс.

Николаев испуганными глазами смотрел на Анну, на ее лицо, ожидая всего самого невероятного, что могло еще с ним случиться.

— Все хорошо... Все хорошо, — пробормотал он. — Мы уже уходим.

Павел Петрович крепко схватил за локоть Магамединова и потащил его за собой. Максим Викторович послушно побрел за ним, на ходу застегивая ширинку.

Оля открыла двустворчатые двери и, схватив Сергея под руки, вытянула его на лестничную площадку, от которой лестница вела вниз, к подземным этажам. С ног парня текла кровь, брюки ниже колен были полностью пропитаны ею. Места, где «ногогрыз» зацепил его ноги своими пилами, кровоточили всюду. Оля Сергей, видимо, уже ничего не понимал и находился во власти шока и боли.

Оля опустила парня на холодный пол лестничной площадки и вернулась к дверям. Она открыла их и осторожно выглянула в узкий коридор. В нем стоял густой пар, все стены и потолок были забрызганы кровью. На полу разлагался человеческий фарш, по которому и внутри которого ползали и вжикали «ногогрызы». Сверху фарша виднелись головы Жукова, Марии и Жоры. В метре от двухстворчатых дверей на полу, в луже крови, сидел Капрон, у него одна нога была отрезана по колено, вторая почти полностью, на левой руке у него не было пальцев. Капрон из последних сил наносил здоровой рукой удары «кочергой» по «ногогрызам», крутящимся возле него.

Капрон бросил измученный болью взгляд на Олю.

— Уходи отсюда! — крикнул он.

Оля шагнула к Капрону и попыталась схватить его за руку. Капрон оттолкнул ее от себя раненной рукой и скривился от новой вспышки боли.

— Уходи, я сказал! Спасай Сергея!

Оля остановилась в нерешительности. Шустрый «ногогрыз» бросился в ее сторону, Капрон прихлопнул его «кочергой». Вокруг «ногогрыза» растеклась желтая слизь.

Оля, проглотив ком, подступивший к ее горлу, прошептала:

— Прости, Капрон, и прощай!

После чего она развернулась и скрылась за двустворчатыми дверями.

Выскочив на лестничную площадку, Оля схватила Сергея под руки и потянула вниз по лестнице. Сергей застонал.

— Потерпи, Сереженька, я сейчас что-нибудь придумаю, — шептала Оля, пытаюсь смахнуть слезы, струящиеся по ее щекам.

Николаев, шатаясь, будто один выжрал пол-литра водки, поднимался по ступенькам с третьего на четвертый этаж. Его мозжечок давал сбои — ноги цеплялись одна за другую. За

ним, ковыряться мизинцем в носу, плелся Магамединов.

— Погодин, отзовись, ты где? — закричал Павел Петрович, чувствуя, что может потерять сознание, или еще чего хуже — умереть от остановки сердца прямо тут, на лестнице.

Сразу откуда-то снизу раздался ответный крик.

— Я тут!

Николаев остановился и сел на одну из ступенек. Магамединов прошел мимо него и стал подниматься выше. Николаев обернулся и проводил его расстроенным взглядом.

Павел Петрович вытер ладонью испарину, выступившую на лбу. Голова от боли разрывалась на части, перед глазами стоял туман. Он никак не мог понять, что с ним происходит.

— Я уже здесь, Павел Петрович, — сообщил Погодин. — Искали меня?

Николаев указал Погодину, чтоб тот садился рядом. Погодин послушно сел рядом с ним.

— Расскажи мне, Погодин, где и что творится, — попросил Николаев. — А то я вообще уже ничего не понимаю.

— Моя Аллочка умерла, — первым делом выпалил несчастный завхоз.

— Повезло же ей, — буркнул Павел Петрович.

— К черту такое везение! — возмутился Петр Алексеевич.

— Прими мои соболезнования. И давай рассказывай, что знаешь интересного.

— Что я могу вам рассказать? Все, кто может еще ходить, уходят выше на несколько этажей. Первый этаж пустой: ни людей, ни трупов. На втором этаже... кстати, он уже открыт... среди разлагающихся трупов есть и живые, но это ненадолго. На третьем этаже остались только зараженные и их родственники.

Погодин развел руками.

— Ну, вот и все, что я могу вам рассказать.

— Ясно. Круглова нигде не попадалась тебе на глаза?

— Обижаете, Павел Петрович, если б я ее увидел, так давно бы вам об этом уже сообщил.

Николаев не выдержал и схватился за голову.

— О боже, как у меня раскалывается голова, — пожаловался он.

Погодин бросил в его сторону сочувственный взгляд.

— Бывает... Я вам вот еще что хотел сказать. Все, что сейчас происходит в больнице в реальности, является не только моей фантазией. Но и чьей-то еще. Я это чувствую. Как автор, на подсознательном уровне. Кто-то еще тут старается и из кожи вон лезет, лишь бы что-нибудь эдакое придумать. Этот кто-то, как мне кажется, взял мою фантазию за основу и теперь пытается довести ее до совершенства.

Николаев взглядом мученика посмотрел на Погодина.

— Какое совершенство — твою мать! Ты бредишь, Погодин?

— Не спешите, — настойчиво сказал Погодин, — давайте, по полочкам разложим все, что происходит. И определим, что к моей фантазии относится, а что нет.

— Я не пойму — зачем? — удивился Павел Петрович.

— Без глубокого анализа происходящего нам не докопаться до истины, — объяснил завхоз. — Поверьте мне, без этого нам никак не обойтись.

Николаев поднялся со ступенек и почесал бороду.

— Ну, хорошо. Пошли в ординаторскую на четвертом этаже, устроим там военный штаб.

Круглова вырвалась из цепкой хватки глубокого сна. Она с шумом вдохнула в себя воздух и открыла глаза. Ее окружала абсолютная темнота.

Елена Степановна почувствовала, что лежит на какой-то колючей шерстяной одежде. Она попыталась повернуться и сразу же поняла, что лежит не на полу. Ей повезло, еще одно неверное движение, и она могла бы свалиться куда — то вниз. Где она находится? На чем лежит? Что за бред такой? Как она, вообще, здесь оказалась?

Круглова потянулась к карману джинсов и вытянула из него зажигалку. Раздался щелчок, и появилось маленькое пламя. Елена Степановна осветила место, в котором находилась. Она лежала в каком-то помещении на двух толстых, параллельно расположенных трубах, в куче старого рванья.

Круглова осторожно приподнялась, села и свесила ноги с труб. Она посветила вниз и прикинула, на какой высоте находится. Бетонный пол размещался на расстоянии полуметра от ее ног. На полу лежал... человек...или какой-то зверь. У него имелись руки, ноги и голова. Только сам он казался каким-то очень уж мерзким, у него было отвратительное дьявольское лицо.

Пламя обожгло пальцы Елены Степановны и погасло. Раздались нервные щелчки зажигалки, и Круглова вновь посветила вниз. «Зверь» спал тревожным сном в куче тряпья и стонал во сне. Она обратила внимание, что он невысокого роста, хилый, с тонкими руками и ногами, с большой головой, по которой, пузырясь, растекалась желтая слизь. Кожа у «Зверя» была не то серая, не то синяя.

Круглова осторожно поднялась и сделала несколько шагов по трубам, освещая при этом себе дорогу. Трубы, как назло, заскрипели, и за ее спиной раздался сиплый голос «Зверя»:

— Эй!.. Ты куда?!

Зажигалка Кругловой вновь погасла.

— Вот же блин! — матюгнулась Елена Степановна.

Круглова защелкала зажигалкой, ее руки непослушно тряслись.

Из зажигалки выскочил оранжевый огонек. Круглова посветила в сторону пола. В куче тряпья, где лежал «Зверь», сидел красивый мужчина лет тридцати пяти, в сером костюме и очках.

— Что ты за тварь такая?! — закричала Круглова. — И можешь не выдавать себя за человека, я видела твое истинное обличье!

Магамединов, в отличие от Николаева, не жаловался на головные боли и плохое самочувствие. У него было отличное настроение, и к тому же появилась масса новых интересных дел. Держа за руку часть сильно разложившегося трупа (ноги у трупа отсутствовали), он вышел из хирургического отделения на лестничную площадку и, насвистывая какую-то мелодию, стал подниматься вверх по лестнице.

Очутившись в ожоговом отделении, Максим Викторович, не отпуская своего «друга», двинулся по коридору. Ползучие твари, кишачие в трупе, встревожено зашевелились и неприятно зашумели. Две женщины с ужасом наблюдали за действиями Магамединова.

Максим Викторович подошел к третьей палате, открыл дверь и, волоча за собой труп, зашел в палату.

— Здравствуйте, девчата! — закричал он. — Посмотрите, кого я к вам привел!

Николаев и Погодин разместились в ординаторской ожогового отделения. Они уселись за круглым столом в мягкие кожаные кресла. Павел Петрович трясущимися руками выдавил из блистера анальгина две таблетки, проглотил их и запил водой из граненого стакана.

Погодин с сочувствием посмотрел на Николаева.

— Что, мигрень не утихомирилась? — спросил он.

Николаев покривился и поставил стакан с водой на стол.

— Я сейчас повешусь от этой жуткой боли. Давай, Погодин, продолжай. Что ты там говорил насчет глубокого анализа?

Петр Алексеевич улыбнулся и стал делиться своими мыслями:

— В какой-то момент я понял, что все, что происходит в больнице, очень похоже на сюжеты моих произведений. Потом я заметил, что из всех моих фантазий наиболее полно реализован роман «Молчание».

— Я как-то вам с Магамединовым говорил, что твоя фантазия — это всего лишь визуальная ширма, — перебил его Николаев. — Мы все тут с ума сходим: вот, смотри, фантазия Погодина ожила, а в это время за ширмой творятся какие-то очень опасные дела...

— Хорошо, — вздохнул Погодин. — Давайте подумаем в этом направлении. Какие полезные выводы отсюда следуют?

— Выводы делать еще рано. А вот предположить можно следующее: раз создана ширма для того, чтобы нас от чего-то отвлечь, значит, условный наш противник напрямую это что-то делать боится. То есть, он скрывает свои слабые стороны, которые, как, я думаю, заключаются в том, что они — наши противники — либо физически слабы, либо их здесь находится очень мало.

Погодин кивнул и медленно произнес:

— Да, здесь есть о чем задуматься.

— Ну а ты что мне хотел рассказать? — спросил Николаев, и сам почему-то подумал об Анне.

Неужели она больше ничего не предпримет в его адрес и в адрес Магамединова? Ведь они на нее серьезно наехали, дали ей понять, что знают, что она не человек, а нечто иное.

— А я... А что я? — растерялся Погодин. — А я хотел рассказать вам более подробно о своих наблюдениях и выводах. Начну вот с чего: в моем романе «Молчание» два врача терапевтического отделения соглашаются за очень большие деньги провести эксперимент на здоровых людях, чтобы найти спасительное лекарство от новой африканской чумы, которой заразился сам мэр. Но у них ничего хорошего из этого не получается. Один из врачей заражается сам, плюс к тому в больнице из-за этого разгорается сильнейшая эпидемия, в результате которой люди становятся источниками появления на свет различных паразитов-монстров.

— Так оно и произошло в реальности, — вскрикнул Николаев. — Шарецкий заразился сам и... Черт! А куда же подевался второй врач? Кто у нас второй врач?

— Как кто? — искренне удивился Погодин. — Беленький Борис Анатольевич, конечно же.

— Почему ты так уверен?

— Шарецкий перед своей смертью сам рассказал Магамединову об этом.

Николаев встал из-за стола, повернулся к Погодину спиной и стал рассматривать фотографии врачей ожогового отделения, которые висели в рамочках на стене.

— Так, куда же подевался Борис Анатольевич? — задумался он вслух.

Погодин тоже поднялся из-за стола.

— И куда подевалась Круглова? — сказал он.

Павел Петрович пожал плечами.

— Никто не знает.

Погодин подошел к Николаеву.

— Вы как будто специально уводите меня от той темы, которую я затронул, — заметил он.

— Извини, я пытаюсь все сразу осмыслить.

— Ладно, проехали. Сама чума — она у меня в романе не совсем простая штука — носит паранормальный характер. И как только она появляется в больнице, больница становится закрытой территорией. Из нее невозможно выйти, поскольку забор в больнице покрывается мистической ледяной пленкой, которая к тому же покрывает и всю землю от забора до больницы. Но и этого мне показалось мало, и я придумал пылевое облачко, которое играло функцию стёрки...

— Придумщик чертов! — выругался Николаев. — И фантазер хренов! Мало ему этого показалось!

— Так вот, это облачко, по сути, полезное для писателя явление, оно превращало в пыль все то, что было лишним.

— Хорошо, Погодин, и в чем кроется вся соль твоей пламенной речи?

— Вот теперь мы и подошли к самому главному... к тому, о чем я хотел с вами поговорить.

Оле казалось, что ее мышцы вот-вот лопнут, порвутся от перенапряжения, от груза, который ей никогда не приходилось взваливать на себя. Пот катился с нее градом, давление стучало в висках, сердце прыгало в грудной клетке. Но она не останавливалась и двигалась вниз.

Оля тянула на спине Сергея. Глаза у командира погибшего отряда были закрыты, голова болталась из стороны в сторону.

Оля застонала:

— Нет... Я уже больше не могу...

Она опустила Сергея на ступеньки, села рядом с ним и прислонилась к холодной стенке. Вся мокрая, измученная, она тяжело дышала и никак не могла отдышаться. Сверху раздался нагоняющий панику знакомый звук: «вжи-жи-жить!». Оля подняла голову и посмотрела между перил.

— Вот же суки! Прорвались все-таки на лестницу, — прошипела она сквозь зубы и взглянула на лицо Сергея.

На нем не было никаких признаков жизни, непонятно было — жив он или нет. Оля ударила парня по щекам. Сергей в ответ еле приоткрыл глаза, но зрачки его сразу же закатились. Оля перевела взгляд на ноги Сергея. Она их обмотала разорванной пополам его же рубашкой. Куски рубашки пропитались кровью, но, по всей видимости, кровотечение приостановилось.

«Вжи-жи-жить!», — напомнили о себе сверху «носогрызы». Оля встала, ее ноги подогнулись от физического переутомления.

— Ну что, поехали дальше, милый, — прошептала отчаянная девушка.

Оля схватила Сергея под руки, и, отступая шаг за шагом по ступенькам, потянула его за собой вниз.

— Господи, ну где же здесь можно укрыться? — завывала она.

Николаев и Погодин рассматривали фотографии врачей ожогового отделения.

— Теперь, когда вы представляете, о чем мои произведения, — вновь заговорил Петр

Алексеевич, — давайте поговорим о тех вещах, которых нет ни в одном из моих романов или рассказов. Если говорить вашими словами, то мы отделим от ширмы те действия, которые делаются за ней и подумаем, как на них можно повлиять.

Николаев искоса посмотрел на завхоза и улыбнулся.

— А ты, Погодин, далеко не дурак... Дело говоришь.

Погодин развел пальцы в стороны, как крутой рэпер.

— А то! — сказал он. — Первое, что совсем не вписывается в мою фантазию, это рассказчики.

Николаев непроизвольно вздрогнул, когда услышал слово «рассказчики».

— Есть смысл предположить, что это и есть наши враги, — продолжил рассуждать Петр Алексеевич. — И все то, что они делают — делают во вред.

Николаев вытер рукой пот и тяжело вздохнул.

— Понятное дело.

— Следующее, о чем можно поговорить, — это «ледяная пленка», — продолжал Погодин. — В моем романе она двигалась от забора к больнице. В реальности она двигается и за пределы забора. И я подумал: значит, больница, это не цель, а средство для достижения чего-то большего. А чего именно — ответ напрашивается сам. Они — враги наши — считай, в открытую захватывают необходимое для них пространство. Этим пространством может быть город, может быть страна, может быть материк, а может быть и Земля в целом.

Николаев подтянул к себе кожаное кресло, усмехнулся и закрутил головой.

— Ну, ты и разогнался.

— Я все-таки какой-никакой, а писатель.

Николаев опустил в кресло и посмотрел на Погодина.

— Хорошо, давай продолжай. Смысл улавливаю.

— В последнее время я ломаю голову вот еще над чем. В моих произведениях не упоминалось ни про какие звонки от студента Андрея Кабена. Я все думаю, что это за звонки и для чего они вообще нужны?

Оля уже подумала, что эта лестница приведет ее в тупик. Ни на одной лестничной площадке не было ничего похожего на вход или выход, и только где-то на уровне восьмого подземного этажа в стене обнаружилась узкая дверь. Хоть лестница спускалась и дальше вниз, Оля затянула Сергея в коридор, в котором горел неприятный розовый свет. Она не понимала, откуда у нее взялось столько сил — как она смогла протащить раненого парня так далеко?

Оля опустила Сергея на пол и взглянула внутрь коридора. На расстоянии пяти метров от себя она увидела еще одну открытую узкую дверь. Оставив Сергея лежать на полу, Оля осторожно заглянула в комнату, которая находилась за этой дверью.

Она быстро вернулась за Сергеем и за руки поволокла к узкой двери, вытирая его голой спиной всю пыль на бетонном полу. Она втянула парня в небольшое помещение размером с ванную комнату и закрыла дверь.

В комнате горел ярко-розовый свет, еще более въедливый и раздражающий, чем в коридоре. Оля встала на колени и опустила голову на грудь Сергея. Она прислушалась к биению его сердца. Затем взглянула на белое лицо — оно поражало спокойствием и невыразительностью.

Оля провела рукой по груди Сергея и прошептала:

— Хоть сердце у тебя и крепкое, но горишь ты, чуть ли не адским пламенем. Что же

мне делать?

На пятом этаже в урологическом отделении все больные одиннадцатой палаты, кроме рассказчика Егора, встали у окна и облокотились на подоконник. Глаза у них налились красным. Из рта потекла желтая пена вперемешку с густой багровой кровью.

Сам рассказчик встал напротив них и заговорил, не скрывая досады:

— Я все понимаю, но такими темпами мы ничего не добьемся.

Александр Евгеньевич, который ухитрился втиснуться посередине между Андреем и Олегом Олеговичем, шагнул навстречу Егору.

— Я уже давно во всем разобрался, тут нет ничего сложного, — сказал он и выплюнул целую струйку желтой слюны.

— А может вся проблема в тебе, Егор? — злобно усмехнулся Олег Олегович, показывая рассказчику нижнюю челюсть, заполненную кровью и желтым гноем.

— Лично я ощущаю, что ты торопишься... и этим причиняешь нам серьезный вред.

— Это точно! — взвизгнул Андрей. — Скажи, куда мы летим? Зачем такая спешка?

Егор вмиг оцетинился.

— Закрыли рты, немедленно! — заорал он.

Александр Евгеньевич моментально отступил на свое место.

— Все смотрят мне в глаза, — приказал молодой рассказчик. — И не дай бог кто-нибудь что-нибудь скажет!

Андрей, Александр Евгеньевич и Олег Олегович — три крутых картежника — испугались этой резкой вспышки злости со стороны Егора. Рассказчик широко раскрыл глаза. И в этих глазах появился маленький голубой огонек. Он все сильнее и сильнее разгорался, и вскоре из глаз Егора ударил яркий голубой свет, словно два мощных фонаря зажглись на их месте.

— И «ледяная пленка» вновь зашевелилась и вновь стала разрастаться, — заговорил хриплым голосом странный парень. — В течение получаса она покрыла снаружи весь второй этаж, точнее, всю стену от границы между первым и вторым этажом до границы между вторым и третьим этажом.

Оля шлепала ладонями по бледному лицу Сергея. Губы у него были бескровные, белые.

— Сережа! Сереженька! — причитала Оля. — Очнись, милый! Я одна не справлюсь.

В ответ ей раздался слабый стон. Она нанесла еще несколько ударов.

— Сергей, умоляю...

Сергей слегка приоткрыл глаза, несколько мгновений пытался понять, что от него хотят, и вновь закрыл. Оля схватила его за плечо и продолжила тормошить.

— Сережа, — взмолилась Оля, — Сереженька, ты только не отключайся. Пожалуйста, миленький.

— Где мы? — спросил раненый парень слабым голосом. — Почему здесь так холодно?

Оля взяла его руку и стала растирать белые пальцы.

— Тебе холодно, потому что ты потерял много крови, — объяснила она. — Без серьезной помощи шансов выкарабкаться у тебя мало.

— Я хочу пить...

Оля посмотрела по сторонам. Комната, в которой они находились, была абсолютно пуста. Серые стены и бетонный пол — все, что она увидела. Оля прикусила нижнюю губу.

— Потерпи, милый, — прошептала она. — Я сейчас что-нибудь придумаю.

В двенадцатой палате хирургического отделения Ира, Света и Степановна все еще

сидели на одной кровати. Правда, они оживились, повеселели, из глаз их исчезла стеклянная пустота.

Ира, улыбнувшись яркой мечтательной улыбкой, обратилась к Анне:

— А когда у нас уже начнется практическая часть? Так хочется попробовать свои силы.

— Рано пока. Вы к этому не готовы, — ответила рассказчица. — Вы даже приблизительно не представляете, с какой силой и энергией вам придется иметь дело, ее неумелое использование может погубить вас в одну секунду.

В глазах Иры промелькнул озорной блеск.

— Ну, хоть чуть-чуть что-нибудь попробовать.

Анна на миг задумалась над словами Иры и сказала:

— Хорошо. Попробуй продолжить все то, что делаю я, но своим способом, примени для этого свою фантазию.

Ира не стала ждать, когда Анна передумает. Она вскочила со своего места, быстро развернулась и уставилась в глаза Светы.

— Ну, бабоньки, — выкрикнула девушка, — смотрим мне в глаза... а-а...

Голова Светы затряслась мелкой дрожью.

— А-а-а, — закричала несчастная подопытная.

Степановна, увидев чудачества Иры, открыла рот и замычала от страха и негодования одновременно. В глазах девушки, которая решила попробовать свои силы, появилось что-то очень неприятное, злое.

Ира почему-то смотрела только на Свету.

— И внезапно в кабинете заведующей гинекологией зазвонил рабочий телефон, — затараторила, приступив к делу, Ира. — Заведующая, не задумываясь, бросилась к этому телефону и закричала в трубку: «Алло, кто это звонит?» А в ответ ей раздался аёлся очень громкий голос: «Это я! Андрей Кабен!».

Света, не выдержав внезапно возникшей боли в голове, закричала благим матом и схватилась двумя руками за лоб.

— И в эту же секунду в ухе заведующей появилась сильная боль, — быстро выговорила Ира, — и заведующая заорала, как истеричка, и умерла от того, что ее мозг ЛОПНУЛ!

Из глаз Светы брызнули слезы.

— Из-за сильнейшего давления внутри черепа, — добавила Ира для образности и, повернувшись к Анне, спросила, — Ха, ну как?! У меня получилось?

Анна пожала плечами, на лице у нее появилась слабая улыбка.

— Даже не знаю, что сказать, — произнесла слегка напуганная женщина. — Думаю, что для первого раза неплохо. Но... откуда у тебя такая уверенность, что отделением гинекологии заведует женщина?

— А это важно? — нахально заявила Ира.

— Может и нет. А в других случаях, когда масштабы совсем другие, — это могло бы стать катастрофой.

Анна подошла к окну и открыла форточку.

— Вот тебе и первый практический урок, — сказала она. — Для начала все надо хорошо обдумать и не забыть учесть все нюансы, иначе...

Анна выглянула в форточку и, взглянув на окна противоположного крыла больницы, вдруг вскрикнула:

— Это что?! Твою мать!

Женщина развернулась на тонких шпильках и быстро зашагала к входной двери.

— Один рассказчик должен немедленно замолчать, — пробормотала она.

Оля услышала неприятные шуршащие звуки и, выглянув в коридор, посмотрела налево и направо. И хоть ничего подозрительного не увидела, чувство страха у нее осталось. Маленькая комната, в которой она с Сергеем спряталась от «ногогрызов», не внушала доверия. Но у нее не осталось ни сил, ни времени для того, чтоб найти более надежное место.

Сергей потерял много крови, и ему была нужна срочная помощь. Если б он протянул в таком состоянии, в котором находился, хотя бы час — это было бы геройством с его стороны. Оля понимала, что даже часа у нее нет.

— Знаешь что, Сергей, я вижу только один путь к спасению, — произнесла Оля. — Мне надо двигаться за помощью.

Было странным то, что Сергей ее услышал. Он слегка приоткрыл глаза и еле выговорил:

— Не надо... не рискуй... нет смысла...

Где-то в глубине коридора что-то грохнуло, и Оля прикрыла дверь.

— Это ж больница! — прошептала она. — Я найду тех, кто тебе сможет помочь, и приведу их сюда.

Сергей не ответил. За дверью раздалось какое-то шуршание. Оля замерла и прислушалась. Затем, не выдержав, она приоткрыла дверь и попыталась в образовавшуюся щель увидеть источник шуршания. Никого и ничего. Пустой коридор...

Оля посмотрела на Сергея и всхлипнула.

— Ну что ты лежишь и молчишь? — вскрикнула она.

Сергей, открыл глаза и уставился в потолок. Некоторое время было слышно его тяжелое дыхание, затем он провел языком по сухим губам.

— Сергей! — взвизгнула Оля.

Раненый парень с большим трудом повернул голову и взглянул на Олю. Он ее практически не увидел, она расплылась перед его глазами, превратившись в смесь различных красок.

— Обрато... нельзя, — прошептал он сухим скрипучим голосом. — Там тебя ждет... верная смерть...

Оля тут же вскочила на ноги.

— Знаешь, а мне надоело бояться смерти.

— Сядь, — приказал Сергей, — не горячись....

— Нет, я уже для себя все решила, — выкрикнула Оля, схватилась за ручку двери, открыла ее и, не дожидаясь ответа, покинула комнату.

Сергей увидел, как быстро захлопнулась дверь и, тяжело вздохнув, провалился в темноту.

Оля быстро поднималась по лестнице: перепрыгивала через ступеньки и бежала, не останавливаясь. Она хваталась за перила, и ее слабые мышцы напрягались до предела.

Оля поднималась все выше и выше. Внезапно навстречу ей выскочил «ногогрыз», он вылетел с лестничной площадки и в воздухе обнажил свои острые пилы. «Вжи-жить» — заревела ползучая тварь. Девушка чудом успела увернуться, острое лезвие одной из пил «ногогрыза» прошло в сантиметре от ее шеи.

Оля проводила взглядом улетающего вниз «ногогрыза». Тварюга долетел до следующего лестничного пролета и, совершив неудачную посадку, закувыркался по серому бетону.

— Эй, кусок говна с пилами, — закричала Оля ему вдогонку, — объясни мне, ты хорошо летел или хреново падал? А то я так и не поняла.

Она вновь схватилась за перила и стала подниматься дальше, но уже не так быстро. Преодолев десять ступенек, она услышала, как где-то сверху угрожающе «завжикали» несколько «ногогрызов».

Оля подняла кверху голову и посмотрела на лестничную площадку, откуда раздавались эти звуки. «Ногогрызов» не было видно, и поэтому невозможно было понять, сколько их там.

— Что, сучары, думаете, я вас боюсь? — закричала она.

Отчаянная девушка сняла с себя кофту и завязала два рукава крепким узлом. По ее лицу покатались капли пота.

— Да нисколечко! — ответила Оля за них и сорвалась с места.

— Ну, где же вы?! — заорала она, и тут же в ее сторону вылетели сразу два «ногогрыза» с широко расставленными крутящимися пилами.

Оля размахнулась кофтой и узлом попала по одному «ногогрызу», направив его в сторону второго. «Ногогрызы» в полете разбились друг об друга.

— Урраа! — возликовала она. — Вот вам, твари!

Чувство самосохранения подсказывало Кругловой, что надо действовать, а не слушать то чудовище, которое выдавало себя за красивого мужчину в сером костюме. Хотя очки на носу и делали из него интеллигента, она знала, как он выглядит на самом деле.

Мужчина хлопнул два раза в ладоши, и в темном помещении загорелся слабый розовый свет. Елена Степановна сразу же обратила на нестандартную длинную лампу за стеклом в стене.

— Давай, я тебе помогу слезть, — произнес мужчина и потянул к ней руки.

— Даже не думай! — вскрикнула Круглова и отскочила на два шага назад.

Она зацепилась ногой за что-то острое, вмиг потеряла равновесие и скользнула вниз, больно ударившись задним местом о трубы. Красавец мужчина рванулся и схватил ее в воздухе.

Круглова, упав прямо в руки красавца, нанесла ему сокрушительный удар по щеке и бросилась к выходу из помещения. Красавец тут же на глазах стал самим собой: неприятной тварью с жутким лицом — «Зверем».

«Зверь» схватился за щеку и закричал:

— Вот же дрянь!

Он в два прыжка нагнал Круглову и попытался схватить ее за рукав белого халата. Но Елена Степановна резко развернулась и ударила чудовище ногой в живот.

— Ух! — выдохнул «Зверь» и согнулся пополам.

Он упал на колени, и его лицо перекосила боль, которая знакома только мужчинам. Круглова, отступив на шаг, нанесла сокрушительный удар ногой по голове «Зверя», желтые брызги разлетелись в разные стороны.

— Ах! — выкрикнул он и от удара отлетел на метр назад.

«Зверь» упал на спину. На его лице отразилась сильная боль. Круглова победоносно взглянула на явно неземное чудовище и рявкнула:

— Слышишь, тварь, лучше не рыпайся.

— Да-а-а! — протяжно заскулил «Зверь». — Да ты... сама тварь! Ты гадюка безмозглая! Да я... если б хотел, давно бы тебя убил!

— Кишка тонка! — ответила на это Елена Степановна и выскочила из помещения.

Оказавшись в коридоре, Круглова со скоростью Шумахера помчалась в сторону лестничной площадки. Только после того, как половина длинного коридора была преодолена, она остановилась, чтоб отдышаться. Елена Степановна обернулась. За ней никто не гнался, и она вздохнула с облегчением.

Однако ее ждал сюрприз. Когда она повернула голову назад, то чуть не вскрикнула. По коридору, со стороны лестницы, в ее сторону шел Федор Иванович, лицо у него было очень серьезное и злое.

— Черт! — выругалась Круглова. — А тебе, дедуля, что здесь надо?

Елена Степановна медленным шагом побрела в его сторону. Она улыбнулась ему и кивнула в знак приветствия. Однако старик не ответил, выражение лица его не изменилось, оно по-прежнему осталось каким-то очень неприятным.

За спиной Кругловой раздался громкий женский крик:

— Стой, дура! Туда нельзя!

Круглова обернулась на крик и увидела, что со всех ног к ней бежит девушка в черном платье с коротким рукавом (то самое «черное нечто», с которым она уже два раза встречалась).

— Тебя мне еще не хватало! — заскулила Елена Степановна.

«Черное нечто» проскочило мимо Кругловой и прыгнуло, выставив руки вперед, на остановившегося Федора Ивановича. Оно сбilo его с ног и кубарем полетело через него.

Федор Иванович быстро поднялся и уставился в глаза девушки в черном платье.

— Кто ты? — грозно спросил он. — И что тебе надо?

— Сейчас узнаешь! — ответило «черное нечто» и бросилось на Федора Ивановича.

Старик выставил руки вперед, сделал захват и кинул через плечо девушку в черном платье. В результате броска она ударилась головой о стенку и взвыла:

— У-у-х!

Федор Иванович, услышав отчаянный вопль, нанес удар кулаком по лицу «черного нечто». А затем еще один и еще один. «Черное нечто» от ударов осело на пол и закатило глаза. Старик на этом не успокоился. Он схватил за ногу девушку в черном платье и быстро поволок ее по коридору, оставляя на бетонном полу следы желтой слизи.

Круглова так и осталась стоять, раскрыв рот. Она молча наблюдала за тем, что вытворял Федор Иванович. А он прошел мимо шахты, похожей на лифтовую, повернул голову и уставился на проход в темное помещение. В стене, в паре метров от прохода, торчал железный штырь.

— Вот это то, что нам надо, — вскрикнул старик и посадил «черное нечто» на пол.

Федор Иванович прислонил голову девушки в черном платье к острию железного штыря.

— Сдохни! — крикнул он.

Девушка в черном платье очнулась и открыла глаза. Федор Иванович нанес удар ногой по ее голове. Штырь пробил голову насквозь и вылез между носом и ртом жертвы.

Круглова взвизгнула.

— О боже! — закричала она. — Что вы творите?!

Федор Иванович ласково улыбнулся ей, как дедушка своей внучке.

— Я рад, что ты меня подождала.

Он взглянул прямо в глаза Кругловой и жестом руки позвал ее к себе. Елена Степановна

схватила за голову, сделала несколько шагов в сторону Федора Ивановича и грохнулась, вытянув руки вперед, на пол.

— Молодец девочка, я, думаю, мы с тобой найдем общий язык, — хихикнул старик.

Федор Иванович схватил за руку Круглову, вытащил ее на лестничную площадку и потянул по ступенькам вниз. И тут же за его спиной раздался крик Анны:

— Касхен, подожди, я тебе помогу.

Федор Иванович повернул голову и с удивлением посмотрел на Анну, которая по ступенькам спускалась к нему.

— Эмирта, что ты здесь делаешь? — спросил старик.

— Я иду к Чёмче.

— Зачем он тебе понадобился?

Анна подошла к Федору Ивановичу и взяла Круглову за другую руку.

— Один из рассказчиков творит что-то непонятное, — сообщила женщина. — И у меня такое ощущение, что этот рассказчик сошел с ума.

Старик кивнул.

— Эмирта, мы в этой больнице не одни, — сказал он. — Здесь есть еще кто-то, такой же разумный, как и мы.

— Ужас! — вскрикнула Анна. — И что им или ему здесь надо?

— Мне тоже хотелось бы это знать, — ответил старик.

Открыв двустворчатые двери, Оля осторожно выглянула в узкий коридор. На полу ничего не было — кто-то очистил коридор от кровавого фарша. О произошедшем здесь страшном сражении отряда Сергея и «ногогрызов» напоминали только забрызганные кровью стены.

«Интересно, кто и когда успел навести здесь порядок?», — задумалась Оля. Она осторожно вошла в узкий коридор, покрутилась на одном месте, собралась с духом и быстро зашагала. Каждый шаг ее отражался эхом. Плюс к тому в коридоре, правда, непонятно где, что-то капало на пол. Как только Оля прошла мимо шахты, в коридоре появился знакомый звук: «вжи-жить... вжи-жи-жить»...

Оля огляделась по сторонам: в коридоре никого не было. Она сразу же подумала о шахте — скорее всего, мерзкие ползучие твари с пилами спрятались там.

Оля ускорила темп — перешла с шага на бег. «ВЖИ-ЖИТЬ» превратился в такой гул «вжиканья», как будто сотни «ногогрызов» в один момент взяли и «завжикали». Она вновь остановилась и попыталась понять, откуда идет мерзкий звук. Но так ничего и не поняла.

Николаев, шагая по ожоговому отделению, задумался и не заметил, как ему навстречу вышла больная женщина с большим вздутым животом. Он шел по коридору, а она вылезла из палаты.

— Доктор, куда подевался заведующий нашим отделением?

Николаев бросил на нее страдальческий взгляд и пожал плечами.

— Я не знаю.

Больная женщина остановилась в метре от Николаева и громко закашляла, не закрывая при этом ладонью рот.

Николаев сразу же отступил от нее на шаг.

— Что ж вы делаете?! Так и других можно заразить.

— Мне наплевать, веришь? — А мне не плевать! — дико разозлился Николаев. — А ну быстро вернитесь в свою палату! Я не разрешаю вам из нее выходить.

— Пошел в жопу! — ответила на это женщина и плюнула ему в лицо. — Я есть хочу.

Павел Петрович отвернулся от нее, вытер рукавом халата лицо и краем глаза заметил, что на него смотрят другие больные, которые как будто специально выглянули посмотреть, что здесь происходит.

— Хорошо, будет тебе питание! — прошептал сквозь зубы он. — Если ты сейчас же пойдешь в свою палату, я его тебе организую.

Николаев отошел от больной женщины на несколько шагов.

— Внимание! Весь медперсонал, это относится к вам, — закричал он злым голосом. — Собираемся около поста ста дежурной медсестры. Прямо сейчас! Немедленно!

Николаев взглянул на больную женщину. На ее лице красовалась неприятная ухмылка.

— Я вижу, доктор, — зашипела она, — ты боишься смерти. Ой, как боишься.

Николаев ничего не ответил, он развернулся и пошел в сторону поста дежурной медсестры. Остановился возле двери в кабинет заведующего ожоговым отделением.

— Кожало, что у тебя тут за хрень творится? — произнес он, открывая двери, и вдруг замолчал, поражаясь увиденному.

Наконец-то «ногогрызы» обнаружили себя. Они стали выползать из углублений, выпиленных в самом низу стены, и заполнять коридор впереди Оли.

— Ну, здравствуйте, — произнесла девушка. — Кто бы сомневался, что дело будет дрянь.

За ее спиной раздался рев пил «ногогрызов». Она развернулась и увидела, что и с другой стороны из стены выползают мелкие твари с пилами.

Оля рванула назад — туда, откуда пришла — в сторону лестничной площадки, надеясь проскочить. Она остановилась в двух метрах от шахты, похожей на лифтовую, и поняла, что «ногогрызы» зажимают ее с двух сторон.

— Ну, зачем я вам... ну... а? — застонала она и шмыгнула носом. — Я так понимаю, в плен вы не берете?

Голос Оли сорвался.

— Жаль, что я не увижу, когда вас всех как тараканов раздавят, тварей...

«Вжи-жи-житьь», — громко взвизгнул самый отчаянный «ногогрыз» и бросился к ногам Оли. Она закрыла глаза и со всей силы ударила ногой по нему. «Ногогрыз» отлетел назад, как футбольный мячик. «Вжи-жи-житьь», — около десятка «ногогрызов» с двух сторон устремились к ногам Оли.

Она бросила грустный взгляд на проем в стене, ведущий в шахту. Ее от шахты отделяло два метра, которые заполнили «ногогрызы».

— Прощайте! — тихо сказала она и прыгнула в самую гущу опасных ползучих тварей. «Ногогрызы» тут же впились в ее ноги пилами.

Оля успела оттолкнуться еще раз и совершила прыжок в шахту.

— Мамочка! — закричала она.

Раздались два глухих удара ее тела о металлическую конструкцию, расположенную по всему периметру стены шахты, и внезапно все затихло, даже «ногогрызы» перестали шуметь своими пилами.

«Кап... кап... кап...», — остался слышен шум где-то капающей жидкости.

ГЛАВА 10. Борьба за лидерство

В кабинете заведующего ожоговым отделением Дмитрия Антоновича Кожало царил творческий беспорядок. Все, что уцелело после разгрома, было расставлено по местам, но не совсем правильно, а точнее, абы как — криво, косо, вверх тормашками — так, как захотелось новой творческой натуре.

Сам заведующий сидел посередине кабинета на полу и что-то рисовал на офисной бумаге, а за его спиной стоял Николаев и с любопытством наблюдал за его действиями.

— Палка, палка, огурчик — вот и вышел человечек, — пел Дмитрий Антонович.

На секунду он замолчал и почесал затылок.

— Ага! — вскрикнул он, наклонился, что-то дорисовал на бумаге и пропел тенором. —

А теперь добавим ножек — получился осьминожек.

Николаев взглянул на художества Кожало, разбросанные по всему полу. Они представляли собой рисунки на уровне пятилетнего ребенка.

Дмитрий Антонович тяжело и одновременно удовлетворенно вздохнул:

— Да... Все гениальное просто...

Николаев легонько, с какой-то опаской, хлопнул его по плечу.

— Дмитрий Антонович, с вами все в порядке?

Кожало вздрогнул от неожиданности и повернулся лицом к Павлу Петровичу.

— А? — произнес Кожало, и из его носа потекли кровавые сопли, они почти достигли верхней губы и там остановились.

Николаев обреченно кивнул.

— Извините, — сказал он, — я все понял. Не отвлекайтесь от этого очень серьезного занятия.

Павел Петрович медленно осмотрел весь кабинет и остановил взгляд на рабочем столе Кожало, верхний ящик которого, был чуть-чуть выдвинут, внутри него виднелся разный хлам.

— Если вы не возражаете, — пробормотал Николаев, внезапно вспомнивший про Магамединова. — Я вам еще одного художника в помощь приведу.

Кожало кивнул с серьезным выражением лица и поправил пальцем очки на носу.

— Это будет очень любезно с вашей стороны, — сказал он и продолжил свои художества.

Николаев подошел к рабочему столу и выдвинул ящик на столько, насколько можно было его выдвинуть. Среди всякого офисного барахла он сразу заметил ежедневник Кожало. Он взял его, полистал немножко, хмыкнул и посмотрел в сторону Дмитрия Антоновича.

Открылась дверь и в кабинет заглянула Алена.

— Павел Петрович, тут у поста собрались люди... Ждут, когда вы выйдете к ним.... Правда, нас не так много.

Николаев закрыл ежедневник Кожало, опустил его в карман халата и о чем-то задумался. Затем спохватился, что на него смотрит Алена и ждет ответа.

— Сейчас иду! — произнес он. — Просто тут есть о чем подумать...

Почувствовав ледяной холод, Сергей открыл глаза. Его очень сильно знобило.

Ему даже показалось, что он примерз к бетонному полу. Он хорошо помнил, что Оля отправилась за помощью, но не верил в удачу этой затеи.

Сергей устался в потолок и задумался, откуда идет неприятный розовый свет. Что является его источником? Внезапно перед его глазами все поплыло, потеряло резкость.

— Ох... Ох... — застонал он, закрыл глаза и повернул голову набок.

Со стороны входной двери раздался скрежет и скрип. Глаза Сергея вмиг распахнулись, он приподнял голову и взглянул в сторону пугающего звука. Под дверь протискивался «ногогрыз».

— О, черт! — вскрикнул Сергей и дернулся.

С трудом сел, схватившись за стену, и устался на «ногогрыза». В комнату через щель под дверью лезли его товарищи с пилами, их было много, они лезли и лезли...

Приближалось время обеда. На кухне у электроплиты стоял Жабраков — здоровенный мужик с задницей, как у слона, — и жарил на большой сковороде жирное мясо с луком, помешивая деревянной лопаткой. На этой же электроплите что-то варилось в большой кастрюле, из нее вверх поднимался ароматный пар.

Жабраков зацепил деревянной лопаткой кусочек жирного мяса, попробовал его на вкус, и тут же скривился от отвращения.

— Фу, какая гадость... Неужели люди захотят есть такое?

— Да, хрен его знает этого Хмельницкого, — ответил Игоревич. — Такое ощущение, что у него крыша поехала.

Он расположился на стуле и открывал банки с тушенкой, вываливая их содержимое в зеленую кастрюлю, которая стояла на столе, и из которой тоже шел пар.

— Мне кажется, мы совершенно нерационально используем пищу, — заметил Жабраков. — Такими темпами запасы кладовых быстро иссякнут.

— Запасов здесь, конечно, дай боже, — не согласился с ним Игоревич. — С такими запасами мы еще долго протянем. Но вот зачем людей кормить, как на убой, я не пойму.

Жабраков поднял сковородку и выкинул все ее содержимое в большую кастрюлю, кипящую на этой же электроплите.

Открылись входные двери, и на кухню вошел главврач больницы. Он вдохнул ароматы готовящейся пищи, и на его лице расплылась сладкая улыбка.

— О, какие здесь запахи, — застонал Хмельницкий от удовольствия. — Я просто слов не нахожу.

Он приблизился к большой кастрюле, стоящей на электроплите, и заглянул в нее.

— Ложку скорее дайте мне, а то я сейчас слюной подавлюсь. Жабраков протянул ему ложку. Хмельницкий зачерпнул жидкое жирное варево из кастрюли, и, подув на него, громко хлебнул.

— Перца сюда чуть-чуть не помешало бы, — выдал свое мнение главврач.

— Как скажите, перец у нас есть, — пробубнил Жабраков.

Хмельницкий повернулся к Игоревичу.

— Ты сейчас у нас здесь за главного?

Игоревич взглянул в глаза Хмельницкого и неохотно кивнул.

— Как у нас дела обстоят с хлебом? — спросил главврач.

Игоревич развел руками.

— Так его почти и нет. Осталось три-четыре буханки черствого.

Хмельницкий, почесав затылок, приказал:

— Тогда хлеб весь оставшийся тоже раздайте.

Игоревич открыл очередную банку с тушенкой.

— Вы уж извините, Иван Сергеевич, но я не могу понять, зачем мы так нерационально и жирно кормим людей?

Главврач тяжело вздохнул и ответил:

— Здесь все просто, мой ты умный человек. Очень сильные стрессы и паника подавляются жирной и питательной едой. Ни одно лекарство в этом не заменит жирную пищу.

— Честно говоря, я про такой способ борьбы со стрессами не слышал.

Хмельницкий опустил руку на плечо Игоревича.

— Вот теперь знай, что есть такой способ. Меня этому еще наш старый доцент Якимович научил. Благодаря такому, на первый взгляд, вредному питанию, мы избежим большого количества суицидов. И, даст бог, сведем их вообще к нулю.

— Иван Сергеевич, а вы обещали найти еще помощников, — влез в разговор Жабраков.

Хмельницкий повернулся к Жабракову и кивнул.

— Простите, забегался совсем и забыл. А куда, кстати, подевался Николаич?

Игоревич сразу же расстроился и пожал плечами.

— Да черт его знает! — ответил он.

А Николаич стоял на коленях в мочной и наклонялся все ниже и ниже над стоком в канализацию. Он «рассказывал», что съел за последние два часа. Рядом с ним стояла открытая и на треть опустошенная им же бутылка водки.

Начальник мастерской вытер испарину, выступившую на лбу, и сплюнул на всякий случай еще несколько раз.

— О-ёчки! — прошептал он и поднялся на ноги.

Медленной шатающейся походкой несчастный мужчина подошел к умывальнику, открыл кран и умылся холодной водой. Вытерся грязным полотенцем и взглянул красными, измученными душевной болью и алкоголем, глазами на бутылку с водкой.

Он поднял бутылку и немного приложился к ней. Сразу же произошло рвотное отторжение. Николаич быстро склонился над стоком в канализацию и стал бороться с приступами тошноты. Когда звездочки перестали плясать перед его глазами, он подошел к стене и сел, опираясь на нее спиной. Громко вдохнул и выдохнул воздух, вновь глотнул из бутылки и зажал рукою рот.

Водка попыталась вернуться назад, но ей это не удалось. На глазах Николаича выступили слезы. Он занюхал водку рукавом, поставил бутылку на пол и прислонился к стене. В его глазах отразилась тоска, с которой он никак не мог справиться.

Возле поста дежурной медсестры собралось много людей. Среди них были и лечащие врачи ожогового отделения — Чернов и Белоусова. Они тихо разговаривали друг с другом. В коридор из кабинета заведующего ожоговым отделением вышел Николаев, и на его лице сразу же вспыхнула злость. Он яростным взглядом посмотрел на всех собравшихся.

— Чего это с ним? — шепнула Алена на ухо Анфисе. — Он вроде был совсем в другом настроении.

— Черт его знает! — сказала Анфиса. — Моча в голову, наверное, ударила.

— Что все встали и глазками хлопаете?! — заорал Павел Петрович. — Ждете чуда, наверное?

— Так вы ж сказали всем...

Николаев шагнул вперед и наклонился в сторону удивившегося Бoryгина.

— А не будет чуда! В том понимании, в каком вы его ждете. Не закончится этот ад, не

прекратится, если мы сами этого не добьемся!

— Так чего вы от нас хотите? — спросил Чернов.

— А вот что! — ответил Павел Петрович. — С этой минуты мы все без исключения направляем свои силы на борьбу с бедой, которая нас атаковала. И не дай бог, кому-то захочется где-то спрятаться и отсидеться! Я сам лично найду и убью этого человека.

— Ничего себе заявочка! — буркнул Лебедь.

— Заткнись! — прикрикнул на него Бoryгин. — Он дело говорит.

Николаев постукал указательным пальцем себе по голове.

— Вот этим местом вы должны понять, что без кардинальных, хорошо продуманных и слаженных действий мы все обречены на смерть. И вопрос сейчас стоит только в том, как быстро она придет.

— А у вас есть какие-то конкретные предложения, кому и что делать? — перебил его Евгений Хонкин.

Николаев кивнул и вновь обвел всех глазами.

— Да! — грозно сказал он. — Начнете вы с того, что наденете защитные костюмы. Повторяю: все до одного, нравится это кому-то или не нравится. На четвертом этаже и ниже все работают только в защитных костюмах.

— Увижу кого без костюма, собственноручно скручу шею, — крикнул Бoryгин. — Павел Петрович, я за этим прослежу, не переживайте! Что делаем дальше?

— А дальше мы начнем приводить в действие план Инги Вацлавовны Весюткиной.

Николаев повысил голос:

— Но прежде еще вот что скажу: в следующий раз, когда я вас соберу, чтоб предо мной стояло людей в десять раз больше. Бoryгин, тебе поручаю. И запомните, как прописную истину: с этого момента в больнице я — самый главный, и нет здесь никого главнее меня. Все ваши вопросы вы решаете только со мной.

— А как же главврач больницы? — удивилась вслух Белоусова. — Вы уверены, что он ваше решение одобрит?

— Хмельницкий пусть идет прямиком в жопу! — фыркнул Бoryгин. — Он из кухни не вылезает. От него толку, как от козла молока.

— Это точно, — согласилась с ним Алена.

— Для тех, кто не понял, повторяю, — заревел басом Бoryгин. — Николаев с этого момента самый главный: запомните сами и другим передайте... А Хмельницкий — говно, а не главврач! И нам такой не нужен! Если хотим жить — будем бороться под руководством настоящего лидера. Ура Николаеву!

В ответ ему повисла тишина. Все собравшиеся стали испуганно переглядываться.

— Я не слышу! — заревел еще громче Бoryгин.

— Ура! Ура! Ура! — раздались в ответ нестройные выкрики.

Сергея затрясло. Сказалась большая потеря крови и невероятная слабость, сделавшая его практически неподвижным, неспособным постоять за себя. Отвратительное и унижительное положение. Он медленно покрутил головой, рассматривая чего-то ждущих «ногогрызов». Они облепили его со всех сторон, заняли все свободные места в комнате.

Сергея удивило то обстоятельство, что «ногогрызы» смотрели на него невинными глазками, как добродушные щенята или котята. Он осторожно сжал пальцы правой руки в кулак. Моментально раздалось резкое «вжи-жить», и ближайšie к его руке «ногогрызы» угрожающе высунули свои острые и крутящиеся со скоростью пилы.

— Эй! Тихо... тихо, — вскрикнул Сергей.

В ответ ему раздался очень длительный по звучанию рев. «Вжи-жи-жить», — орал «ногогрыз» со стороны его левой руки. Сергей моментально повернул голову в сторону угрожающего звука и увидел, что к его руке протискивается «ногогрыз» по размерам в два раза больше остальных.

Сергей сжал пальцы левой руки в кулак. «Ногогрызы» моментально на это среагировали истерическим «вжиканьем» пил. Самый большой «ногогрыз» поднялся по брюкам на ногу Сергея и переместился поближе к его паху. Сергей резко поднял руку и попытался скинуть с себя эту жуткую ползучую тварь. «Вжи-жижижи-жить», — ужасно громко и протяжно заревел своими острыми пилами в ответ большой «ногогрыз». Пилы больно задели пальцы Сергея, и он быстро сунул их в рот, глотая при этом собственную кровь, которой у него и так мало осталось.

Сергей с ужасом уставился на быстровращающиеся пилы большого «ногогрыза», они все ближе и ближе приближались к ткани брюк в районе ширинки.

— Эй, друг, ты чего задумал?! — взвизгнул Сергей.

В это же мгновение из тела большого «ногогрыза» со скоростью пули вылетела острая игла с прозрачной тонкой трубочкой и впилась в живот Сергея. Произошло впрыскивание какого-то синего раствора.

Сергей закатил глаза и повалился на спину, больно ударившись головой о бетонный пол. Большой «ногогрыз» заполз на его живот и продолжил вводить синий раствор через прозрачную тонкую трубочку, периодически перемещая иглу в другие места на животе.

Погодин нашел Николаева в ординаторской на четвертом этаже. Тот сидел за столом в кожаном кресле и листал ежедневник Кожало.

— Ты не поверишь: работа пошла! — закричал с порога Петр Алексеевич. — Люди стараются вовсю: наводят порядок, всех больных размещают в чистых палатах. Пятый и шестой этажи освобождают, часть кроватей переносят сюда в ожоговое, часть наверх. Короче, люди зашевелились, желающих помочь становится все больше и больше.

Николаев оторвал взгляд от ежедневника.

— А главное, у них появилась надежда, — произнес он. — Чего, скажем, мне самому не хватает.

— Ты только здесь не засиживайся, — посоветовал ему Погодин. — Ты к людям выйди. Дай им понять, что они все делают правильно.

— Я скоро к ним присоединюсь, — пообещал Павел Петрович.

Погодин подошел к столу и взглянул на ежедневник.

— Что это ты читаешь, такое интересное?

Николаев неохотно протянул ежедневник завхозу.

— Это записная книжка Кожало, — пояснил он.

Погодин взял ежедневник из рук Николаева и стал разглядывать со всех сторон.

— Ого! И что в ней интересного написано? — спросил Погодин, листая страницы.

— А то, что он тоже не сидел, сложа руки, и за это бедняга, как я понял, и поплатился.

Погодин кинул осуждающий взгляд на Николаева:

— А поконкретнее можно?

Павел Петрович застучал пальцами по столу. Как всегда, он и разговаривал, и думал одновременно.

— Конкретнее? Кожало пишет, что ведет наблюдение за поведением рассказчика, и

отмечает, что рассказчику не нравится, когда рядом с ним повышают голос. И что самое странное для меня...

Николаев замолчал. Очередная серьезная мысль парализовала его язык. Через несколько секунд он продолжил объяснения:

— Дальше он пишет, что рассказчик сразу убивает того, кто очень громко шумит рядом с ним.

— Да, — усмехнулся Погодин. — Интересное наблюдение.

— Нет, ты вдумайся в эти слова. Получается, Кожало видел, как рассказчик убивает за то, что кто-то очень громко шумел возле него.

— Ничего себе!

Николаев встал и забрал ежедневник из рук Погодина.

— Я считаю, что это очень ценная информация, и о ней нельзя говорить другим.

— Ты что, сдурел? — воскликнул Погодин. — Наоборот, нужно людям как можно быстрее об этом рассказать!

Павел Петрович зло сверкнул глазами.

— Только попробуй, и я тебя сразу же убью! — пообещал он. — Распространение этой информации строго запрещено. Я не шучу, Погодин!

Погодин на всякий случай отступил от стола на шаг назад.

— Кто бы сомневался. В больнице только и слышно: Николаев самый главный, если что, он всех убьет, и он не шутит.

Николаев побурел:

— Что?! — заорал он. — Что ты сказал, подлец?! А ну иди сюда и повтори.

Погодин, не теряя времени, развернулся и бросился к выходу.

— Я бы с радостью, но у меня дел много.

Игоревич зашел в моечную и осмотрелся по сторонам. В помещении для мытья посуды никого не было. Игоревич заметно разволновался и тяжело вздохнул.

— Твою мать! Уже успел проспаться! — выругался он, плюнул на пол и покинул моечную.

Игоревич двинулся по коридору в сторону лестницы, ведущей в кладовые. Лицо у него было встревоженное, будто он почувствовал что-то нехорошее.

— Найду и убью сразу, — решил он, — чтоб потом больше не волноваться...

— Я так и знал, что ты сюда переберешься, — произнес Игоревич после того, как открыл дверь и вошел в первую кладовую.

Он стал в метре от Николаича, который расположился на полу и курил какую-то очень вонючую сигарету. Рядом с Николаичем на полу стояла бутылка с остатками водки и открытая трехлитровая банка с маринованными огурцами. Весь пол кладовой жил своей жизнью. По нему ползали мелкие ползучие твари: розовато-беловатые червячки, похожие на опарышей, и серые жучки, по форме похожие на божьих коровок. По кладовой летали большие черные мухи. Игоревич брезгливо взглянул на Николаича:

— Слышишь, валенок, может, хватит себя жалеть?

Николаич подавился дымом и громко закашлял. У Игоревича появилось такое ощущение, что «валенок» сейчас выплюнет свои легкие.

— Иди в жопу, — рявкнул начальник мастерских. — Я тебя сюда не звал.

Игоревич смело шагнул к Николаичу и положил руку ему на плечо.

— Не надо так со мной. Я этого не заслужил.

Игоревич серьезным вдумчивым взглядом посмотрел на то, что творилось за спиной Николаича. На полу, рядом друг с другом, лежали два сильно разложившихся человеческих трупа, кишашие разными ползучими тварями.

— Николаич, убить тебя мало! — вскипел Игоревич. — Ты что, не видишь, что здесь творится? Ты же сегодня сюда уже два раза за продуктами спускался...

— А мне пострать, — ответил на это начальник мастерских, поднял с пола недоеденный огурец и стряхнул с него червяков.

— А мне нет!! — завизжал разъяренный Игоревич.

Николаич косо посмотрел на него, и, держа в одной руке недоеденный огурец, потянулся к бутылке с водкой.

— А мне пострать, что тебе нет, — сказал он. — Отстань от меня. Я скоро приду.

Игоревич заревел, как самурай, готовящийся к атаке, и со всей силы отфутболил бутылку с водкой, та отлетела метров на пять, ударилась об стенку и разбилась вдребезги.

— Все! — не унимался Игоревич. — Я ничего не хочу слушать!

Николаич испуганно посмотрел на Игоревича, а затем по сторонам.

— Эй! Эй! Ты чего?

— Вставай немедленно и пошли работать!

Игоревич наклонился и схватил Николаича за руку, с легкостью его поднял и двумя пинками под задницу выгнал из кладовой.

— Нехрен здесь расслаживаться! — ревел он в спину убегающего Николаича.

Проход с четвертого на пятый этаж перегородил санитар Борягин. Он сел за стол и представил себя большим начальником. Через час к нему подошел Николаев и спросил:

— Ну что, Дмитрий, как дела?

— Идут полным ходом, — ответил Борягин.

— Ясно. Дай я пройду, гляну своими глазами.

Борягин отодвинул стол так, чтоб Николаев мог пройти.

— Проходите, Павел Петрович.

Пройдя в урологическое отделение, Николаев увидел в коридоре трех женщин в защитных костюмах, которые мыли пол пенным раствором. Из третьей палаты показались Лебедь и Бобров, они вынесли ненужную в этой палате кровать.

Николаев подошел к ним.

— Молодец, Степан, что к нам присоединился, — сказал он.

— А я вас и не бросал, — ответил Бобров.

— Проблемка у нас, — сообщил Лебедь. — Почти все добровольно покинули отделение, кроме больных из одиннадцатой палаты. Они закрылись на защелку у себя и не выходят.

— О-ё-ёй! — вскрикнул Павел Петрович. — Так, мужики, их не тревожьте, пока я не скажу. Хорошо?

Бобров и Лебедь кивнули.

— И другим передайте, — забеспокоился Николаев. — Я скоро всем подробно объясню, почему этого не стоит делать. Пока не стоит...

Со стороны лестничной площадки раздался голос Хмельницкого:

— Я не могу понять, что здесь творится?

И вслед за ним с той же площадки в коридор донесся сильный грохот. Разъяренный Хмельницкий ворвался в коридор и направился прямо к Павлу Петровичу.

— Николаев, ты можешь мне объяснить, что здесь вообще происходит? — заорал он.

В коридор вслед за Хмельницким вбежал Боргин в защитном костюме с отстегнутым верхом.

— Эй, мудака, вали отсюда! — закричал Дмитрий. — Ты здесь больше никто и звать тебя никак. Иди дальше: сиди у себя в кабинете и в носу пальцем ковыряйся. Не до тебя сейчас! Павел Петрович, что мне с ним сделать? Этот псих ногой на два метра стол мой отфутболил, я еле успел отскочить в сторону.

Николаев сверлил взглядом Хмельницкого. Хмельницкий тоже смотрел только на него.

— Иван Сергеевич, с сегодняшнего дня вы больше не являетесь главврачом этой больницы, — спокойным голосом произнес Николаев. — Я забираю правление в свои руки, потому что не могу больше спокойно смотреть на вашу нерасторопность и бездействие.

Хмельницкий ухмыльнулся и сделал еще один шаг в сторону Николаева.

— Наивный ты парень, и даже не представляешь, кому ты перешел дорогу, и что теперь с тобой будет. Я уничтожу тебя здесь и сейчас.

Сергей Ветров не сразу сообразил, что ползучие твари с пилами покинули комнату, в которой он лежал на холодном бетоне. Это немного порадовало его. Смертельный приговор был отсрочен по каким-то неведомым ему причинам. Сергей попытался приподняться, и тут же резкая невыносимая боль в животе пронзила его.

— А-ах! — вскрикнул он и согнулся пополам.

Вокруг него закружились белые мерцающие мушки.

— А-а! — заорал Сергей.

Он сжал зубы и схватился руками за живот. Боль была нестерпимая, острая. Она резала без пощады.

— А-а! — реагировал на ее вспышки раненный парень. — О-о!

Весь его живот был в каких-то мелких гнойных ранках, из которых капельками сочилась синяя слизь. Почувствовав, что боль немного отступила, Сергей встал и медленно, держась руками за стену, подошел к двери, открыл ее и вышел из комнаты.

Сергей поплелся по коридору, придерживаясь одной рукой за стену. Прошагав пять метров, он неожиданно вскрикнул, схватился руками за живот и упал на колени.

— О-ё-мое! — закричал Сергей и застучал кулаком по стене.

Когда боль вновь его отпустила, Сергей вытер холодный пот, выступивший на лбу, и поднялся на ноги. Более быстрым шагом пошел по коридору, при этом вспоминая все матерные слова, которые знал.

— Твою мать! — ругался парень. — Что это такое?!

Он прошел мимо шахты, похожей на лифтовую, и резко остановился. Сергей смотрел в сторону прохода в темное помещение и с трудом верил своим глазам. Какое-то серо-синее существо с руками и ногами и отвратительным лицом сидело на полу, прислонив голову к стене, и из этой головы торчал железный штырь. Сергей подошел ближе и увидел «Зверя», про которого ему рассказывали студенты. Штырь вошел где-то в области шеи рядом с ухом, он пробил «Зверю» голову и вынес часть челюсти.

С головы «Зверя» текла желтая слизь, ее очень много скопилось на полу — образовалась целая лужа. На лице «Зверя» отражалась гримаса боли. Он затуманенными глазами смотрел на Сергея.

Раненый парень молча взглянул в глаза «Зверя». «Неземное существо» закрыло их и скривилось от боли. И тут же со стороны шахты раздался глухой кашель, как будто того, кто

кашлял, придавило чем-то тяжелым.

Сергей развернулся и уставился в сторону шахты. Он мог поклясться, что ему не послышалось. В подтверждение этого глухой кашель вновь донесся до его ушей.

Сергей подошел к шахте и заглянул в нее. Дальше двух метров ни вниз, ни вверх он ничего не увидел. Всему виной был слабый розовый свет. «Не об этой ли загадочной шахте мне все время твердил Вадим?», — задумался командир погибшего отряда.

Сергей вновь заглянул в шахту и закричал:

— Эй, есть здесь кто-нибудь? Может, какая помощь нужна?

Где — то сверху вновь раздался глухой кашель и слабый стон. Было очень похоже на то, что стонет женщина или девушка. Более того, Сергею этот стон показался знакомым.

— Оля, это ты здесь?! — закричал Сергей, и все его тело покрылось мурашками.

Николаев и Хмельницкий смотрели друг другу в глаза. За спиной Николаева стояли Лебедь, Бобров и три женщины, которые мыли пол в коридоре.

— Только вот не надо мне угрожать, — произнес сквозь зубы Николаев.

— Заткнись! — не сдерживая эмоций, закричал Хмельницкий. — Я чисто из принципа убью тебя.

Он указательным пальцем показал на свои глаза, затем этим же пальцем ткнул в лицо Николаева (его рука при этом имитировала пистолет, а указательный палец дуло этого пистолета).

— Одним взглядом, — добавил разгневанный главврач.

Хмельницкий симитировал выстрел и дунул в палец, как в дуло пистолета.

— Здесь и сейчас. Верить мне?

Николаев резко изменился в лице, кивнул и отступил на шаг назад.

— Верю, — прошептал Павел Петрович. — Конечно же, верю!

Главврач улыбнулся злой улыбкой.

— Я был здесь главным и останусь. Ты меня понял?

Николаев вновь кивнул и отступил еще на один шаг.

— Понял! — вскрикнул он. — Понял! Не горячитесь, пожалуйста.

— Немедленно прекращайте всю эту самодеятельность, — заорал взбешенный Хмельницкий, — и разбегайтесь по своим норам.

Николаев встал боком, он почувствовал дыхание смерти и взглянул сначала на Боброва, Лебедя и женщин, а затем на Борягина.

— Делайте, что он говорит.

Борягин не выдержал всего этого сумасшествия и схватил за плечо Хмельницкого.

— Да что это за детский сад?! — разозлился он.

— Борягин, не смей! — закричал Николаев. — Не надо!

Хмельницкий успел только повернуться лицом к Борягину, и тот влепил ему кулаком в нос. Хмельницкий от удара отлетел прямо в объятия Павла Петровича. Главврач резко выпрямился и оттолкнул Николаева от себя.

— Не все решается физической силой, — заговорил он, — есть силы, которые намного мощнее.

Хмельницкий вытянул вперед руку и быстро произнес:

— Хоп!

Из макушки Борягина, как из вулкана, вырвался фонтан крови и серо-желтой массы. Глаза его вылетели из глазниц, как пули, и шлепнулись прямо на деловой костюм главврача.

Из носа выскочила струя желто-серой жидкости. Все это выглядело так, как будто внутри черепа Борыгина взорвалась «лимонка».

Внутри черепа ничего не осталось, через глазницы хорошо просматривалась дыра на макушке. Кожа на лице исчезла, остались только одни порванные куски. Борыгин секунд пять простоял на одном месте, словно ничего не произошло, и рухнул на пол.

Одна из женщин, что мыла пол, схватилась за голову и завопила во весь голос:

— Это сам дьявол! Спасайся, кто может!

Моментально все свидетели происходящего разбежались по палатам. В коридоре остались только Николаев и Хмельницкий.

— Ну что смотришь на меня, как на седьмое чудо света?! — спросил главврач перепуганного Николаева.

— Убивай меня, чего ты ждешь? — прошептал Павел Петрович.

— Заткни, ничтожество, свой поганый рот! — приказал Хмельницкий. — Я сам буду решать, когда и что мне делать.

Он замахнулся и ударил Николаева в ухо.

— Пошел вон отсюда, мразь! — рявкнул главврач. — Чтоб я тебя больше никогда выше четвертого этажа не видел!

Павел Петрович, прижав ладонью ухо, стал медленно отступать в сторону лестничной площадки. Хмельницкий, наблюдая за движением Николаева, произнес:

— Знаешь, в чем твоя слабость? Ты говоришь: «Убей меня», а в голове молишься богу, чтоб я тебя не тронул. Ты готов отдать все в обмен на то, чтобы жить. Ты слабак по природе. Как только кто-то находится сильнее тебя, и ты чувствуешь риск смерти, ты готов молить о пощаде. Может я не прав?!

Николаев, продолжая отступать, ответил:

— Почему же? Прав! Все люди чего-то боятся.

Хмельницкий посмотрел на Николаева с презрением.

— Беги, сопляк, отсюда, пока я не передумал, — сказал он.

Николаев кивнул и побежал к лестничной площадке. У самого выхода он остановился и повернулся лицом к Хмельницкому.

— А знаешь, в чем твоя и тебе подобным тварям слабость?

Главврач с усмешкой на лице кивнул, позволяя Павлу Петровичу высказать свою мысль.

— В излишней самоуверенности и в ощущении своего превосходства, — сказал Николаев.

Жабраков высыпал мусор из мусорных ведер в один большой полиэтиленовый мешок.

— Я через полчаса вернусь, — сказал он. — Пойду посплю чуток.

— Я тоже очень хочу спать, — произнес Игоревич, нарезаая хлеб.

— горевич ёс, зевая Игоревич. Так что тебе мешает? — искренне удивился Жабраков. — Иди ложись. Времени полно.

Игоревич бросил косой взгляд на Николаича, который с недовольной миной подметал пол большой метлой.

— Да я... чуть попозже, наверное, — прошептал Игоревич. — Дела у меня есть еще кое-какие.

— Тебе решать. Я-то пойду спать по-любому. Без сна я тюфяк.

Жабраков с мешком, заполненным мусором, вышел из кухни. Николаич посмотрел на закрывающиеся двери, наклонился и вымел все из-под стола, затем молча переместился к

навесным шкафчиком.

Николаич осторожно взглянул на Игоревича, тот скидывал порезанный хлеб с доски в железный таз.

— Николаич, есть у меня кое-какие мысли, которыми я хотел с тобой поделиться.

Раздался скрип открываемой дверцы. Игоревич даже не дернулся, хоть и услышал этот скрип, он спокойно продолжил нарезать хлеб.

— Блин! — заорал Николаич. — Я не понял, куда подевалась вся водка?!

— Я ее всю вылил в раковину, — произнес Игоревич, как будто речь шла о каком-то пустяке.

Николаич с кулаками бросился в сторону Игоревича.

— Что ты сделал? Повтори!

Игоревич встал и с размаху воткнул нож в разделочную доску.

— Я ее вылил в раковину от греха подальше.

Николаич со всего размаху нанес удар по носу Игоревича. Игоревич отлетел от удара прямо к стене.

— Кто тебе дал право распоряжаться моей водкой?! — заревел Николаич, его глаза налились красным цветом.

Игоревич вытер струйку крови, вытекшую из носа, и уставился на ошалевшего Николаича.

— Я ничего не могу понять, — очень тихо произнес он. — Ты что, из-за водки так бесишься?

Николаич схватил табуретку и кинул в него. Игоревич закрылся руками, табуретка ударила об его локти и разлетелась на части.

— О-ё! — завыл Игоревич. — Мне же больно!

Николаич вырвал нож из доски и бросился на Игоревича. Тот отскочил в сторону. Николаич бросился за ним. Игоревич запрыгнул на стол и перескочил со стола на электрическую плиту, которая, к его счастью, была выключена.

Николаич, немного отдышавшись, стал размахивать ножом, как бравый десантник, затем он его подкинул вверх, поймал и бросил со всей силы в сторону своей жертвы. Игоревич успел спрыгнуть с электроплиты на пол, нож пролетел над его головой и воткнулся во входные двери.

— Николаич, побойся бога! — закричал напуганный Игоревич. — Зачем ты меня хочешь убить? Водка того не стоит.

В ответ на Игоревича полетела пустая кастрюля. Игоревич спрятал голову за электроплитой.

Николаев ворвался в ординаторскую ожогового отделения и стал крушить все подряд. Разлетелись на части стол и стулья, разбилось вдребезги зеркало, шкаф рухнул вперёд, кресло попало в умывальник.

Злости его не было предела.

— Убью суку! — орал Павел Петрович. — Убью гада!

Николаев опустил на колени и заскулил от злости.

— Сука! Сука! — выл он. — Что ж я тебя сразу не задушил?!

В ординаторскую неуверенно заглянул Бобров.

— Павел Петрович, можно я зайду?

Николаев бросил угрюмый взгляд на санитаря.

— Заходи, Степан, — нехотя сказал он.

Бобров стал посреди ординаторской и оценил масштабы разрушений.

— Ну как вы?

Николаев развел руками.

— Как видишь!

— Если честно, я так и не понял, — произнес Бобров, — как это Хмельницкий так круто расправился с Борьгиным?

— А очень просто! — закричал Павел Петрович и ударил кулаком по колену. — Хоп! И готово!

Бобров сел на корточки.

— Разве такое возможно? Взять и сказать: «Хоп!». И на тебе: у другого человека фонтаном вылетают мозги из головы. Я такого в школе не проходил.

Николаев отвернулся от Боброва.

— Видимо, возможно, раз так произошло, — прошептал он.

— Я вас понимаю, вы хотели, как лучше для всех нас, — забубнил Степан. — Хотели всех объединить. Но Хмельницкий в один миг разрушил ваши планы.

— Это мои трудности, Степан! В этой безумной войне нельзя взять силой. Здесь можно надеяться только на наши способности думать. И мысли наши должны заходить далеко вперед и опережать события. Только так, и никак по-другому, мы сможем победить. Сильнее физической силы только сила мысли.

Бобров замотал головой.

— Это все философия... Был бы у меня гранатомет, я бы с этим утверждением поспорил. В реальности мы бессильны перед ситуацией.

— Не совсем так, Степан! — пробормотал Николаев. — Двигайся ко мне поближе и слушай. Я долго думал, и вот какая мысль пришла мне в голову...

Вспышка новой боли оказалась намного сильнее предыдущих. Сергей чуть не свалился в шахту, так она его скрутила. Он прижался к стене и вспомнил свою маму раз сто, а то и больше.

— Мама! Мамочка! — вопил он, не переставая.

Когда Сергей пришел в себя, он вновь заглянул в шахту и закричал:

— Оля, это ты здесь? Откликнись!

Однако ответа не последовало. Собравшись с духом, он решил лезть вверх. Сергей схватился рукой за стальную трубу и ступил на поперечную балку. Осторожно посмотрел вниз и ничего хорошего для себя там не увидел.

Он подтянулся и залез на трубу, а затем на следующую балку. Сергей даже на секунду не задумался о том, откуда у него появилось так много сил, ведь он потерял немало крови. Он взялся за воздухопровод, встал во весь рост и потянулся рукой к следующей стальной трубе.

Сергей не дотянулся до трубы и опустил руку обратно. Он стал искать глазами, за что ему зацепиться, чтобы продолжать подъем наверх. На уровне следующего этажа — там, где в стене должен быть проем, — располагалась сплошная стена, и из нее выступала небольшая металлическая площадка.

Сергей ухватился за металлическую площадку одной рукой и за трубу воздухопровода другой, оттолкнулся от балки и залез на площадку. На ней сразу же загорелось электронное табло и начало отсчитывать назад секунды, начиная с числа «шесть».

«6, 5, 4, — сменялись цифры на электронном табло. Сергей с площадки перепрыгнул на

балку и тут же вскрикнул, схватился двумя руками за живот, согнулся пополам и потерял равновесие.

— А — а — а!!! О, Боже! — закричал он из-за возникшей боли в животе.

Он соскользнул с балки и повис на ней, зацепившись руками. Попытался найти под ногами опору. Новая вспышка боли дала о себе знать. Сергей заорал и сорвался вниз. Пролетев совсем немножко, парень успел схватиться за поперечную балку, с которой начинал свой подъем. Перед его глазами засветилось много блестящих звездочек, и видимое пространство стало каким-то нерезким, расплывчатым.

Несмотря на слабость, Сергей подтянулся, залез на балку, встал с колен и уцепился рукой за стальную трубу.

— Боже, за что мне это наказание? — прошептал он и, не давая себе передышки, полез вверх.

Сергей поднимался все выше и выше. Прodelывал он это с большой нагрузкой на сердце — подтягивался, влезал, перепрыгивал на металлические площадки с электронным табло — и при этом дышал очень тяжело, воздух с шумом и хрипом вырывался из его легких. Впервые за всю свою жизнь он чувствовал себя не спортивным парнем, а тяжелой неподъемной тушей.

Внезапно капли какой-то жидкости звонко ударились о его коротко стриженую голову. Сергей вытер их рукой и посмотрел на нее: ладонь была испачкана чем-то красным. Сергей поднял голову, и на его лоб закапали свежие капли крови.

— Эй, есть там, хоть кто-нибудь живой? — закричал он.

Никто не ответил.

— Наверное, зря я все это задумал, — сказал он сам себе и забрался на очередную металлическую площадку, после чего не выдержал и заорал. — Да, отзовется мне кто-нибудь или нет?!!

«3,2,1», — быстро досчитывало электронное табло на площадке.

Сергей перепрыгнул на поперечную металлическую балку и продолжил карабкаться вверх. Кровь уже не капала, а лилась тоненькой струйкой. Он внимательно присмотрелся и увидел, что она течет с металлической площадки, что находилась чуть-чуть выше его.

Сергей забрался на эту металлическую площадку и обратил внимание на то, что между металлическим листом и нависающей над ним стеной имеется щель, через которую может проползти мышь, а может даже и крыса. Парень стал на колени и попытался заглянуть в щель. И в этот же момент прямо перед его носом взвыла пила «ногогрыза». Он моментально отпрянул и перепрыгнул на следующую балку.

Сергей обернулся и увидел, как поднимается грязно-желтая и липкая стена, открывая проход на скрытый подземный этаж. Картина за этой стеной не требовала никаких комментариев. В узком коридоре в луже крови лежало большое количество отпиленных человеческих частей тела. Головы, руки, ноги — выбирай на вкус, какая часть понравится. Тут были и тазобедренные суставы, и голени, и пальчики с розовенькими ногтями. Чуть дальше за лужей валялась перевернутая тачка с длинными ручками.

На железный лист площадки неожиданно выскочил из-за угла Борис Анатольевич Беленький, куда-то пропавший лечащий врач терапевтического отделения, который, как и его коллега Шарецкий, специально заразил одного больного чумой с целью найти от нее лекарство.

Стена за Беленьким начала опускаться вниз. Борис Анатольевич уставился в испуганные

глаза Сергея и засмеялся истерическим смехом. После чего приставил дуло пистолета себе к виску и кивнул Сергею.

— До скорой встречи в аду, Чёмча! — произнес он и нажал на курок.

Прогремел выстрел, и мозги Беленького разлетелись по сторонам.

Посередине всего хаоса в ординаторской ожогового отделения расположился в кожаном кресле Николаев. Он практически не высовывал носа в коридор, только если надо было сходить в туалет. Ему было с одной стороны стыдно за себя, с другой — страшно. Более всего он боялся встретиться с главврачом больницы.

В ординаторскую, не постучав, зашел Погодин и остановился в трех метрах от Павла Петровича.

Погодин испуганными глазками обвел всю ординаторскую.

— Павел Петрович, не надо все так близко принимать к сердцу, — произнес он. — Я же пошутил.

Николаев кинул грустный взгляд на Погодина.

— Садитесь, Петр Алексеевич, и рассказывайте, где вы пропадали и чем занимались.

Погодин посмотрел по сторонам, ища взглядом, на что ему сесть. И увидел кожаное кресло, которое зачем-то повисло на умывальнике.

— Я, Павел Петрович, без дела не сижу. Не переживайте! — сказал Петр Алексеевич подошел к умывальнику и снял с него кресло.

— Я верю тебе, Погодин. Ты единственный в больнице, кто пытается во всем разобраться. За что тебя и уважаю.

Погодин поставил кресло на пол и сел в него.

— Я занялся изучением всего происходящего в больнице, — важно заявил он. — Я постоянно передвигаюсь с места на место и подслушиваю чужие разговоры, пытаюсь подтвердить свои догадки и выявить общую картину.

Услышав это, Николаев еще больше разволновался. Психика его никак еще не могла принять страшную гибель Борыгина.

— Умоляю тебя, Погодин, будь осторожен и не рискуй по пустякам.

Погодин улыбнулся: его давно никто не умолял.

— Стараюсь не рисковать, но знать, что происходит вокруг нас, мы должны. Поэтому — уж как получится.

— Пойми, Погодин, — взволнованным голосом заговорил Павел Петрович, — риск для нас — это роскошь! В больнице здоровых и толковых людей становится все меньше и меньше. Пропадают и гибнут самые толковые люди — Весюткина, Круглова, Магамединов, Кожало. Если ничего не делать, то в больнице останутся только такие, которые уже ничего не смогут изменить.

Внезапно на лице Погодина расплылась улыбка, чуть ли не до самых ушей.

— Я не понял! — удивился Николаев. — Я разве что-то смешное сказал?

Погодин покачал головой.

— Я, Павел Петрович, в восторге от вашей пламенной речи. Все, что происходит в больнице, — неспроста, и вы своей речью навели меня на еще одну разгадку. Я все время думал, для чего нужны эти странные звонки от студента Андрея Кабена. И благодаря вам я нашел ответ на этот вопрос. Звонки эти нужны для того, чтобы избавляться от самых умных и толковых людей.

— Да, Погодин, ты меня вновь шокировал, — пробормотал Николаев. — Получается, я

был не прав, когда предполагал, что противник нас недооценивает и вообще не берет в расчет наши способности думать и анализировать...

Игоревич спрятался на полу за плитой у самого выхода из кухни. Испугался он не на шутку. Поведение Николаича выходило за все возможные рамки. Из-за какой-то дурацкой водки этот придурок был готов его убить. Знал бы, что так все обернется, вообще бы к ней не прикасался.

Игоревич прислушался. Раздался шорох. Понимая, что дело — дрянь, он вскочил и схватился за ручку двери. И в этот же момент на него с электроплиты прыгнул Николаич. Они вместе вылетели из кухни в коридор. Игоревич упал на спину, а Николаич сел на него сверху, и стал колошматить кулаками.

Тем временем на кухне из-под шкафа для кастрюль и прочей утвари выбежало шесть «зместрел». Они громко запищали, запрыгали от радости и бросились к входным дверям.

Игоревич, защищая руками лицо, как-то выкрутился и сбросил с себя Николаича, стал хватать его за уши и за волосы. В коридор из кухни выбежали «зместрелы», они заплясали вокруг дерущихся мужчин и завизжали от восторга и переполняющих их эмоций. На головах «зместрел» повывлезали на разные расстояния их «антенки».

— Ах ты, сука! — не своим голосом заорал Игоревич.

Он схватил Николаича за волосы и ударил головой об пол. Николаич извернулся и попал локтем Игоревичу прямо в нос. Игоревич взвыл от боли. Николаич вскочил на ноги. Игоревич — тоже. «Зместрелы» залились радостным криком, захлебываясь в своих эмоциях.

Николаич ударил ногой Игоревича в живот, и тот отлетел к стене. Следующий удар Николаич нанес покруче всякого каратиста: он с разворота вцепил ногой в голову Игоревича.

— На тебе, падла! Знай наших!

Игоревич от удара дезориентировался, колени его подогнулись, и он потихоньку стал съезжать по стене на пол. Николаич отступил на несколько шагов и с разбегу ударил ногой в грудь Игоревичу, а добил его кулаком в ухо.

Довольные «зместрелы» с пискom разбежались по сторонам. Николаич с радостной улыбкой на лице проводил их взглядом. Он тупо уставился на Игоревича, радостная улыбка медленно сползла с его лица. Он посмотрел на свои руки и увидел, что они все в крови.

— О, Боже! — вскричал Николаич. — Что я натворил?!

Игоревич лежал на полу с открытыми, уставившимися в одну точку, глазами. Николаич бросился к Игоревичу и упал перед ним на колени

— Игоревич! Игоревич, что с тобой?! Игоревич, ответь мне!

Николаич стал лупить ладонью по щекам Игоревича, но никакой реакции со стороны того не последовало. Николаич схватил его за руку и попытался прощупать пульс.

— О-ё-мое! — прошептал он. — Я его убил!

Николаич обнял Игоревича, как родного брата, и громко зарыдал.

— Прости меня!.. Прости, я не хотел...

Сергей не ошибся: кашляла в шахте Оля. Правда, шансов спасти ее было мало. Девушка застряла ло. между трубой воздухопровода и поперечной металлической балкой. Причем одна рука у нее как-то неестественно вывернулась: она зацепилась за провода и кабели, и ими же оказалась плотно стянута.

Оля стонала от боли, лицо ее прижало к воздухопроводу, из-за чего было очень тяжело дышать. Она пыталась пошевелиться, но это ей стоило таких мучений, каких даже врагу не пожелаешь. Плюс к тому попытки освободиться только усугубляли ее положение.

По металлической конструкции шахты к Оле медленно ползли «ногогрызы». Один из них уже почти достиг ее вывернутой правой руки. «Вжи — жить», — взвизгивали пилы «ногогрыза», готовясь вонзиться в человеческую плоть. Оля замычала, пытаясь как-то высвободить руку, но ничего хорошего из этого не вышло. Она обреченно закрыла глаза, готовясь к самому худшему.

С Олиной лодыжки вниз закапала кровь. Кап-кап-кап... Капли крови попали на голову Сергея. Он поднял голову и наконец-то увидел ее.

— Олечка, держись! — закричал он. — Я иду к тебе.

В ответ заревели пилы «ногогрыза», они беспощадно впились в пальцы девушки. По сторонам разлетелись брызги крови, и три пальца Ольги распрощались с рукой. Они упали на голову Сергея, и он, благодаря нелепому везению, успел поймать один из них. Тот, на котором было надето серебряное колечко.

Он с ужасом уставился на этот палец и завопил во весь голос:

— Н-е-е-т!!!

Николаев и Погодин тем временем продолжали свою дружескую беседу в хаосе ординаторской ожогового отделения. Павел Петрович наклонился вперед и спросил:

— Погодин, скажи мне честно, не чувствуешь ли ты своей вины в том, что твоя фантазия стала для кого-то примером для подражания? Ведь согласишься, если б ты не придумал всей этой ахинеи, то и не было бы чему подражать.

Погодин тут же перестал улыбаться.

— Нет, Павел Петрович, я не соглашусь с вами, — ответил он. — Мир без человеческих фантазий потеряет очень многое, он станет однообразным и скучным. Всем разумным существам дан интеллект, чтобы они могли различать, какой поступок несет зло, а какой добро. И нечего винить писателей за то, что кто-то сознательно творит такое же зло, какое творили злодеи в их книгах.

— Не обижайся, Петр, что я задаю такие вопросы. Просто мне все хочется понять, чувствуешь ли ты хоть чуть-чуть свою вину за то, что твоя страшная фантазия превратилась в реальность.

— Я вам уже дал понять, как я к этому отношусь.

— А мне кажется, это просто защитные слова, — тихо произнес Николаев и посмотрел прямо в глаза Погодину. — Это словесная стенка, которой ты пытаешься отгородиться от ответственности перед своей совестью.

Погодин прищурился и покачал головой.

— Нет, даже если за мою фантазию меня приговорит к смертной казни все оставшееся в живых человечество, я все равно не буду считать себя виноватым. Моя совесть чиста и прозрачна, я никому не желал зла и ничего не предпринимал для того, чтобы причинить вред другим. Только слабаки берут на себя ответственность за плохие поступки других... И тот, кто меня приговорит, тоже будет виноват в совершении плохого поступка, так как накажет не того, кого надо. Теперь я доступно изложил, что чувствую и думаю по этому поводу?

Николаев кивнул.

— Более чем, Петр, — процедил он сквозь зубы. — Я тебе честно признаюсь, я давнко пытаюсь тебя раскусить и для этого тебя, тварюгу, специально подпустил к себе на самое близкое расстояние. Я ждал, когда же ты расколешься. И наконец-то дождался.

Погодин вскочил с кресла и закричал:

— Павел Петрович, что вы говорите такое? Уверю вас, вы заблуждаетесь в своих предположениях. Я не враг вам. Я на вашей стороне!

Николаев тоже вскочил, и, шагнув вперед, схватил Погодина за воротник рубашки.

— Ну что, главный рассказчик, — заорал Павел Петрович прямо в лицо завхозу, — ты думал, что ты самый умный и сможешь мне пудрить мозги столько, сколько тебе захочется?! А?! Отвечай немедленно!

Погодин испуганно кивнул и осел на пол, теряя сознание.

Федор Иванович и Анна тянули по бетонному испачканному кровью полу Круглову. По обе стороны коридора в стенах располагались железные двери с решетчатыми окнами. Через эти окна хорошо были видны камеры, в которых содержались пленные люди. Они, молча, смотрели на Федора Ивановича и Анну.

Одна седая женщина не выдержала, отвернулась от окна и произнесла:

— Еще одну несчастную тянут... Тут и так уже дышать нечем, а они все тянут и тянут...

Федор Иванович остановился и отпустил руку Кругловой. Рука глухо ударилась о пол. Анна тоже остановилась и взглянула вопросительно на старика.

— Давай отдохнем, — сказал он.

— Что — то не так?

— Мне не хватает воздуха. Мне все кажется, что воздухопроводы не справляются со своей работой. Необходимо срочно строить дополнительные. Я так думаю.

— А, если предположить, что дело не в самих воздухопроводах, а в том или в тех, кто их сознательно приводит в негодность?

— И об этом я задумывался.

— Просто если это так, — заметила Анна, — то какой смысл новые строить, если их тоже испортят?

— Если предположить, что это делает кто-то, то он, скотина, понимает, что он делает... И гнет свою линию безостановочно. Но вот зачем? Ведь это повредит всем сразу? Никто не останется в живых, если доступ воздуха в больницу прекратится или его станет катастрофически не хватать. А это значит, что и эту скотину ждет та же самая смерть, что и всех остальных.

— А может, все как раз наоборот, — предположила Анна. — Он — кто бы это ни был — не понимает, что делает!

Федор Иванович резко вскинул глаза на Анну.

— Или же один из рассказчиков раньше времени дал попробовать кому-то из своих учеников свои силы в построении новой реальности?! А?! Чем и вызвал необратимые последствия первого порядка.

Анна вздрогнула и отвела взгляд.

— Что ты так смотришь на меня? Я здесь ни при чем. Я делала все как надо — я ж не дура!

Федор Иванович положил руку на плечо Анне.

— Успокойся, Эмирта, я тебя ни в чем не обвиняю. Я знаю, что ты не такая дура. Но мне кажется, что я прав. Один из учеников, попробовав свои силы, увлекся и продолжает менять реальность самостоятельно, при этом особо не утруждает себя точными расчетами и не учитывает все обстоятельства.

— А может, все еще не так страшно? — спросила Анна.

— Черт его знает! — ответил старик. — Мы явно в этой больнице не одни такие

разумные, а значит, и игра ра затевается на самом высоком уровне. Поверь мне, я нутром чую резкую перемену позиций и приближение игры по новым правилам.

Федор Иванович наклонился и схватил Круглову за руку. Вместе с Анной они поволокли ее дальше по узкому коридору, в котором стояли спертые запахи.

— Касхен, в какой камере мы ее закроем?

— В двадцать шестой. Там всего два человека у нас.

— Двадцать шестая же — кормовая, — поразилась Анна.

— Так и пусть пускают ее на корм, — сказал старик. — Она ж никакой ценности не представляет.

— Странный ты какой-то, — усмехнулась Анна. — Давай ее уже тогда сразу в мясорубочную.

Федор Иванович остановился, чтоб отдышаться.

— В принципе, ты права, — согласился он. — Чего ее лишний раз кормить, она и так неплохо выглядит.

Старик и Анна подтащили Круглову к большим железным воротам. За воротами раздавались шум и треск переламывающей кости мясорубки и отчаянные крики людей. Анна нажала на красную треугольную кнопку и услышала звук щелкнувшего замка. Железные ворота приоткрылись, и в коридор выглянул Громила — тот самый мужик, которому Николаич в свое время поставил задачу охранять пищеблок.

Громила вопросительно взглянул на Анну и Федора Ивановича.

— Еще двадцать минут до рубки, — удивился он.

— Раздевайте ее пока и мойте! — распорядился старик. — Нечего ляхи отсиживать!

— Как скажете, — произнес Громила, взял Круглову за посиневшую руку и затянул в мясорубочную.

— Эй! — позвала его Анна. — А что у вас там за крики раздавались, и мясорубка чего шумела?

Громила посмотрел на нее с обидой.

— Мы же тоже пожрать чего-то должны, — заметил он. — Весь день не жрамши.

— Ясно! — сказала Анна. — Только не затягивайте с этим!

Николаич пришел к выводу, что дальше жить нет никакого смысла. душе заглушила все остальные его чувства. 21. Сильная боль в душе заглушила все остальные его чувства. Ощущение того, что он никому больше не нужен, полностью сломало его.

Он зашел в моечную, поставил стул у стены, залез на него и БОЛЬ— МОЕЧНАЯ — ВЕЧЕР Никола на него ин полностью сломало его. привязал к железному крюку веревку с петлей.

— Сколько не старался, а все равно пришел к тому, с чего начинал пятнадцать лет тому назад свою новую жизнь, — прошептал он и туго затянул веревку на крюке.

Николаич вздохнул и продолжил разговор с самим собой:

— Ты не прав был, Игоревич, разговор сам с собой когда говорил, что жизнь меня совсем не кусала. Я разбил ее в пух и прах пятнадцать лет тому назад... И если б не Варвара, то давно гнил бы где-нибудь за чертой кладбища.

Николаич застыл на стуле с петлей в руках, по его глазам потекли слезы.

— Прости меня, Игоревич, за все, и спасибо тебе за твою хоть и короткую, но настоящую дружбу.

Николаичу вдруг вспомнилось, как Игоревич говорил про свое отчаяние:

— В тот момент я сильно отчаялся и был готов покончить жизнь самоубийством. Но Бог мне послал тебя — человека, который все время мне доказывал, что жизнь еще не закончилась — и я в какой — то момент понял, что все еще хочу жить...

Начальник мастерской улыбнулся и надел петлю на шею.

— Эх, Игоревич, я так и не понял, кем я был большую часть своей жизни, — выкрикнул он, собираясь сделать то, что он задумал.

За дверью раздался тяжелый кашель и стон. Она заскрипела и в моечную вошел Игоревич. Лицо его было все в кровоподтеках и синяках, он держался за голову и, не переставая, стонал.

Николаич с открытым ртом и петлей на шее уставился на Игоревича, который подошел к умывальнику, открыл кран и умылся холодной водой. Николаич от нервного потрясения начал перхатать. Игоревич испуганно повернул голову в сторону Николаича и вздрогнул.

— Вот же блин! — со злостью в голосе проговорил он. — Мудаком был, муذاком и остался!

Николаич в ответ заулыбался во весь рот.

— Игоревич, ты не сдох?! Ты жив, падла?! — произнес начальник мастерских и на радостях сделал шаг вперед. Стул тут же отлетел в сторону.

Николаич, держась за веревку, впивающуюся в шею, повис в воздухе и забрыкал ногами. Игоревич спокойно взглянул на это зрелище, снял грязное полотенце с крючка и медленно вытер лицо и шею.

ГЛАВА 11. Иди ты в жопу, надувной шарик!

Восьмиэтажное здание больницы одиноко стояло посреди ледяной равнины. И только забор, покрытый ярко-синей мерцающей «ледяной пленкой», окружал ее. Не раздавалось ни криков, ни звуков — ничего, что могло напомнить о жизни снаружи. Природа молчала.

Хотя можно ли называть природой отсутствие людей, животных, птиц, насекомых, деревьев, шумных рек — всего того, что умело говорить?

Коварная «ледяная пленка» покрыла снаружи стены здания до третьего этажа. От ее дальнейших действий зависела жизнь всех обитателей больницы. Но мало кто об этом задумывался. Часть людей жили верой в то, что вскоре прилетят военные вертолеты и всех, кто остался в живых, спасут. Часть же людей — особенно те, кого зацепила новая неизвестная науке чума, — не верила уже ни во что...

На полу в моечной, возле перевернутого стула, сидел Николаич. Он тер руками раскрасневшую шею. Игоревич — весь в синяках и кровоподтеках — стоял над ним с едкой ухмылкой на лице.

— Есть мудрая фраза: в здоровом теле здоровый дух, — болтал без умолку спаситель Николаича. — Так вот, это сказано не про тебя. В тебе силы и здоровья заложено немало, а духа — кот наплакал... или накакал... Неважно! Суть в том, что в тебе нет ничего мужского... Ты просто бесполезный нолик и самый неприспособленный к жизни человек.

Николаич улыбнулся в ответ.

— Я безумно рад, что ты жив, Игоревич! И поэтому можешь брехать про меня все, что тебе захочется.

Лицо Игоревича тут же стало серьезным.

— Я вот о чем думаю, нам надо расходиться в разные стороны, — сказал он. — Страшно мне оставаться с тобой наедине.

— Я тебе верю. Эти мелкие твари специально добиваются того, чтобы люди не собирались вместе и не общались между собой.

Игоревич отвел взгляд от Николаича и стал смотреть по сторонам. Предчувствие нового мордобоя вкралось в его душу.

— Это здорово, что ты трезво начал мыслить, — пробормотал он. — Назрел один очень серьезный разговор.

В моечной никого не было. Но Игоревича это не успокоило.

— О чем? — спросил Николаич.

— Я реально чувствую, что Хмельницкий нас использует в каких-то своих целях. Его распоряжения кажутся настолько абсурдными, что я это просто не могу передать словами...

«И под раковиной ничего и никого не видно, — отметил для себя Игоревич, — и под моечной машиной... темнота...».

— Ты мне об этом уже говорил, — сказал Николаич.

— Когда же я успел? — удивился Игоревич. — Ладно. Ну и что ты думаешь по этому поводу?

В ответ Николаич ехидно улыбнулся. Игоревич заметил это и вздрогнул, затем с опаской посмотрел в сторону моечной машины.

— Ты чего это так нехорошо улыбаешься? — поинтересовался он на всякий случай, обратив внимание, что под машиной запросто могла бы спрятаться какая-нибудь ползающая

или прыгающая дрянь.

— А чего тут думать, — заявил Николаич. — Давай ему накостиляем хорошенько и спросим, чего он херней занимается.

На лице Игоревича появилась ответная улыбка.

— Вот это уже мужской разговор, — произнес он.

Круглова пришла в себя в «душевой», куда ее затащил Громила. Это было довольно просторное помещение, стены и пол которого были выложены плиткой неприятного желтого цвета.

Елена Степановна сидела на полу в одном нижнем белье и прятала лицо в колени. Она была вся мокрая и тряслась от холода. На нее беспощадно лилась ледяная вода из огромного шланга, который держал в руках Громила.

Круглова не выдержала издевательства и закричала:

— Объясни, зачем ты все это делаешь!

— Поверь, меньше будешь знать, тебе же будет проще, — ответил ей Громила.

Круглова повернулась спиной к Громиле и обхватила руками плечи.

— Хватит! — взмолилась она. — Сжался надо мной! Вода очень холодная!

Громила молча продолжил поливать Круглову. На его лице не отразилось никаких чувств. Елена Степановна поднялась и попыталась перейти в другой угол.

Громила пережал шланг, направил его в сторону перемещающейся в угол Кругловой и разжал его. Струя воды сильно ударила по ногам Кругловой, она поскользнулась и упала коленями на желтую плитку.

— Что ты творишь?! — закричала Елена Степановна, увидев, как с одного колена потекла кровь.

— Закрой рот, дрянь! — заорал Громила. — Мне запрещено разговаривать с тобой.

Круглова забилась в угол и зажала коленку рукой. Громила непрерывно поливал ее водой, он так старался, словно сам собирался ее съесть.

Елена Степановна кинула полный ненависти взгляд на Громилу.

— Что же ты творишь, урод?! — воскликнула она. — В тебе что, нет ничего человеческого?!

Громила снял с пояса что-то похожее на длинную прозрачную трубу с железным наконечником, внутри которой мерцали, как молнии, яркие электрические разряды. Он опустил ее на пол и нажал черную кнопку. По желтой плитке в сторону Кругловой устремилась яркой полоской «электрическая змейка» и врезалась в пальцы правой ноги Елены Степановны.

Круглову аж всю перекосило от электрического разряда. Она вскрикнула и затряслась, как паралитик от такого жестокого удара. Из глаз ее брызнули слезы, изо рта потекла слюна. Из носа Кругловой вытекла струйка крови, потекла по губам и по подбородку и крупными каплями закапала на желтую плитку.

Равнодушный Громила подошел к электрическому щитку и выключил подачу воды к шлангу номер один. На стене рядом со щитком на крюках висели еще три таких же смотанных шланга.

— Мир не может бесконечно катиться в том направлении, в котором он сейчас катится, — вдруг заговорил Громила каким-то неестественным голосом. — И только молчание может его спасти от горькой участи. Когда замолчит и исчезнет с лица земли последний человек, вся природа вокруг вздохнет с облегчением. И на планете вновь

воцарится рай, который был до его, человека, появления.

Круглова зарыдала в ответ.

— О черт, да ты еще и псих к тому же, — прошептала она сквозь слезы, даже не предполагая, что такой заумной речи Громила обязан Погодину, который ее придумал для одного из героев своего романа «Молчание».

А сам Погодин тем временем сидел, склонив голову, в кресле, которое располагалось недалеко от умывальника. Над ним стоял Николаев и хлопал ладонями по его щекам.

— Петр Алексеевич! Погодин! Очнись же, наконец!

Погодин слегка приоткрыл левый глаз, размышляя, же приходить в себя, или же ещё посидеть без памяти. можно ли уже приходить в себя или же еще посидеть без памяти.

— Что вам надо? — набравшись смелости, закричал он. — Убивайте меня, раз не верите, что я на вашей стороне!

— Тихо-тихо, — успокоил его Николаев. — Это была проверка на вшивость.

Погодин открыл правый глаз и злобно, с недоверием, посмотрел на Павла Петровича.

— Чего это было? — переспросил он.

Николаев отступил от Погодина на шаг назад и сел перед ним на пол.

— Прости, Погодин, я больше не могу рисковать... Я кое-что задумал серьезное и, если я в чем-то просчитаюсь, мне это не простят... Сделают: хоп! И будете вы собирать мои мозги с потолка и стен.

— Но я-то здесь причем? — удивился Петр Алексеевич.

Николаев поднялся на колени и стал объяснять:

— Погодин! Фишка вот в чем кроется...

Глаза у него разгорелись, как у изобретателя, который придумал что-то очень крутое и впервые пытается об этом рассказать.

— Ты внимательно послушай меня. Дело очень тонкое, и я не сразу смогу тебе объяснить, как я до этого умозаключения дошел. Скажем так, направил меня в это русло один очень странный человек, которого я увидел в кабинете главврача, и который мне заявил, что он меня очень хорошо знает...

Погодин нетерпеливо заерзал в кресле.

— Павел Петрович, не ходите вокруг да около! — попросил он. — Давайте ближе к делу!

— Согласись, что вокруг нас здорово поменялась реальность, — произнес Николаев. — И мы многие новые вещи стали воспринимать так, как и надо, как будто так было всегда.

— Я не очень понимаю... — заныл Петр Алексеевич.

— В том то и дело, что это нелегко понять, но я более чем уверен, что двигаюсь в правильном направлении. Что вот-вот схвачу истину за глотку.

Погодин несчастным взглядом посмотрел на Николаева.

— Павел Петрович, сжальтесь надо мной. Будьте более кратким.

— Хорошо, — не сдавался Павел Петрович, — пойду с другого конца. Я все время думал, что очень хорошо знаю Хмельницкого, помню его, чуть ли не с самого начала своей работы в этой больнице. Но как только он в последний раз каким-то непонятным образом начал сжимать мои мозги, я в какие-то доли секунд успел ощутить, что он совершенно незнакомый мне человек, что я вообще не знаю, кто он и откуда...

— М-да, — пробормотал Погодин, который почти ничего не понял.

— Вот, брат, такие дела, — закончил свою тугую мысль Павел Петрович.

Погодин был не из тех, кто сразу сдавался. Он почесал правый висок, пытаясь понять, что же этим хотел объяснить ему Николаев.

— Вы хотите сказать, что я мог быть и не я? — осторожно спросил он. — Кто-то типа превратился в меня?

— Не совсем так. Здесь все намного сложнее, — сразу же оживился Николаев.

Он поднялся на ноги и стал ходить по разгромленной ординаторской взад — вперед.

— К примеру, мы с тобой знакомы всего несколько часов, но сами думаем, что мы знакомы чуть ли не с детства, и знаем друг про друга все.

— Бред какой-то! — воскликнул Петр Алексеевич. — Зачем это кому-то нужно? Где логика? Хотя постойте! Получается, что нас массово дурят, психически перенастраивают, что ли?

Николаев повернулся лицом к Погодину и закивал в знак одобрения.

— Если это как-то по-простому объяснить, то получается так: они нам показывают дулю, а мы видим в их руках апельсин. Что-то типа этого. Передо мной стоит какая-то обезьяна, а я думаю, что это ты.

Возмущившийся завхоз тут же вскочил с кресла.

— Ну-ну! — закричал он. — Это плохой пример!

Павел Петрович в ответ постучал двумя пальцами по голове.

— У нас в голове каша: реальные вещи перемешались с нереальными, — объяснил он. — Короче, бардак!

— Значит надо все разложить по полочкам.

Николаев, не согласившись с Погодиным, замотал головой.

— Не получится! Мы быстрее свихнемся.

— Что же нам тогда делать? — растерялся Петр Алексеевич.

— Уничтожать видимого врага, — заявил Павел Петрович.

Боль! Боль! Боль! Все, что он чувствовал, это пожирающую его разум боль. «Зверь» стал заложником жестокой ситуации. Он сидел в узком коридоре восьмого подземного этажа возле прохода в темное помещение и никак не мог освободиться от торчащего из стены металлического штыря, который изуродовал его голову и вынес часть челюсти. Ему было мучительно больно, и он душевно страдал из-за своего безвыходного положения. Из глаз его вытекали крупные слезы и бежали по щекам.

Вся голова «Зверя» покрылась слизью, сверху на самой макушке бурлила желтой пеной большая рана. Он шмыгнул носом и сложил слабые ручки в замочек на груди. Лицо его стало серьезным и сосредоточенным.

«Зверь» закрыл глаза и что-то с что-то сосредоточенно зашептал. Слова, которые он произносил, вряд ли кто-нибудь из людей смог бы разобрать. В них было много шипящих звуков.

Новая волна боли накатила на него. «Зверь» слегка приоткрыв глазки, сморщился от этой боли, но шептать не прекратил...

Круглова сидела в углу «душевой» и прижимала рукой коленку. Между пальцами сочилась кровь. Руки и плечи ее тряслись от холода и страха.

— Пошевеливайтесь! — заорал где-то за стеной Громила. — Некогда мне тут с вами возиться!

Резко открылись входные двери, и в «душевую» ворвались раздетые до нижнего белья, подгоняемые криками и «электрическими палками», сильно напуганные люди: цыганка,

старуха, две молодые женщины не старше тридцати лет, старик, толстяк и очень худой и слабый мужчина. Сразу за ними одновременно протиснулись в проем дверей Громила и невысокого роста жилистый мужик.

— Скажите, что вы с нами будете делать?! — завопила цыганка — Резать, да?!

Тут же раскрыл свою пасть жилистый мужик.

— Заткнись, пугало! — заревел он. — А то сейчас как трахну вот этим по башке, вмиг заткнешься!

— Мужики, спокойно! — взвизгнул толстяк. — Что вам от нас надо?

— «Музики»... «спокойня», — передразнил его Громила. — Я зырю, что тебе было мало одного разряда. Сейчас еще добавлю.

— На колени, животные! — закричал жилистый мужик. — И стоим здесь, ждем, пока я шланг размотаю.

Все вошедшие сразу же опустились на колени. Все, кроме очень худого и слабого мужчины.

— Мирон, а где Тротил? — спросил Громила.

— Кажись, он за малым каким-то погнался, — ответил ему жилистый мужик.

И тут же раздались крики двенадцатилетнего подростка, совсем еще ребенка.

— Мне же больно, отпусти меня!

В душевую зашел Тротил — здоровый и накаченный до безумия мужик, левой рукой он держал за волосы подростка, который, склонив вперед голову, был вынужден тащиться за ним. Мальчишка практически не переставлял ноги и скользил по желтой плитке.

— Отпусти же! — завыл паренек.

— Отпусти ребенка, — стал просить худой мужчина, — отпусти Ваньку. Ему же больно.

Тротил остановился и кинул холодный взгляд на мужчину. Тот сразу же поднял руки вверх.

— Все хорошо! Все хорошо! — закричал он и опустился на колени. — Только мальчика не бей, прошу тебя...

Тротил молча, смотря при этом в глаза худому мужчине, накрутил волосы Ваньки на руку и швырнул его вперед. Мальчишка упал на плитку и подбородком пробороздил ее.

Мирон в этот момент разматывал шланг. На его лице появилось ехидное выражение. Он неприятно улыбнулся, показав свои черные, изъеденные кариесом зубы. Несколько верхних зубов у него вообще не было.

Мирон потянулся к кнопке, чтобы включить подачу холодной воды.

— Ну, что, насекомые, хорошенько моем свои дырки, — сказал он. — А то неприлично как-то быть грязными.

Тротил посмотрел на пленников звериным взглядом.

— Может, кто-то здесь хочет что-то возразить? — спросил он чересчур мягким и спокойным голосом.

Мирон тут же отпустил кнопку, которую начал нажимать.

— А? — переспросил Тротил. — А то потом будет уже поздно.

Бедная цыганка протянула к нему руки с мольбой.

— Отпусти нас, пожалуйста, — прошептала она.

Тротил ей нежно улыбнулся.

— Иди ко мне поближе, я тебя отпущу, — сказал он.

Цыганка быстро поднялась и шагнула в сторону Тротила.

— Пожалуйста, сжался над нами, — попросила она за всех.

Тротил кивнул с таким видом, словно он и вправду собирался выполнить просьбу. Он шагнул навстречу, схватил цыганку за длинные волосы, притянул к себе, улыбнулся ей и со всего размаху ударил головой об стенку. Кровь мгновенно окрасила желтую плитку красным цветом. Цыганка, не издав ни звука, съехала по стене на пол.

— Ну, кого еще отпустить? — спросил Тротил.

Тут же зашевелился Ванька. Он лежал на полу с разбитым подбородком. Мальчишка повернул голову и выплюнул кровавую слюну. Он взглянул в звериные глаза Тротила. Не выдержав жуткого взгляда, отвернулся и уставился на Круглову. Ванька несколько мгновений пристально смотрел ей в глаза, после чего проглотил ком, подступивший к горлу.

Елена Степановна закричала:

— Мальчик, нет! Не надо!

Ванька быстро повернулся к Тротилу, сжал кулаки, отчаянно улыбнулся и плюнул ему под ноги.

— Иди ты в жопу, надувной шарик! — крикнул он, не задумываясь о том, что будет дальше.

— Оля!!! — орал Сергей. — Оля, очнись!!!

Он стоял на длинной балке, подняв голову кверху, и кричал, разрывая свои голосовые связки. Парень схватился руками за металлическую конструкцию и попытался ее расшатать.

«Ногогрыз» заревел пилами возле истекающей кровью руки Оли. На этой руке отсутствовали три пальца. «Вжи-жить», — жутко ревел он. «Вжи-жи-жить», — его пилы задели металлическую конструкцию, и от нее полетели снопы искр.

Сергей с бешеной скоростью полез вверх.

— Оля!!! — орал он, не жалея голоса. — Оля!!! Оля!!!

Ему осталось подняться совсем чуть-чуть. Он резко схватился рукой за живот и согнулся пополам.

— Оля-я-а-а!!! — завопил Сергей.

«Ногогрыз» вновь зацепил пилами Олину руку, и с брызгами крови полетели вниз оставшиеся два пальца. Брызги попали на лицо Сергея. Он, с перекошенным от боли лицом, забрался на следующую металлическую балку и, не задумываясь о последствиях, молниеносным движением сбил «ногогрыза».

«Ногогрыз», как подбитый самолет, правда, без дыма, спикировал вниз. Сверху раздалось монотонное «вжиканье». Сергей поднял голову и увидел около восьми «ногогрызов», которые расположились чуть повыше на металлической балке.

Сергей освободил руку Оли от проводов. Она резко открыла глаза и вскрикнула:

— Ах!

Он кисло улыбнулся ей.

— Потом будем ахать... Руки кверху подними!

Оля, ничего не понимая, послушно подняла руки. Сергей, схватив за воротник, стянул с Оли блузку и майку под ней.

— Мы будем так ахать, — добавил он, — что другие умрут от зависти.

Оля широко раскрыла глаза и взглянула на отчаянного парня. Сергей подмигнул ей, свернул белую майку в несколько раз и приложил ее к руке без пальцев. Оля не выдержала боли и закричала.

— Как ты? — спросил Сергей.

Оля уставилась на него несчастными глазами. Он разорвал блузку и туго обмотал ею руку девушки поверх майки.

Сергей схватил Олю подмышки и вытянул ее из того злополучного места, где она застряла. Сергей взглянул на повязку, которую он сделал. Она вся пропиталась кровью.

— Нет! — вскрикнул Сергей. — Так не пойдет! Снимай джинсы... А то потом передумаешь...

Сергей уставился на колени Ольги и увидел, что джинсы у нее с модными разрезами. Он резким движением оторвал часть штанины джинсов и сразу же вспомнил о ноже, что отобрал у Игоревича, когда тот бросался с ним на людей. Парень достал складной нож из кармана джинсов и разрезал кусок оторванной материи на три одинаковые полосы, потом перетянул одной из них руку Оли чуть выше локтя, остальные намотал поверх повязки.

Сергей схватил Олю за подбородок и посмотрел в ее мутные глаза.

— Не знаю, что делаю, — пояснил он. — Но вдруг поможет...

Она слабо улыбнулась и кивнула в ответ.

— Нечего мне тут кивать! — закричал Сергей. — А ну полезла вниз! Быстро!

— Как ты это себе представляешь? — взвизгнула Оля.

— Я сказал, лезь вниз... Быстро!

Оля шмыгнула носом, схватилась здоровой рукой за воздухопровод и осторожно сползла с металлической балки вниз. Сергей слез чуть ниже и помог спуститься девушке на стальную трубу.

— Оля, давай шевелись! — приказал он ей.

Пространство шахты внезапно разорвало громкое «вжи-жить!». Сергей интуитивно схватил Олю за плечо и подтянул ее к себе. В нескольких сантиметрах от них пролетел с быстро вращающимися пилами «ногогрыз».

Сергей проводил его падение взглядом и поднял кверху голову. Металлическая балка, на которой сидело только что восемь «ногогрызов», была вся заполнена ими до отказа. И балка, что чуть выше, тоже вся кишела ползучими тварями с пилами.

Два «ногогрыза» с ближайшей металлической балки устремились вниз и с большой скоростью понеслись в сторону парня и девушки. Сергей прижал Олю к самой стене. «Ногогрызы» стремительно пронеслись мимо них.

Игоревич специально расположился на кухне спиной к столу, лицом к входным дверям. Он сидел на шатающемся стуле и чистил картошку, бросая почищенную в кастрюлю с водой, которая стояла на полу рядом с мусорным ведром.

Открылись входные двери, и на кухню вошел Хмельницкий.

— Молодцы, ужин вышел на славу, — похвалил он. — Люди даже повеселели после него.

— Мы старались, — сказал Игоревич.

Хмельницкий шагнул в его сторону.

— Кидай ты это дурное дело, что затеял, и иди отдыхай. Лучше завтра пораньше встанешь...

За спиной главврача с железной трубой в руках появился начальник мастерской. Хмельницкий, не поворачивая головы, спокойно спросил у него:

— Николаич, ты чего это задумал? — а затем приказал. — А ну брось дурное!

Начальник мастерской размахнулся, как следует, и произнес:

— Ага, сейчас брошу.

Хмельницкий ловко увернулся от летящей на его голову железной трубы и нанес удар кулаком по печени нападающего. Николаич охнул, согнулся пополам и схватился руками за живот. Глаза у него чуть не вылезли из орбит.

— Ох! Ох! — застонал он.

Игоревич резко вскочил со своего места, сделал два быстрых шага вперед и бросил нож в Хмельницкого. Главврач увернулся от него и закричал:

— Мужики, вы что, сдурели? Чего вы на меня так обозлились?

Игоревич остановился и с перепугу стал чесать затылок.

— В самом то деле, чего это мы? — вслух удивился он.

Хмельницкий всплеснул руками.

— Так и я об этом... Может, сначала давайте объяснимся... друг с другом, если что не так... за кружкой чая.

Игоревич кивнул, одобряя сказанное главврачом. В этот же момент за спиной Хмельницкого распрямился Николаич и нанес ему сильный удар по голове. Рука с железной трубой с быстротой пули отскочила от головы и полетела в обратном направлении, словно ее отпружило. Причем «отпружило» настолько сильно, что Николаич вместе с этой трубой вылетел за двери, и оттуда раздался грохот его падения.

Николаич лежал на спине и смотрел на железную трубу, валяющуюся в пару метрах от него. Он даже не попытался подняться.

Открылись двери, и в коридор из кухни вышел Хмельницкий с перекошенным от злобы лицом.

Николаич оттолкнулся рукой от пола и присел, облокотившись об стену.

— Так что, может, все-таки поьем чайку? — предложил он.

Хмельницкий кивнул, переступил ноги Николаича и, обернувшись, взглянул в его глаза.

— Хорошо, — произнес он, — я только сейчас за конфетами схожу.

— Ага... давай... — прошептал Николаич, — мы тебя тут подождем.

Главврач неприятно улыбнулся ему и пошел по коридору очень спокойным и уверенным шагом.

— Так чего же мы сидим?! — удивился Петр Алексеевич. — Пошлите уничтожать этих гадов. Одного за другим.

— Погодин, ты же не дурак, — сказал Николаев, который сидел в кожаном кресле напротив завхоза, — и должен понимать, что голыми руками мы их просто так не возьмем.

— Ну хорошо! Я так понимаю, у вас есть план.

Николаев кивнул.

— Да, есть! И тебе в нем отводится очень серьезная роль.

— Я польщен, — произнес Погодин.

— Задача перед тобой стоит нелегкая. Тебе необходимо провести хорошую агитацию насчет меня и к десяти вечера здесь у ординаторской собрать всех, оставшихся в живых здоровых людей для того, чтобы дать отпор тварям, которые без спроса хозяйничают в больнице. Нас должно быть очень много. В большом количестве людей будет сосредоточена сила. То, что не могут сделать один-два человека, вполне может быть по силам целой толпе людей.

— Нашли мне задачу нелегкую, — пробормотал Петр Алексеевич. — Я за полчаса справлюсь с вашей задачей.

Николаев, не соглашаясь с Погодиным, завертел головой.

— Погодин, ты недооцениваешь свою задачу. Она очень опасная. Я бы сам пошел, но мне никак нельзя. Если я пойду, наши планы вмиг раскусят.

— Не волнуйтесь за меня, — произнес Петр Алексеевич. — Все сделаю, как надо. А вам, и, правда, нечего рисковать, вы у них в черном списке — это однозначно.

Круглова забила в самый угол. Такого безграничного страха Елена Степановна не ощущала уже очень давно. Звериное, по-другому не назовешь, отношение одних людей к другим всегда поражало ее. Она положила голову Ваньки на свои колени. Синее, с кровоподтеками, его лицо распухло.

Глаза у Ваньки были закрыты. Грудь, живот и ноги находились еще в худшем состоянии, чем лицо. Он тяжело дышал и часто вздрагивал, сильнейшая дрожь колотила его изнутри.

Остальные несчастные смотрели в сторону открытых дверей. Все, кроме Казика, худого и от природы очень слабого мужчины. Он все еще стоял на коленях и молился.

В «душевую» зашел Мирон.

— Значит так, быдлятина, через десять минут по моей команде выходите один за другим, — приказал он, — с промежутком по времени в минуту. И не дай бог, кто-то начнет здесь тормозить.

Мирон развернулся и вышел из душевой. Круглова, чтоб спрятать свой страх, стала гладить Ваньку. Крупные слезы закапали из ее глаз.

— Ваня... Ванечка, — зашептала она. — Ты молодец, ты герой... В тебе мужества больше, чем во всех нас, вместе взятых.

Голос Кругловой сорвался на крик:

— Ты скажи мне, откуда в людях столько жестокости?

К ней тут же подскочила одна из молодых женщин.

— Меня Верой зовут, — представилась она и провела рукой по плечу Ваньки. — Я все еще не могу отойти от шока... Этот зверь так лупил ногами и прыгал по этому мальчику, что мне даже в какой-то момент показалось, что он просто кайфует от этого.

Круглова шмыгнула носом и вытерла слезы.

— Дрянь он и моральный урод. Так хочется его убить прямо сейчас, прямо в эту секунду. Каждая клеточка моего тела трясется от злости и негодования... Будь я мужиком, я б ему ответила...

— Сама видишь: настоящих мужиков, кроме Ваньки, среди нас нет, — заметила Вера. — Все, что здесь имеются, уже давно наложили в штаны, и на них нет никакой надежды.

Круглова посмотрела на Казика. Тот до сих пор еще не поднялся с колен. В глазах его поселился страх, губы скривились, он смотрел в одну точку перед собой и шептал молитвы. Елена Степановна перевела взгляд на толстяка и старика: они отошли подальше от дверей и переглядывались между собой.

Круглова вздохнула.

— Что я могу сказать по этому поводу, — прошептала она. — Ты права, положение наше безвыходное.

Вера махнула рукой другой молодой женщине.

— Жанка, иди сюда, — позвала она.

Женщина подошла к Вере и села на корточки рядом с ней.

— Ну, чё тебе? Мы вроде как не подруги...

Вера положила руку на плечо Жанке.

— Потом будешь старые обиды вспоминать. Сейчас не время и не место.

— Так я и не вспоминаю, — громко произнесла женщина. — Чё вам надо, говорите уже?!

— Жанка, ты ж у нас спортсменка, в прошлом году даже на соревнованиях победила. Я-то знаю: руками и ногами ты махать умеешь.

— Чё толку? Я против них ничё сделать не смогу. Вера, ты посмотри, какие они звери — жуть берет!

— Поверь психологу со стажем, — сказала Вера. — Сильный среди них только один. Этот, что по Ваньке прыгал. Я вас уверяю: остальные ничего собой не представляют.

Ванька, еле приоткрыв глаза, сообщил свое мнение:

— Ты не права: они все сильные, как монстры.

С уголка губ мальчишки вытекла струйка крови. Круглова вытерла ее ладонью и зашептала:

— Тихо — тихо, Ванечка.

— Тихо, Ванька, не нагоняй страху! — рявкнула Верка. — Дело как раз именно в нем. Они все нам кажутся сильными, потому что ведут себя очень агрессивно. За их агрессией мы не видим их истинной силы. Нас душит страх, и из-за него мы становимся слепыми и все воспринимаем преувеличенно.

— Да, даже дурак видит, что они звери, — ответила на это Круглова, — и растерзают всех, кто станет у них на пути.

— А может быть их агрессия — это всего лишь психологическое оружие, которым они прикрывают свой страх. Приведу пример: человек слабее быка, но своей агрессией он так запугивает быка, что у того даже не остается сомнения в том, что он слабее человека.

Круглова уставилась на лицо Ваньки: у него закрылись глаза, и со рта его полилась густая кровь. Елена Степановна рукой вытерла кровь с его губ и подбородка и зло взглянула на Веру.

— Все это муть, что ты хочешь от нас?

Вера вскочила и посмотрела на всех сверху вниз.

— Я предлагаю устроить шоу перед смертью. Бабы против мужиков. Поверьте мне: я вижу, что их Тротилу ой как хочется яркого зрелища... и свежей крови прямо на своих руках...

— Ну ты, мать, даешь! — воскликнула Жанка. — Совсем сдурела перед смертью? Чё, потешить этих уродов захотелось?

— А у кого-то из вас есть другие предложения?

— Я в детстве любила подраться, — прошептала Круглова, — но как-то потом с этим завязала.

Жанна кисло улыбнулась.

— Ладно, я согласна, — произнесла она. — Только вот, надеюсь, что Тротила вы не мне заготовили.

— Я так думаю, что если из этой безумной идеи что-то и выйдет, — заметила Елена Степановна, — то не нам придется выбирать, кто и с кем будет драться.

Николаев надел защитный костюм и вышел из ординаторской. В коридоре ожогового отделения были отчетливо слышны стоны людей. Грустное и очень серьезное лицо Павла Петровича вдруг стало еще и взволнованным. Он ускорил шаг и закричал:

— Анфиса? Что с тобой?

По коридору летали черные мухи. Возле шестнадцатой палаты на полу, склонив голову, сидела Анфиса с большим вздутым животом. Николаев подошел к ней и поднял ее голову за подбородок. Правого глаза на лице Анфисы не было, на его месте располагалось черное гнойное месиво. Из левого текли крупные слезы.

— Какой толк в том, что я не отчаивалась? — прохрипела дежурная медсестра ожогового отделения. — Смерть все равно пришла за мной.

— Почему ты здесь сидишь? — спросил Павел Петрович.

Анфиса шмыгнула носом.

— Я шла сказать вам, что люди находятся в больших сомнениях насчет вас. Они поговаривают, что вы не тот, кому стоит верить; что вы при первой же угрозе сдались и сдадитесь вновь...

Глаза Николаева налились кровью, лицо его перекошилось от злобы.

— Но как они могут так рассуждать, — закричал он, — если они не видели, как все происходило в реальности?

— Я повторяю: они в сомнениях! — истерично завизжала Анфиса так, как только она умела. — Они не знают, стоит ли надеяться на вас... Поэтому просто словами вы их не убедите...

Николаев провел рукой по голове Анфисы.

— Спасибо, Анфиса, твоя информация представляет большую ценность для меня.

Анфиса вскрикнула и схватилась двумя руками за живот.

— Я рада, что успела сделать перед смертью хоть что-то ценное для вас и, может быть, даже для общего дела.

Вся одежда на животе Анфисы окрасилась в темно красный цвет. И из живота Анфисы, сквозь кожу и одежду, вырвалась голова «зместрелы». «Зместрела» на вид была какая-то необычная: вся черная и в слизи. Она противно запищала.

Николаев уставился на Анфису с дикой душевной болью и состраданием на лице. Он стиснул зубы и сжал пальцы рук в кулаки. Из рта дежурной медсестры вытекла кровь, она мучительно застонала, резко вздрогнула, замерла и медленно, будто нехотя, закрыла глаза.

Павел Петрович ударил кулаком в стену.

— Что же я один могу сделать, — закричал он, — если мне нельзя подниматься выше четвертого этажа? Это же безумие, если я пойду сражаться один на один с тем, кто сильнее меня в тысячу раз.

Николаев уперся лбом в стену и завыл из-за своего бессилия.

У самого выхода из кухни Игоревич сотрясал руками воздух перед спокойным Николаичем.

— Что? Что будем делать? Он же сейчас вернется.

Николаич посмотрел невозмутимым взглядом на Игоревича.

— Что, что?! — передразнил он. — Чай ставь! Будем чай пить.

Игоревич завертел головой по сторонам, будто где-то могло прятаться его спасение.

— Глупее предложения я не слышал, — заявил он.

Николаич развел руками.

— Сам виноват: водку вылил! Теперь придется чай хлебать... с конфетами...

В терапевтическом отделении царил тишина. Человеческая жизнь в нем давно угасла, если не считать шестнадцатую палату, в которой двухметровая женщина-монстр рассказывала больным этой палаты странные истории. Она сидела на своей кровати и

тяжело дышала, словно только поднялась по лестнице с первого на второй этаж. Ее левая рука по локоть ушла в стену, покрытую ледяной коркой. Вокруг руки мерцали электрические разряды.

— Эпидемия дала о себе знать на пятом и шестом этажах резким скачком смертности, — бормотала она. — Наступил момент, когда число зараженных в больнице превысило число незараженных...

Валентина Петровна громко закашляла.

— В больнице воцарился хаос, — продолжила она после того, как кашель перестал ее мучить. — Люди от ужаса и шока будто оглохли, они перестали слушать друг друга...

Тут же закричала Чеславовна и поднялась со своей кровати.

— Я все понимаю: данная схема развития событий выстроена так, как вам нужно. Но зачем за основу вы взяли фантазию человека, который в умственном плане отстает от вашего развития на целые миллионы лет?

Обрадованная очередным вопросом рассказчица достала руку из стены, покрытой ледяной корочкой, блаженно улыбнулась и легла на свою кровать.

— Если бы мы начали строить новую реальность в спешке, — принялась объяснять она, — основываясь на собственной фантазии, нас бы быстро вычислили те, от кого мы были вынуждены бежать, потому что фантазия разумных существ, живущих долгое время вместе, приобретает какие-то схожие черты. На нее влияют время, место и культура, в которой она появляется.

Чеславовна удовлетворенно закивала.

— Понятно, получается, есть факторы, которые способна влиять на фантазию, — подытожила старушка.

Валентина Петровна облизала сухие губы.

— Нет! Фактор только один: отсутствие фантазии, как таковой, у большинства разумных существ, пытающихся что-то придумать. Сначала они боятся признаться в этом сами себе, а затем всем окружающим. И поэтому для них легче украсть чьи-то мысли, довести идею до совершенства и выдать за свою, чем придумывать все с нуля. Не все рождаются гениями в области фантазии. Но многие хотят, чтобы их признали таковыми и готовы пойти на все ради славы и материальных богатств.

— Так вы, я вижу, готовы пойти на все, — заметила Чеславовна.

Валентина Петровна чихнула в ответ и стала чесать свой громадный нос.

— У нас нет другого выхода, — пояснила она. — Но мы, по крайней мере, не живем штампами. Не повторяем одну и ту же идею друг за другом разными словами. И не выдаем тысячу раз использованную идею за что-то уникальное и неповторимое. Мы видим, и очень ценим что-то новое, и стремимся к нему.

— Никто не спорит, что вы молодцы, — ответила на это Чеславовна.

— Согласись, ведь это наша заслуга, что среди толпы мы сумели выделить гения, — похвасталась рассказчица. — Правда, беднягу оставили ни с чем. Воспользовались его идеей и разрушили все его планы. Но в этом нет ничего удивительного. Такое творится сплошь и рядом. Такое творилось, и будет твориться всегда...

«Ледяная пленка», которая, как одеяло, с самого низа до третьего этажа окутывала здание больницы, вдруг вновь зашевелилась и стала подниматься все выше и выше. Она сверкала ярко-синим светом, при этом здание больницы походило на небольшую игрушку с подсветкой, находящуюся в центре огромного ледяного стола.

Громила и Мирон устроили Тротилу в «душевой» удобное место для просмотра шоу. Он расположился в углу на мягком стуле, положив свои ноги на стол для разделки человеческой туши.

Мирон и Громила разделись до трусов и встали рядом со своим боссом. Они ярко улыбались, предвкушая интересное зрелище.

— Дамы и господа, — заговорил Тротил, — шоу, организованное по вашей просьбе, начинается. Первыми будут нас веселить Громила и женщина, предложившая такую великолепную идею.

Круглова посмотрела на Веру и прошептала:

— Не верю я в хороший конец этой затеи.

Вера сжала кулаки, бросила отчаянный взгляд на Жанну и медленно поднялась на ноги.

На лице Тротила появилась мерзкая улыбка.

— Ну, давайте быстрее, господа участники шоу, — сказал он наигранно-серьезным голосом. — Время у нас ограничено.

Вера неуверенной походкой вышла в центр «душевой», колени и руки ее тряслись от страха. Она уже дважды пожалела о своей затее.

— Ну, иди ко мне, хороший мой, — позвала она Громилу, желая быстрее приблизить развязку этого безумия.

Громила не заставил себя ждать, он шагнул по направлению к Вере, устрашающе набычил мощную шею и стал артистично, играя на публику, размахивать перед ней кулаками. Бедная женщина не выдержала, сжала пальцы в кулаки и с криком бросилась на него. А он, схватив ее за плечо, сделал подсечку. В результате чего Вера полетела на холодную плитку.

Громила повернулся к ней спиной и поднял вверх руки, показывая, что он явный победитель. В его тупой башке даже на секунду не возникла мысль в абсурдности такой ситуации. Видимо, ему не дано было понять, что мужчину не делает краше то обстоятельство, что он может с легкостью бить кулаками по лицу женщины и лупить ногами по ее телу.

Громила специально, чтоб развеселить Тротила и Мирона, показушничал, играл мышцами и смеялся от души. Ему нравилось то, что он делал.

Жанна, которая, как и все пленники, сидела на холодной желтой плитке, вскочила на ноги и закричала:

— Верка, вставай!!!

Вера медленно поднялась и уставилась на Громилу, который не обращал на нее внимания и продолжал всем показывать, какие у него крутые мышцы. Вера с разбегу ударила ногой по его ляжке. Громила схватился за ушибленное место и притворно вскрикнул:

— О-ёй, как больно!

Тротил и Мирон заржали, как кони.

— Я не могу, сейчас уписаюсь, — пожаловался Мирон.

Вера, чувствуя свое бессилие, заколотила кулаками по спине противника. Громила резко развернулся и, схватив за ухо женщину, прижал ее голову к своей груди.

— Ну, что, дрянь, повеселилась напоследок? — прошептал он.

Вера мыкнула что-то непонятное в ответ, и Громила ударил лбом по ее носу. Раздался неприятный хруст, и Вера начала оседать на землю. Громила подхватил ее и резким движением свернул ей голову на бок.

— О, боже! — вскрикнула от неожиданности Круглова.

Громила бросил безжизненное тело Веры на пол и уставился на своих товарищей.

— Дамы и господа, победила дружба, — закричал Тротил. — Похлопаем в ладоши.

Захлопал в ладоши один Мирон.

— Гы-гы-гы, — заржал он и улыбнулся, показывая всем свои черные зубы, изъеденные кариесом.

Громила поклонился сначала Тротилу и Мирону, а затем всем остальным, кто находился в душевой.

— Громилушка, — пропел ласково Мирон, — ты эту жабу тащи сразу в мясорубочную и включай машинку, пускай потарахтит малеха.

Тупой качок схватил Веру за руку и поволок по холодной плитке. Пленные провожали его молчаливым взглядом. Жанна громко заплакала, крупные слезы покатались по ее лицу.

Громила вышел из «душевой» вместе с телом Веры, которое он тащил за собой. А через минуту раздались рев мясорубки и треск ломающихся костей.

— Ну что, Мирончик, — пробормотал Тротил. — Выбирай любую, которая тебе понравится.

Мирон, долго не думая, показал пальцем на Круглову.

— Вот эта мне очень нравится. Пускай встает, почешу ей спинку и еще что-нибудь, что попросит.

Сергей стоял на скрипучей балке и помогал Оле спуститься на нее со стальной трубы.

— Почему они больше не прыгают на нас? — удивилась раненная девушка.

Сергей посмотрел вверх. На расстоянии двух и четырех метрах на металлических балках расположились «ногогрызы». Они не шевелились и не издавали никаких звуков.

— Черт их знает! — сказал Сергей. — Переклинило их, наверное, всех разом.

Он все еще смотрел вверх. В толпе «ногогрызов», которые находились на расстоянии четырех метров, началось беспокойное шевеление, и среди них выделился здоровый — в два раза больше обычного — «ногогрыз».

Сергей опустил взгляд и увидел, что Оля самостоятельно спустилась на несколько метров вниз.

— Правильно, Олечка! — крикнул он. — Так держать, милая!

По длинному безлюдному коридору самого низкого подземного этажа двигались Федор Иванович и Анна. В коридоре горел яркий розовый свет. В конце коридора виднелись большие металлические ворота.

— Наконец-то Чёмча проснулся, — произнесла после долгого молчания Анна. — Мне уже надоело ждать, когда он прочихается и пропердится.

Федор Иванович повернул голову к Анне и сказал ей:

— Эмирта, мне иногда кажется, что наш Чёмча выжил из ума.

— Глупости все это, — возразила Анна. — Чёмча — мудрейшее существо. Он самый сильный строитель новых реальностей, он рассказчик высшей категории, он гений среди гениев...

Анна и Федор Иванович остановились возле ворот. Старик схватился за позолоченное кольцо и потянул его на себя.

— Наш мудрейший Чёмча так уверен в своей безопасности, — возмутился он, — что даже ворота не закрывает на замок.

— Он знает, чего ему надо бояться, а чего нет, — сказала Анна.

Рассказчики вошли в какое-то большое помещение, и ворота за ними сразу закрылись.

Анна и Федор Иванович очутились в огромном зале, освещенном розовым светом. В центре зала в большом мягком кресле сидел Чёмча — очень толстое существо, похожее чем-то на «Зверя», но крупнее его раза в четыре, кожа у него была неприятного серо-синего цвета. Он жадно вгрызлся в жареную курицу. Перед ним стоял круглый стол, заваленный различными жирными яствами.

По растянутому до груди кожаному мешку-подбородку Чёмчи тек куриный жир. Чёмча разломал курицу пополам, одну половину положил на тарелку, а в другую впился острыми прозрачными зубами и заработал челюстями так быстро, как будто не ел целую вечность.

— Привет, Чёмча, как я рада тебя видеть, — произнесла Анна.

Чёмча улыбнулся в ответ. Он кинул недоеденный кусок курицы на стол и сладко прикрыл свои заплавленные глазки.

— О, Эмирта! О, Касхен! Чёмча! — проговорил он так, словно произношение каждого слова вызывало у него эрекцию.

Анна и Федор Иванович тут же приняли вид двух дистрофических существ, очень похожих на «Зверя». Кожа у них была серо-синего цвета, руки и ноги — очень слабые, на них практически не было мышц. Но зато голова отличалась от остального тела большим размером, лица у них были мерзкие, дьявольские.

— Чёмча, я понимаю, что ты у нас юморист, — стала отчитывать Чёмчу Эмирта, — но твой черный юмор переходит все границы.

На лице Чёмчи расплылась довольная улыбка.

— Чёмча. О, да! Чёмча, — простонал кайфующий жирдяй за столом.

Эмирта и Касхен остановились возле него.

— Я понимаю, что тебе одному здесь очень скучно, — продолжала возмущаться Эмирта голосом Анны. — Но это не значит, что надо и нас пугать всякой чертовщиной.

— Это точно, — подтвердил Касхен голосом Федора Ивановича. — Я чуть не потерял килограммов пять в весе, когда увидел в мужском туалете разговаривающую голову в унитазе.

— Чёмча, ха-ха! Чёмча! — засмеялось противное толстое существо с растянутым до груди мешком-подбородком. Оно не просто смеялось, оно хрюкало от удовольствия.

Чёмче очень понравилось, что кто-то оценил его черный юмор.

Тротил повеселел оттого, что шоу стало более динамичным. Он все так же сидел на стуле, положив ноги на разделочный стол. На этом же столе лежали три «электрические палки» — единственное оружие, которое ему и его товарищам доверили хозяева новой реальности. И он одним глазом следил за этим оружием, зная, что неосторожное с ним обращение может привести к печальным последствиям.

В душевой раздавались крики:

— На тебе, тварь! — орала Круглова. — Получай, сука!

— Ах ты, плесень гнойная! — пыхтел в ответ Мирон. — Да я тебя сейчас!

— Ты глянь, какие баба вытворяет чудеса! — заметил Громила.

— Да, конфетка еще та! — согласился Тротил.

Круглова вновь удачно попала в нос своему противнику и отскочила от него на несколько шагов. Она понимала, что ни в коем случае не должна попасться в его крепкие руки. С брови Елены Степановны текла кровь, под глазом красовался фонарь. На щеке — царапина.

Мирон выглядел хуже. Лицо его опухло от ударов. Кровавый нос и темно — синяя губа говорили о том, что ему было не до смеха. Он крутился на одном месте и пытался рукой схватить Круглову. Елена Степановна двигалась намного быстрее его, она вновь шагнула к нему навстречу и попыталась попасть кулаком по лицу. Мирон закрыл лицо руками и удачно увернулся. Круглова не растерялась и нанесла удар по его уху. Вот уж чего она не могла предположить, что тело ее и руки смогут вспомнить то, чему она научилась благодаря школьным дракам, когда честь свою приходилось отстаивать кулаками.

Но и Мирон был не из слабаков. Он отступил от Кругловой на шаг. И когда она попыталась вновь врезать ему по лицу, он отмахнулся от удара и схватил ее за волосы, надеясь повалить на пол.

— Сука! — завопила Круглова. — Отпусти, а то хуже будет!

Елена Степановна удачно попала локтем Мирону в нос и отскочила на два шага назад. Мирон с ревом бросился на Круглову, обхватил ее руками и полетел вместе с ней на желтую плитку. Но и тут женщина вышла победительницей, она в борьбе на полу расцарапала ему лицо, хорошенько задела глаз, и когда он, попытался отвернуться от нее, чтоб спрятать лицо, она взобралась ему на спину.

— Лупи его! Не останавливайся! — закричала Жанка. — Пока не сдохнет, колхозник хренов!

Мирон выплюнул кровь и предпринял попытку перевернуться на спину. Круглова стала бить кулаком по голове Мирону, тот попытался отбиться рукой. Но Елена Степановна схватила за эту руку и заломила ее за его спиной.

— Больно! — завопил мужик. — Отпусти, дура!

Он, надеясь на пощаду, три раза ударил по полу. Круглова со всей силы вывернула руку Мирону, и тот захныкал.

— Тротил! А-а! — завизжал он сквозь слезы. — Громила! Помогите! А-яй!

Громила сорвался со своего места, но Тротил успел остановить его криком:

— Стой, пускай сам справляется.

Круглова закрутила руку Мирону настолько сильно, что она затрещала. Мирон вскрикнул и потерял сознание. Елена Степановна поднялась и правой ногой ударила по шее поверженного противника.

— На тебе, тварь! На! — заорала она, не переставая при этом бить по голове Мирона. — На тебе! На тебе! Мы тоже так умеем!

Неожиданно за спиной Кругловой появился Тротил и оттолкнул ее к стене.

— Остынь, детка! — как-то ласково, по-отечески, произнес он. — Побереги силы!

Тротил повернулся лицом к Громиле и показал пальцем на Мирона.

— Выкинь его в мясорубку, чтоб не вонял здесь.

Громила сорвался со своего места, схватил за руку Мирона и потянул к выходу из душевой.

Тротил взглянул в глаза Кругловой и улыбнулся ей. От его улыбки ее ноги стали тяжелыми, ватными, готовыми вот-вот подкоситься.

— Ох, какая ж ты у нас горячая девушка, — прошептал моральный урод. — Сколько страсти в тебе.

Круглова сплюнула на пол кровавую слюну и ответила Тротилу:

— Пошел ты в жопу, надувной шарик!

В кабинете заведующего ожоговым отделением, на полу, напротив друг друга сидели

профессионалы своего дела Кожало и Магамединов. Между ними шла тяжелая и напряженная игра. Максим Викторович оттянул свой средний палец и стукнул им по лбу Кожало.

— Профессор, счет: сорок два — ноль, — сообщил он. — Играем еще?

Дмитрий Антонович не стал торопиться с ответом. Он почесал затылок, затем свой нос и только тогда кивнул.

— Играем.

Магамединов наклонился и отвесил еще один фофан.

— Профессор, счет: сорок три — ноль, — прокомментировал Максим Викторович. — Играем еще?!

— Играем! Играем! — закричал Кожало и после того, как почесал затылок, внес серьезное предложение. — Только теперь давай ты будешь профессором.

— Хорошо, а кем будешь ты?

— Я? Доцентом!

— Хорошо, — согласился Магамединов и сделал очередной фофан. — Доцент, счет: сорок три — один в вашу пользу.

— О, коллега! Вы видите?! — обрадовался Дмитрий Антонович. — Ситуация в корне изменилась. Так что, играем дальше?!

В кабинет, постучав для приличия, вошел Николаев.

— Ну, как ваши дела, ребята? — спросил он.

Кожало бросил радостный взгляд на Павла Петровича и ответил:

— Игра в самом разгаре! Если хотите, присоединяйтесь.

Николаев подошел поближе к играющим.

— Нет, спасибо! — сказал он. — Я просто посмотрю!

Тут же открылась дверь, и в кабинет ворвался Погодин.

— Вот вы где, Павел Петрович! — закричал завхоз терапевтического отделения и мастер романов ужасов по совместительству.

Николаев повернулся к нему и горько улыбнулся.

— Рассказывай, как дела, Погодин.

Петр Алексеевич развел руками.

— Дела не очень, но часам к десяти люди соберутся, не все, конечно, но человек двадцать придет.

— Этого мало! — воскликнул Николаев.

— Что поделать! — вздохнул Погодин. — Сколько есть.

Ни с того, ни с сего в беседу влез Магамединов.

— Извините, коллеги, но вы в своем уме? — спросил он. — Какое соберутся?! Время совсем позднее, все пописают и спать лягут.

Николаев бросил резкий взгляд на Магамединова. На лице Павла Петровича появилось искреннее удивление.

— Черт! — закричал он. — А Магамединов ведь прав!

После чего Павел Петрович посмотрел на несчастного Петра Алексеевича.

— Погодин, ты меня прости, но тебе придется все отменить.

Бедный завхоз от неожиданности округлил глаза.

— Ты что?! — возмутился он. — Это катастрофа! Люди и так долго думали, прежде чем согласиться.

— Прости, мой друг, — сказал Павел Петрович. — Я кое-чего не учел. Да и людей соберется совсем мало. А нам надо так, чтоб наверняка...

— Не знаю! — сорвался на крик Погодин. — Не знаю, Николаев! Но с таким подходом к делу у тебя ничего не получится!

Николаич, Игоревич и Хмельницкий, как и договорились, расположились на кухне за небольшим столом для того, чтобы попить чай и провести дружескую беседу.

Начальник мастерских налил чай из заварника в кружку Игоревича.

— Чай у нас вкусный и ароматный, — сказал он и стал наполнять кружку Хмельницкого. — Попробуйте, вам понравится.

Заскрипели входные двери, и на пороге появился Жабраков.

— Простите меня, — произнес он. — Я прилег на полчаса и конкретно отрубился.

— Валик, присоединяйся к нам, — позвал его Игоревич, — чайку попьем. Николаич тем временем достал из навесного шкафчика пустую кружку и поставил ее на стол.

— Вы, Иван Сергеевич, нас простите, — начал оправдываться Николаич. — Мы совсем сдурели.

— Просто мысли про вас в голову дурные полезли, — добавил от себя Игоревич. — Вот мы и начудили.

Хмельницкий взял в руки кружку с чаем и подул в нее.

— Успокойтесь! — сказал он. — Не надо мне никаких ваших извинений. Я прекрасно понимаю, что произошло и почему вы так поступили.

Жабраков сел на свободный стул и с любопытством посмотрел на Хмельницкого, Николаича и Игоревича.

— Я, наверное, что-то пропустил? — спросил он.

Николаич кивнул и налил Жабракову в кружку чай.

— Да, чай действительно вкусный, — похвалил Хмельницкий после того, как сделал два глотка.

Игоревич протянул свою пустую кружку Николаичу.

— А то! — сказал он. — Николаич, плескани еще.

Николаич вылил остатки чая из заварника в протянутую кружку.

— О! — воскликнул Игоревич. — А тебе что, совсем ничего не осталось?

Николаич поставил на стол пустой заварник и достал из-за пазухи баночку с пивом.

— Вы уж извините меня, но я пивка чуть-чуть хлебану. Нашел одну баночку в своих старых заначках.

Начальник мастерской открыл баночку и сразу же приложился к ней. Хмельницкий допил свой чай и громко поставил кружку на стол.

— В общем, нет смысла нам дальше притворяться. Господа, прошу спокойно принять тот факт, что вы проиграли войну серьезному противнику, то бишь, нам.

У Жабракова отвисла челюсть.

— Простите, нам — это кому? — поинтересовался он.

— Это неважно. Сейчас вам надо принять быстрое и единственно правильное решение — работать на нас. Тот, кто такое решение не примет, к моему сожалению, из-за этого стола уже не встанет.

Николаич с ошарашенным взглядом опустил на стул.

— Я не понял, что вы только что сказали? Повторите, пожалуйста...

Лицо Игоревича стало багровым.

— Ты, мудака, хоть понял, что сейчас ляпнул? — заревел он. — И предложил?

— Значит, именно тебя мое предложение не устраивает? — спросил Хмельницкий.

В ответ Игоревич ударил кулаком по столу.

— Нет, не устраивает!

Хмельницкий уставился в глаза Игоревича. Тот тихо зевнул и замер на несколько секунд.

— А жаль! — сказал главврач и щелкнул пальцами. Лой мужчины не смог

Глаза Игоревича стали медленно закрываться. Игоревич наклонился к столу, затем вскинулся и взглянул в глаза Хмельницкому.

— Ну что, не передумал? — переспросил Иван Сергеевич.

Игоревич, отрицая такую возможность, завертел головой и всем телом завалился на стол, сбив руками все, что на нем стояло.

Из кружки Жабракова вытекли остатки чая. Он мгновенно поднялся со стула и схватил Хмельницкого за воротник белого халата.

— Что это за хрень такая?! Ты что творишь, дятел?!

Хмельницкий перевел взгляд на Жабракова и уставился ему прямо в глаза. Жабраков медленно отпустил воротник, пошатнулся и, задев спинку стула, полетел на пол.

— Что за чертовщина? — прошептал он и закрыл тяжелые веки.

— Ну, а что скажешь ты, Николаич? — поинтересовался главврач у начальника мастерской.

— У меня нет другого выбора! — ответил тот. — Вы умеете убеждать!

— Что ж, хоть ты меня порадовал. Значит так, избавляйся от этих двух глупцов и отдыхай. А я ближе к завтраку найду тебе новых помощников.

— Хорошо, как прикажите, — сказал Николаич.

— Перед сном пойду и убью еще одного человека, — заявил Хмельницкий. — Я его один раз пожалел, но он не сделал из этого никаких выводов.

— И как зовут этого человека?

— Какая тебе разница, Николаич? Ты убирайся здесь и иди, ложись спать.

Магамединову и Кожало надоело играть в профессора и доцента. Они дружно уселись на полу и стали ковыряться пальцами в своих сопливых носах. Внезапно в голове Магамединова кто-то прошептал: «Тихо-тихо... спокойно...». Магамединов достал палец из носа и повернул удивленное лицо к Кожало.

— Ты слышишь этот голос? — спросил он, и его глаза стали мутными.

— Какой голос? — хихикнул Дмитрий Антонович.

В голове Магамединова вновь раздался шепот: «Тихо-тихо, все хорошо, ты просто вставай...».

— Хорошо! Хорошо! — закричал Максим Викторович. — Я встаю!

— Ну, вставай, — произнес безразличным голосом Кожало.

Магамединов не просто встал — он вскочил и схватился за уши.

— Кто ты?! И зачем ты сидишь в моих ушах?! — заорал он. — Хорошо! Хорошо! Я иду!

Магамединов кинулся к двери и выскочил из кабинета.

В коридоре в этот момент собралось очень много людей: и зараженных, и не зараженных. Они проводили любопытным взглядом Магамединова.

— Хорошо! Хорошо! — бормотал он, передвигаясь по коридору быстрым шагом. — Я иду! Я иду!

На пятом этаже в одиннадцатой палате урологического отделения хилый рассказчик Егор опустился на колени возле стены, покрытой ледяной корочкой.

— И на этом ее движение не прекратилось, — заговорил он и всунул руку в стену, вокруг нее тут же вспыхнули электрические разряды. — Преодолев рубеж между третьим и четвертым этажом, — продолжал рассказывать парень, — ледяная пленка стала подниматься по стене больницы еще выше...

ГЛАВА 12. Борьба с тишиной

Тротил схватил Круглову за подбородок. Глаза его засверкали яростью.

— Три секунды тебя отделяют от смерти, — спокойным голосом заговорил он, — и ты смеешь при этом плевать мне под ноги?

Круглова не отвела взгляда от Тротила.

— Иди в жопу, шарик! — произнесла она, чувствуя, что ее начинает основательно трясти.

Тротил ухмыльнулся

— Да я тебя сейчас разорву, как половую тряпку, — тихо прошептал он. — Кишки обмотаю вокруг твоей шеи, матку натяну тебе на голову.

Толстяк, встретившись взглядом с разгневанным качком, моментально загадил воздух ужасной вонью. Старик на всякий случай отошел от него на шаг.

На лице Жанны отразилась вся ее ненависть к Тротилу.

— Матку ты натянешь! — закричала она. — Конечно! Папку свою счас жрать будешь!

Бывшая спортсменка выскочила вперед и встала в боевую стойку. Тротил, тяжело переваривая ее слова, медленно повернулся к ней.

Жанна нанесла сильный удар ступней по его колену.

— М-мать твою!!! — выругался Тротил и осел на поврежденное колено.

— Как, понравилось, урод? — спросила его Жанна.

Круглова, воспользовавшись моментом, отскочила от Тротила в сторону. «Надувной шарик», стиснув зубы, взглянул на Жанну. Он поднялся на ноги и тут же получил повторный удар от бывшей спортсменки по тому же колену. Уже не чувствуя боли из-за ярости, пожирающей его мозг, он с ревом бросился на нее и обхватил своими мощными руками.

— Оружие хватайте со стола! — заорала Жанка.

Тротил сделал спортсменке подсечку и повалил ее на плитку. Опустившись на колени, он нанес сильнейший удар кулаком по лицу женщины. Она сразу же закатила глаза, а под ее головой растеклась лужица крови. Со своего места сорвался худой мужчина, которого все звали Казиком. Он побежал к столу.

В дверях появился Громила, улыбнулся во весь рот и в два шага достиг стола. Казик оказался у этого стола буквально на полсекунды позже. Тупой Громила схватил одной рукой сразу две «электрические палки», а Казик только одну. Пока Громила соображал, что делать сразу с двумя «электрическими палками», Казик нажал кнопку на своей и, удерживая ее, стал ждать результата. Но ничего не произошло.

Громила вновь улыбнулся. Казик отпустил кнопку, и на тупицу обрушился очень сильный электрический заряд. Громилу отбросило метра на два от «электрической палки», и он после этого еще несколько секунд дергался в конвульсиях. Казик, потеряв дар речи, стоял и смотрел на это завораживающее зрелище.

Круглова бросила испуганный взгляд на Тротила. Он быстро встал и повернулся к ней.

— Эй, баран! — закричала Елена Степановна Казику. — Что стоишь и смотришь?! Кидай мне оружие.

Тротил шагнул в сторону Кругловой. Казик швырнул ей то, что она просила. Елена Степановна вытянула руку, чтоб это схватить, но Тротил оттолкнул ее к стенке.

Круглова сильно ударилась об нее. Ноги ее подкосились, и она по этой же стенке

съехала вниз. «Электрическая палка», которую швырнул Казик, упала на пол, покатила по нему и оказалась у самой руки Ваньки.

Мальчишка не растерялся и схватил оружие. Тротил сделал шаг в его сторону.

Мужественный паренек улыбнулся ему прямо в лицо.

— Я ж тебе говорил: пошел ты в жопу, надувной шарик!

Ванька направил «электрическую палку» на Тротила и нажал кнопку. Ничего не произошло. «Надувной шарик» вырвал из рук Ваньки оружие и произнес:

— Закрой глаза, говнюк, и считай до одного.

За спиной Тротила раздался голос Казика:

— Один! — сказал худой мужчина, в каждой руке у него было по «электрической палке».

Казик нажал на кнопки, подержал их несколько секунд и отпустил. Тротил взвизгнул как свинья, которую режут, и головой налетел на стену. Он немного подрыгался на одном месте, затем повернулся лицом к Казику и уставился на него залитыми кровью глазами.

Казик с удивлением взглянул сначала на «электрические палки», а затем на Тротила, и, заикаясь, спросил:

— Что м-мало б-было?

Тротил покрутил головой, мол, нет, немало и упал вниз лицом прямо в ноги Казика. Его тело еще несколько раз дернулось в судорогах и замерло.

«Зверь» не сдавался, он все шептал и шептал какие-то труднопроизносимые шипящие слова. Из головы несчастного существа торчал металлический штырь. По его лицу было видно, что ему мучительно больно.

Вся голова «Зверя» покрылась желтой слизью, на самой его макушке бурлила желтой пеной большая рана. Сжав тонкие пальчики в кулачки, он положил их на тяжело вздымающуюся грудь.

Внезапно до слуха «Зверя» добрались шум и возня. Он широко открыл глаза и посмотрел куда-то перед собой, но шептать при этом не перестал. Из шахты в коридор вылез Сергей. Парень повернулся спиной к «Зверю», наклонился внутрь шахты и протянул кому-то руку.

Сергей помог выбраться Ольге из шахты. Она прижала к груди руку, запястье которой было перемотано окровавленной повязкой, сделанной из ее одежды.

— Ну, как ты? — спросил Сергей.

Оля поправила повязку на руке и ответила:

— Никак. Я до сих пор не могу поверить, что это происходит со мной.

Сергей бросил взгляд на шепчущего Зверя, шагнул к нему и пнул его в колено. «Зверь» громко застонал в ответ.

— Убью тебя! — закричал Сергей. — Гнида ты этакая!

Оля мгновенно схватила Сергея за плечо.

— Не тронь его! — сказала она. — Он и так уже не жилец.

Сергей с возмущением взглянул на Олю.

— Да из-за этой суки погиб весь мой отряд! — завыл он. — А ты его жалеешь.

— Не спеши, — попросила Оля. — Мы не знаем, кто он такой, а уже готовы его убить. Это неправильно.

Она наклонилась к «Зверю».

— Скажи, кто ты такой и кто тебя ранил?

«Зверь» завертел головой и перестал шептать.

— Я тебе ничего не скажу, — отчетливо произнес он, — потому что с тобой Чёмча.

Оля резко перевела взгляд на Сергея и улыбнулась:

— Смотри, а он еще и по-нашему балаболит.

— Идите своей дорогой, туда, куда шли, — прошептал «Зверь». — Оставьте меня в покое.

Он закрыл глаза, положил кулачки на свою грудь и вновь что-то зашептал. Оля взяла Сергея за локоть и попросила:

— Пошли отсюда. Пожалуйста!

— Ладно, живи пока, тварь! — сказал Сергей «Зверю». — Твою судьбу я решу чуть позже, когда окончательно пойму, кто ты, и что тебе нужно.

Сергей и Оля двинулись по длинному коридору в сторону лестницы. «Зверь» уставился им в спину, улыбнулся и зашептал какую-то скороговорку.

Оля резко остановилась и схватилась за пострадавшую руку.

— О боже, как сильно у меня горит рука, — взвизгнула она. — И чешутся пальцы, которых у меня нет...

Сергей дотронулся губами до ее лба.

— Бедная, ты вся горишь.

— Я не могу терпеть этот огонь в руке! — закричала Оля, она быстро раскрутила повязку и бросила ее на бетонный пол.

Оля уставилась на свою руку. Запястье руки было все красное, и, что самое главное, на этой руке каждый на своем месте красовались новенькие красные пальчики. Оля с неопишим удивлением рассматривала их.

Запястье и пальцы прямо на глазах приобрели телесный цвет. Оля обернулась и посмотрела в сторону «Зверя». Тот моргнул ей и улыбнулся доброй улыбкой.

Проблема Николаева была в том, что он большую часть времени находился в ординаторской ожогового отделения. И поэтому найти его никому не составляло большого труда. Он сидел в кресле спиной к окну, за которым ярко мерцала «ледяная пленка».

В руках у Николаева был большой кухонный нож, у ног его лежал топор. Он подкинул нож, поймал его за ручку и бросил изо всех сил. Нож воткнулся в дверь.

— Нож хорош тем, что его можно успеть бросить, — сказал Павел Петрович, — прежде чем мозги разлетятся по сторонам. Пока он скажет «хоп», я уже кину нож...

Николаев наклонился, взял в руки топор и повернулся к Петру Алексеевичу.

— Погодина, скажи «хоп».

Петр Алексеевич закрыл лицо руками, готовясь к худшему.

— Успеешь, успеешь — я не спорю! — заскулил он.

Резко открылись входные двери, и на пороге ординаторской появился главврач больницы.

— Вот ты где прячешься! — крикнул Хмельницкий.

Павел Петрович резко развернулся и бросил топор в его сторону, но тот ударился о дверную раму и упал на пол.

— Почти получилось, — заметил Иван Сергеевич и сделал два шага в сторону Николаева, шатаясь при этом, как пьяный.

Хмельницкий резко вытянул руки вперед, растопырив пальцы.

— Сдохни, тварь! — закричал он, но ничего не произошло.

Главврач с удивлением посмотрел на свои руки. Павел Петрович улыбнулся и наклонился вперед.

— Что, что-то не так?

Хмельницкий, озверев не на шутку, вновь вытянул вперед руки и топнул ногой.

— Сдохни, я сказал! — завопил он.

Николаев быстро вскочил и схватил Ивана Сергеевича за воротник рубашки.

— Ну что, попил чайку? — спросил Павел Петрович.

Главврач весь сжался и трусливо осел на пол. Голос его стал писклявым:

— Да, а что?

Николаев приподнял Хмельницкого за воротник и ответил:

— А ничего! Тебе привет от Николаича. Он рад, что ты любишь пить чай с конфетами в тесной и теплой компании. На это он и рассчитывал, когда просил у меня снотворное.

— Отпусти меня, я тебя умоляю, — завыл Хмельницкий. — У меня что-то с головой не в порядке... Я ничего не соображаю...

— Увы, я не имею на это никакого морального права, — закричал Николаев. — Погодин, хватай топор и руби его голову, пока она ничего не соображает!

Погодин подскочил к Николаеву, поднял с пола топор, замахнулся и резко опустил его вниз, на голову главврача. На лице Погодина и на стене рядом с ним появились желтые брызги.

— Фу, Погодин, как неаккуратно! — возмутился Павел Петрович.

На лице завхоза и автора романов ужасов появилось виноватое выражение.

— А как надо было? — спросил он.

Николаев уставился на мертвое существо, которое он держал за воротник рубашки. Это существо было похоже на «Зверя», правда, половины головы у него уже не было, она валялась где-то на полу. На ее месте красовалось сплошное желтое месиво.

— Как?! Как?! — пробубнил Павел Петрович. — Надо было не спешить! Я у него, между прочим, хотел еще кое-что спросить.

Чёмча дожевывал кусок пирога с красными ягодами наверху, запил квасом и выпустил на волю громкую отрыжку. Эмирта и Касхен переглянулись и заулыбались.

— О, Чёмча! — простонала мерзкая толстая тварь.

— Это еще не все, о чем мы хотели с тобой поговорить, Чёмча, — сказала Эмирта голосом Анны. — Ты готов слушать?

Чёмча очень громко испортил воздух, кивнул и медленно, с каким-то блаженством, закрыл свои глазки.

— Чёмча! — пробормотал он.

— Я хочу довести до твоего сведения, Чёмча, что ситуация медленно выходит из-под контроля. Один из наших ведет себя очень странно. Из-за его действий ледяная пленка поднялась до четвертого этажа и поднимается еще выше. А ведь это в наши планы совсем не входило.

Толстая тварь вздохнула и открыла глазки.

— Чёмча знает, — заявил он.

Эмирта наклонилась и оперлась локтями на стол.

— И еще одна проблема: наши воздухопроводы не справляются со своей работой. Концентрация кислорода катастрофически снижается, и это уже чувствуется.

Чёмча вытер салфеткой выступивший на лбу жирный пот. По его лицу было видно, что

он серьезно задумался. Он взглянул на Эмирту и почесал свой грязнувший мешок-подбородок, от которого тут же отвалились сухие куски куриного мяса.

— Чёмча приказывает подниматься всем наверх, — сказал он строгим голосом. — Кто бы ни был наш враг — он блефует... И он не накроет все здание ледяным покрывалом — ему же тоже хочется жить.

— Но зачем всем наверх?! — заволновался Касхен. — Это тоже не выход!

Лицо Чёмчи стало красным.

— Чёмча сказал наверх! — завопил он.

Касхен отскочил на шаг назад и прошептал:

— Хорошо-хорошо, Чёмча! Ты только не злись.

Чёмча сделал жест рукой, показывая, что аудиенция окончена.

Эмирта и Касхен кивнули ему в ответ, развернулись и, молча, двинулись в сторону выхода.

Чёмча сладко закрыл глаза, приложил свои жирные ладони к груди и противно заныл на одной ноте.

Нытье Чёмчи стало слышно и на четвертом этаже, оно представляло собой монотонный мычащий звук: «мы-ыы-мы-ыыы...». В коридор из палат вышли люди, девяносто процентов из которых были с большими вздутыми животами. Затрясся пол, с потолка посыпалась побелка, со стен — краска и штукатурка. Люди попадали на колени.

Чёмча сидел и ныл все в том же кресле, перед ним дребезжал стол и звенели пустые грязные тарелки. Чёмча вытер пот со лба — нытье ему не так легко давалось. Он заметно худел. По всей видимости, на это противное занятие уходило колоссальное количество энергии.

По лестнице, ведущей с четвертого этажа на первый, мимо стоящих на коленях людей, спускался Магамединов. Он был единственным, кто не слышал нытья Чёмчи. Его глаза были мутными.

— Хорошо-хорошо! — вдруг закричал он. — Я иду к тебе, мой покровитель!

«Зверь» понял, что силы скоро покинут его, и он не сможет больше бороться с разрушением своего организма. Металлический штырь зацепил ту часть мозга, что отвечала за регенерацию. И поэтому восстановительные процессы в его голове шли медленно, а разрушительные с каждой секундой все сильнее и сильнее давали о себе знать. Ъ" ча б.

— Я здесь, мой покровитель! — заорал издали Максим Викторович. — Я здесь! Я иду к тебе!

«Зверь» еле открыл глаза, грустно посмотрел на Магамединова и снова их закрыл. Сжав кулаки изо всех сил, он зашептал с двойным рвением.

Максим Викторович осторожно снял голову «Зверя» с металлического штыря. Несчастное существо сразу же задрожало из-за дикой невыносимой боли, но шептать, правда, не перестало.

Никто из людей не смог бы даже представить, сколько силы воли и энергии прикладывал «Зверь» для того, чтобы находиться в сознании и раньше времени не покинуть эту новую жестокую реальность.

Магамединов взял «Зверя» на руки и занес его в темное помещение, в котором горел слабый розовый свет. Он осторожно уложил «Зверя» на кучу тряпья за тепловыми трубами.

— Я прекрасно тебя понимаю, мой покровитель, — произнес Максим Викторович.

«Зверь» зашептал громче. Вскоре он чуть ли не кричал. Все звуки, которые он издавал

— большинство из них шипящие, — походили на ругательства и отчитывания.

— Ще-ще-ще... А-я-яй! — громко бормотал «Зверь». — Ще-ши-ши...

Внезапно Магамединов схватился двумя руками за голову, бросил испуганный взгляд на «Зверя» и упал перед ним на колени.

— А-а-а!!! — закричал он. — Мне больно!

В ответ «Зверь» широко открыл рот и заорал изо всех сил, его голос напомнил воинственный клич.

— А-а-а!!! — не унимался он.

Максим Викторович, не опуская рук, завопил вместе со «Зверем». Лицо его перекопилось от боли, зрачки тут же закатились, и он рухнул на пол и забился в приступе, похожем на эпилепсию. Его крутило и колбасило настолько сильно, что он просто потерялся во времени и пространстве, все происходящее казалось ему сплошным адом.

Николаев проснулся у стены, недалеко от выхода из ординаторской. Он, как и в прошлые разы, не мог вспомнить тот момент, когда лег спать. На его голову падали какие-то капли, они громко шлепались ему на лоб. Павел Петрович открыл веки, и одна капля попала прямо ему в глаз. Он повернулся набок и вытерся рукавом белого халата.

Павел Петрович взглянул на рукав: он был испачкан кровью. Николаев, еще полностью не отойдя от сна, посмотрел туда, откуда капала кровь, и резко вскочил. С ужасом он уставился на стену, рядом с которой лежал.

То, что увидел заведующий хирургическим отделением, морально чуть не убило его. На стене, прикрученный шурупами, висел Погодин. И над его головой кровью было написано: «Это участь ждет каждого, кто попытается нам противостоять».

Николаев заскулил, как больная собака. Он бросился к ящику стола, в котором у него лежали пассатижи, схватил их и, вернувшись к стене, стал ими вырывать-выкручивать шурупы. Павел Петрович опустил Погодина на пол, с горечью и состраданием посмотрел на его серьезное лицо и закрыл ему глаза.

— Прощай, дружище, и прости! — закричал он и громко зарыдал, словно потерял самого дорого друга.

После чего Николаев выскочил из ординаторской со словами:

— Все! Мое терпение лопнуло! Лучше я погибну, чем буду терпеть весь этот беспредел!

Сергей и Оля проснулись на самом дне шахты, похожей на лифтовую. На бетонном полу шахты лежал Беленький с огромной дыркой в голове. Рядом с ним валялся пистолет, из которого он пустил себе пулю в висок.

Сергей и Оля сидели на длинной металлической балке. Сергей держался за живот и корчился от боли.

Оля с сочувствием посмотрела на него и тяжело вздохнула.

— Я опять не помню, как я заснула, — прошептала Оля. — Мы снова провалились в этот тупой сон...

Сергей выпрямился и, держась одной рукой за живот, заметил:

— Да, но вот, что странно. Мы каждый раз просыпались в том месте, где приблизительно находились перед сном. В этот же раз все по-другому. Последнее, что я помню, — как мы поднимались наверх.

— И я...

— А очнулись здесь.

Сергей слез с металлической балки и поднял пистолет с бетонного пола.

— Ладно, — сказал он. — Раз мы оказались здесь, давай узнаем, что находится там, за этими дверями...

Сергей встал на металлическую площадку. Сразу же загорелось электронное табло и начало отсчитывать цифры: пять, четыре...

— Оля, иди сюда! — крикнул парень и протянул девушке руку.

Она запрыгнула на металлическую площадку.

Электронное табло отсчитало: один, ноль. И двери разъехались в стороны. Сергей осторожно выглянул.

— Вроде тихо, — сказал он. — Никого нет!

Магамединов пришел в себя только ранним утром. Странное существо, лежащее за трубами в куче тряпья, поманило его пальцем. Он дополз до него и сел рядышком.

— Ты чего ползком? — удивился «Зверь». — Что, ходить разучился?

Максим Викторович схватил за руку умирающего «Зверя» и закричал с мольбой в голосе:

— Скажи мне, кто ты? И почему я так плохо все помню?

— Я твой покровитель, — ответил слабым голосом «Зверь». — И тебе помогаю, потому что ты мне нужен. Я отдал последние силы на то, чтобы вытянуть твой мозг из той трясины и мути, в которую он погрузился. И все это я сделал для того, чтобы заключить с тобой сделку...

«Зверь» застонал и закрыл глаза. Магамединов наклонился к нему и сильно сжал его руку.

— Ты можешь мне сразу рассказать, о какой сделке идет речь?

— Не спеши, я начну все по порядку, — прошептал «Зверь». — Но постараюсь быть кратким, так как силы мои на исходе.

Максим Викторович погладил его по плечу.

— Держись, я тебя умоляю! — попросил он. — Мне очень надо знать, что происходит.

«Зверь» кивнул и тихо заговорил:

— Нас с вами разделяют миллионы лет умственного и эволюционного развития. Когда-то мы были такие же, как вы. Глупые и чересчур эмоциональные. Но это было давно... Ой, как давно...

— Я правильно понимаю? — уточнил Магамединов. — И выглядели вы тоже как мы?

«Зверь» вновь кивнул.

— Да... У нас с вами общий создатель... Только вы были созданы, скажем так, позже нас на несколько миллионов лет. В настоящее время моя раса превосходит вашу чуть ли не в миллиарды раз в умственном развитии.

— А поконкретнее можно?

— Мы практически все делаем при помощи работы своего мозга, не утруждая себя лишними телодвижениями. А вы даже не можете взглядом передвигать обычные предметы, воспламенять их. Для нас это детская шалость. Мы способны строить целые миры при помощи работы своего мозга. Мы без пяти минут боги. Мы создатели новых жизнеспособных реальностей.

— Круто, конечно! — воскликнул Максим Викторович. — Но что вам надо от нас, и зачем вы меняете нашу реальность?

Николаев встал посередине вестибюля пятого этажа, и вокруг него начали быстро собираться люди. За пять минут набралась целая толпа. Взгляд у Павла Петровича был как у

дикого зверя, которого серьезно потревожили, — лютый, полный ненависти ко всему вокруг.

— Все, хватит ждать лучших времен! — заорал Николаев. — Они не наступят сами по себе. Кто-то сказал, что я трус. Я добавлю: все вы трусы, такие же, как и я! Но я вас не осуждаю, сила, с которой мы столкнулись, настолько ужасна, что леденеет кровь в жилах.

Из толпы людей раздался голос Лебеда:

— Командир, говори, что надо делать. Надоела вся эта демагогия.

Павел Петрович поднял топор кверху и повысил голос:

— Пришло время вооружиться и действовать. Хватит терпеть беспредел!

Со стороны лестничной площадки донесся топот, и в вестибюль ворвался Теплицын, а за ним еще девять человек. У каждого из них в руках было оружие: лопаты, топоры, ножи — у кого что.

— Павел Петрович, — закричал Теплицын, — это все, кто в состоянии взять оружие и противостоять. На шестом, седьмом и восьмом этажах эпидемия покосила девяносто процентов людей. Там полный мрак...

Николаев посмотрел на всех собравшихся в вестибюле. Среди них он увидел Хонкина-младшего, Чернова, Белоусову, Лебеда и Теплицына. Взгляды у всех были усталые, потухшие. Люди даже не переговаривались между собой.

— Нас, конечно, очень мало для того, чтоб давать отпор силе, которая нам будет противостоять. Но и ждать, когда нас станет еще меньше, мы не можем, — стал объяснять Николаев. — Те, с кем мы будем воевать, нам кажутся людьми, но на самом деле они на нас не похожи, они хилые, они совершенно не развиты физически.

Павел Петрович дотронулся до своей головы рукой и легонько хлопнул по ней.

— Сила их спрятана в голове, — продолжил он. — Они гипнотизируют нас и заставляют видеть их такими, какими они хотят.

Из толпы вышел Хонкин-младший.

— Говорят, что каждый, с кем нам придется сражаться, способен убить кучу людей сразу. Не кажется ли вам, что все то, что вы задумали — это верная смерть? Не будет ли так, что вы встанете, как вкопанный, при первой же стычке с врагом? Мне лично страшно идти с вами в бой!

— Я не люблю глупую смерть, — ответил на речь Хонкина Николаев. — Но это не значит, что я способен подвести тех, кто в меня поверил. Я готов отдать жизнь ради победы. Готовы ли вы?

— Давно уже готовы! — заревел басом Теплицын.

— Тогда все за мной! — закричал Николаев и устремился в правое крыло. — Никакой пощады врагу. Я знаю, где находится каждый из них. И один находится здесь — на этом этаже. Делаем все по возможности быстро, душим этих тварей, как тараканов. Вы хоть помните, где спрятана их смерть?

Николаева догнал Лебедь.

— В яйце, что ли? — тихонько спросил он.

Павел Петрович улыбнулся ему и ответил:

— Этот вариант я не проверял. Но если кому-нибудь из них дать топором по башке, то верную смерть гарантирую.

Сергей и Оля продолжили свой путь по коридору самого низкого подземного этажа, в котором стояли концентрированные запахи человеческого пота, мочи и кала. По обеим его сторонам располагались железные двери с решетчатыми окнами. Через окна хорошо

просматривались камеры, в которых содержались пленные люди.

Пленники камер лежали на полу или сидели, прислонившись к стене, и прислушивались ко всем шорохам и звукам. Никто из них не подходил к дверям. Видимо, понимая, чем это чревато для них. И только в одном из окон внезапно появилось лицо седой женщины.

— Люди вы или нелюди?! — закричала она. — Откройте двери! Хватит держать нас взаперти и в холоде!

Оля тут же бросилась к окну, в которое выглядывала женщина.

— Мы пришли спасти вас! Но мы не можем открыть двери. Полчаса провозились у самой первой — и ничего не добились!

— Я поясню, как они это делают, — заявила седая пленница. — Они подходят к дверям — твари эти — и смотрят на них несколько секунд, и двери открываются сами.

— Увы, у нас так не получается, — пояснила Оля.

Из другого конца коридора раздались чьи-то голоса.

— Сергей, кажется, мы здесь не одни... Кто-то идет нам навстречу.

Сергей встал вплотную к двери, в окошко которой выглядывала женщина, и достал из-за пояса пистолет.

— Кто бы это ни был, он приятно удивится, когда я ему пушу пулю в лоб...

Оля спряталась за спиной Сергея и схватила его за плечо.

— Не спеши! — прошептала она. — А вдруг это простые люди, такие же, как и мы.

— Глупости не говори, — пробормотала седая. — Простые люди здесь так не разгуливают.

Голоса стали слышны громче, и Сергей увидел, что по коридору к нему приближаются старик со старухой, толстяк, Казик и Круглова с Ванькой на руках.

Седая женщина посмотрела на Сергея и отчаянно завертела головой.

— Не верь своим глазам, сынок, и ничего у них не спрашивай! — сказала она, и в голосе ее появились визжащие нотки. — Стреляй в них, не задумываясь! Не подпускай их к себе близко, не позволяй ковыряться в твоих мозгах. Это равносильно смерти!

Сергей прицелился.

— Хорошо-хорошо! — крикнул он. — Я все понял!

После чего парень нажал на курок, и прогремел выстрел.

Егор сидел на стуле в центре палаты, а за его спиной стояли три невольных слушателя истории, которую он рассказывал: Андрей, Александр Евгеньевич и Олег Олегович.

Молодой рассказчик испуганными глазами уставился на дверь, за которой раздался крик: «Где этот гаденыш?! Давай его сюда!».

Егор обреченно опустил голову.

— Вот и все! — прошептал он. — Они пришли за мной!

Дверь резко распахнулась, и в палату с топором в руке ворвался Николаев, а за ним толпа разгневанных людей.

— А ну иди, животное, сюда! — закричал Павел Петрович, схватил за шиворот рассказчика и швырнул его в толпу. Люди тут же набросились на хилого парня, каждый старался ударить ногой, и не просто так, а как можно сильнее, вкладывая в свой удар всю злость, накопившуюся в душе.

— Дайте, я этой твари отрублю голову! — заревел Лебедь.

— Подождите, — вдруг сказал Павел Петрович. — Мне надо напоследок у него кое-что спросить.

Люди послушно расступились. Перед ними на полу лежал «Гаденьш», он был очень похож на «Зверя», только ростом поменьше и лицом помоложе.

«Гаденьш» прикрыл лицо рукой, и у него заметно затряслись плечи.

— Ответь мне, тебе страшно? — спросил Павел Петрович.

«Гаденьш» кивнул и ответил голосом Егора:

— Да, мне страшно. Прошу вас, не убивайте меня, я вам не враг.

— Ага! — усмехнулся Николаев. — А кто же ты тогда? Друг, да?

Люди захохотали, будто услышали до слез смешную шутку. Хонкин-младший, издеваясь, хлопнул мерзкое существо по плечу.

— Привет, дружище! — крикнул он, и вновь раздался дружный хохот.

Хонкин-младший нанес сильный удар кулаком по уху «Гаденьша»:

— Получай, скотина!

— Ва-у-у!!! — жалобно вскрикнуло мерзкое существо и ударило рукой по полу.

Вокруг руки на полу появились трещины. В толпе людей послышались испуганные возгласы.

— Поймите же вы! — заговорил «Гаденьш» голосом Егора. — Рассказчика ни в коем случае нельзя убивать! Если вы его убьете, то взамен на свет появится столько рассказчиков, сколько у него было слушателей. И тогда все, что хотел поведать рассказчик, воплотится в реальность намного быстрее.

— Хватит трепаться! — крикнул кто — то из толпы. — Наслушались уже!

«Гаденьш» приподнялся и осторожно сел.

— Есть только один выход, — сообщил он. — Надо заставить рассказчика замолчать.

Николаев не выдержал и толкнул ногой его в грудь.

— И как же это сделать? — поинтересовался Павел Петрович.

«Гаденьш» распластался на полу и посмотрел на людей с надеждой.

— Я расскажу вам об этом, — заявил он. — Если вы меня отпустите...

Хонкин-младший шагнул вперед и нанес еще один удар по уху «Гаденьша».

— Даже не надейся на это! — прошипел сквозь зубы Евгений. — Все, что мы можем пообещать тебе — это быструю смерть.

Магамединов крепко сжал руку умирающего «Зверя», вокруг головы которого растеклось много желтой жидкости и слизи. В голове — в нескольких макушке

«Зверь» слегка приоткрыл глаза и вновь заговорил:

— Эта шайка уродов, прилетевшая на Землю, виновата в гибели почти всей моей огромной семьи. Они истребили ее ради захвата власти на моей планете. Правда, власть они не захватили. Нашлись смельчаки, которые сумели дать им отпор. И эти подлые твари удрали сюда, чтобы построить себе новый мир, в котором они собираются жить.

«Зверь» закрыл глаза и тяжело вздохнул.

— Я могу тебе чем-то помочь? — спросил Максим Викторович.

На что инопланетянин отрицательно мотнул головой.

— Мне уже ничем не помочь, — сказал он. — У меня повреждена та часть мозга, которая не поддается восстановлению. Пожалуйста, дослушай меня... Я прилетел сюда с целью отомстить им. Но в результате неудачного приземления получил серьезное ранение, несовместимое с жизнью, и понял, что не смогу выполнить задуманное. И поэтому я решил передать тебе все свои знания с условием, что ты отомстишь за меня и мою семью.

— Почему ты выбрал именно меня?

Зверь приподнялся и схватился за голову. По его лицу покатались крупные желтые капли, он вытер их своей маленькой ладошкой.

— Мне трудно сейчас анализировать свои действия. Ты просто первый серьезный человек, который мне попался на пути... Этим бездарным уродам, которые поселились в вашей больнице, ужасно повезло. Они нашли комнату, в которой было столько ценного для них материала. Я говорю о комнате вашего гения, Бориса Анатольевича Беленького! На поиски такой идеальной фантазии, как у него, могли уйти годы. За такое ее количество даже я продал бы душу дьяволу. Ему пообещали подарить огромную власть и процветание, лишь бы он согласился фантазировать для них.

— Ты что-то путаешь! — воскликнул Максим Викторович. — Фантазиями у нас заведует Погодина.

Зверь тихонько засмеялся.

— Я знаю. Мои враги быстро догадались, что не Борис Анатольевич все это придумал, и, надавив на него, выяснили, что он уже давно планировал заработать на произведениях Погодина, которые тот сам дал ему почитать. У Бориса Анатольевича были хорошие связи, чтобы использовать данный материал по назначению.

— Кто бы мог подумать, — пробормотал Магамединов, — что фантазии Погодина такие ценные.

— О! Еще какие! — хохотнул «Зверь». — Ради того, чтобы уничтожить оригиналы, хранящиеся в ноутбуке Петра Алексеевича, Беленький продал свой старенький «Мерседес». И деньги, вырученные за него, отдал старшей медсестре, которая взамен дала ему дубликат ключей от каморки Погодина. А когда мои враги случайно застали Бориса Анатольевича в каморке, они приняли его за автора хранящихся в ней бесценных творений. Вот такая получилась каша.

— Да, такую можно без соли и масла сожрать, — прошептал Магамединов.

— Мы-гы... Когда тварюги выяснили, что Беленький — пустышка, они стали над ним издеваться и, в конце концов, сделали его начальником скрытых этажей, где он окончательно свихнулся, не выдержав того, что там происходит.

Голова Магамединова разбухла от множества вопросов.

— А что это за скрытые этажи? — поинтересовался он. — И что там такое происходит?

— Не спеши! — попросил «Зверь». — Не все сразу. Мне надо успеть сказать самое главное, а остальное — как получится... Со мной прилетел мой сын. Он очень молод и не справится с этими тварями в одиночку, даже несмотря на то, что он очень смелый, заставил одного из рассказчиков замолчать и занял его место, чтобы сломать всю задуманную этими подлецами стратегию...

— Всем стоять на месте! — закричал Сергей, он все еще прижимался спиной к двери, в окошко которой выглядывала седая женщина. Он целился из пистолета в людей, которые остановились в нескольких метрах от него.

Казик, старик со старухой, толстяк (он держался за ухо, с которого капала кровь) и Круглова с Ванькой на руках застыли перед ним, как манекены. Никому из них не хотелось погибнуть от глупой пули.

— А мы что делаем?! — возмутилась Елена Степановна. — Успокойся, парень. Мы тебе не враги.

Толстяк взглянул на руку, которой держался за ухо. Ладонь была вся в крови. Он показал ее Казику.

— Я убит, — сообщил жирдяй, закатил глаза и рухнул в обморок.

— Сергей, опусти оружие! — приказала ему Оля. — Это нормальные люди.

— Нам удалось выбраться из мясорубки, — пояснила Круглова.

— Брежут гады! — заверила седая женщина.

Неожиданно для всех Сергей вскрикнул и схватился руками за живот.

— Черт! С каждым разом все больнее, — пожаловался он.

— Может, я могу вам чем-то помочь? — спросила Елена Степановна. — Я врач...

Сергей кое-как распрямился и спрятал пистолет за пояс.

— Нет пока на это времени. Какая тварь здесь заведует всеми камерами? Может, она нам подскажет, как их открыть, если я ей пушу пару пуль в лоб?

Круглова пожала плечами и ответила:

— Мы здесь видели только одну спящую тварь посередине какого-то большого зала.

— Ну и?

— Что «ну и»? — не поняла Елена Степановна смысла вопроса.

На лице Сергея появилось удивление.

— Увидели и ничего не спросили?

— Как-то побоялись.

Сергей шагнул вперед.

— Ладно, — сказал он. — Тогда пойдем все вместе и спросим...

«Гаденьш» закрыл лицо руками. Вокруг него расположилась кольцом толпа людей.

Они шумели, и из-за этого ему становилось все хуже и хуже. Голова его разрывалась на части от криков и воплей.

— Почувствуй, уродина, сколько в нас накопилось злости, — заорал Хонкин-младший. — Страшно тебе, скотина?! А?

«Гаденьш» убрал руки от лица и осторожно взглянул на Хонкина-младшего.

— Да, мне очень страшно, — ответил он голосом Егора. — И обидно за то, что я пришел помочь, а мне никто не верит.

Хонкин тут же нанес удар по лицу Егора и закричал, что есть мочи, с губ его брызнула пена:

— А мы тебя не звали! Не нужна нам твоя помощь! Сыты мы ей по горло.

Инопланетянин проглотил ком, подступивший к горлу.

— Не спешите судить меня! — попросил он. — Пусть время вынесет справедливый приговор. Давайте я вам расскажу, кто я такой и зачем я здесь.

Николаев завертел головой. Он рассчитывал действовать быстро и четко и поэтому сразу отказал «Гаденьшу» в его просьбе.

— Нет у нас времени играть в ваши игры.

Инопланетянин опустил голову и сжал свои хилые пальцы в кулачки. Лицо его стало очень серьезным и отрешенным.

В толпе людей раздался крик:

— Так, кончайте уже с ним! Хватит цацкаться!

— Они с Бoryгиным не цацкались, — закричал кто-то другой. — Хоп и готово!

«Гаденьш» прижал кулачки к груди и зашептал что-то похожее на молитву.

— Ха-ха! — заржал Хонкин. — Смотрите, он молится!

— Вот же урод! — произнес сквозь зубы Лебедь.

«Гаденьш» повысил свой голос и зашептал намного громче.

Пол в палате затрясся, как при землетрясении. С потолка посыпалась побелка, со стен полетела краска и штукатурка. «Ледяная корка» на стене разгорелась ярко-синим пламенем.

Перепуганные люди стали оглядываться по сторонам.

— Ах ты... сволочь! — громко вскрикнул Лебедь.

Он резко замахнулся топором и опустил его на голову «Гаденыша». В стороны полетели желтые брызги. И тут же на окно напоззло что-то темное, и в палате стало темно. Через стекло ударила яркая голубая вспышка. Раздались крики людей. Человек шесть попадало на колени, в том числе и Хонкин-младший. Все они держались за глаза и орали из-за боли, проникшей в их мозг.

Хонкин-младший убрал руки от глаз, зрачков его не было видно — глаза застилала молочная пленка.

— О боже, я ничего не вижу! — завыл он.

— Что же мы натворили?! — прошептал Николаев, он был бледный и держался руками за голову. — Мы вынесли себе окончательный приговор.

Лебедь всхлипнул.

— Получается, этот мудака был прав, — пробормотал он. — Рассказчиков нельзя убивать.

От земли до седьмого этажа огромное здание больницы покрылось «ледяной пленкой», которая периодически сверкала ярко-синим цветом. Эта пленка быстро ползла вверх, она уже достигла окон седьмого этажа. Неумолимо приближалась печальная развязка для всех обитателей больницы. «Молчание», придуманное Петром Алексеевичем Погодиным, терпеливо ждало своего часа.

Магамединов понял, что «Зверь» вот-вот умрет. Бедный инопланетянин даже не пытался открывать глаза и говорил очень слабым голосом.

В какой-то момент он вообще замолчал.

— Прошу тебя, не умирай! — закричал Максим Викторович. — Дай мне побольше информации, чтоб я мог хоть что-то предпринять. Расскажи мне о девушке в черном платье... И о всех этих гадах: о наших с тобой общих врагах...

— Это я принимал вид девушки в черном платье с вороном на плече, — тихо произнес «Зверь». — Глупая это была затея. Но я не мог появляться в своем истинном виде, это было очень опасно... И поэтому я влился в осуществляемую фантазию Погодина в придуманном им образе. Все рассказчики, таким образом, думали, что я создан кем-то из них...

Магамединов наклонился над «Зверем».

— Но объясни тогда, зачем ты пугал людей?

— Вообще-то я пугал только женщин, я добивался того, чтоб они покинули больницу. Не женское это дело — участвовать в такой страшной войне... А вот с мужчинами я, наоборот, пытался пойти на контакт. Но ничего толкового из моей затеи не вышло.

Сергей, Оля и Елена Степановна вошли в огромный зал с розовым светом, посередине которого сидел в кресле и громко сопел Чёмча, опустив голову на руки.

Они встали напротив него.

— Спит, падла, беспечным сном, — заметила Оля.

Сергей смело шагнул к Чёмче, который очень сильно изменился. Он стал ужасно худым, чуть ли не живым скелетом.

— Ничего, я сейчас его разбужу, — сказал парень и подошел еще ближе к главному инопланетянину.

Чёмча осторожно открыл глаза и прислушался. Сергей шагнул ближе, и тогда тот резко поднял голову.

— А... Это ты... Чёмча! — воскликнул инопланетянин.

Сергей от неожиданности отскочил назад, выхватил из-за пояса пистолет и направил его на Чёмчу.

— Я не понял, что ты сказал?! Повтори!

Чёмча широко открыл рот и сладостно зевнул.

— Чёмча устал, — сказал он. — Ему нужно отдохнуть и набраться сил.

Сергей направил пистолет в ногу инопланетянина.

— На том свете отдохнешь. Скажи, как нам открыть камеры? Как выпустить людей на волю?

Чёмча хитро улыбнулся и ответил парню:

— Чёмча не знает.

— Это неправильный ответ, — произнес Сергей и нажал на курок.

Прогремел выстрел, и в ту же секунду Сергей согнулся пополам. Он уронил пистолет и, схватившись руками за живот, упал на колени.

Из ноги Чёмчи, из того места, куда попала пуля, потекла желтая жидкость. Чёмча посмотрел спокойным взглядом на Сергея, который корчился на полу из-за невыносимой боли в животе.

— Больно же как! — стонал парень — Мамоchка моя!

Круглова молнией бросилась к пистолету, схватила его с пола и направила на Чёмчу.

— Не надо! — закричал Сергей. — Я прошу!

— Кто бы ты ни был — умри! — громко сказала Круглова.

Раздался выстрел, и пуля попала в голову Чёмче, желтые брызги разлетелись по сторонам. И в этот же момент Сергей заорал благим матом. Чёмча резко закрыл глаза и завалился на ручку кресла, свесив руки вниз.

— А-я-яй, твою мать! — прокричал парень.

Взгляд у него стал ошарашенным, лицо задергалось. Из носа вылетели брызги крови.

— А-а-ах! — прошептал Сергей и, держась за живот руками, лег на спину. Все вокруг него закружилось в дикой карусели.

— Ох! — простонал напоследок парень, и его конкретно выгнуло назад, словно что-то пыталось сломать его буквально пополам.

Сергей вздрогнул, и на его шее напряглись мышцы. Он сделал неожиданно резкий громкий вздох и затих.

Оля бросилась к Сергею.

— Что это с ним? — закричала она.

Круглова уставилась на Сергея, не понимая, что произошло. В зал ворвался толстяк и закричал:

— Двери в камерах сами все открылись!

Оля обхватила Сергея руками и заплакала.

— Я не могу понять, — произнесла она, — что с ним...

Круглова опустила на корточки рядом с Сергеем, взяла его руку и попыталась нащупать пульс, затем подняла веко и взглянула на закатившийся зрачок.

— Он умер, — сообщила Елена Степановна горькую правду, и Оля громко, не сдерживая себя, зарыдала.

Магамединов поднялся и стал ходить взад-вперед возле умирающего «Зверя», который лежал на куче тряпья и тяжело дышал. Вокруг его головы растеклось много желтой жидкости и слизи. В самой голове — в нескольких местах, в том числе и на макушке — бурлила желтая пена. Глаза у «Зверя» были слегка приоткрыты.

— Мы уже давно не люди, — сообщил он. — Мы сами себя называли рассказчиками. Ну, а по правде говоря, мы почти боги во вселенной.

Магамединов сел возле «Зверя» и взял его за руку.

— Ты только так не волнуйся, — сказал Максим Викторович. — Я тебя прекрасно слышу и все понимаю.

«Зверь» вырвал свою руку и заговорил с гордостью в голосе:

— Ты только вдумайся: мы используем колоссальную энергию своего мозга для строительства новых реальностей, а также энергию мозгов всех своих слушателей. Тут главное — понять, что есть разница между простыми рассказчиками и такими, как Чёмча. Простые могут использовать энергию мозга пяти-шести человек, а такие, как Чёмча, используют энергию сотен или даже тысяч людей.

«Зверь» резко выпятил глаза и громко ахнул.

— Ну, вот и все, — прохрипел он. — Пришел мой час. Прощай, друг! И запомни: рассказчиков нельзя убивать — этим вы сделаете только в тысячу раз хуже.

Магамединов прижал руку «Зверя» к своей груди.

— Так как же тогда с ними бороться?! — спросил Максим Викторович.

Глаза «Зверя» стали медленно закрываться.

— Их надо заставить замолчать, — ответил он.

— Но как это сделать? — закричал Магамединов.

«Зверь» издал последний мучительный стон и полностью закрыл глаза.

Магамединов поднялся на ноги.

— Прощай, — произнес он дрогнувшим голосом. — Я сделаю все, что в моих силах. Считай, что мы с тобой договорились.

Все пленники собрались в длинном холодном коридоре напротив своих камер. Они обнимались, целовались, кричали, смеялись. Многим из них казалось, что освобождение означает и победу над врагом, но это было далеко не так.

— Тихо все! — закричала Оля. — Расшумелись, как на базаре!

Она встала около металлических дверей, ведущих в огромный зал. В двух метрах от нее остановились Круглова и толстяк.

Шум не стихал. Ей даже показалось, что люди стали говорить еще громче.

— Я сказала: замолчали все и слушаем только меня! Рано радуетесь! Подняться наверх нам будет не так-то легко. Вы должны знать, с чем столкнетесь и как на это надо реагировать.

Люди стали поворачиваться к ней, некоторые даже подвинулись поближе, чтобы услышать, что она говорит.

— Прекратить разговоры! — закричала Оля, что есть мочи. — С этой минуты вы все являетесь членами одного большого отряда. И этим отрядом буду руководить я. Я поведу вас наверх, но перед этим каждый из вас пройдет короткий курс подготовки.

Люди зажужжали. Одни пытались доказать другим, что глупо доверяться какой-то девчонке. На плечо Оли положила руку Круглова, она взглянула на разгалдевшую толпу и заговорила хриплым голосом:

— Если кто-то еще не понимает, что происходит, я объясню: это война, в которой несколько очень разумных существ уничтожают нас и нашу реальность с целью, чтобы построить себе здесь новую. И у них это здорово получается... Они выращивают в телах живых людей себе армию, сила и мощь, которой несравнима ни с чем.

Сквозь толпу людей протиснулся Магамединов.

— Самое страшное то, что этих несколько существ нельзя убивать просто так, — сообщил он.

Магамединов подошел к Кругловой и уставился в ее яркие и жгучие глаза. На лице Максима Викторовича появилась улыбка.

— Я услышал голоса людей и решил спуститься сюда, — пояснил он. — Чтоб узнать, что тут творится.

— Господи, Максим, как я рада тебя видеть живым, — сказала Елена Степановна.

Магамединов обнял ее за плечи и прошептал, стараясь не разрыдаться на глазах у всех:

— Поверь мне, я тоже рад нашей встрече.

Николаев с топором в руке вышел из палаты, в которой казнили «Гаденьша». Он быстрым шагом пошел по коридору, и за ним двинулся весь его немногочисленный отряд.

— Если их нельзя убивать, то, что мы будем делать? — спросил Лебедь.

— Не переживай, я что-нибудь придумаю, — ответил ему Павел Петрович.

А сам внезапно задумался, куда он всех ведет и на что надеется. Люди доверились ему, а он затеял какую-то глупую игру, выиграть в которой шансов у него было один на миллион. Он только теперь понял, что плохо все продумал, практически не рассчитал ни одного возможного варианта и рванул в бой раньше времени.

Неожиданно из вестибюля навстречу отряду Николаева вышли три рассказчика: Федор Иванович, Анна и Валентина Петровна.

— Скажи мне, несчастный, неужели ты, в самом деле, думаешь уничтожить всех нас, используя силу этой группки людей? — поинтересовался Федор Иванович.

— И вас, я вижу, не так уж много, — заметил Николаев.

— Не совсем так, — произнес старик, и из вестибюля вышли невольные слушатели рассказчиков: Пузырь, Василий, Сарнацкая, Вика, Василиса, Чеславовна, Ира, Света и Степановна — все они встали за спинами своих учителей, скрестив руки на груди и широко расставив ноги.

Николаев повернулся к своему отряду.

— Отступаем назад, господа, — крикнул он.

— Это же глупо, — прошептал Лебедь на ухо Николаеву.

— Я сказал: отступаем! — рявкнул Павел Петрович.

Весь отряд Николаева стал послушно отступать. Федор Иванович со своей компанией двинулся в сторону отступающего отряда.

— Может, прекратим этот цирк? — предложил старик. — Нам достаточно минуты, чтобы уничтожить вас всех.

— Нам тоже хватит ровно одной минуты, — ответил Николаев. — И я не советую прибегать к вашим способностям, потому что это будет сигналом верной смерти. Вашей смерти.

Федор Иванович огляделся вокруг, а затем взглянул на Николаева. Тот со своим отрядом продолжал отступление. Он прошел мимо дверей палаты номер один, затем мимо дверей палат номер два, три и четыре и остановился возле дверей процедурного кабинета.

Открылись двери одиннадцатой палаты, и в коридор за спины Анны, Валентины Петровны и Федора Ивановича вышли Андрей, Александр Евгеньевич и Олег Олегович — невольные слушатели рассказчика, которого отряд Николаева казнил на их глазах.

— Что-то ты мутишь воду, — заметил старик. — Я уже начинаю злиться на самого себя, что позволяю тебе говорить.

— Так убей меня, чего стоишь? — крикнул Николаев. — Ваша беда в излишней самоуверенности. Один из вас за это уже поплатился.

— Хорошо, — сказала Анна, — выкладывай свой козырь.

— Я могу убить вас всех разом, — заявил Павел Петрович. — В течение одной минуты. Вы верите в это или нет?

— Сказать можно, что угодно, — ответила на это Анна.

Николаев кивнул.

— Хорошо. Я так понимаю, что вы все исключаете такую возможность. Что ж, давайте поспорим, что я убью вас всех силой своей мысли.

Рассказчики переглянулись и прыснули со смеху. Ученики, стоящие за их спинами, тоже засмеялись.

— Николаев, вы что, сдурели? — прошептал Лебедь. — Это и есть ваш план?

Павел Петрович нажал на ручку двери процедурного кабинета и подумал: «Вот и все, я сам себе подписываю смертный приговор».

— Я один бросаю вам всем вызов, — сказал он и вошел в процедурный кабинет, встал посередине его и заговорил так, чтоб его было слышно всем. — Я уверен в том, что смогу убить вас силой мысли быстрее, чем это сделаете вы.

Федор Иванович и Анна осторожно заглянули в кабинет, пытаясь понять, в чем же подвох, и несмело вошли в него. За ними через проем дверей еле протиснулась Валентина Петровна.

— Он блефует, — сказала она. — И скорее всего, зачем-то тянет время.

— Хватит нам морочить голову! — строгим голосом сказала Анна.

На пороге кабинета появились Андрей, Александр Евгеньевич и Олег Олегович. За их плечами показались головы учеников Федора Ивановича, Анны и Валентины Петровны.

— Давайте-давайте, заходите все неверующие, — пригласил их Николаев. — Представление дважды повторять не буду.

Приглашенные не заставили себя долго ждать и вошли в кабинет.

— Согласитесь, любопытство — это такая заразная штука! — произнес Николаев и закрыл двери. — Вы все здесь столпились и смотрите на меня. Вам всем до одного интересно, что же будет дальше.

— Кончайте его, — приказал Федор Иванович. — Мне не нравится то, что он нас всех как маленьких, заманил в одно небольшое помещение.

Николаич, Игоревич и Жабраков вновь собрались на кухне за столом. В этот раз они наполнили кружки свежесваренным кофе. Жабраков треснул ладонью по затылку Игоревича.

— Давай чайку попьем! Присоединяйся к нам! — вспомнил он его слова. — Ишь, какой ты добрый!

Игоревич виновато улыбнулся.

— А я... А что я? Я добросовестно проводил рекламу чая, чтоб он никаких подозрений не вызывал. Даже лишнюю кружку выпил.

— Я... я... головка от ...я, — искренне возмущился Жабраков. — А я вижу взгляд Ивана Сергеевича, такой тяжелый, мрачный. Он смотрит на меня нехорошо, и мне становится все хуже и хуже... Ну все, думаю, писец! Приплыли!

За входными дверями раздались голоса людей, и прогремел голос Максима Викторовича:

— Не переживайте, я обо всем договорюсь.

Дверь распахнулась, и на кухню вошли Магамединов, Круглова и Оля. За ними остановилась большая толпа людей, которые о чем-то оживленно разговаривали и пытались через плечи и головы впереди стоящих заглянуть внутрь помещения.

Максим Викторович сделал несколько шагов вперед.

— Николаич, привет! — крикнул он.

Начальник мастерской вскочил со стула, схватил со стола пустую кружку и замахнулся ею на Магамединова.

— Пошел вон отсюда, говнюк! — заорал он. — Я тебе в прошлый раз хотел голову открутить. Да не успел.

— Ты чего это, Николаич? — растерялся Магамединов.

Николаич грозно махнул кружкой перед его носом.

— Он еще спрашивает, подлец! — возмущался начальник мастерской. — Говорит мне: Николаич, дай хлеба, и как-то озабоченно смотрит по сторонам. Я только отвернулся, чтоб отрезать ему кусочек, а он уже на стул запрыгнул. Я поворачиваюсь, а эта скотина поливает в кастрюлю с борщом. Затем застегивает ширинку и говорит: ладно, Николаич, хлеба не надо, я, в принципе, не голодный. Ну, вы представляете, какое чмо...

Магамединов смущенно улыбнулся и виновато посмотрел по сторонам. Круглова с удивлением на лице уставилась на него.

— Я, наверное, много чего интересного пропустила. Да, Максим?

— Да... Да это... Николаич, тебе померещилось, наверное, — промямлил Магамединов.

— Конечно... Мне ж всегда все мерещится. Я кастрюльку отставил, если хочешь, давай разогрею.

— Нет, не надо! Спасибо!

— Да ладно, с кем не бывает, — встряла в бурный разговор Круглова. — Поругался, Николаич, и хватит. Люди голодные, как черти... Давай для них что-нибудь придумаем...

За ее спиной неожиданно для всех собравшихся раздался голос Варвары Семеновны:

— Хватит тут ему хозяйничать, пускай выметывается отсюда к чертовой матери. Я сама есть приготовлю...

Николаич застыл на месте с открытым ртом, пустая кружка выскользнула из его рук, упала и раскололась на несколько частей.

— Как тебе не стыдно?! — зажужжала поседевшая женщина. — Я пропала, а ты даже не волнуешься. Я проторчала столько много времени в гниющей подземной камере — мог бы хоть поискать меня что ли... Сидишь тут и чай распиваешь!

Николаев встал у окна, которое снаружи было покрыто ледяной пленкой, мерцающей неприятным ярко-синим светом.

— Не спешите меня убивать. Моя гибель вам не даст никаких преимуществ. Я уже поставил вам мат в три хода. И погубили вас, друзья мои, две вещи: элементарная самоуверенность и нежелание считаться с обыкновенными правилами техники безопасности.

Федор Иванович взглянул на Анну, та улыбнулась ему и покрутила пальцем у виска. Сей жест означал, что их клиент с перепугу начал бредить.

Мудрая Валентина Петровна сразу же стала смотреть по сторонам. Кушетка, рабочий стол, шкаф с медикаментами, мусорное ведро, наполненное какой-то бумагой и ватой. Ничего подозрительного она не увидела.

— Знаете, мы ведь тоже этим постоянно грешим, — продолжил раскрывать свою мысль Николаев, — милиционеры не всегда надевают тяжелые бронежилеты, надеясь, что перестрелки не будет. Токари не надевают очки, а химики — противогазы. Ай, ничего не случится, уверен каждый из них. Сто раз ничего ни случилось, и в этот раз не случится.

— Все, мне надоело смотреть на твойдохлый номер, — заорал Федор Иванович.

Павел Петрович быстро поднял руки кверху.

— Секундочку! Я тоже умею, как и вы, — выкрикнул он и хлопнул в ладоши. — Хоп!!! Мои хорошие!

Ничего не произошло. Все замерли в замешательстве. На серьезных лицах трех рассказчиков стали медленно появляться улыбки. А на лице Николаева — отчаяние и страх.

— Бобров, врубай музон! — заорал он, что есть мочи. — Ты, что совсем оглох?!!

За стеной раздался голос Боброва.

— Никак нет, Павел Петрович! Желаю удачного прослушивания.

Тишину кабинета резко разорвала оглушительная музыка. Со свистом открылась дверца шкафчика для медикаментов, и все рассказчики успели увидеть в нем огромный динамик, из которого ревела какая-то рок-группа.

— На ваши чувствительные ушки я бы посоветовал надевать что-то посерьезней, — пояснил своим врагам Николаев.

Рассказчики и их ученики, а также ученики «Гаденыша» мгновенно схватились за уши. При таком уровне шума эти твари уже ничего не могли изменить. Они согнулись пополам и завизжали, как свиньи на бойне.

Оглушенный таким ужасным ревом, Николаев поднял кушетку и заметил под ней еще целую кучу вопящих динамиков. Он схватился за уши и закричал вместе с рассказчиками. Ему показалось, что с каждой секундой рев становится все громче и громче.

Рассказчики и их ученики попадали на пол и затряслись в конвульсиях. Впервые в их жизни «правило первого колебания» сработало против них. Невероятных масштабов энергия, выработанная для резкого реагирования на угрозу, оказалась закрытой естественной защитой от шума в той части мозга, что ее выработала, и нанесла непоправимый урон всему, что находилось внутри черепной коробки. Федор Иванович, Анна и Валентина Петровна стали такими, какими они были на самом деле. Из их носов и ртов потекла желтая пена...

Николаев развел руками перед их наполненными безграничной болью глазами.

— Рок-группа «Рамштайн». Последний концерт, — объяснил он. — Еще та сила мысли...

«Ледяная пленка», покрывшая практически все восьмиэтажное здание больницы, задрожала. По ней покатились струйками талая вода. Лед стал лопаться и разлетаться на мелкие осколки...

В коридоре урологического отделения стоял и чего-то ждал отряд Николаева. Все бойцы этого отряда молча смотрели на дверь процедурного кабинета. Она открылась, и к ним наконец-то вышел Павел Петрович.

— Ну, вот и все: они замолчали, — сообщил он.

ЭПИЛОГ

А на одиннадцатом подземном этаже, в большом зале с розовым светом, открыл глаза и уставился в потолок Сергей. В кресле все еще сидел худющий до жути мертвый инопланетянин.

— А в этом теле мне намного удобней, — сказал Сергей голосом Чёмчи. — Хе — хе, Чёмча!

Сергей поднялся на ноги и стал руками ощупывать свое тело. Он внимательно посмотрел по сторонам и добавил к сказанному:

— Только в этом теле я смогу выжить на этой планете. И, я так понимаю, пришло время открывать скрытые этажи.

Больше книг на сайте - Knigoed.net